

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

8
ТОМ

3
НОМЕР

2010

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958

**До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного
университета**

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель:

Южный федеральный университет

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Мамедов О.Ю., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,

Вольчик В.В. (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор,

Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор,

Овчинников В.Н., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор.

Редакционный совет:

Овчинников В.Н. (председатель редакционного совета), Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Белокрылова О.С., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,

Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор,

Белоусов В.М., доктор экономических наук, профессор,

Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор,

Бортник Е.М., кандидат экономических наук, профессор,

Германова О.Е., доктор экономических наук, профессор,

Кетова Н.П., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Кольвах О.И., доктор экономических наук, профессор,

Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор,

Мамедов О.Ю., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Наймушин В.Г., доктор экономических наук, профессор,

Солдатов И.Ю., доктор экономических наук, профессор,

Чернышев М.А., доктор экономических наук, профессор,

Юрков А.М., кандидат экономических наук, профессор.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105.
тел.: (863) 2653-158, 2648-466
факс: 2645-255, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
тел.: (863) 240 96-27
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

«СЛОВО РЕДАКТОРА»

Мамедов О.Ю. Коррупция, коммерциализация и бюрократизм в американских университетах.	5
--	---

«СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»

Кирдина С.Г., Рубинштейн А.Я., Толмачева И.В. Некоторые количественные оценки институциональных изменений: опыт исследования российского законодательства.	8
Малкина М.Ю. Институциональный феномен государственных корпораций в российской экономике.	23
Наймушин В.Г. Развитие науки — ключевой фактор перехода к инновационной экономике.	32
Архипов А.В. Качество российских дорог как отражение эффективности бюрократии.	36

«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Осипян А.Л. Коррупция в послевузовском образовании.	48
Латова Н.В., Латов Ю.В. Методология институционального анализа социального неравенства в доступе к андрагогическому образованию.	64
Леонтьева Э.О. Дар или коррупция? Исследование, почему трудно быть благодарным человеком в российском вузе.	82
Римский В.Л. Способствует ли система высшего образования распространению коррупции в России?	91
Галицкий Е.Б., Левин М.И. Белое и черное: сколько стоит быть студентом?	103
Грошев И.Л., Грошева И.А. Ключевые факторы коррупции в российской системе образования.	113
Миляева Л.Г., Борисова О.В. Параллельный рынок услуг высшего профессионального образования (торговля контрольными заданиями)	122

«ВОЗРОЖДАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ»

Давыденко В.А., Ромашкин Г.С. Факторная структура параметров личностного и институционального доверия в современной России (опыт эмпирического анализа)	134
---	-----

«ОТКРЫТАЯ АУДИТОРИЯ»

Нуреев Р.М. Старая и новая экономическая компаративистика. Предмет и метод компаративистики.	143
--	-----

«NOTA BENE»

Мамедов О.Ю. Огосударствление здравоохранения смертельно опасно?	155
--	-----

«ОН ТАКОЙ ОДИН»

Мэйстринг Дж. Об экономистах, и не только.	157
--	-----

 Федеральная служба
 по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
СВИДЕТЕЛЬСТВО
 О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-34982 от 16 января 2009 г.

Название TERRA ECONOMICUS («ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ»)

Адрес редакции 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М.Горького, д. 88, к. 211

Примерная тематика и (или) специализация Научные и учебно-методические публикации по широкому спектру экономических дисциплин; реклама не более 40 %

Форма периодического распространения журнал

Язык(и) русский, английский

Территория распространения Российская Федерация

Учредитель (соучредители) Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42)

Заместитель Руководителя А.А. Романенков

Заместитель начальника Управления разрешительной работы в сфере СМИ А.Л. Колоницкий

007857

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации». Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Журнал «Экономический вестник Ростовского государственного университета» зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС77-13577 от 20 сентября 2002 г.

СМИ перерегистрировано в связи с изменением названия и сменой учредителя 16 января 2009 г.

Заместитель Руководителя А.А. Романенков

Заместитель начальника Управления разрешительной работы в сфере СМИ А.Л. Колоницкий

КОРРУПЦИЯ, КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ И БЮРОКРАТИЗМ В АМЕРИКАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

МАМЕДОВ О.Ю.,

доктор экономических наук,
профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Статья посвящена негативным тенденциям, обнаружившимся в американской системе высшего образования в последний период.

Ключевые слова: высшее образование; американские университеты; коррупция и бюрократизм.

The article is devoted to the negative trends, found in an American higher education in the last period.

Keywords: higher education; American universities; corruption and bureaucracy.

Коды классификатора JEL: I00, I21, D73.

Системность коррупции в российском обществе общепризнанна. При этом в число наиболее коррумпированных сфер обычно включается и сфера отечественной высшей школы. Однако коррупционность вузов фиксируется и за рубежом, хотя здесь, в отличие от нашей грубой повседневности торговли оценками и дипломами, коррупционность приобретает «рыночно-развитую форму».

Американские университеты по многим причинам вызывают зависть у всего образовательного сообщества мира. Но они могут оказаться на грани краха вследствие отказа от тех ценностей и той практики, которые сделали их столь успешным, считает журналист Уошберн¹. Это может произойти в результате усиления скрытных связей между частным сектором и академическим миром, «подрывающем основы общественного доверия, от которого зависят все университеты». Уошберн имеет в виду, прежде всего, подавление научных исследований во имя корпоративных прибылей. Стремление инновационно-ориентированного университета к росту доходов приводит к тому, что партнерские связи между вузами и корпорациями редко генерируют реальный финансовый прирост, оставляя университеты и законодательные органы штатов с профессиональной риторикой относительно создания в отдаленном будущем некой «силиконовой долины» в данном регионе (а с ней — надежду на появление новых рабочих мест). Это усилило критику упадка традиционного гуманитарного образования (то есть упадка классических университетов) в результате чрезмерного роста корпоративных университетов.

За последние несколько десятилетий федеральное правительство и правительства штатов, несмотря на заверения в обратном, постепенно снимают со своих бюджетов многие виды поддержки государственных и частных колледжей и университетов. Это и подталкивает к сворачиванию классического университетского образования, вынуждая вузы обращаться к корпоративным и благотворительным организациям, а также к заключению с промышленностью, чтобы выжить и привлечь студентов и преподавателей. Общая идея — коммерциализация и технократизация содержания и форм высшего образования трансформируются в специфическую форму коррупционности университетов.

Таким образом, вместо того чтобы основное внимание уделить профессиональной подготовке, образованию, науке и исследованиям, американские колледжи и университеты были вынуждены производить образовательные услуги как рыночный товар — на сумму покупки потенциальным потребителем — родители учащихся, сами студенты, выпускники, благотворители и корпорации. Вузы гуманитарной направленности в настоящее время вынуждены скорее стать предпринимателями, чем педагогами, и отыскивать способы получения прибыли непосредственно от своих интеллектуальных и технических акций.

Дж. Уошберн показывает, как американские ведущие университеты превращаются в источник доходов для кампусов и корпоративных покровителей. Способность вузов производить фундаментальные знания была скомпрометирована требованиями конкурентоспособности и коммерческой тайны, а также стремлением к получению прибыли, которые характеризуют исследования в частном секторе, а не традиционные академические исследования. Понятно, что последние являются менее

¹См.: Washburn, Jennifer. University, Inc.: The Corporate Corruption of Higher Education [000 «Университет»: корпоративная коррупция высшего образования]. Publisher: Basic Books, 2006. S. 352.

прибыльными, чем патентоспособные исследования. Более того, принятие корпоративных денег обычно не служит общественному благу, поскольку в такой ситуации университет должен служить соответствующей корпорации.

Исторически классические университеты всегда придавали большое значение академической свободе. Теперь же, когда доминирует жажда денег, научно-исследовательские университеты все более уподобляются корпорациям, вкладывающим собственный капитал в предприятия с целью получения прибыли от своих исследований. Все это способствует стиранию границ между бизнесом и академической независимостью.

В инновационных университетах в настоящее время возникло реальное противоречие между преподаванием и научными исследованиями — на преподавание устойчиво выделяется меньше ресурсов, чем на исследования. Существуют и гораздо более жесткие конфликты интересов: например, некоторые преподаватели имеют свое собственное дело на стороне и обеспечивают внедрение результатов научных исследований в деятельность «своих» коммерческих предприятий.

В другом исследовании на аналогичную тему² отмечается, что крупнейшие университеты аналогичны некоммерческим учреждениям, которым поручены важнейшие государственные обязанности и которые также в настоящее время подвергаются угрозе со стороны коммерческих стимулов. Все более заманчивые для университетов финансовые вознаграждения ставят под угрозу их образовательные и научные стандарты. Последствия получения университетами прибыли от лицензирования запатентованных ими открытий выливаются в конфликты интересов между преподавателями и учеными.

Особого внимания заслуживает исследование Шейла Убоя и Гэри Роейдс, которые предупреждают о все более размывающейся границе между высшим образованием, государством и мировой торговлей³. Корпоративное спонсорство ведет к тому, что вузы погружаются в мир чистой коммерции. И надо решать — использовать ли университетам эти новые возможности для выживания. Системное развитие «академического капитализма» вынуждает к критическому пересмотру миссии высших учебных заведений.

До чего же похожи бюрократически-коррупционные схемы во всех корпорациях, включая вузовские! В одном из американских интернет-источников рассказывается о том, что в некоем американском университете была сделана перекраска стен и коридоров и что это обошлось недорого, так как удалось избежать внутриуниверситетских процедур — материалы и маляры были наняты напрямую, а не проходили через обычные слои бюрократии университета, что привело бы к удвоению затрат; в другой раз удалось получить вдвое больше стеллажей, выйдя на поставщика офисного оборудования, а не ограничившись заказом через обычные каналы университета⁴. Как отмечает источник, в большинстве колледжей и университетов США хорошо известно, что поставки, услуги, ремонт и строительство капитальных объектов обычно стоят учреждениям гораздо дороже, чем следовало бы. Во многих случаях это объясняется внутривузовскими бюрократическими препонами, мешающими в поисках лучших цен и покрывающими инфляционные расходы подрядчиков, которые рассматривают университетский бюджет как бездонный кошелек; наконец, речь идет об элементарной некомпетентности должностных лиц университета, которые несут ответственность за осуществление финансового надзора. Но в некоторых случаях — проблема в прямой коррумпированности чиновников, которые получают «подарки» или взятки за развитие университетского бизнеса в определенном направлении.

Компании, которые работают по программам обучения за рубежом, часто предоставляют ряд преимуществ в кампусе для должностных лиц, которые решают, какие программы будут приоритетными (к таким преимуществам относятся свободные поездки за границу, бонусы за подписание студентов — то, что некоторые называли бы «откатами», а также те сделки, которые идут в пользу отдельных компаний по сравнению с другими, повышая стоимость обучения за рубежом)⁵.

В этой же статье отмечается, что многие из форм коррупции, приводящие к увеличению для студентов расходов, скорее всего, не являются незаконными, и даже тогда, когда они являются незаконными, практически невозможно осуществить в таких случаях успешное судебное преследование (о чем свидетельствуют редкие подобного рода попытки прокуроров). И далее с сожалением констатируется, что американская судебная система предоставляет многие виды защиты обвиняемым в коррупции должностным лицам университетов.

² Bok, Derek. Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education [Университеты в рыночном пространстве: коммерциализация высшего образования]. Publisher: Princeton University Press, 2004. S. 254.

³ Slaughter, Sheila, Rhoades, Gary. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education [Академический капитализм и новая экономика: рынок, государство и высшее образование]. Publisher: The Johns Hopkins University Press, 2009. S. 384.

⁴ Further Thoughts on Bureaucracy, Waste, Corruption, Autonomy & Governance [Дальнейшие размышления о бюрократии, коррупции, автономии и управлении] // <http://www.math.washington.edu/~koblitz/vn8.html>.

⁵ Например, во многих городах программы обучения за рубежом находятся в ведении нескольких компаний, которые предлагают колледжам щедрые льготы, чтобы зарегистрировать студентов бесплатно и тем субсидировать поездки за границу должностных лиц (см.: According to the Chronicle of Higher Education [По данным «Хроники высшего образования»] // New York Times. 13 August 2007).

Последний скандал с коррупцией, который доминировал в новостях о высшем образовании в США, произошел в известном Технологическом институте Стивенса (*Stevens Institute of Technology*), когда прокурор штата Нью-Джерси подал в суд на институт и его президента, *Harold J. Raveché*⁶.

Таким образом, имитация управленческих структур американского высшего образования и создание руководящих органов по образцу американских вузов — не всегда лучшая стратегия, как показывает отмеченная история с коррупцией в одном из лучших технических университетов Америки, если университеты хотят быть свободными от финансовых преступлений. Все это подтверждает удивительные выводы А.Осипяна, полученные им в результате специального исследования: «Коррупция в сфере высшего образования имеет глубокие корни в организационной структуре каждого высшего учебного заведения. Коррупция имеет давнюю историю и очевидные традиции. Коррупция в сфере высшего образования является органической частью общей коррупции, обладая своей культурой, традициями, функциями и механизмами»⁷. В другом исследовании автор отмечает: «Высшее образование в США может быть охарактеризовано как сложное многообразие форм организации, управления, финансирования и собственности. Высшие учебные заведения служат промышленности. В этом смысле колледжи не менее связаны, чем крупные предприятия исследовательских университетов. Финансовые потоки в отрасли высшего образования, в том числе образовательные кредиты и государственные субсидии, имеют значительные параметры. Как и в любой другой отрасли, высокая организационная сложность, неясная природа конечного продукта, а также значительные финансовые потоки могут служить в качестве необходимой основы для коррупции»⁸.

Когда американские администраторы и представители Всемирного банка говорят о вузовской «автономии», они имеют в виду, что решения относительно распределения ресурсов и другие вопросы принимаются правлением самого вуза, а не внешними органами (в виде министерства). Однако такая «автономия» вовсе не означает, что вуз приобретает право на безответственное управление⁹.

Российские вузы постепенно все-таки переходят к «болонской системе». Однако коррупция, коммерциализация и бюрократизация высшего образования, которые становятся ведущими тенденциями в системе национального образования во многих странах, способны подорвать социальный смысл этого перехода. Это значит, что «болонизация» должна включать и механизмы противодействия неэффективным технологиям функционирования высшей школы.

⁶ В 16 гражданских исках против *Raveché* и администрации Технологического института Стивенса им инкриминировались финансовые махинации, чрезмерное расходование на пожертвования из прибыли и неправильное обращение с инвестициями, неспособность правильно вести учет и отчетность, чрезмерные компенсации президенту института (так, зарплата *Raveché* и его бонусы возросли с \$ 362 458 в 1999 году до \$ 1 089 780 в 2008 году; кроме того, *Raveché*, который был президентом школы с 1988 года, получил около 1,8 млн долл. США в виде займов по ценам, ниже рыночных, при этом около половины кредитов — \$ 928 319 — были прощены ему трудовым договором 2007 г., то есть в объеме, выходящем за рамки полномочий Института Стивенса). В 2007 г. заработная плата *Raveché* и его бонус составили \$ 770 645 (для сравнения: зарплата и премия президента Массачусетского технологического института составила \$ 635 294, причем операционные расходы этого института в 2007 году составили около \$ 2,3 млрд, в то время как расходы Института Стивенса — всего лишь \$ 158 млн). Трехлетние расследования финансовой деятельности университета показали, что, начиная с 1999 года, годовые финансовые отчеты для общественности и попечителей искажали размеры активов университета, хотя внешние аудиторы регулярно предупреждали администрацию института о недостатках в области управления и финансовой политики. «Грант Торнтон», аудитор института с 2005 г. по настоящее время, также неоднократно находил недостатки в системе внутреннего контроля и практике управления финансами. В 2008 г. Институт Стивенса выплатил \$ 750 000 в качестве штрафов и неуплаченных налогов с дочерних компаний. Совет института держали в неведении относительно ключевой финансовой информации, в том числе о пожертвованиях, отчетах аудиторов и информации, связанной с годовыми доходами (зарплатой и бонусами) Президента *Raveché*. В исках утверждалось, что администрация Института Стивенса нарушает фидуциарную ответственность Института по небрежности внутреннего контроля, что *Raveché* и администрация потратили больше утвержденных ставок расходов используемых пожертвований и завещанного имущества, чтобы оплатить текущие расходы, вторгнувшись в ограничения активов, обеспеченных пожертвованиями, а также чрезмерно используя кредитные линии. Некоторые расходы и заимствования выходили за рамки полномочий, делегированных *Raveché* и администрации. Между тем, по закону штата, Институт Стивенса должен был обеспечить расходы и инвестиции в активы своих вкладов, не нарушая ограничения доноров, а также обеспечить «разумные» расходы, который сохраняют стоимость вкладов для будущих получателей // см. подр.: Attorney General Sues Stevens Institute of Technology [Генеральный прокурор подал иск против Технологического института Стивенса] // <http://www.nj.gov/oag/newsreleases09/pr20090917a.html>).

⁷ См.: *Osipian, Ararat*. Corruption as a legacy of the medieval university: Financial affairs [Коррупция как наследие средневекового университета: финансовые дела]. 2004 // <http://mpr.ub.uni-muenchen.de/8472/>.

⁸ *Osipian, Ararat*. Investigating Corruption in American Higher Education: The Methodology [Исследование коррупции в американском высшем образовании: методология]. The FedUni Journal of Higher Education, Vol. IV, No. 2, pp. 49–81, May 2009; см. также: *Osipian, Ararat*. Dissertations for Sale: Corruption in Russia's Doctoral Education [Диссертации на продажу: коррупция в образовании (докторантура в России)] // <http://www.aeaweb.org/aea/conference/program/retrieve.php?pdfid=88>.

⁹ Например, в декабре 2009 года Университет Техаса (UT) в Остине (государственный, но автономный) сообщил, что Мак Браун, главный тренер футбольной команды университета, получит 70-процентное повышение оклада, в результате чего его годовой доход с 3 млн долл. США возрастет до 5 млн долл. США; эта зарплата (более чем в 10 раз выше, чем у Барака Обамы) должна была сделать тренера самым высокооплачиваемым государственным служащим в мире; и это происходило в то время, когда академические программы в том же UT, как и в других американских университетах, сталкивались с резким сокращением финансирования (см.: Further Thoughts on Bureaucracy, Waste, Corruption, Autonomy & Governance), — ай да автономия!

НЕКОТОРЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОЦЕНКИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

КИРДИНА С.Г.,

доктор социологических наук,
заведующая сектором эволюции социально-экономических систем,
Центр эволюционной теории и экономического развития,
Институт экономики РАН,
e-mail: kirdina@inecon.ru;

РУБИНШТЕЙН А.Я.,

доктор философских наук, профессор,
первый заместитель директора по научной работе,
Институт экономики РАН,
г. Москва, Нахимовский проспект, 32;

ТОЛМАЧЕВА И.В.,

Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара,
e-mail: fepira@iet.ru

В статье представлены статистически достоверные количественные данные о динамике законодательной практики современной России, характеризующие вектор институциональных изменений. На основе анализа сформированной авторами базы данных LAWSTREAM.RU, выложенной в открытом доступе по адресу <http://www.inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=160>, получены параметры плотности институциональной среды и динамики модели институциональных изменений в 1994–2009 гг.

Ключевые слова: институциональные изменения; транзакционные издержки; российское законодательство.

The article represents statistically confident quantitative data concerning dynamics of legislative practice in modern Russia, which characterize a vector of institutional change. Relying on results of analysis of LAWSTREAM.RU data base, composed by the authors and available in free access on <http://www.inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=160>, features of institutional environment density and parameters of institutional change model dynamics in 1994–2009 are received.

Keywords: institutional change; transaction costs; Russian legislation.

Коды классификатора JEL: K00, K41, B52.

Получение количественных оценок институциональных изменений является одной из сложных задач. Институциональная и неинституциональная теория чаще оперируют логическими и вербальными моделями и качественными оценками. Что касается количественных оценок, то они зачастую представляют собой обобщенное мнение экспертов. Это справедливо и для российских исследований. Несмотря на ряд работ, в которых осуществлен эмпирический анализ отдельных институтов², общим местом является «недостаточность эмпирической базы институциональных исследований [9, с. 9; 21, с. 69]. Если в целом в экономической науке за последние десятилетия произошел «эмпирический поворот», что выражается в относительном и абсолютном увеличении числа прикладных работ в общем объеме публикаций ведущих экономических журналов [10, с. 10], то в области анализа институциональных изменений, в том числе и в России, эмпирико-статистических исследований пока немного.

С целью восполнения отмеченного пробела авторами была разработана оригинальная база данных федеральных законов LAWSTREAM.RU³. База данных сформирована на основании синтеза информации из двух открытых источников — сайта Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (ФС РФ) и справочной правовой системы «КонсультантПлюс»,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 06-06-80031, и РГНФ, грант № 08-03-00006а

² Весьма полный обзор этих работ представлен в монографии Д.П. Фролова: [21].

³ На первых этапах значительную работу по формированию исходных таблиц 1994–2006 гг. выполнил И.Л. Кирилюк, за что авторы выражают ему свою благодарность.

В базе представлены характеристики федеральных (федеральных конституционных) законов, принятых в России с момента создания современных органов государственной власти — Государственной Думы и Совета Федерации ФС РФ — с 1994 по 2009 г. Работа с базой позволила получить ряд данных о динамике важнейшего сегмента российской институциональной системы на макроуровне и оценить вектор происходящих здесь изменений.

Институциональные изменения и законодательный процесс

Процесс институциональных изменений, следуя Д. Норту, можно понимать как изменение формальных и неформальных правил, норм и принуждений, составляющих институциональную среду общества. Каковы роль и соотношение формальных и неформальных правил в этом процессе? С одной стороны, как отмечает в своей фундаментальной работе Д. Норт, неформальные ограничения являются «продолжением, развитием и конкретизацией формальных правил и хорошо способны к выживанию благодаря тому, что составляют часть привычного поведения людей» [18, с. 108]. При этом «неформальные ограничения меняются иными темпами, нежели формальные правила» [18, с. 113], и конкретизация в них установленных формально правил происходит дольше. Поэтому динамика неформальных ограничений, происходящая в более глубоких социальных слоях, гораздо более инерционна. С другой стороны, неформальные правила повседневной жизни, постепенно меняясь и шлифуясь в ходе постоянных социальных связей, подготавливают почву для последующих формальных изменений. Именно формальные правила призваны, таким образом, закреплять полезные рутины, доказавшие свою целесообразность. Кроме того, формальные правила легализуют необходимые процедуры, требующиеся для обеспечения развития и обновления социальных, экономических и политических отношений, поскольку формируют единую легитимную платформу взаимодействия всех участников.

Если принять во внимание такую диалектику соотношения формальных и неформальных ограничений, то можно согласиться с тем, что изменение формальных правил является «ведущим звеном» институционального развития. В них находит свое выражение наиболее динамичная и отчетливо просматриваемая часть инкрементного [18, с. 115] по своей природе процесса институциональных изменений. В связи с этим представляется вполне оправданным сконцентрироваться на анализе формальных правил при изучении процесса институциональных изменений, в том числе и в современной России.

Основу комплекса формальных правил того или иного общества образует, как известно, национальное законодательство. Это определяет закономерность сделанного в нашем исследовании выбора *законодательного процесса в качестве основного репрезентанта институциональных изменений*⁴. В данном случае авторы следуют общепринятому подходу. Так, например, классификации Мирового банка, разработанная для сопоставления прогресса в области институциональных изменений (в переходных экономиках), также на первое место ставит законодательство и институты в экономической сфере, наряду с приватизацией, состоянием банковского сектора и ролью правительства [14].

Сферой формирования национального законодательства, отражающего процесс институциональных изменений, является деятельность высших органов представительной и исполнительной государственной власти. Именно они обладают правом законодательной инициативы и участвуют в процессе принятия законов.

Процесс динамики институциональной среды в ходе изменения национального законодательства рассматривается в исследовании как момент самоорганизации социально-экономической системы российского общества. Несмотря на очевидно субъективный характер создания формальных правил в ходе законотворческой деятельности социальных акторов⁵, достижение устойчивого консенсуса достигается преимущественно по тем вопросам, которые обеспечивают необходимые условия развития всей общественной системы в меняющихся внешнеэкономических и внешнеполитических условиях.

В отличие от содержательного анализа законотворческой практики, проводимого самими законодательными структурами⁶ или правоведами [1], в данном исследовании речь идет о количественных характеристиках изменения как институциональной среды, так и модели институциональных изменений.

⁴ За пределами анализа в данном случае остается правоприменительная практика, в которой происходит апробирование и «живая жизнь» правовых норм. Этому необходимо посвящать специальные исследования (см., напр.: *Волленко Н.Н., Рожнов А.П.* Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2004; *Рожнов А.П.* Конкретизация правовых норм как содержание юридической практики // *Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 5: Политика. Социология. Право.* Вып. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999; и др.)

⁵ Особенности и эффекты законотворческой деятельности политических субъектов обобщены в известной «теории общественного выбора», принесшей одному из своих создателей Дж. Бьюкенену Нобелевскую премию, и особенно в работах Г. Таллока по «новой политической экономии» [22, с. 204].

⁶ С 2004 г. Совет Федерации Федерального Собрания РФ регулярно публикует «Доклады о состоянии законодательства в Российской Федерации» для мониторинга правового обеспечения внутренней и внешней политики государства. Доклады выкладываются в открытый доступ в Интернете. В этих объемных (более 2 Мб) документах отражаются базовые тенденции развития российского законодательства (www.council.gov.ru/print/lawmaking/report/2006/24/index.html).

Институциональная среда как объект анализа

В научной литературе выделяются два важнейших свойства институциональной среды. Во-первых, отмечается ее *иерархический характер*. Это означает, что институциональная среда, прежде всего ее формальная подсистема, характеризуется иерархической структурой. Так, Д. Норт пишет, что формальные правила «связаны друг с другом иерархическими зависимостями, где изменение каждого уровня иерархии требует больших затрат, чем изменение предыдущего уровня» [18, с. 108].

Иерархический порядок взаимодействия формальных институтов определяется тем, что некоторые из них по своей сути являются более значимыми и крупными, другие представляют собой их составные части, конкретизирующие отдельные стороны явления или процесса, регулируемого формальными правилами более высокого уровня. С этой точки зрения наиболее важными в макроэкономическом и социальном отношении представляются изменения, которые фиксируются на высшем уровне законодательной деятельности.

Иерархия законодательства современной России схематически показана на рисунке 1. Можно видеть, что соподчиненность формальных правил (правовых документов, принимаемых на каждом уровне) соответствует иерархии системы государственной власти в Российской Федерации.

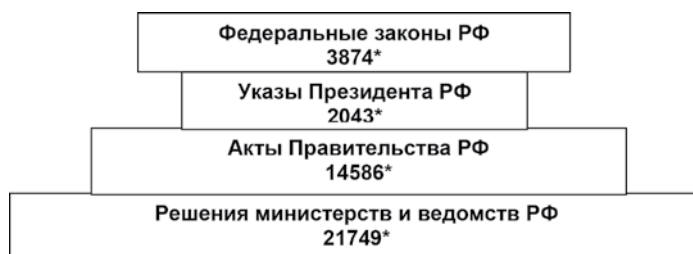

Рис. 1. Иерархия формальных правил (правовых документов) в современной России
* указано количество документов за период 1994–2009 гг.

На «вершине пирамиды» находятся федеральные законы, принимаемые исключительно законодательным (представительным) органом государственной власти РФ (Федеральным Собранием) по предметам ведения РФ и ее субъектов. К ним также относятся законы, принятые непосредственно народом путем всероссийского референдума. Федеральные законы принимаются как в традиционной форме, так и в форме основных принципов регулирования, основ законодательства или кодекса. [23, ст. 738]. Это акты высшей юридической силы.

Историческая практика свидетельствует о том, что в нашем государстве правовые акты высшего уровня нечасто сопровождали принятие важнейших политических и экономических решений. Как в дореволюционную, так и в советскую эпохи количество законов, по сравнению с иными документами, прежде всего, указами, было невелико. Например, в советский период доминировали следующие формы законодательных актов. Во-первых, указы Президиума Верховного Совета, который активно продолжал принимать их вплоть до 1993 года. Во-вторых, важную роль играли постановления, принимаемые КПСС непосредственно или совместно с правительством и/или профсоюзами (Ремингтон, 2004, с. 28). Динамика общего количества принятых в СССР (России) законов представлена в таблице 1.

Можно видеть, как поразительно мало в СССР принималось законов, даже во времена так называемой «оттепели» — в 1960-х годах их количество составляло менее 15 законов ежегодно (для сравнения — в России в 2009 г. было принято 403 закона!).

На следующем уровне иерархии находятся указы Президента Российской Федерации. Они включают решения нормативного и индивидуального характера, принимаемые главой Российского государства в пределах его компетенции по наиболее важным вопросам. При этом указы, восполняющие законодательные пробелы, действуют впредь до принятия соответствующих федеральных законов: предполагается, что принятие Президентом таких указов обязывает его в порядке законодательной инициативы внести в Государственную Думу соответствующий проект закона [23, ст. 717].

По поводу законодательной политики, включающей в себя как принятие законов в парламентах (в России — федеральных законов), так и указов высших органов исполнительной власти (в современной России речь идет об указах президента) в научной литературе выделяются две альтернативные позиции. В них парламентское законотворчество предстает своеобразной противоположностью президентским указам. Одна точка зрения состоит в том, что при прочих равных условиях законодательный путь проведения политических решений может обеспечить большую прозрачность процесса выработки политики, стабильность политических актов, способствует предотвращению частного интереса и злоупотреблений со стороны исполнительной власти. Согласно альтернативной точке зрения законодательные процедуры приводят к более высоким распределительным издержкам при принятии политических решений, чем акты исполнительной власти, так как для сбора большинства голосов должно быть согласовано большее количество интересов [15, с. 28]. По-видимому, именно эти особенности указов определяют возрастание их роли в периоды политической нестабильности.

Таблица 1

Законотворчество российского парламента, 1937–2009

Временной период	Количество принятых законов
Сталинский период: ноябрь 1937 г. — март 1954 г.	120
Постсталинский период: март 1954 г. — июнь 1966 г.	174
Период правления Горбачева, Верховный Совет СССР: июнь 1989 г. — июль 1991 г.	112
Верховный Совет РСФСР: июнь 1990 г. — июль 1993 г.	222
Государственная Дума 1-го созыва: январь 1994 г. — декабрь 1995 г.	464
Государственная Дума 2-го созыва: январь 1996 г. — декабрь 1999 г.	1036
Государственная Дума 3-го созыва: (2 года) январь 2000 г. — июнь 2003 г.	723
июль 2003 г. — декабрь 2003 г.	102
Государственная Дума 4-го созыва: январь 2004 г. — декабрь 2007 г.	1076
Государственная Дума 5-го созыва: январь 2008 г. — декабрь 2009 г.	743

Рассчитано по: Ремингтон, 2004, с. 32 (данные до 2003 г.); справочная правовая система «КонсультантПлюс» // <http://base.consultant.ru> (данные за 2003–2009 гг.)

В постперестроечной истории России такой период сохранялся вплоть до 1997 года — косвенно об этом свидетельствует соотношение принятых в эти годы федеральных законов и указов. Статистика свидетельствует, что порой указов принималось больше, чем законов, и лишь с 1997 г. устойчиво наметилась противоположная тенденция (табл. 2).

Таблица 2

Принятие основных видов правовых документов, 1994–2009

Годы	Федеральные (федеральные конституционные) законы	Указы	Акты	Решения и постановления министерств и ведомств	Всего за год
1994	92	136	678	286	1192
1995	253	152	652	340	1397
1996	191	230	648	388	1457
1997	187	159	730	525	1601
1998	226	150	986	620	1982
1999	271	114	953	783	2121
2000	182	120	947	894	2143
2001	222	95	909	1055	2281
2002	226	83	1137	1153	2599
2003	191	74	1178	1364	2807
2004	226	101	830	1083	2240
2005	236	97	866	1586	2785
2006	295	77	922	2065	3359
2007	341	145	1115	2682	4283
2008	332	173	1072	2430	4007
2009	403	137	963	4495	5998
Итого за период	3874	2043	14586	21749	42252

Следующий уровень иерархии правовых решений составляют акты Правительства Российской Федерации. Они представляют собой решения, принимаемые Правительством в пределах своих конституционных полномочий на основе и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов и нормативных указов Президента РФ. Акты Правительства РФ, имеющие нормативный характер (а также наиболее важные из ненормативных актов), издаются в форме постановлений, акты по оперативным и другим текущим вопросам — в форме распоряжений. Они не должны противоречить законодательным актам, стоящим выше актов Правительства по иерархии системы законодательства: Конституции, федеральным конституционным законам, федеральным законам, указам Президента РФ [23, ст. 017].

Наконец, законодательная институциональная среда формируется также решениями министерств и ведомств. Последние представляют собой правовые акты (приказы, инструкции и др.), принимаемые ими для реализации своих полномочий. Данные документы находятся ниже по уровню иерархии, чем акты правительства, а тем более указы президента и федеральные законы.

По данным таблицы можно видеть, что документы высшей юридической силы — федеральные и федеральные конституционные законы — составляют в среднем 9% от принимаемых в стране правовых актов. Их доля колебалась от 6 до 18% в отдельные годы. Полагаем, что значимость их относительной величины, как и абсолютная многочисленность федеральных законов — в среднем принималось 200–300 законов в год, — позволяет использовать статистику по «вершине законодательного айсберга» для анализа количественных изменений во всей законодательной институциональной среде. Понимание иерархического характера институциональной среды, в которой формальные правила верхнего уровня выступают основаниями для дальнейшей конкретизации отдельных процессов на нижних уровнях, также позволяет использовать динамическую информацию высшего уровня (т.е. федеральных законов) для оценки институциональных изменений в целом.

Другой важной характеристикой институциональной среды (помимо ее иерархического характера), является *плотность*. Показателем плотности, или институциональной насыщенности среды, может служить субъективное ощущение индивидами достаточной степени регулирования отношений в той сфере, где они осуществляют свою деятельность [9, с. 45; 4]. В свою очередь, объективными показателями плотности институциональной среды служат количество необходимых формальных правил — в нашем случае законов, а также их структура. Количество законов косвенно свидетельствует о наличии необходимых процедур, регулирующих взаимодействия субъектов. Структура законов характеризует, в какой мере сферой правового и нормативного регулирования охватываются разнообразные стороны общественной деятельности — экономическая, политическая и т.д.

Применительно к России 1990-х гг. исследователи говорили об «институциональной недостаточности» [20], выражающейся в дефиците необходимых институтов, что провоцировало распространность неформальных правил, выражающих, как правило, локальные интересы. Это связано с тем, что недостаточное развитие формальных (законодательно закрепленных) институтов способствует образованию неформальных норм и правил, которые «заполняют» институциональные пустоты, как правило, отражая интересы групп, имеющих сравнительное силовое преимущество. В подобных условиях регулирующая роль государства характеризуется структурной недостаточностью, ей присуща «институциональная слабость». Это означает, что государство не в состоянии контролировать свою территорию, гарантировать безопасность своим гражданам, поддерживать господство закона, обеспечивать права человека, эффективное управление, экономическое развитие и производство общественных благ.

Недостаточная плотность институциональной среды усиливает неполноту экономических и политических отношений. Каждая сторона, участвующая в своего рода экономическом или политическом контракте, трактует неурегулированные ситуации в своих интересах. Неформальные договоренности, достигнутые в условиях недостаточной доверительности, могут быть нарушены при изменении обстоятельств, меняющих распределение издержек и выгод между партнерами.

В свою очередь, достаточность формальных институтов в институциональной среде общества, ее плотность обеспечивает верховенство права, к основным критериям которого относятся: прозрачность, относительная стабильность, отсутствие обратной силы законов, открытость, ясность и универсальность законодательных правил и процедур, доступность и независимость функционирования судебной системы [6, с. 6]. Сказанное выше означает, что оптимальная плотность институциональной среды создает стабильные и предсказуемые социально-экономические условия деятельности социальных субъектов на всех уровнях общественной организации. Таким образом, плотность и стабильность институциональной среды являются ее взаимосвязанными характеристиками — более плотная среда является более стабильной, и наоборот.

Динамика плотности институциональной среды служит важным индикатором институциональных изменений, поэтому так необходимы ее количественные оценки. Общее количество принимаемых федеральных законов, также как их структура по сферам и направлениям деятельности могут послужить основой для определения вектора институциональной динамики. Получение этих оценок являлось одной из задач исследования.

Модель институциональных изменений как объект анализа

Если показатели динамики институциональной среды рассматриваются в качестве первой группы индикаторов институциональных изменений, то другую группу образуют характеристики модели институциональных изменений. Получение количественных параметров действующей в России модели институциональных изменений также составляло одну из задач работы.

Формируемая федеральными законами институциональная среда образует, как в отношении институтов пишет В.В. Радаев, «не жесткий каркас, а гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия» [13, с. 113]. И хотя целенаправленные изменения формальных институтов как составной части институциональной среды, обычно в какой-то момент начинают сдерживаться вектором развития институциональной среды в целом [5, с. 126–134], не подлежит сомнению тот факт, что изменение плотности институциональной среды является результатом взаимодействия индивидов, объединенных в группы специальных интересов [11]. Группы интересов образуют основу модели институциональных изменений. В свою очередь, именно эффективность модели позволяет трансформировать институциональную среду в необходимом направлении оптимизации ее плотности.

Модель институциональных изменений в самом общем виде описана Д. Нормом. Причиной изменений служит ситуация, когда участникам экономической или политической деятельности (или группам, чьи интересы они выражают), становятся невыгодными условия действующего «социального контракта». Поэтому предпринимаются попытки пересмотреть его условия. «Но поскольку, — пишет Норт, — контракты включены в иерархическую систему правил, пересмотр условий невозможен без изменения иерархически более высокого набора правил (или нарушения некоторых норм поведения). В этом случае та сторона, которая стремится усилить свои переговорные позиции, возможно, захочет затратить ресурсы на изменение правил более высокого уровня» [18, с. 112]. Если им удастся убедить всех остальных участников в изменении «правил более высокого уровня» и найдется компромисс, устраивающий большинство или наиболее влиятельные группы, то правила — в нашем случае федеральные законы как вершина институциональной иерархии — изменяются.

Другими словами, внесение законов, их направленность, сроки рассмотрения и принятия отражают изменение в соотношении сил различных групп участников политического и экономического процессов.

В нашем случае модель институциональных изменений применительно к сфере федерального законодательства представлена, во-первых, ее групповой структурой, и, во-вторых, параметрами транзакционных издержек. Охарактеризуем их подробнее.

Группы субъектов, участвующие в процессе обсуждения и принятия решений по всему диапазону законодательской деятельности, весьма многочисленны. Они включают в себя структуры как вне, так и внутри властных структур. Мы сконцентрировались на изучении субъектов принятия решений, находящихся в самой системе высших органов власти. Они также довольно разнообразны. Только внутри Федерального Собрания они включают фракции, комитеты, рабочие группы и согласительные комиссии. Именно эти институциональные средства Федерального Собрания позволили ему интенсивно взаимодействовать с исполнительной властью при обсуждении законопроектов даже в те годы, когда существовала значительная политическая дистанция между исполнительной и законодательной властью, и еще в большей степени — при В.В. Путине [15, с. 28] и следующем президенте Д.А. Медведеве.

В нашем исследовании групповая структура модели институциональных изменений в сфере федерального законодательства представлена социальными акторами, наделенными правом законодательной инициативы. К таковым относятся президент, правительство, депутаты федерального собрания, региональные и судебные органы государственной власти. Задача состояла в том, чтобы оценить роль каждого из них в формировании изучаемого сегмента институциональной среды, т.е. верховного законодательства, современного российского общества.

Транзакционные издержки в рассматриваемой субъектной модели институциональных изменений понимаются достаточно традиционно. Они представляют собой затраты согласований для принятия того или иного федерального закона — основного продукта деятельности выделенных субъектов в законодательной сфере. Издержки могут быть измерены количеством дней, затраченных для принятия закона.

Итак, цель исследования состояла в получении некоторых количественных параметров институциональных изменений в современной России. Исследования проводились на основе специально созданной базы данных LAWSTREAM.RU в формате Microsoft Access 2003. Для работы с базой использовался программный пакет, совместимый с Access2003. База данных содержит одну таблицу размером 3654 × 11 (3654 — количество включенных в базу законов, принятых за период 1994–2009 гг., без учета строки наименования полей; 11 — количество анализируемых атрибутов законов), а также 38 расчетных таблиц и графиков⁷. Более подробно методика исследования, ее возможности и ограничения изложены в: [8, с. 27–40].

⁷ База данных LAWSTREAM.RU, расчетные таблицы и графики выложены в открытом доступе в Интернете по адресу <http://www.inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=160>,

Динамика институциональной среды: вектор изменений

Для оценки плотности институциональной среды использованы данные о количестве законов, их структуре и сферах регулирования.

Общее количество федеральных законов, принятых за период 1994–2009 гг., составило 3874 (в базу LAWSTREAM.RU включены 3654⁸ из них). Погодовая динамика принятия законов представлена на рисунке 2.

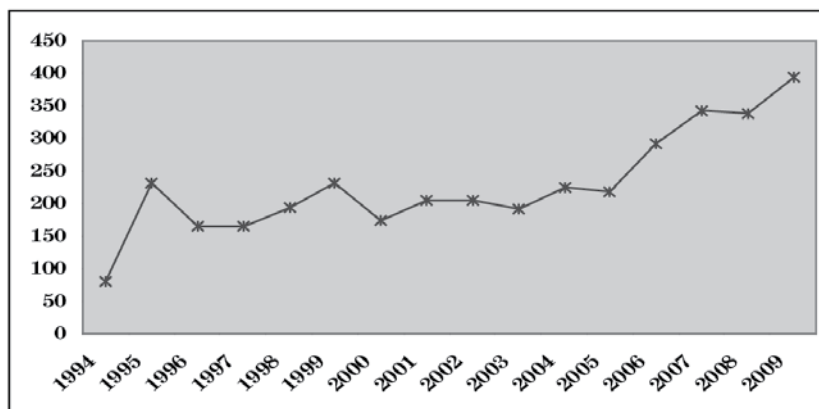

Рис. 2. Общее количество принятых законов по годам, 1994–2009 гг.

Выявленный монотонный рост числа принимаемых законов свидетельствует о продолжении долговременных тенденций *роста плотности* отечественной институциональной среды, в которой законы — высшие юридические установления, играют все более значительную роль. Федеральные законы были классифицированы по следующим сферам регулирования:

- экономика и финансы;
- политика и государственное устройство;
- кодексы общего назначения;
- иные законы для регулирования прочих сфер деятельности⁹.

Количество законов, ежегодно принимаемых по каждой из выделенных сфер, представлено на рисунке 3.

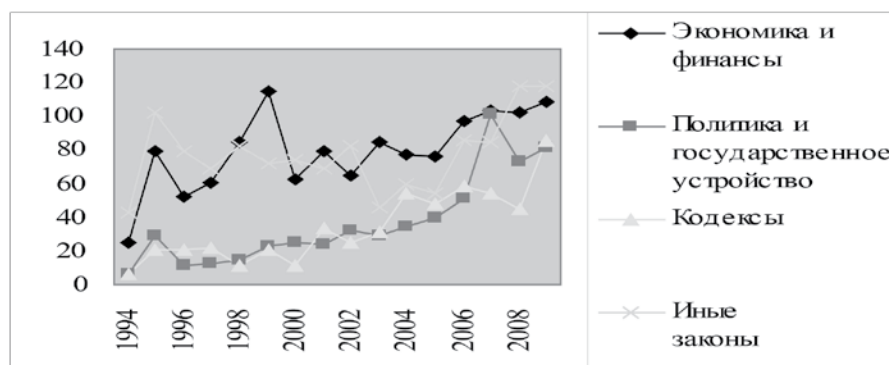

Рис. 3. Количество принятых законов по сферам регулирования, 1994–2009 гг.

⁸ Причины, по которым не удалось представить в созданной базе всю совокупность принятых законов, изложены в: [8, с. 35–39, 43–44], см. также: <http://www.inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=160>.

⁹ Можно видеть, что использованная в исследовании классификация по своей структуре в общих чертах совпадает с классификацией, предложенной экспертами Отдела анализа законодательного процесса Государственной думы ФС РФ (Предварительные итоги выполнения..., 1998), которая выглядит следующим образом: **А** — законодательство по вопросам государственного устройства и политических прав граждан; **Б** — законодательство в экономической сфере; **В** — финансовое, бюджетное, налоговое, банковское и таможенное законодательство; **Г** — законодательство по социальным вопросам; **Д** — законодательство по вопросам обороны и безопасности; **Е** — охранительное, процессуальное и исполнительное законодательство; **Ж** — международные отношения.

Если сравнить начало¹⁰ (1995–1997) и конец (2007–2009) исследуемого периода, то можно заметить, что среднее количество принятых за год законов возросло примерно в 2 раза. Сопоставление количества принятых законов в разрезе отдельных сфер показывает, что тренды законодательной активности по сферам регулирования не полностью совпадают с общей закономерностью их динамики: темпы роста законов в выделенных сферах различались между собой.

Наиболее значительно к концу исследуемого периода возросло принятие законов в сфере политики и государственного устройства — за год их стали принимать почти в 5 раз больше — 85 в среднем за 2007–2009 гг. против 18 в среднем за 1995–1997 гг. (для сравнения — в экономической и финансовой сфере это соотношение составило 105 против 64). Выявленный рост темпа принятия политических законов по сравнению с экономическими к концу периода количественно подтверждает отмеченный специалистами — на качественном уровне — факт запаздывания российских политических реформ по сравнению с экономическими. Так, сравнивая, например, реформы России и Китая, китайские экономисты отмечают отсутствие согласованности экономических и политических преобразований на первых этапах российской реформы и выраженное смещение фокуса деятельности в сторону экономики. В перестроечной России — после демонтажа основных экономических и политических структур — именно экономические реформы выдвигались на первый план, рассматривались как основное средство решения всего комплекса социальных проблем. Анализ законодательства подтверждает это количественными данными — в середине 1990-х гг. на один «политический закон» приходилось почти четыре «экономических». Практика показала, что в условиях недостаточности политической и идеологической поддержки был затруднен ход самой экономической реформы, что углубляло социальную аномию. В связи с этим китайские ученые Ши Цзэшен и Лян Лэй такое важное значение придавали осуществленной Президентом России В.В. Путиным в 2000 г. политике упорядочивания отношений между федеральным и местными органами власти, указывая на эти и последующие политические реформы как на «необходимое условие успешных стратегических преобразований» (цит. по: Салицкий, 2007а). Можно предположить, что именно отмеченная потребность ускоренными темпами проводить реформы в политической сфере нашла свое количественное выражение в ускорении темпов соответствующих законов к концу первого десятилетия XXI века.

Также более высокими темпами, по сравнению со средним уровнем, возрастало принятие (и уточнение) кодексов общего назначения — в 2007–2009 гг. их стали принимать в год почти в четыре раза больше, чем в 1995–1997 гг., то есть примерно по 62 вместо 18. Это тенденция означает рост унификации институциональных правил и переключение законодательной активности на принятие документов долговременного и общего действия. Именно наличие кодексов во всех сферах хозяйственной и социальной жизни (арбитражного, лесного, градостроительного, процессуального и т.д.) обеспечивает необходимую плотность институциональной среды и заполняет накопившиеся лакуны законодательного регулирования.

О векторе институциональных изменений позволяет судить не только динамика плотности институциональной среды, но также соотношение новых законов и законов, вносящих поправки¹¹ в действующие законы. График на рисунке 4 показывает общую тенденцию уменьшения доли новых законов общем числе принимаемых законов. Если в 1994 г. все вносимые законы были новыми, то в 2009 г. доля новых законов среди принятых сократилась до 29%.

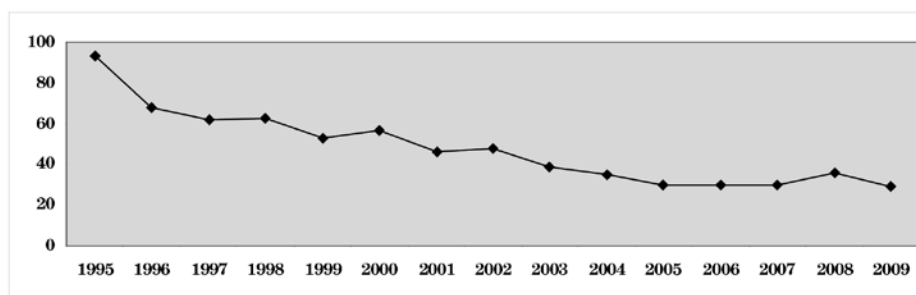

Рис. 4. Динамика доли новых законов в общем числе принятых законов, 1994–2009

Долговременный процесс сокращения доли новых законов в общем числе принятых характерен для всех сфер регулирования. В то же время коррекция законодательства происходит чаще в отношении кодексов — документов более долгого срока действия. Это видно по наименьшей доле новых законов в сфере принятия кодексов (доминируют поправки). Действительно, как правило, доля новых законов в отношении кодексов была стабильно ниже средней по всему законодательству.

¹⁰ Расчет начат с 1995 года, так как 1994 год был неполным.

¹¹ Поправки включают в себя законы со следующими формулировками: «О внесении изменений в федеральный закон...», «О внесении дополнений в статью...» и т.п.

В целом можно сделать вывод о достижении некоторого порогового уровня плотности и стабилизации институциональной среды, поскольку основное внимание чаще направляется на совершенствование законодательства, чем на принятие новых законодательных форм. Видимо, относительно сокращается сфера социальных процессов, требующих первичного внимания законодателя. С другой стороны, высокая доля поправок может характеризовать тот факт, что законы принимаются недостаточно продуманно и приходится их постоянно подправлять¹². Нам неизвестны нормативы, стандарты или зарубежные данные для того, чтобы можно было сделать более аргументированные оценки данного явления. Но цифры тем не менее позволяют зафиксировать определенную «рутинизацию» законодательного процесса.

Итак, получены первые количественные оценки плотности институциональной среды и скорости ее изменения. Являются ли они оптимальными, насколько соответствуют потребностям общества, как соотносятся с принятыми международными стандартами — ответ на эти вопросы требует дальнейших исследований. Авторы полагают, что полученные количественные параметры создают для проведения такого рода работы необходимую эмпирическую основу.

Динамика модели институциональных изменений и транзакционных издержек

В сфере федерального законодательства субъектная модель институциональных изменений представлена, напомним, групповой структурой социальных акторов, наделенных правом законодательной инициативы, и параметрами транзакционных издержек.

Таковыми акторами, как выше отмечалось, являются Президент, Правительство, депутаты Федерального Собрания, региональные и судебные органы государственной власти. Наша задача состояла в том, чтобы оценить роль каждого из них в формировании законодательной институциональной среды путем инициирования соответствующих законов.

Сначала рассмотрим изменение вектора законодательной активности Президента Российской Федерации. Рисунок 5 показывает соотношение принятых законов, внесенных Президентом, и президентских указов.

Рис. 5. Количество принятых законов, внесенных Президентом РФ, и президентских указов

Как показывает график, количество президентских указов с конца 1990-х годов последовательно уменьшалось — их число резко возросло лишь в 2007–2009 гг. В отношении президентских законов тенденция противоположна — их количество год от года не уменьшается, а растет.

Анализ содержания законов и указов показывает основное различие их компетенции. Указы, как правило, касаются реструктуризации стратегических (в том числе силовых) министерств и ведомств, охраны государственных интересов, кадровых решений верхнего уровня власти. Другую группу вопросов образуют историко-патриотические и специальные социальные решения (вроде обеспечения жильем ветеранов, награждений спортсменов и др.). В указах, как правило, не принимались решения по поводу политического и государственного устройства, а также текущей хозяйственной практики. Но, начиная с 2007 г., ситуация изменилась. Поворот тренда числа президентских указов (от уменьшения к росту) отражает не только рост законотворческой активности Президента Д.А. Медведева, но связан с дополнительной направленностью указов на решение конкретных экономических вопросов, вплоть до уровня отдельных предприятий (перечень тем президентских указов в 2007–2008 гг. см. в: [8, Приложение 6]).

Количественные оценки свидетельствуют о том, что Президент не только сам чаще выходит с законодательной инициативой, но и работает в большем контакте с депутатами Федерального Собрания. Если в 1994–1999 гг. лишь три четверти из принятых Государственной Думой законов были подписаны

¹² Так, В.А. Богдановская определяет законодательные поправки как «работу над ошибками», которую депутаты вынуждены делать для улучшения качества уже принятых законов [2, с. 453].

Президентом, то уже с 2000 г., в частности, за годы президентства В.В. Путина, — почти 93%.¹³ Исследователи отмечают также, что в последние годы Президент и Правительство концентрируют свои нормотворческие усилия не столько на принятии указов и постановлений, сколько на разработке и прохождении в парламенте важнейших законопроектов [15, с. 34], что выражается в отмеченном выше постоянном росте общего числа законов, принимаемых депутатами Федерального Собрания РФ.

Сравнительная роль основных инициаторов законодательства представлена на рисунке 6. Здесь отражено количество всех законов, включая изменения и поправки, предложенных инициаторами в течение исследуемого периода.

Можно видеть, что чаще других с инициативой внесения или корректировки федеральных законов выходило Правительство РФ — за эти годы это было 1 256 раз. Почти столько же законов внесли депутаты Федерального Собрания, для которых законотворческая деятельность является одной из основных — они инициировали 1 171 закон. На третьем месте — Президент РФ, внесший в парламент 427 законопроектов, которые были приняты за эти годы. По инициативе региональных законодательных органов было принято 298 законов. Реже всех инициировали принятие федеральных законов суды — всего 48 законов за 15 последних лет.

Анализ динамики показывает, что за время работы Государственной Думы ФС ее депутаты стали наиболее активными в инициировании законов. Если с начала работы Госдумы они по количеству законопроектов заметно уступали Правительству, то, начиная с 2004 г., они вносят больше всех законов, которые затем принимаются. В последние три года также возросла активность региональных субъектов. По сравнению с серединой 1990-х годов этот рост составил почти 5 раз — самые высокие темпы роста по сравнению с другими участниками законодательного процесса.

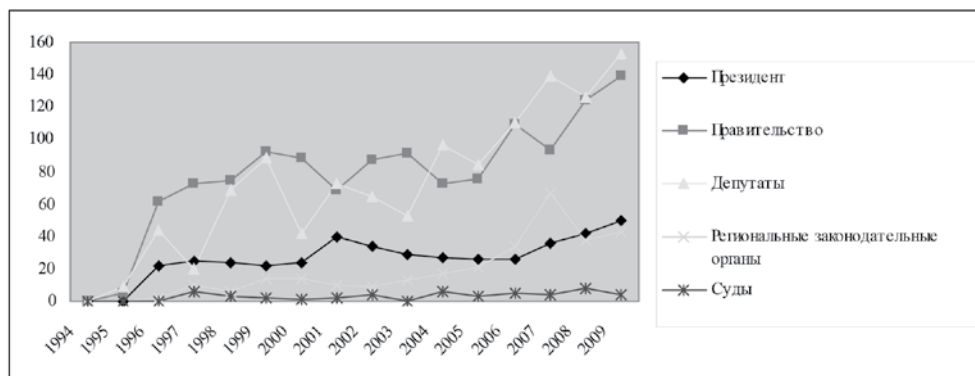

Рис. 6. Распределение принятых федеральных законов по инициаторам внесения, целые числа, 1994–2009, по дате окончательного принятия закона

Отличаются участники и «инновационностью» вносимых законодательных инициатив. Графики на рисунке 7 позволяют косвенно соотнести рутинную и инновационную функции различных субъектов законотворческой деятельности через долю новых законов, инициированных ими. Очевидно, что поправки к законам также носят новаторский характер, изменяя их содержание. В то же время принятие принципиально нового закона в большей мере отражает существенные изменения «правил игры», поскольку в них речь идет о новых явлениях, становящихся объектами законодательного регулирования и формирующих новую будущую рутину.

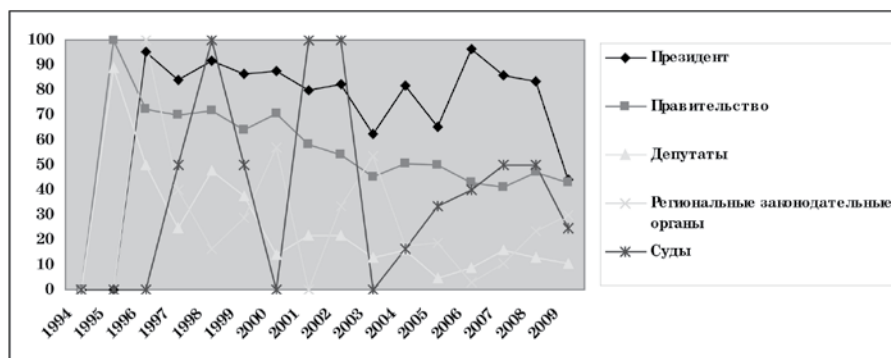

Рис. 7. Доля новых федеральных законов в общем числе принятых законов и поправок, по инициаторам внесения, %, по дате принятия закона

¹³ В отдельные годы, например в 2002 г., число законов, одобренных Советом Федерации, но по которым впоследствии не были преодолены разногласия с Президентом Российской Федерации, было выше и доходило до 13% [1].

На графике наглядно видно, что наиболее часто с инициативой принятия новых законов выступает президент России — среди внесенных им за этот период законопроектов 78% являются принципиально новыми законами. Еще в первых президентских посланиях (2000–2002 гг.) В.В. Путин, как отметили аналитики [16, с. 23], особое внимание обращал на необходимость принятия новых законов в обеспечение фундаментальности идущих экономических и политических реформ. Президент Д.А. Медведев также поддержал эту тенденцию. Законотворческая президентская деятельность отражает следование этому требованию. Также относительно высока доля новых законов среди инициатив правительства и судов — более половины (54,3% в среднем за период 1995–2009 гг.).

Что касается депутатов Государственной Думы, то они в первую очередь заняты своей основной работой по развитию и совершенствованию законодательства — в структуре поданных ими законодательных инициатив большинство касаются уточнения и внесения изменений в уже действующие законы (доля новых законов составляет в среднем за 1995–2009 гг. лишь 19% от всех «депутатских» законов). Для региональных субъектов этот показатель также невысок и находится на уровне 21,5%.

Сформированная база данных LAWSTREAM позволяет также оценить сроки прохождения законов по стадиям законодательного процесса и сопоставить их динамику. Зарубежные исследователи отмечают, что Россия в «посткоммунистической фазе», когда в ней, подобно другим странам, «авторитарный режим был заменен президентализмом и слабой, раздробленной партийной системой», столкнулась с проблемой обеспечения эффективного сотрудничества между президентом и парламентом [24]. Наша база данных дает возможность выявить количественные параметры, характеризующие уровень данного взаимодействия. Он определяется сравнением сроков прохождения через Государственную Думу законов, вносимых различными субъектами законотворческой деятельности. Количество дней, затрачиваемых в процессе принятия закона, характеризует транзакционные издержки в модели институциональных изменений. В нашем случае они представляют собой затраты согласований для принятия того или иного федерального закона — одного из основных продуктов деятельности выделенных субъектов.

В исследовании использованы два метода оценки сроков принятия законов. Во-первых, в зависимости от года внесения закона («длина очереди»), во-вторых, в зависимости от года принятия закона («скорость рассмотрения»).

График на рисунке 8 показывает средний срок прохождения законопроекта в Госдуме — «длину очереди» — по году внесения законов: наглядно видно, сколько дней «в очереди» ждали своего утверждения законопроекты, внесенные в том или ином году. Так, в 1994 г. внесенные (и принятые рано или поздно) законы ждали своего принятия в среднем 661 день, в 1995 — 520 дней и т.д. За период наблюдений «длина очереди» сократилась до 94 дней, т. е. в 7 раз за 15 лет.

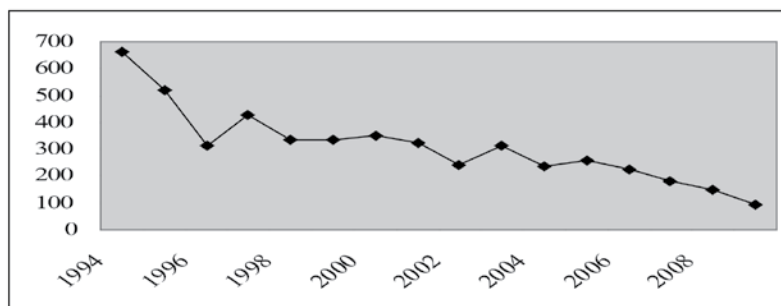

Рис. 8. «Длина очереди» принятия закона в Государственной Думе, дней

Наиболее существенное снижение отмечается в отношении законов, внесенных президентом, — всего 63 дня дожидались утверждения его законопроекты, внесенные в Государственную Думу в 2009 г. (табл. 3). Отметим, что в 1994–1995 гг. законы, внесенные президентом (в то время им был Б.Н. Ельцин), ждали своего утверждения дольше других — они в разы превосходили средние сроки прохождения законов в Государственной Думе.

Законопроекты Правительства и депутатов Федерального Собрания в 2009 г. ждали своего утверждения в среднем 91–106 дней. Однако «длина очереди» для законов, инициированных региональными субъектами, а также судами, продолжает оставаться высокой — 4–5 месяцев, что гораздо выше среднего уровня.

Хотя погодная динамика выявляет общую тенденцию сокращения «длины очереди» для всех законопроектов, независимо от инициатора, темпы ее сокращения различались. Если для президентских законопроектов снижение составило более 10 раз, то для законов региональных субъектов — чуть более 3.

Менее очевидные тенденции наблюдаются в «скорости принятия» законов в Государственной Думе (табл. 4). Таблица рассчитывает средние сроки прохождения закона в Государственной Думе, исходя из года принятия закона. Полученная величина означает, сколько времени уходило

в среднем на рассмотрение законопроектов в Государственной Думе в том или ином году, с момента внесения до принятия в качестве закона после трех чтений. Так, по 1994 г. нет данных, так как ни один из 21 законопроекта, внесенных на рассмотрение в только что образованную Государственную Думу, не был ею в том же году принят. В 1995 г. средний срок прохождения законов (внесенных как в прошлом, так и нынешнем году) составил 257 дней. В 1996 г. средний срок прохождения закона, независимо от времени его внесения, составлял 160 дней, и т.д.

Таблица 3

**Средний срок прохождения закона от внесения в ГД до принятия ГД
(по году внесения в ГД, или «длина очереди»), дней**

Год	В среднем за год	Президент	Правительство	Депутаты	РЗО	Суды
1994	661	1866	601	382	0	0
1995	520	696	487	443	656	754
1996	313	376	221	423	301	381
1997	429	303	461	462	379	433
1998	331	479	291	341	273	229
1999	331	302	301	344	465	473
2000	350	250	218	402	734	517
2001	304	155	251	404	522	310
2002	239	148	205	284	488	1107
2003	300	116	256	368	516	501
2004	220	121	144	220	486	166
2005	248	72	207	278	437	237
2006	206	113	167	231	261	403
2007	151	90	123	162	212	280
2008	87	62	84	84	173	156
2009	94	63	91	106	134	142
В среднем за период	262	203	231	285	365	372

Таблица 4

**Средний срок прохождения закона от внесения в ГД до принятия ГД
(по году принятия, или «скорость принятия» в ГД), дней**

Год	В среднем за год	Президент	Правительство	Депутаты	РЗО	Суды
1994	0	0	0	0	0	0
1995	257	0	227	273	0	0
1996	160	148	159	155	312	0
1997	242	181	205	344	236	389
1998	283	231	249	323	433	189
1999	279	237	220	371	212	323
2000	331	300	312	305	534	473
2001	405	509	344	382	544	362
2002	300	245	214	396	461	792
2003	305	217	284	325	540	0
2004	306	210	295	321	441	249
2005	289	176	372	220	355	646
2006	241	55	186	230	566	321
2007	210	125	172	227	275	195
2008	218	101	154	292	274	388
2009	209	83	191	238	307	236
В среднем за период	262	203	231	286	365	372

Можно видеть, что средние сроки рассмотрения законов то увеличивались, то уменьшались. Наглядно видно, как периодически происходило своеобразное «затоваривание» — и тогда срок рассмотрения законопроектов удлинялся. Такая «аритмия» характеризует период 1995–2002 гг., когда средние сроки менялись от 160 до 405 дней. Но, начиная с 2003 г., сроки прохождения законов стабильно сокращаются, что свидетельствует о росте ритмичности в работе Государственной Думы.

В отношении инициаторов внесения справедливы отмеченные выше закономерности — «скорость принятия» законопроектов президента является самой высокой, и составляла в 2009 г. 83 дня. Для правительственных законов она составила 191 день. Все остальные законы проходили медленнее — 307 дней для законов региональных субъектов, 236–238 дней для законов от судебных органов и думских депутатов, и дольше других рассматривались законы, внесенные региональными законодательными органами, — 307 дней. Это означает, что к 2009 г. их скопилось достаточно много за предыдущие годы: то ли по причинам более низкого уровня готовности, то ли из-за более слабого лоббирования, по сравнению с представленными в столице центральными структурами.

В исследовании также была проведена оценка зависимости сроков согласования законов от сферы, которую они призваны регулировать. Полученные данные свидетельствуют, что различия между сроками принятия законов в зависимости от сферы регулирования отличаются не так значительно, как в зависимости от инициаторов внесения. Наиболее выражена тенденция уменьшения сроков рассмотрения в отношении законов в сфере «Экономика и финансы». Они и принимаются нынче быстрее — в среднем за 68 дней, и динамика сокращения сроков принятия также самая значительная — по сравнению с 1994–1995 гг. она изменилась почти в 8 раз. Для сравнения — по кодексам изменение составило чуть больше 3 раз, по прочим и политическим законам — примерно в 4 раза.

Заключение

В ходе исследования получены следующие количественные параметры изменений в законодательной и институциональной сфере российского общества за период 1994–2009 гг.:

- плотность институциональной среды постоянно увеличивается, поскольку количество принимаемых законов год от года возрастает, тем самым все больше норм и правил становятся формализованными и приобретают легитимный характер;
- существенно возросло принятие кодексов общего назначения (почти в 4 раза в среднегодовом исчислении) по сравнению с другими федеральными законами. Это также свидетельствует об упрочении и уплотнении институциональной среды, поскольку именно кодексы формируют остов институциональной правовой среды и являются долговременными и необходимыми «рамочными» регуляторами социальных взаимоотношений;
- рост плотности институциональной среды происходил неравномерно: в середине 1990-х гг. превалировали законы в экономической сфере, к концу исследуемого периода (2006–2009 гг.) стал возрастать удельный вес законов в политической сфере. В результате среднегодовое число «политических» законов за последние 15 лет возросло в 4 раза, в то время как «экономических» — в полтора раза. Полученные данные количественно подтверждают вывод о запаздывании политического реформирования институциональной среды в постперестроечной России, сформулированный ранее рядом исследователей на качественном уровне;
- основное внимание законодателей в экономической сфере направлено на регулирование деятельности конкретных отраслей — около 70% всех законов в этой сфере; но в начале периода — с середины до конца 1990-х гг. — доминировали законы, направленные на создание новых структур и видов экономических отношений: по количеству они занимали тогда 1–2 место среди всех «экономических» законов;
- в политической сфере основным объектом законодательного регулирования является правоохранительная система — ей посвящено 40% принятых законов в этой сфере. Причем в конце периода здесь принималось в 10 (!) раз законов больше, чем в начале периода. Такая динамика косвенно свидетельствует об отставании реформ правоохранительной системы, что спровоцировало поток принятия «догоняющих» законов в последние 3–4 года;
- вектор институциональных изменений демонстрирует возросшую стабильность в институциональной среде, что выражается в снижении доли новых законов по сравнению с принятием поправок и дополнений в уже действующее законодательство. За 15 лет доля новых законов существенно уменьшилась в несколько раз и составляет в последние годы лишь 29% всех принимаемых законов;
- институциональные изменения в разных сферах иницируются различными субъектами, обладающими правом законодательной инициативы. Имеет место определенное «разделение труда» в этой деятельности. Так, экономические законы иницируются в основном правительством и депутатами Госдумы (на их долю приходится почти 90% соответствующих

законов), а политические законы на три четверти предлагаются депутатами федерального и региональных собраний;

- за 15 лет роль анализируемых субъектов институциональных изменений изменилась: если в середине 1990-х гг. основным инициатором вносимых законопроектов выступало правительство, то с 2004 г. здесь доминируют депутаты, освоившие, наконец, выполнение своей основной рабочей функции. По сравнению с началом периода возросла также роль региональных законодательных органов — инициированное ими в среднем за год число законов увеличилось в 5 раз;
- постоянно возрастают роль и значение Президента как субъекта институциональных изменений в законодательном поле, о чем свидетельствуют три количественно выраженные тенденции. Во-первых, перенесение «центра тяжести» его нормотворческой деятельности с президентских указов на федеральные законы, требующие уже не единоличного решения, но согласования в парламенте. Во-вторых, Президент концентрируется на решениях, требующих первичного внимания законодателя, то есть на новых законах, а не поправках в действующее законодательство. Так, среди внесенных им законопроектов за весь период доля новых законов составила почти 80%, что более чем в два раза выше среднего уровня. В-третьих, законы, вносимые Президентом РФ в Государственную Думу, в настоящее время утверждаются быстрее других — в среднем 63 дня в 2009 г. (для сравнения — в 1994 г. законы, внесенные в Госдуму первым президентом РФ Б.Н. Ельциным, ждали своего утверждения 1866 (!) дней);
- в целом наблюдается положительная динамика институциональных транзакционных издержек в законодательном процессе, выраженная показателем среднего срока прохождения и принятия закона. Если законы, внесенные в 1994 г., находились в «очереди на принятие» в среднем почти 2 года (661 день), то к 2009 г. это ожидание сократилось до 94 дней;
- также с 2003 г. постепенно растет «скорость принятия» законов в высших органах законодательной власти, повышается ритмичность их работы. Эти данные количественно подтверждают гипотезу о том, что достигается консенсус между основными экономическими и политическими игроками и снижаются транзакционные издержки согласования решений на высшем уровне иерархии формальных институтов.

В заключение заметим, что получение новых знаний — это результат не только творческих прозрений, но и монотонной тяжелой работы по аналитическому «вспахиванию» поля фактов. И здесь очень важно использовать числа как «тяжелый подъяремный скот / Потому что все оттенки смысла / Умное число передает» [7]. На наш взгляд, представленные в базе LAWSREAM.RU численные показатели некоторых институциональных изменений в современной России достаточно убедительно передают их смысл и направление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы государственного строительства. Вып. 2 // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2002. № 34 (190).
2. Богдановская В.А. Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной практики в России / Международная научно-практическая конференция. 19–21 января 2009 г. Сборник материалов. Казань: Изд-во НПК «РОСТ», 2009.
3. Бюджетная система Российской Федерации // <http://www.budgetrf.ru/index.htm>
4. Василенко Н.В. Институциональная среда организаций: характеристики и уровни регулирования // Проблемы современной экономики. № 3(27). 2008.
5. Вольчик В.В. Институционализм: вторичность нового мифа? (возможности и пределы институциональной экономики) // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 1.
6. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Политические исследования. 2003. № 4.
7. Гумилев Н. Слово, 1921. Цит. по: Строфы века. Антология русской поэзии / сост. Е. Евтушенко. Минск-Москва: Полифакт, 1995.
8. Кирдина С.Г., Рубинштейн А.Я., Толмачева И.В. База данных LAWSTREAM.RU: количественные оценки институциональных изменений. М.: ИЭ РАН, 2009.
9. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.
10. Либман А.М. Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2007.
11. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.
12. Предварительные итоги выполнения примерной программы законопроектной работы в период осенней сессии 1998 года (по состоянию на 22 декабря 1998 года) // http://www.garant.ru/files/duma_html/analit/1998/os98/00-01.htm.

13. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 3.
14. Развитие российского финансового рынка и новые инструменты привлечения инвестиций / Р. Энгов, А. Радыгин, В. Мау и др. М.: Институт экономики переходного периода, 2007.
15. Ремингтон Т. Демократизация, разделение властей и объем государственных полномочий в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4 (49).
16. Ремингтон Т. Поддержка Президента в российской Государственной Думе // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3 (52).
17. Ремингтон Т. Суверенитет, конституциональная демократия и плюрализм // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63).
18. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
19. Салицкий А. Китайские оценки «перестройки» и постсоветских реформ: справедливые упреки. 04.08.2007 // http://www.kpunews.com/kyiv_article14_69.html.
20. Тамбовцев В.Л. Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики. 1997. № 3.
21. Фролов Д.П. Эволюционная перспектива институциональной экономики России. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008.
22. Худокормов А.Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2009.
23. Энциклопедический словарь «Конституционное право России» // <http://slovari.yandex.ru/dict/constitution/article/art/cons-738.htm>; <http://slovari.yandex.ru/dict/constitution/article/art/cons-717.htm>; <http://slovari.yandex.ru/dict/constitution/article/art/cons-017.htm>.
24. Shugart, M. Presidentialism, Parliamentarism, and the Provision of Collective Goods Less-Developed Countries // Constitutional Political Economy. Vol. 10. 1999. No. 1. P. 53–88.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

МАЛКИНА М.Ю.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории экономики,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: mmuri@yandex.ru

В статье исследуется феномен госкорпораций в контексте усиления идей госкапитализма в современной России, проблем развития общественного сектора экономики и низкой эффективности институтов прямого государственного регулирования.

Ключевые слова: институт; государство; общественный сектор экономики; государственная корпорация; эффективность.

In the article phenomenon of state corporations in context of strengthening of ideas of state capitalism in modern Russia, problems of development of public sector of economy and low effectiveness of institutions of direct government regulation.

Keywords: institution; state; public sector of economy; state corporation; effectiveness.

Коды классификатора JEL: B52, N40, N82.

Появление института госкорпораций в российской экономике обязано высоким конъюнктурным доходам госбюджета от экспорта нефти и газа. Эти доходы, с одной стороны, создали реальную финансовую возможность прорыва в стратегических сферах российской экономики, с другой стороны, таили в себе опасность разбазаривания и присвоения этих доходов представителями власти и аффилированными с ними лицами через создание соответствующего организационного поля. Новый институт вписывался в общую стратегию усиления роли государства в экономике, но в то же время отражал ловушки системы общественных финансов в России.

Заметим, что нечто подобное госкорпорациям существовало еще в период правления Президента РФ Б.Н. Ельцина. В 1993 году его указом были созданы Российская финансовая корпорация (РФК) и Государственная инвестиционная корпорация (Госинкор). Это были государственные предприятия, находившиеся в федеральной собственности, которым было передано в управление государственное имущество. Они замыслились как институты развития и были призваны заниматься привлечением в Россию иностранных инвесторов и предоставлением им государственных гарантий.

Развитие этих структур тогда пошло разными путями. РФК постепенно утратила свои функции института развития, а ее роль агента правительства свелась к активному вложению средств в ГКО. Госинкор начал активно заниматься выводом денег в частные структуры. Частная корпорация «Госинкор-холдинг» к 2003 г. уже объединяла в своей структуре более 100 предприятий разного профиля. На базе имущества Госинкора были созданы Гута-банк и бизнес-группа «Гута». Деятельность корпорации закончилась громким скандалом и уголовными делами в отношении совладельцев группы «Гута». Гута-банк был приобретен Внешторгбанком в 2004 г. за 1 млн руб. и преобразован в банк с доминирующим государственным участием ВТБ-24. Стал Гута-банк жертвой кризиса ликвидности или пал жертвой передела собственности — мнения на этот счет расходятся. Таким образом, в одном случае общественный институт утратил свою роль института развития и превратился в институт решения фискальных проблем правительства, в другом случае он трансформировался в институт частного развития. Все это свидетельствует о неадекватности идеальных государственных институтов развития реальной институциональной среде российской экономики.

Между тем в 2000-х гг., в связи с активизацией российского государства, интерес к госкорпорациям как институтам развития возобновился. В 1999 г. в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» была включена статья 7.1, где определялся правовой статус госкорпорации как некоммерческой организации, «учрежденной Российской Федерацией на основе имущественного вноса

и созданной для осуществления *социальных, управленческих или иных общественно полезных функций*» [27]. В этом же законе определяются правовые основы деятельности госкорпораций:

- ❖ каждая госкорпорация действует на основании собственного закона;
- ❖ имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является собственностью государственной корпорации и не является собственностью государства;
- ❖ государственная корпорация не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам государственной корпорации;
- ❖ их целью не является извлечение прибыли;

а также:

- ❖ на них не распространяются требования о раскрытии информации, как для публичных АО;
- ❖ для них не действует закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»;
- ❖ в отличие от федеральных государственных унитарных предприятий, они не подчиняются большинству государственных органов, в частности Федеральной антимонопольной службе Российской Федерации;
- ❖ на них не распространяются методы финансово-бюджетного контроля и надзора. Они не подпадают под юрисдикцию Счетной палаты и не обязаны проводить внешний аудит;
- ❖ госкорпорации подотчетны лишь Правительству РФ (раз в год оно заслушивает отчеты об их деятельности). Никто, кроме Правительства РФ, не вправе требовать отчета об их деятельности.

К тому же для госкорпораций действуют специальные налоговые и таможенные режимы, в частности, они освобождены от налога на имущество организаций. Таким образом, госкорпорация — это государство в государстве, вторая экономика, находящаяся вне общего правового поля, но черпающая ресурсы из первой (общеправовой) экономики. Однако эта экономика настолько разношерстна, что требует отдельного анализа деятельности каждой госкорпорации.

1. *Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (АСВ) — антикризисный институт банковской системы.* АСВ было первой государственной корпорацией нового типа, появившейся в 2004 году. В настоящее время подобные агентства действуют в 95 странах, многие из них возникли в период банковских кризисов. Изначально АСВ выполняет следующие функции: 1) осуществляет страхование вкладов физических лиц в банках — участниках системы страхования; 2) управляет своим имуществом, в частности, инвестирует средства в гособлигации и корпоративные ценные бумаги небанковского сектора; 3) выступает в качестве корпоративного конкурсного управляющего несостоятельных банков. В период кризиса 2008–2009 гг. корпорации законодательно были присвоены новые функции, связанные с предупреждением банкротства и финансовым оздоровлением банков с привлечением также частных инвесторов.

Масштабы деятельности корпорации расширяются. На конец 2009 г. размер фонда АСВ составлял 92,8 млрд руб., число банков — участников системы страхования вкладов — 931 (исключенных из ССВ — 49, или 5%), количество страховых случаев за весь период существования — 83 (1 — в 2005 г., 9 — в 2006 г., 15 — в 2007 г., 27 — в 2008 г., 31 — в 2009 г.) [1]. В период кризиса в 2008 г. Российская Федерация осуществила дополнительный взнос в фонд в размере 200 млрд руб. на предотвращение банкротства банков, увеличив общий размер вклада в АСВ до 202,8 млрд руб. В ходе кризиса 2008–2009 гг. финансовую помощь из этих средств получили 18 банков с общими активами 530 млрд руб. Заметим, аналогичные функции в период кризиса 1998–1999 гг. выполняло Агентство по реструктуризации кредитных организаций (АРКО), действовавшее в 1999–2004 годах.

При положительной оценке деятельности данной корпорации следует отметить один существенный недостаток самого института страхования вкладов: переложение рисков на третье лицо, как известно, создает проблему субъективной (моральной) угрозы. В условиях, когда по обязательствам банков отвечает государственный орган, некоторые из кредитных организаций, работающие на короткой дистанции, вполне могут допускать избыточные риски и безответственность в распоряжении средствами вкладчиков, что в целом снижает устойчивость банковской системы.

2. *Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» — институт развития & «правительственный центральный банк» & антикризисный институт.* Эта госкорпорация создана в 2007 на базе Банка внешнеэкономической деятельности СССР. Является агентом Правительства РФ по управлению внешним долгом и счетами Пенсионного фонда РФ, взысканию кредиторской задолженности бывшего СССР, выдаче кредитов и гарантий российским экспортерам.

На 30.09.2009 г. в ВЭБе находилось 84% всех пенсионных накоплений [30], что свидетельствует о существенно большем доверии населения к государственным институтам, несмотря на их чрезвычайно низкую доходность. Так, доходность инвестирования пенсионных накоплений пенсионного фонда ВЭБа в 2008 г. оказалась отрицательной (–0,46% годовых) [6], в то время как сам банк за тот же период получил чистую прибыль за счет другой деятельности в размере 9,3 млрд руб. [6] За три квартала 2009 г. доходность пенсионных накоплений в ВЭБе составила +4,08% — это самый низкий процент среди всех управляющих компаний пенсионных фондов России [30]. Такое положение вещей объясняется, с одной стороны, тем, что для ВЭБа существуют жесткие ограничения по управ-

лению пенсионными накоплениями, с другой стороны, тем, что он сам не предпринимает никаких усилий для изменения ситуации, потому что *de-facto* является проводником правительственных интересов. Как результат, на конец 2008 г. 96% всех пенсионных накоплений было вложено в гособлигации ОФЗ и ГСО.

Вместе с Российской венчурной компанией (РВК), существующей в форме ОАО со 100%-ным государственным участием, ГК ВЭБ создана как институт развития и призвана осуществлять финансирование приоритетных проектов. Это проекты в области инфраструктуры, электронной промышленности, транспортного машиностроения и пр. Одним из таких перспективных проектов является проект по модернизации и техническому перевооружению авиационных заводов ОАО «Воронежское акционерное самолетостроительное общество» и ЗАО «Авиастар-СП» [5]. Через своего представителя, Российский банк развития, ВЭБ также осуществляет кредитование малого и среднего бизнеса. Между тем в 2008 г. стоимость кредитов РосБР этому сектору экономики составляла в среднем 16% [6], что нельзя назвать особенно льготными условиями.

Так же как АСВ, ВЭБ сыграл особую роль в период кризиса 2008–2009 гг. При этом он приобрел три новые антикризисные функции.

Во-первых, «обслуживание» корпоративного внешнего долга. Согласно принятому Закону «О дополнительных мерах по поддержке финансовой системы России», ВЭБу было предписано выдавать кредиты в иностранной валюте для *рефинансирования внешних долгов российских компаний, по которым наступили margin calls* (требования о доведении ценности обеспечения до уровня задолженности). С этой целью Центральный Банк разместил на депозитах в ВЭБе 50 млрд долл. по ставке LIBOR+1% [28]. Между тем поддержка оказалась слабой и избирательной.

Так, в 2008 г. из 35 производственных корпораций и 20 банков, запросивших кредиты ВЭБа, ее получили только некоторые в размере 11,8 млрд долл. В частности, ВЭБ предоставил кредит в размере 4,5 млрд долл. *US Rusal* для погашения кредита, полученного ранее под залог 25% акций Норильского никеля. При этом акции Норникеля вместе с 25% акций Красноярского и Братского алюминиевых заводов составили залоговое обеспечение кредита ВЭБа, что высвечивало возможную в перспективе схему передела собственности с участием государства. Аналогично, *Evraz Group* получила кредит в размере 1,8 млрд долл., а Альфа-групп — 2 млрд долл. для погашения задолженности перед *Deutsche Bank* и снятия ареста на 44% акций Вымпелкома, являвшихся залогом по кредиту немецкого банка. Также кредиты получили РЖД, ВТБ и строительно-девелоперская компания «ПИК» [21]. Всего к октябрю 2009 г. было осуществлено рефинансирование задолженности на сумму 14,3 млрд долл., из них 65% — для рефинансирования обязательств металлургии, 16% — сектора высоких технологий, 15% — нефтедобычи, нефтехимии и химии [6].

Во-вторых, ВЭБ принимает участие в капитализации крупных банков, концентрации, а равно монополизации, банковского сектора РФ. Инструментом этого выступили так называемые *субординированные кредиты* (их также «разрешил» упомянутый выше закон). Они выдаются на 5–10 лет и приравниваются к долгосрочным ресурсам банка. Условием предоставления кредита является наличие достаточно высокого рейтинга долгосрочной кредитоспособности по шкале международного или отечественного рейтингового агентства. Стоимость кредита была определена в размере 8% годовых (с августа 2009 года — 9,5%). Субординированные кредиты ВЭБа выдавались по принципу: 50% — государство, 50% — акционеры (в октябре 2009 г. было изменено на схему: 75% государство + 25% акционеры).

В 2008 г. субординированные кредиты целевым назначением (прописано в законе) получили 2 банка с государственным участием: банк ВТБ в размере 200 млрд руб. и Россельхозбанк в размере 25 млрд руб. Еще 185 млрд руб. было предусмотрено для прочих банков на период кризиса. В 2008 г. субординированные кредиты были выделены только трем из 30 банков, подавших заявки на общую сумму 90 млрд руб.: Альфа-банку в размере 10,2 млрд руб., Номос-банку в размере 4,9 млрд руб., Ханты-Мансийскому банку — 2 млрд руб.

В 2009 году субординированные кредиты получили 15 банков, причем, главным заемщиком выступил банк с государственным участием Газпромбанк, который получал кредиты трижды в течение года и в общей сложности один заимствовал около 90 млрд руб. Другим крупным заемщиком был снова Альфа-банк, получивший за два захода 29,4 млрд руб. К началу октября 2009 г. ВЭБ выдал кредиты уже 17 банкам на сумму 391,8 млрд руб. (с учетом ВТБ и Россельхозбанка) [6, 29]. Было объявлено, что предусмотренная государством поддержка в размере 410 млрд дол. подошла к концу. А также банкам было предложено перейти к рыночным инструментам рефинансирования, в частности, обмену их привилегированных акций на гособлигации ОФЗ. Для этого бюджет даже зарезервировал 400 млрд руб. на 2009–2010 гг. [26] На наш взгляд, за новыми «рыночными» инструментами просматривается схема дальнейшей «госкапитализации» банковского сектора России.

В-третьих, ВЭБ в разгар кризиса проводил *интервенции на фондовом рынке*, скупая акции российских компаний, с целью предотвращения падения их курсовой стоимости и наводнения рынка ликвидностью. Однако, по некоторым данным, это были акции компаний с государственным участием: Газпрома, Роснефти, ВТБ и АЛРОСА [11]. Согласимся с мнением А. Ивантера и его коллег: «Весьма спорной... является программа интервенций ВЭБа на фондовом рынке — переломить кризисный тренд они были не в состоянии, а спекулянтов, быстро раскусивших трейдерскую тактику гостяже-

ловеса, подкормили вполне» [12]. Благодаря спекулятивным атакам на фондовом рынке ВЭБ стал акционером крупнейших российских компаний: Сбербанка (доля ВЭБа — 4%), Норникеля (3,68%), ЛУКОЙЛа (2%), Ростелекома (10%) [5]. Все это свидетельствует о том, что государство использовало кризис для усиления своего влияния в экономике. Это было второй (после поддержки экономики), неявной целью государственной помощи.

Для всех этих мероприятий ВЭБ получал средства государства, как накопленные, так и эмитируемые. Кроме упомянутого кредита ЦБ РФ в размере 50 млрд долл., предназначенного для рефинансирования внешних долгов банков и предприятий, ВЭБ получил в свое распоряжение и средства Фонда национального благосостояния, для чего даже были внесены изменения в законодательство (до октября 2008 г. ими управлял исключительно Центральный Банк). Именно из этих средств выдавалась большая часть субординированных кредитов (размер депозита для этой цели составлял 410 млрд руб., сумма почти полностью выбрана) и осуществлялись интервенции на фондовом рынке (депозит для этой цели составил 175 млрд руб., который, правда, был досрочно возвращен 22.12.2009 г.). [14] Между тем на 1 декабря 2009 г. на депозитах ВЭБа в общей сложности было размещено 582,8 млрд руб. (21%) средств Фонда национального благосостояния [15].

В ходе кризиса ВЭБ осуществлял активную экспансию в банковском секторе. Так, он купил Связьбанк и «Глобэкс», став их главным акционером (99,46 и 98,94% акций соответственно), и осуществил санацию этих банков. В октябре 2009 г. ВЭБ заявил о намерении создать на базе Связьбанка и «Почты России» мощную альтернативу Сбербанку РФ — Почтовый банк [25].

Аппетиты ВЭБа просто поражают. Его капитализация растет колоссальными темпами и превращает его во внушительную структуру, которая со временем может превратиться во вторую банковскую систему со своими правилами игры. В этой системе, по всей видимости, будет забыт принцип разделения монетарных и фискальных властей — один из основополагающих постулатов государственных финансов в рыночной экономике. И вообще все более вероятным становится возврат к системе отраслевых госбанков, существовавших в административно-командной экономике СССР.

3. *Ростехнологии — «стратегический пакет государства» & «экономический изолятор» & возрождение Госплана.* Это самая большая госкорпорация, созданная в 2007 г. для «содействия в разработке, производстве и экспорте высокотехнологичной промышленной продукции гражданского и военного назначения». За период своего существования присоединила 439 организаций. На конец 2009 г. на ее долю уже приходилось 23% объема производства оборонно-промышленного комплекса [22].

Ростехнологии объединяют два типа активов. Первый пул — активы оборонного комплекса, среди которых есть весьма прибыльные предприятия, в частности «ВСМПО-Ависма» — крупнейший мировой производитель титана для авиастроения, основной поставщик титана для компаний *Airbus* и *Boeing*. В период кризиса, несмотря на сопротивление директора, ГК «Ростехнологии» присоединила крупнейшего российского производителя двигателей для самолетов, НПО «Сатурн». По словам авторов статьи в журнале «Эксперт», «сопротивление было сломлено в декабре прошлого [2008 — М.М.] года, после того как высшие госчиновники поставили предприятие перед выбором — либо национализация, либо отсутствие господдержки в условиях финансового кризиса. Было выбрано первое» [12].

Второй пул активов Ростехнологий состоит из предприятий — потенциальных банкротов: по данным генерального директора Ростехнологий С.В. Чemezova, в подобном состоянии находятся 30% всех компаний, входящих в госкорпорацию. Наиболее известными из них являются АвтоВАЗ и ИЖАвто. Также корпорация усиленно пытается приобрести контрольный пакет «КамАЗа» [23]. Общая кредиторская задолженность предприятий и организаций, входящих в ГК «Ростехнологии», в августе 2009 г. составляла 625 млрд руб. [19].

Глава Ростехнологий заявил о намерениях сформировать внутри корпорации 4 гражданских холдинга: биотехнологический, авиационный, автомобилестроительный и строительный. Все это позволяет утверждать, что Ростехнологии — это даже не министерство, это целый Госплан.

Неслучайно в прессе ГК «Ростехнологии» почти с момента ее основания стали сравнивать с южнокорейскими чеболями: «... В отличие от других уже созданных госкорпораций, «Российские технологии» не укладываются в отраслевые стандарты. Зато очень напоминают по своему характеру южнокорейские чеболи, которые как раз объединяли под единой организационной структурой конгломераты предприятий различной отраслевой направленности. Есть и еще одна похожая черта — основным отличием чеболя от обычной бизнес-структуры является то, что он активно использует в своей деятельности близость к властным структурам, точнее сказать, властные структуры становятся частью чеболя. Если вспомнить, что Сергей Чemezov и Сергей Иванов близкие друзья и бывшие сослуживцы российского президента, то такая аналогия не кажется неуместной» [3].

После того как проверка Генпрокуратурой в мае 2009 г. АвтоВАЗа, одного из основных активов Ростехнологий, выявила массу нарушений на заводе, Президент РФ поручил ей проверить в целом ГК «Ростехнологии» [12]. Как ответ на это, в январе 2010 г. руководитель Ростехнологий заявил о намерении корпорации продать непрофильные активы, в частности АвтоВАЗ, и использовать вырученные деньги как бюджет модернизации профильных предприятий [31].

Если в первые годы перехода к рыночной экономике мы были свидетелями того, как рыночные институты встраиваются в еще не до конца разрушенную административно-командную экономику, а институты последней играют маргинальную роль, то история с Ростехнологиями противоположна.

Теперь уже институты административно-командной экономики пытаются встроить в рыночную экономику. И они демонстрируют свою неспособность работать в рыночной среде. Всему этому мешает также неразвитость и даже деформированность институтов общественного сектора экономики, что является причиной низкой эффективности принимаемых в нем решений.

4. *Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий» (Роснано)* — стратегия инновационного прорыва в вязкой среде. Роснано представляет собой государственный проект развития индустрии нанотехнологий. Одной из перспективных задач корпорация ставит переход к активному поиску новых проектов и даже их заказу. «Внедрение такого подхода в инвестполитике нацелено на реализацию кластерных проектов, результатом которых должно стать создание конечных нанотехнологических продуктов, взаимосвязанных по технологии изготовления или последовательности в технологической цепочке. Это создаст условия для получения мультипликативного эффекта в развитии российской наноиндустрии» [4]. Кроме того, корпорация призвана искать зарубежных инвесторов, готовых стать совладельцами корпорации после завершения проектов, формировать посевные и венчурные фонды [4].

С 1 апреля 2008 г. корпорация проводит отбор заявок и принимает решение об их софинансировании. К 22 декабря 2009 г. было рассмотрено 1 356 проектов общей стоимостью 1,8 трлн руб. Одобрено 61 проект (51 — производственный, 3 — инфраструктурных, 1 — образовательный, 6 — инвестиционных фондов) с общим бюджетом 192,8 млрд руб. (в том числе 91 млрд руб. — доля госкорпорации) [9]. Правда, большую часть этих проектов предполагается финансировать лишь в 2010 г. [17]. Поэтому работающих проектов у Роснано пока еще чрезвычайно мало.

По результатам проверки Генпрокуратуры, из 130 млрд руб., выделенных Роснано, на ноябрь 2009 г. освоено только 10 млрд руб., из них 5 млрд руб. составляют расходы на функционирование самой корпорации (зарплаты, бонусы, хозяйственные и прочие технические расходы). Оставшиеся средства размещены на депозиты [4]. Заметим также, что в условиях кризиса в декабре 2009 г. у корпорации было временно изъято в федеральный бюджет 66,4 млрд руб. [9].

Главная идея государственного финансирования проектов может быть выражена следующей фразой: «Мы вам помогаем с финансированием, а далее ваш проект должен сам себя кормить, а заодно раскручивать экономику». Главная проблема — заложенный в такое финансирование механизм изначально не ориентирует проекты на долгосрочную эффективность осуществленных вложений. Государство в лице представителей власти практически никогда не отслеживает судьбу этих вложений. Поэтому истинной целью проектов очень часто является получение кратковременной ренты их разработчиками. Кроме того, государству сложно выявить инновационность и народнохозяйственную значимость проектов, потому что отбор часто осуществляется на основе формальных критериев, и немалое значение имеет искусство «писать заявки» и отчитываться по ним. Причем «формальная чистота» проектов находится в поле интересов и самих чиновников. У государства часто не достает и квалифицированной технической экспертизы. Проекты нередко не имеют продолжения по разным причинам, в том числе по причине отсутствия дальнейшего финансирования, некомплементарности вложений и неразвитости инфраструктуры. Еще одна проблема — неоптимальность сроков вложений: часто подобные проекты проводятся в рамках очередной кампании и носят авральный характер, когда нужно срочно «косвоить» n -ную сумму денег под конец года. За выделенное время проект не успевает «развернуться», много усилий уходит на «оформление бумаг». Даже чтобы заказать необходимое оборудование, нужно время, поэтому в авральном режиме часто принимаются неоптимальные решения. Из-за временной неэффективности проекты не приносят не только долгосрочной, но и краткосрочной ренты.

Неслучайно, Роснано в своей политике заявляет, что «приоритет отдается проектам, находящимся на стадии, максимально близкой к выходу на рынок» [9]. Впрочем, о Роснано пока судить рано, ему тоже нужно время. Однако сомнительно, что в существующей институциональной среде заработают другие, более эффективные механизмы.

5. *Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»* — новое название для министерства атомной энергетики. Создана в 2007 г. «Управляет всеми ядерными активами Российской Федерации, включая как гражданскую часть атомной отрасли, так и ядерный оружейный комплекс» [8].
6. *Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства»* — внебюджетный фонд целевого назначения. Создана в 2007 г. Призвана содействовать реформированию жилищно-коммунального хозяйства, формированию эффективных механизмов управления жилищным фондом, внедрению ресурсосберегающих технологий в отрасли ЖКХ. Государство внесло в нее имущественный взнос в фонд в размере 240 млрд руб. В июле 2009 г. государство забрало у корпорации в федеральный бюджет 19 млрд руб. По закону, госкорпорация действует до 01.01.2012 г., подлежит ликвидации.

В начале своей деятельности госкорпорация большую часть средств держала на депозитах. После проверки Генпрокуратуры и критики со стороны Президента РФ деятельность корпорации заметно оживилась. По данным ее официальной отчетности, в 2009 г. одобрено заявок на расселение ветхого жилья и на капитальный ремонт многоквартирных домов на сумму 177 млрд руб. [10] Между

тем и к началу 2010 г. приличную часть временно свободных денежных средств (76,94 млрд руб.) корпорация держала на депозитах в банках (51,13 млрд руб., 66,4%).

Новым институтом, созданным самой госкорпорацией, стало размещение средств на депозиты коммерческих банков на особых условиях — для выдачи за их счет кредитов реальному сектору экономики, что оговаривается в допсоглашениях с банками. К началу 2010 г. таким образом было размещено 58% депозитов корпорации. По официальной отчетности, большую часть кредитов получили застройщики жилья (6,7 млрд руб.), металлургия (5,92 млрд руб.), оборонка (3,22 млрд руб.), авиаперевозки (3,18 млрд руб.) и автомобилестроители (2,47 млрд руб.). С учетом того, что данная деятельность фонда активизировалась в период кризиса, а кредиты первоначально выдавались на более льготных условиях, чем обычные кредиты (16% против 30%), по всей видимости, она, с одной стороны, была проводником государственных интересов, с другой стороны, вероятно, содержала элементы лоббирования интересов определенных отраслей (а возможно, и конкретных производителей). Правда, с 30.01.2009 г. по 23.10.2009 г. отношение целевых кредитов к размещенным депозитам корпорации снизилось с 72,6 до 14,9% [10].

Существенную часть средств ГК «Фонд ЖКХ» размещает в ценные бумаги. На 1 января 2010 г. доля таких вложений составила 28,3% временно свободных денежных средств корпорации. Это главным образом облигации субъектов РФ (44,4% портфеля ценных бумаг) и финансового сектора экономики (23,1%) [10]. Они переданы в доверительное управление компаниям, рейтинг которых фонд определяет сам по своей методике. На конец декабря 2009 г. средневзвешенная доходность портфеля ценных бумаг по всем доверительным управляющим составила 10,02% годовых [10]. Все это свидетельствует о коммерциализации деятельности госкорпорации. Кроме того, присутствие госструктур на фондовом рынке (как государственных, так корпоративных ценных бумаг) влияет на его состояние, что содержит потенциальную возможность управления поведением инвесторов.

В апреле 2009 г. в ходе проверки Генпрокуратура выявила нецелевое расходование средств корпорацией, необоснованные зарплаты и бонусы руководства. В частности, «административно-хозяйственные расходы корпорации, среднегодовая численность которой составляет 97 человек, в 2008 году превысили 340 млн рублей». «...Только на оплату труда сотрудников Фонда ЖКХ, включая начисления, премии и материальную помощь, было потрачено 234,9 млн рублей, “что сопоставимо с расходами на содержание в 2008 году центральных аппаратов Роснедр, Росархива, Роспатента, Росинформтехнологии и Роскартографии вместе взятых”». В 2009 году расходы на собственные нужды выросли еще на 100 млн руб. [7]

7. *Государственная корпорация по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта (ГК «Олимпстрой») — статусный национальный проект.* Корпорация создана в 2007 году на базе ФГУП «Дирекция развития г. Сочи» с целью возведения и эксплуатации объектов, необходимых для проведения XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, а также для развития города Сочи как горноклиматического курорта. В 2014 г., после завершения игр, она автоматически прекращает свою деятельность. Общий бюджет Олимпстроя на проведение зимней Олимпиады составляет более 200 млрд руб. Отличительной особенностью Олимпстроя является то, что контроль за его расходами осуществляет непосредственно Президент РФ.

ГК «Олимпстрой» осуществляет финансирование работ на основе конкурсного отбора заявок. Так же как и большинство других корпораций (Фонд ЖКХ, Ростехнологии), временно свободные денежные средства она размещает на депозиты. С одной стороны, это оправдывается распределением инвестиционных расходов во времени. С другой стороны, неясно, почему средства выделяются государством для этих целей заранее. Для отбора претендентов на размещение депозитов ГК осуществляет тендеры среди банков. Важным критерием отбора является наличие рейтинга известного международного агентства не ниже ВВ или Ва2 и высокого рейтинга российского рейтингового агентства. В результате конкурс на размещение временно свободных денежных средств выиграли Сбербанк, Газпромбанк, Альфа-банк, Россельхозбанк, Банк Москвы, Росбанк, МДМ-банк и Внешэкономбанк [13]. ВТБ сначала отказался участвовать в тендере, публично объявив его непрозрачным, что было расценено руководством госкорпорации как попытка давления с целью смягчения условий размещения денежных средств на депозиты. Правда, через некоторое время в условиях кризиса ВТБ изменил свое решение и получил 1 млрд. средств на полгода. Примечательно, что перечисленные кредитные организации либо являются банками с государственным участием, либо это крупные банки, пользующиеся в настоящее время поддержкой правительства. Заметим также, что среди банков, выигравших первый тендер по размещению временно свободных денежных средств другой госкорпорации, «Фонд ЖКХ», (ВТБ, «Возрождение», «Санкт-Петербург», МДМ-банк, Альфа-банк, Номос-банк, УРСАбанк, «Русский стандарт», «Зенит») [10] гораздо больше негосударственных банков.

В деятельности Олимпстроя обнаруживаются все те же ловушки финансирования производства общественных благ, как и в обычных условиях, только отличаются они своей масштабностью. Прежде всего, это низкая эффективность отбора заявок, растрачивание общественных ресурсов и явная связь власти с бизнеса. По данным члена Комитета Госдумы по экономической политике и предпринимательству К. Лукьяновой, расходы на строительство олимпийских объектов в Сочи мог-

ли быть ниже на 15–50%. По абсолютному размеру они превосходят расходы на зимние олимпиады в Ванкувере, Турине, Солт-Лейк-Сити в 3–10 раз. Такие сверхзатраты, по мнению депутата, состоят «из трех составляющих: коррупция, отсутствие здоровой конкуренции и недостаток современных технологий» [24].

В июле 2009 г. в ФЗ «О некоммерческих организациях» появился еще один тип фонда: «государственная компания» (статья 7.2). Это некоммерческая организация, «созданная Российской Федерацией на основе имущественных взносов для оказания государственных услуг и выполнения иных функций с использованием государственного имущества на основе доверительного управления» [27].

8. *Государственная компания «Российские автомобильные дороги» (ГК «Автодор»)* — еще один внебюджетный фонд целевого назначения. Создана в 2009 г. Выступает в качестве заказчика при проектировании, строительстве, реконструкции, капитальном ремонте, ремонте и содержании автомобильных дорог, а также в функции концедента в договорах концессии. По своему характеру очень похожа на ГК «Фонд ЖКХ», потому что предназначена для «латания» еще одной «большой дыры» инфраструктурного характера в российской экономике.

Подведем итоги. Прежде всего, поражает «разношерстность» госкорпораций, отсутствие единой идеи их образования. Можно согласиться с мнением А. Шохина, что требовалось обоснование, почему такого рода структуры не могли быть в форме ОАО или федеральной целевой программы.

В институте госкорпораций есть свои преимущества. В пользу их существования выдвигаются следующие аргументы:

1. Такие организации достаточно успешно *существуют в других странах и выполняют важные государственные функции*, участвуют в целевом создании общественных благ, за производство которых не берется корпоративный сектор. Это своего рода «сферы прорыва» экономики. Приведем одно высказывание: «Мировой опыт дает примеры результативной деятельности банков развития именно в статусе некоммерческих госкорпораций, являющихся ядрами государственно-частного партнерства (как *BNDES* в Бразилии: его самое блестящее детище — самолет *Embraer*) или рефинансирующих банковские программы кредитования среднего и малого бизнеса (как *KfW* в Германии). Да и старейшая в мире организация, страхующая частные депозиты, — это все-таки американская госкорпорация *FDIC*» [12].
2. Госкорпорации являются первой (может, не вполне совершенной) организационной формой реализации *идей госкапитализма* в России и возврата к крупномасштабной госсобственности, государственному планированию и государственному финансированию.
3. Госкорпорации — это некая совокупность новых функций российского государства, а именно:
 - ♦ функции реструктуризации национальной экономики. Госкорпорации — это *плохой банк российских предприятий и даже целых отраслей* (что характерно для Ростехнологий, ГК «Фонд ЖКХ», ГК «Автодор»), требующих масштабных инвестиций;
 - ♦ функции развития российской экономики. Госкорпорации — это *инновационный пакет российского государства* (Роснано, а также ОАО со 100%-ным государственным участием «Российская венчурная компания», созданная в 2006 г.);
 - ♦ функции поддержания обороноспособности российского государства. Госкорпорации — это *стратегический пакет российского государства* (оборонный пакет Ростехнологий, Росатом), требующий особого контроля;
 - ♦ функции антикризисного управления и финансового резерва (АСВ и ВЭБ);
 - ♦ *имиджевой функции*. Госкорпорации — это пул статусных национальных проектов (Олимпстрой).

Как показывает наше исследование, данными функциями деятельность госкорпораций не исчерпывается, здесь перечислены лишь основные.

В то же время институт госкорпораций вызывает целый ряд возражений с точки зрения его эффективности.

1. В современной институциональной среде вместо построения госкапитализма на его базе происходит *построение «госолигархизма»*. Так, возглавляют госкорпорации бывшие чиновники или близкие к власти люди, а бонусы высшего звена управления этих структур никак не ниже доходов менеджеров частных компаний. Это приводит к следующим последствиям: 1) снижается инвестиционный потенциал таких предприятий; 2) ухудшается качество управления: в силу, во-первых, отсутствия стимулов к принятию эффективных решений (главным стимулом здесь выступает критика со стороны Президента РФ и проверки со стороны Генпрокуратуры), во-вторых, гарантированности вознаграждения, отсутствия его связи с результатами работы и вообще какого-либо контроля за этими расходами; 3) поскольку эти предприятия неприбыльные, они не способствуют увеличению доходов казны.
2. Госкорпорации — это *нерыночный институт*, поскольку все сигналы рынка здесь отключены:

- ♦ ГК работают в условиях *мягких бюджетных ограничений* (мнение, впервые высказанное ректором РЭШ С.М. Гуриевым газете «Ведомости», с которым мы соглашаемся);
- ♦ они демонстрируют *аллокативную неэффективность*. Такого рода провал российского государства в экономике наглядно показан в одной из статей Я. Паппэ и Е. Дранкиной [18] на примере ГК «Роснано», а также похожих государственных институтов, созданных несколько ранее в других формах: ОАО «Российской венчурной компании» (РВК), предназначенной для «стимулирования создания в России собственной индустрии венчурного инвестирования, развития инновационных отраслей экономики и продвижения на международный рынок российских наукоемких технологических продуктов» [20], и внебюджетного Инвестиционного фонда Российской Федерации, предназначенного для софинансирования инвестиционных проектов;
- ♦ им свойственна *X-неэффективность*: сверхзатраты и растрачивание общественных ресурсов. Так, только в 2007 г. бюджетное финансирование одной ГК «Ростехнологии» составило 800 млрд руб., при том что вся расходная часть федерального бюджета равнялась 5,5 трлн руб. [2]

Осенью 2009 г. Генпрокуратура проверила деятельность 5 ГК: Росатома, Ростехнологий, Роснано, Внешэкономбанка и Олимпстроя. Из доклада Генпрокуратуры явствует, что госкорпорации:

- не выполняют возложенные на них государством функции;
- занимаются деятельностью, не соответствующей поставленным перед ними целям;
- неэффективно используют госсредства;
- нарушают закон даже при выполнении своих прямых функций;
- принимают решения в интересах не государства, а своих служащих или даже аффилированных предприятий;
- неправомерно отчуждают имущество подведомственных предприятий. [16]

По результатам проверки возбуждено 22 уголовных дела о нецелевом расходовании средств. А Президент РФ поручил правительству до 1 марта 2010 г. подготовить предложения по реформированию ГК.

3. Госкорпорации созданы в рамках *стратегии борьбы за власть и создания ее финансового обеспечения*. Существует мнение, что госкорпорации, детище экс-Президента РФ, нынешнего премьер-министра В.В. Путина, являются своего рода финансовым резервом его последующей выборной президентской кампании. Конечно, это финансирование будет осуществляться не в явном виде. Соответственно, критика нынешним Президентом РФ Д.А. Медведевым госкорпораций, которые отождествляются с деятельностью Председателя Правительства РФ В.В. Путина, свидетельствует о внутренних разногласиях и давлении в госаппарате.

4. Госкорпорации — *институт, обслуживающий передел собственности в российской экономике*. Особенно это очевидно, когда речь идет о присоединении к Ростехнологиям прибыльных компаний типа «ВСМПО-Ависма». Очевидно, этот передел вписывается в политико-экономический деловой цикл и связан со стратегиями конвертации власти (пока она есть) в собственность.

Таким образом, госкорпорации — это институт, впитавший в себя все ловушки общественного сектора экономики, выразивший их в наиболее концентрированном виде, сооруженный на мощной идеологической платформе и подкрепленный финансовым потенциалом российской экономики. Это институт-симбиоз административно-командной и квазирыночной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агентство по страхованию вкладов. Официальный сайт // <http://www.asv.org.ru/>.
2. Алиев А. Групповая вертикаль // Эксперт on-line. 2007. 28 сентября // <http://www.expert.ru/articles/2007/09/28/goskorporatsii/>.
3. Алиев А. Еще один российский чебокс // Эксперт on-line. 2007. 20 июня // <http://www.expert.ru/articles/2007/06/20/rostehnologii/>.
4. Анатолий Чубайс утвердил основные задачи «Роснано» на 2009 г. // CNews. 2009. 18 марта // <http://www.cnews.ru/news/line/index.shtml?2009/03/18/341067>.
5. Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк, ВЭБ). РосБизнесКонсалтинг. Официальный сайт // <http://www.rbc.ru/companies/vnesheconombank.shtml/>.
6. Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк). Официальный сайт. Годовой отчет за 2008 год // <http://www.veb.ru/>.
7. Генпрокуратура РФ обвинила руководство фонда ЖКХ // Взгляд. Деловая газета. 2009. 21 апреля // <http://vz.ru/news/2009/4/21/278699.html>.
8. Государственная корпорация «Росатом». Официальный сайт // <http://www.rosatom.ru/ru/about/>.
9. Государственная корпорация «Роснано». Официальный сайт // <http://www.rusnano.com/>.

10. Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства». Официальный сайт // <http://www.fondgkh.ru/result/control/22950.html>.
11. Зубова Е. Банк развития выступает в роли «быка» // РБК daily. 2008. 13 октября // <http://rbc-daily.ru/2008/10/13/finance/384981>.
12. Ивантер А., Имамутдинов И., Рязанов В. Сиваков Д. Особая форма спорного содержания // Эксперт on-line. 2009. №30–31(668). 17 августа // http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/31/osobaya_forma_spornogo_soderzhaniya/.
13. Киселева Е., Дементьева С. ВТБ уходит в олимпийский резерв // Коммерсантъ. 2008. 11 апреля // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=879187&NodesID=4>.
14. Министерство финансов РФ. Официальный сайт // <http://www1.minfin.ru/ru/official/index.php?id4=8989>.
15. Министерство финансов РФ. Официальный сайт // <http://www1.minfin.ru/ru/nationalwealth-fund/statistics/vnesheconombank/>.
16. Мельников М. Тяжелое похмелье госкорпораций // Аргументы и факты on-line. 2009. 11 ноября // <http://www.aif.ru/money/article/30785>.
17. Нано-дайджест. Интернет-журнал о нанотехнологиях. 2009. 14 сентября // <http://nanodigest.ru/content/view/285/1/>.
18. Палпнэ Я., Дранкина Е. Как развивают Россию: «денежные мешки» // Коммерсантъ. Деньги. 2008. № 37 (692). 22 сентября // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1028222&ThemesID=963>.
19. Почему 100 = 10. Об особенностях юбилея госкорпораций // Аргументы и факты on-line. 2009. 19 августа // <http://www.aif.ru/money/article/28814>.
20. Российская венчурная компания. Официальный сайт // <http://www.rusventure.ru/company/brief/>.
21. Российский крупный бизнес: события и тенденции в 2008 году. Обзор № 57. М.: Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования // <http://www.forecast.ru>.
22. Ростехнологии. Официальный сайт // <http://www.rostechnologii.ru/company/>.
23. «Ростехнологии» собираются получить контрольный пакет «КамАЗа» // Прайм-тасс. Агентство экономической информации. 2009. 11 сентября // <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B78CF596A-801C-4674-9160-B3572C0EFFF0%7D.uif?print=1>.
24. Сочи – коррупция = ? Стоимость олимпийских объектов может быть ниже в половину // Аргументы и факты on-line. 2009. 11 ноября // <http://www.aif.ru/realty/article/29776>.
25. Ставка на карту // Ведомости. 2009. 24 декабря // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2009/12/24/222180>.
26. У ВЭБа закончились деньги // Эксперт on-line. 2009. № 19 (82). 12 октября // http://www.expert.ru/printissues/d/2009/19/news_zakonchilis_dengi/.
27. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» // http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_2.html#p139.
28. Шевцова О. Спасательные круги // Эксперт on-line. 2008. 10 октября // http://www.expert.ru/articles/2008/10/10/duma_odobrila/.
29. http://www.expert.ru/printissues/d/2009/19/news_zakonchilis_dengi
30. Investfunds. Группа CBonds. Официальный сайт // <http://npf.investfunds.ru/indicators/index.phtml>.
31. \$ 4 млрд — даром // Ведомости. 2010. 21 января // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/01/21/223389>.

РАЗВИТИЕ НАУКИ — КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ПЕРЕХОДА К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

НАЙМУШИН В.Г.,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: velnii@novoch.ru

Анализируется состояние и основные проблемы развития науки и перехода к инновационной экономике на примере предприятий подотрасли электровозостроения. Даны конкретные предложения, которые будут способствовать активизации инновационной деятельности.

Ключевые слова: наука; НИОКР; инновации; предприятия; инвестиции; кредитные ресурсы; фонд инноваций; конкуренция; налоговые льготы.

State and main problems of science development and transition to innovation economics are analyzed on the example of electric locomotive building enterprise. Some particular propositions are made to promote innovation activity.

Keywords: science; R&D; innovations; enterprises; investments; credit resources; innovation fund; competitiveness; tax remissions.

Коды классификатора JEL: H75, I23, O32.

Как известно, понятие «инновационная экономика» относится к более высокому типу общества, в котором наука становится непосредственной производительной силой.

В ноябре 2008 г. был принят долгосрочный программный документ, отражающий стратегию долгосрочного инновационного развития страны, — «Концепция социально-экономического развития России до 2020 года». Главный замысел Концепции-2020 — это переход российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному, социально ориентированному типу развития. Согласно Концепции, инновационный тип экономического роста имеет две главные особенности. Во-первых, он опирается на модернизацию традиционных секторов экономики (нефть, газ, АПК, транспорт). Во-вторых, предусматривается введение инноваций во все отрасли экономики, за счет чего должна значительно повыситься производительность труда.

Однако, несмотря на принимаемые меры, экономика страны не становится инновационной и продолжает терять свою конкурентоспособность. Так, в рейтинге 138 стран по конкурентоспособности на 2010 г. Россия опустилась с 51-го на 63-е место.

В условиях мирового финансово-экономического кризиса в очередной раз проявились факты низкой конкурентоспособности российских товаропроизводителей. В основном из-за того, что многие промышленные предприятия, составляющие в каждой развитой стране мира основу экономики, давно уже лишились притока инноваций и научной поддержки. Кроме того, у нас преобладают в основном морально и физически изношенные машины и оборудование, что не позволяет осваивать и внедрять передовые научно-технические достижения.

Основные показатели инновационной деятельности предприятий России приведены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, в России инновационно активными являются лишь 9–10 % промышленных предприятий. В среднем на инновации в нашей стране тратится 0,5% выручки предприятий. В ведущих мировых компаниях этот показатель составляет от 7 до 12%. Инновационная составляющая в ВВП России занимает только 5–5,5% [2, с. 46–49].

Вследствие низкой инновационной активности отечественных предприятий доля России на мировом рынке наукоемкой продукции в 2009 г. составила менее 0,3%, тогда как США — 36%, Японии — 30%, Германии — 17%. Приведенные данные свидетельствуют о низкой инновационной активности реального сектора экономики, об отсутствии эффективного механизма формирования и реализации государственной научно-технической и инновационной политики.

В чем же причины такого неблагоприятного состояния дел в инновационной сфере? Рассмотрим это, в том числе, и на примере наукоемкой продукции подотрасли отечественного электровозостроения, основу которой составляют: ООО «ПК «НЭВЗ» и ОАО «ВЭЛНИИ» со специализацией на

выпуске магистральных грузовых и пассажирских электровозов переменного тока и электровозов двойного питания; ОАО «Коломенский завод» и ВНИКТИ со специализацией на выпуске пассажирских электровозов постоянного тока; ОАО «Уральский завод железнодорожного машиностроения» со специализацией на выпуске грузовых электровозов постоянного тока.

Таблица 1

Инновационная активность предприятий России в процентах

Наименование инновационных показателей	годы							
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Удельный вес предприятий, осуществляющих инновационную деятельность	10,6	9,6	9,8	10,3	10,5	9,3	9,4	9,4
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг	4,4	4,2	4,3	4,7	5,4	5,0	5,5	5,5
Удельный вес затрат на инновации в общем объеме выручки промышленных предприятий	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4	0,5	0,4	0,5

Источник: [3, с.10–11]

Как известно, для осуществления инновационной деятельности необходимо наличие инновационного потенциала предприятия, который формируется как совокупность различных ресурсов, включая:

- финансовые (собственные, заемные, инвестиционные, федеральные, грантовые и др.);
- материальные (лабораторно-экспериментальная база, ресурс площадей);
- интеллектуальные (конструкторская и технологическая документация, патенты, лицензии, бизнес-планы по созданию и внедрению новой техники и технологий);
- кадровые (лидер-новатор; персонал, заинтересованный в инновациях, опыт проведения НИОКР; партнерские и личные связи сотрудников с другими НИИ, КБ и предприятиями);
- структурные (собственные подразделения НИОКР, технологический отдел, отдел маркетинга, патентно-правовой отдел, информационный отдел);
- иные ресурсы, необходимые для осуществления инновационной деятельности.

От состояния инновационного потенциала в значительной мере зависит и инновационная активность.

На наш взгляд, в числе основных причин низкой инновационной активности экономики первой следует назвать слабое финансирование НИОКР государством и частным бизнесом.

В развитых странах общей тенденцией является достижение высокого уровня финансирования инноваций частным сектором экономики. Например, в США частный сектор финансирует до 75% расходов на НИОКР [1, с. 53–57]. Траты на НИОКР наших крупных компаний ничтожны: в прошлом году они составили 800 млн долл. Одна только *General Motors* вложила в научные разработки и внедрение в 2009 г. 8 млрд [6, с. 3], что в 10 раз больше вложений в НИОКР всего российского крупного бизнеса.

Транспортная система является важнейшей инфраструктурной составляющей экономики России. Ее бесперебойное и эффективное функционирование сегодня и динамичное развитие завтра самым непосредственным образом влияют на темпы национального экономического роста, а также обеспечивают целостность, безопасность и обороноспособность страны.

Поэтому в 2007 г. Правительством Российской Федерации разработаны и утверждены «Стратегия развития железнодорожного транспорта в России до 2030 года» и «Стратегия развития транспортного машиностроения Российской Федерации в 2007–2010 годах и на период до 2015 года».

Стратегия развития транспортного машиностроения и план мероприятий по ее реализации направлены на решение основной задачи, стоящей перед промышленными предприятиями и научными организациями отрасли, ОАО «РЖД», Минпромэнерго России и Минтранс России — обеспечение потребности железнодорожного транспорта в современном высокопроизводительном подвижном составе.

Для этого в рамках реализации Стратегии предусматривается ежегодное выделение 2,5 млрд руб. государственных средств на проведение НИОКР. Это и есть инновационный подход и формирование высокотехнологичного облика российского транспортного машиностроения.

К сожалению, за три года, прошедших после утверждения Стратегии, из госбюджета фактически не выделено ни одного рубля на проведение НИОКР по созданию нового электроподвижного состава, в том числе научному центру отечественного электровозостроения — ОАО «ВЭЛНИИ».

Трудно понять и отказ ОАО «РЖД» финансировать выполняемые промышленностью НИОКР по тяговому подвижному составу, ссылаясь при этом на якобы существующие традиции развитых стран. Это, очевидно, неправильно. Особенно в условиях, когда в финансировании этих работ не участвует и государство, а промышленность пока к этому и вовсе не готова. Зарубежный опыт говорит о том, что, когда планируется создание новых типов машин, финансирование их осуществляется всеми заинтересованными сторонами, в том числе государством и заказчиком. Примером может служить организация финансирования работ по созданию в ФРГ электровозов с асинхронным приводом типа E120. 50% средств, необходимых на выполнение НИОКР по этому электровозу, выделило государство (Министерство технологии и науки ФРГ), 25% — потребитель (Немецкие железные дороги), 25% — промышленные фирмы-поставщики.

Известно, что государственные инвестиции стран ЕС, Японии, США в развитие железнодорожного транспорта составляют 4–9 млрд долларов в год. Это позволяет производителям железнодорожной техники этих стран занимать лидирующее положение на мировом рынке [4, с. 140].

Необходимость участия государства и заказчика (в нашем случае, тоже фактически государственной структуры) в финансировании НИОКР обусловлена и тем, что разработка принципиально новых электровозов по результатам анализа, выполненного немецкими исследователями, занимает 10–12 лет. По опыту японских фирм, создавших подвижной состав для высокоскоростного движения, — еще больше. Частные фирмы, как правило, не решаются «замораживать» значительные финансовые средства на столь длительный срок. Это тем более необходимо в связи с тем, что в решении сложной научно-производственной задачи — создании электровозов нового поколения — должны участвовать десятки творческих организаций, разрабатывающих специальное комплектующее оборудование и материалы (полупроводниковые приборы большой единичной мощности, высокопроизводительные компрессоры, специальные силовые трансформаторы, прогрессивные изоляционные материалы и т.д.) и сотни предприятий, их изготавливающих. Потенциальные участники этого процесса принадлежат различным собственникам и ведомствам.

Что же касается промышленных предприятий подотрасли электровозостроения, то они в 2008 г. на НИОКР затратили 0,4% средств от объема выручки, в 2009 г., в условиях кризиса, еще меньше.

В результате, по сравнению с ведущими на мировом рынке производителями электроподвижного состава, вложения в инновационные разработки у нас крайне недостаточны. При таком уровне финансирования НИОКР невозможно получить научно-технические результаты мирового уровня. И это, естественно, и близко не обеспечивает конкурентоспособность нашей продукции на рынках. Следовательно, самой главной, первоочередной мерой повышения эффективности инновационной деятельности должно стать кардинальное увеличение финансирования НИОКР.

В странах с развитой рыночной экономикой активно внедрять инновации частный бизнес заставляет постоянная конкурентная борьба. У нас такого стимула практически нет, так как отсутствует конкурентная среда. Это наглядно видно и на примере предприятий подотрасли электровозостроения, как показано выше, специализирующихся в основном на выпуске электровозов разного назначения и рода тока. Поэтому, при огромной заявленной потребности ОАО «РЖД» в электровозах, как грузовых, так и пассажирских постоянного и переменного тока, а также двойного питания, конкуренция среди производителей фактически отсутствует. Значит, государство должно создать условия, подталкивающие предприятия к технико-технологическому обновлению производства. Прежде всего речь должна идти о создании эффективного механизма экономического стимулирования субъектов научной деятельности, а также хозяйствующих субъектов, внедряющих результаты НИОКР.

Для поддержки научной и инновационной деятельности необходимо создать систему льгот и преференций. Среди таких мер большая роль принадлежит налоговым рычагам. Практически во всех странах инновационные вложения освобождаются от налогов. Так, в США существует более ста льгот, стимулирующих разработку и внедрение инноваций. В Англии, Канаде, Франции, Италии предусматривается стопроцентное исключение из облагаемого налогом дохода затрат на инвестиции, в Бельгии — 110%, в Австрии — 150% [7, с. 46–49].

По степени эффективности налогообложения для инновационной деятельности Россия находится на 94-м месте в мире [8].

Однако органы государственной власти, в основном финансово-экономического блока, отстаивая принцип равных возможностей всех хозяйствующих субъектов, лишили инновационные предприятия, научные организации и вузы даже тех льгот, которые они имели раньше, в том числе льгот по налогу на прибыль, на имущество, на землю, по тарифам на энергоносители. А ведь для ВЭЛНИИ, например, ежегодная сумма этих льгот составляла порядка 3–5 млн руб.

Следует также отметить, что у нас не созданы благоприятные финансово-кредитные условия для развития науки и инвестиций в инновационную деятельность, без чего успешное развитие экономики практически невозможно. Условия кредитования (сроки, процентная ставка) коммерческими банками совершенно неприемлемы, особенно для научных организаций, которые к тому же, как правило, не имеют необходимого ликвидного залогового обеспечения, без которого кредиты получить вообще невозможно. Достаточно сказать, что последние пять лет ВЭЛНИИ для развития своей лабораторно-экспериментальной базы вынужден был, с большими затруднениями, привлекать кредитные ресурсы у КБ «Центр-Инвест» под 15–20% годовых. А это приводило автоматически

к ежегодным затратам на погашение банковских процентных ставок в размере 3–4 млн руб., что для института очень накладно.

Вследствие вышеизложенных причин ни потенциальные потребители инноваций, ни инвесторы незаинтересованы в научно-технической и инновационной деятельности. Финансовые потоки находят пути к менее рискованным, но более прибыльным видам бизнеса: в сфере торговли, на финансовом рынке, к операциям с недвижимостью и др. В такой ситуации научные исследования и разработки экономически невыгодны. Поэтому реальные поступления денежных средств на развитие отечественной науки не обеспечивают даже ее простого воспроизводства.

Трудное финансово-экономическое положение, в котором пребывает российская наука, а также низкое качество государственного управления наукой на федеральном уровне, отдельных научных организаций приводит к деградации научно-технического потенциала страны, научные приборы, оборудование и в целом лабораторно-экспериментальные базы изнашиваются и устаревают [5, с. 32–39].

В особо трудном положении находится отраслевая наука. Дезинтеграция отраслей, приватизация научно-технической сферы, рейдерство, неумение некоторых руководителей перестроить работу институтов, привели к серьезным разрушениям научно-технического потенциала отраслевой науки. Многих известных прежде всему миру отраслевых НИИ уже нет, другие только числятся в разряде научных организаций, но давно уже не являются таковыми. Достаточно назвать хотя бы НИИ и КБ г. Новочеркасска: «Старт», «Орион», «Гидрохимический», «Гипроэлектро», «Магнит».

Если подобная ситуация сохранится еще несколько ближайших лет, то запоздалое увеличение финансовых средств в российскую отраслевую науку и принятие других стимулирующих мер не поможет возродить ее в полной мере.

Ориентация на исследовательские университеты (на базе вузов) как центры научной мысли и инновационного прорыва, как нам представляется, не даст желаемых результатов в обозримом будущем, так как основным видом деятельности высшего учебного заведения по-прежнему будет оставаться образовательная, а НИОКР, как известно, осуществляют лишь около 20% вузов страны.

С целью стимулирования процесса перехода к инновационной экономике крайне важно создание общенационального (или в отраслевых рамках) Фонда инноваций и развития науки, аналогично Единому фонду развития науки и техники (ЕФРНТ), который использовался в советские времена. Для этого необходимо принятие федерального закона, который обязывал бы все предприятия направлять определенный процент от своих доходов в данный фонд. Причем сумма отчислений должна уменьшаться на тот объем средств, который предприятие будет тратить на свои инновации, включая расходы на НИОКР.

На наш взгляд, реализация основных вышеперечисленных мер обеспечит развитие науки и создаст условия, при которых инновационная деятельность будет экономически более выгодной, чем какая-либо другая. Это позволит осуществить переход от дискуссий и деклараций о необходимости построения в России инновационной экономики к широкомасштабной разработке, практическому внедрению и массовому распространению инновационной продукции (работ, услуг) как на внутреннем, так и на мировом рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дежина Н.П. «Тройная спираль» в инновационной системе России // Вопросы экономики. 2007. № 12.
2. Дубровка А.Н. Проблемы инвестирования передовых производств // Экономист. 2008. № 10.
3. Индикаторы инновационной деятельности: стат. сб. М.: ГУ-ВШЭ, 2009.
4. Наймушин В.Г., Пайда Г.В. Российская экономика на пути от либерализма к социальному регулированию. Ростов н/Д: Южный федеральный университет, 2009.
5. Наймушин В.Г. Тяга решает все // Сириус (транспортное обозрение). 2007. № 3.
6. Полтерович В.Н. Проблемные зоны // Российская газета. Спецвыпуск «Экономика. Инновации». 2010. № 75. 29 апреля.
7. Тарутин А.В. «Узкие места» инновационного процесса // Экономист. 2008. № 10.
8. The Global Competitiveness Report 2008–2009 // World Economic Forum. Geneva, Switzerland, 2008 // <http://www.weforum.orgler/index.htm>.

КАЧЕСТВО РОССИЙСКИХ ДОРОГ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮРОКРАТИИ

АРХИПОВ А.В.,

аспирант,

Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова,

e-mail: anton.arhipov@beeline-club.ru

Данная статья посвящена проблеме эффективности государственного и корпоративного управления в России, рассмотренная через призму вечной «ахиллесовой пяты» нашей страны — обустройство и качество дорог.

Бурный рост так называемых государственных корпораций, наделяемых огромными ресурсами и возможностями для придания нового импульса экономическому росту, решения системных проблем и повышения эффективности экономики, на деле оборачивается тотальной коррупцией и крайней неэффективностью, отражая в данном случае как нельзя точно феномен «дураков и дорог» в России.

Ключевые слова: аварийность; государственная корпорация; дороги; дорожное строительство; дорожное хозяйство; коррупция; «Росавтодор»

This article is devoted to the effectiveness of public and corporate governance in Russia, considered through the prism of eternal «Achilles heel» of our country — construction and quality of roads.

The rapid growth of so-called state corporations, endowed with vast resources and opportunities to give new impetus to economic growth, addressing systemic problems and improve the efficiency of the economy, in fact, turns-out corruption and extreme inefficiency, reflecting in this case can not be exactly as the phenomenon of «fools and roads» in Russia.

Keywords: accidents; public corporation; the roads; road construction; road infrastructure; corruption; «Rosavtodor».

Коды классификатора JEL: G14, L91, L98.

Введение

Всероссийская беда «дураки и дороги», издревле мучавшая наше население, вроде должна была сама собой разрешиться, пока Запад «загнивал», а Советский Союз семимильными шагами устремлялся в космическую даль научно-технического прогресса. С тех пор технологии шагнули далеко вперед, но то ли страна была уж слишком большая, то ли технологии с административно-командной системой плохо уживались, однако хороших дорог мы так и не дождались. Когда СССР «сгинул», а административная экономика сменилась переходной, ВВП на душу населения в нашей стране сократился с \$ 7 762 (1990) до \$ 5 024 (1994) [19], таким образом, за какие-то 4 года снизившись на 35%, стало окончательно ясно, что в лучшем случае с дорогами будет все как прежде. Совсем неудивительно, что фактически мы имеем даже еще более плачевную ситуацию. Экономический спад как следствие болезненного видоизменения системы¹ привел к запустению в дорожном хозяйстве. «Лихие девяностые» не добавили упорядоченности в этой сфере. И только пришедший на смену «слабому» президенту Ельцину Владимир Путин взялся, наконец, за укрепление властной вертикали и наведение порядка в российской государственности. Квинтэссенцией «тучных нефтяных лет» и активного вмешательства государства в экономику стало учреждение государственной компании (корпорации) «Российские автомобильные дороги» (Росавтодор) для окончательной и бесповоротной борьбы с низким качеством российских дорог, хотя бы на федеральном уровне. Ни одна из стран G8², кроме России, не находится в ситуации, когда крупнейшие города страны, являющиеся центрами

¹ Как теперь ясно, на самом деле слома как такого и не было, а просто сказалось временное ослабление «властной вертикали».

² *Group of eight* (G8, в пер. на русский — «Группа восьми», «Большая восьмерка») — неофициальный форум лидеров ведущих промышленно развитых демократических стран, участниками которого являются Россия, США, Великобритания, Франция, Япония, Германия, Канада, Италия, а также представлен и полноформатно участвует ЕС. В рамках «восьмерки» осуществляется согласование подходов к актуальным международным проблемам. (Официальный сайт Председательства РФ в «Группе восьми») [7].

регионов, не связаны автомобильными дорогами с асфальтовым покрытием. Поездка на автомобиле из Москвы в весенний период в Норильск или Владивосток априори является экстремальным путешествием с весьма малой вероятностью успеха в случае Норильска.

В заключении по проекту Федерального закона № 141187-5 «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» говорится следующее: «Создание Государственной компании обуславливается целями поддержания в надлежащем состоянии и развития сети автомобильных дорог и их дорожной инфраструктуры путем осуществления функций заказчика при проектировании, строительстве, реконструкции, капитальном ремонте, ремонте и содержании автомобильных дорог Государственной компании и объектов дорожного сервиса за счет бюджетных ассигнований, в случае их выделения, и внебюджетных источников финансирования, в том числе частных инвестиций, содействие разработке и внедрению новых технологий в области дорожной деятельности».

Далее мы попытаемся разобраться в том, как отразится данное нововведение на российских автомобильных дорогах, а также как оно повлияет на развитие экономики в целом.

До настоящего времени дела в дорожном хозяйстве обстояли «из рук вон плохо». На данных графиках вы можете увидеть динамику основных показателей аварийности.

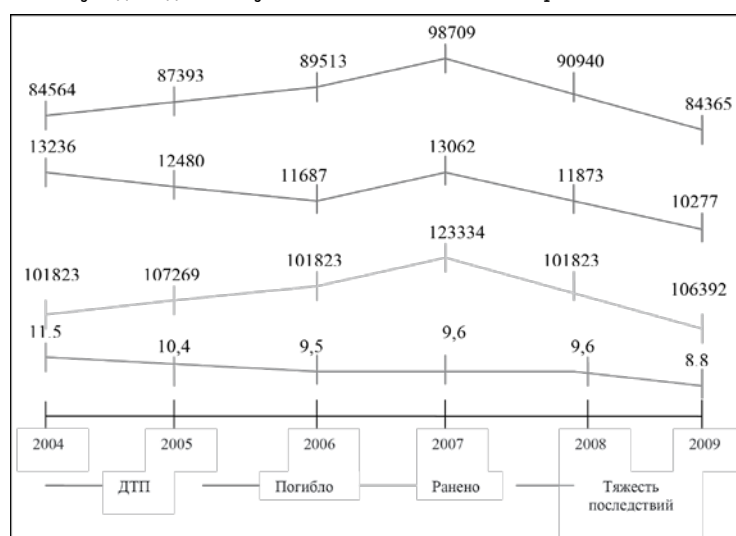

Рис. 1. Динамика основных показателей аварийности 1-го полугодия в 2007–2009 гг.

Составлено по: официальный сайт ГИБДД [6]

Количество ДТП в России постепенно уменьшается. Согласно целям, поставленным в рамках федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах», к 2012 г. число погибших на дорогах должно снизиться вдвое — с 35–40 тысяч до 17–20 тысяч. Однако, несмотря на все это, оно все равно останется недопустимо большим.

За весь 2009 год произошло 203 603 дорожно-транспортных происшествия, в результате которых погибли 26 084 человека, а 257 034 — получили ранения. Причем 18,7% от всех ДТП произошло из-за неудовлетворительного состояния улиц и дорог [6].

Что же так сильно влияет на показатели аварийности? Следующая таблица (табл. 1) как раз так отображает значения ее показателей в зависимости от различных видов неудовлетворительных дорожных условий.

Помимо сухой статистики, которая неплохо, на наш взгляд, демонстрирует всю критичность ситуации, приведу реальный пример из жизни. Однажды, несколько лет назад, зимой я совершил путешествие на автомобиле по Западной Европе. Доехав до Латвии, а затем в Риге воспользовавшись услугами паром, мы очутились в Северной Германии, по автобанам которой можно с легкостью добраться до любого европейского города. То, что поездка до границы с Прибалтикой была сущим мучением, я понял, лишь оказавшись на немного потрепанной, но все же ровной и ухоженной небольшой дороге, ведущей в Ригу: автомобилей было не так много, выбоин и прочих «рваных ран» не было вовсе, за дорогой следили, мусор убирали, места автомобилям хватало. Высадившись на территории ФРГ, я понял, что, собственно, по-настоящему нормальных дорог прежде никогда и не видел. Чистое с водоотведением широкополосное шоссе в несколько рядов, подготовленные на случай дождя обочины, защитное ограждение, удобные съезды, развитая инфраструктура, расставленные в нужных местах и в необходимом количестве дорожные знаки. Что касается последнего, то об этом вообще отдельный разговор.

Автора всегда поражала та логика, которой руководствуются российские дорожники при расстановке этих, казалось бы, «помощников» водителя. Например, в центре Москвы вы можете увидеть одинокий указатель на Архангельск с указанием километража. Этот указатель сродни компасу на северо-

восток, потому что, так же как и в этом случае, в ближайших окрестностях, вы не найдете какое-либо дальнейшее логическое развитие маршрута. Проверив все окрестности вплоть до МКАД, я не обнаружил больше ни одного упоминания об этом городе. А вот теперь представьте, что на Елисейских полях будет висеть одинокий указатель на Ужгород. Как вы думаете, насколько информативен он будет?

Таблица 1

**Показатели аварийности из-за различных видов неудовлетворительных
дорожных условий (2008 г.)**

Вид неудовлетворительных дорожных условий, сопутствующих ДТП	Кол-во ДТП	Уд. вес, в %	Динамика уд. веса (по сравнению с 2007 г.)	Погибло	Ранено	Показатель тяжести последствий
Низкие сцепные качества покрытия	10933	28,0	-6,7	1265	14274	8,1
Отсутствие горизонтальной разметки	7297	18,7	+1,7	1077	9419	10,3
Недостаточное освещение	5449	13,9	+1,3	1166	5944	16,4
Дефекты покрытия	2595	6,6	+0,3	303	3299	8,4
Отсутствие ограждения в необходимых местах	2177	5,6	+0,7	279	2261	11,0
Неровное покрытие	1998	5,1	стаб.	269	2514	9,7
Отсутствие тротуаров, пешеходных дорожек	1981	5,1	+0,2	329	19,08	14,7
Плохая различимость горизонтальной дорожной разметки	1671	4,3	+1,3	220	2204	9,4
Несоответствие параметров дороги и ее категории	1372	3,5	+0,3	348	1880	15,6
Неисправное освещение	1343	3,4	-0,3	289	1443	16,7
Отсутствие дорожных знаков	1326	3,4	+0,3	219	1691	11,5
Неудовлетворительное состояние обочин	1120	2,9	+0,1	195	1425	12,0
Обочина занижена по отношению к проезжей части дороги	906	2,3	+0,6	199	1249	13,7
Ограниченная видимость	642	1,6	-0,2	112	847	11,7
Деревья, опоры на обочине	538	1,4	-0,1	131	666	16,4
Сужение проезжей части (снегом, строит. материалами и прочее)	366	0,9	-0,4	63	444	12,4
Плохая видимость дорожных знаков	274	0,7	+0,3	20	340	5,6
Неисправность светофора	179	0,5	+0,1	14	220	6,0
Отсутствие вертикальной разметки	136	0,3	-0,4	25	173	12,6
Отсутствие ограждений, сигнализаций в местах работ	86	0,2	стаб.	24	105	18,6
Плохая видимость светофора	59	0,2	+0,1	3	74	3,9
Отсутствие переходно-скоростных полос	44	0,1	стаб.	7	61	10,3
Неисправность переездной сигнализации	5	0,013	+0,01	4	4	50,0

Источник: Федеральная служба государственной статистики [15]

Мы немного отвлеклись. Трассы Германии предоставили возможность комфортной поездки на скорости в 160 км/ч на огромном внедорожнике. В России данная ситуация сродни «русской рулетке» и очень часто заканчивается летальным исходом. К слову, по данным американского журнала *Forbes* на 2009 г., страной, куда за рулем автомобиля лучше вообще не соваться, стала Россия [17]. Рейтинг самых опасных стран Европы и Америки был составлен «Организацией экономического сотрудничества и развития» (*OECD*). Эксперты этой организации при оценке использовали 2 самых важных фактора: количество погибших в ДТП людей на 1 млн населения и на 1 млн автомобилей. В России, например, на 1 млн автомобилей ежегодно погибает 939 человек, а в США, которые оказались на восьмом месте в рейтинге, показатель составляет 163 смерти на 1 млн автомобилей. В пятерку самых опасных стран для водителей вошли Россия, Словакия, Польша, Турция, Венгрия.

Проехав практически всю Европу, мы вернулись домой тем же путем. Привыкнув к хорошим дорогам, мы опять испытали шок, вернувшись на родину. В условиях зимы дороги были не только разбиты, но и в грязи, а безаварийное движение было достижимо только при наличии хорошего уровня мастерства, на небольшой скорости и при малом количестве машин. Вот отсюда и вытекает

1-е место по опасности вождения в мире. Что касается грязи, то она не поддается никаким методам очистки по одной простой причине: плохая организация дорожного пространства. Для того чтобы было возможно содержать дорогу в чистоте, необходимо обеспечить отсутствие падающего с обочин грунта, а также грязных колес грузовиков, выезжающих со строительных площадок и территорий предприятий.

Казалось бы, так просто:

- обустроить обочины на основных федеральных и региональных дорогах, ремонт которых происходит ежегодно³. Отделить дорогу от прилегающих территорий таким образом, чтобы автомобиль не мог заехать на грунт: будь то прилегающая к шоссе земля или разбитый рядом газон;
- ввести значительные штрафы за отсутствие мойки на строительных площадках и ненадлежащее ее применение;
- проинспектировать внутренние территории предприятий и при отсутствии асфальтирования, так же как и в случае со строительными площадками, взимать определенные штрафы;
- проинспектировать дворовые территории, находящиеся в ведении муниципальных образований, и обязать их надлежащим образом оформить проезжую часть.
- для эффективной работоспособности данной системы ввести методы поощрения населения при информировании о несоблюдении данных мер;
- в наших жестких климатических условиях грязь и химические реагенты, выливаемые тоннами на дорожное полотно, чрезмерная нагрузка от автомобилей-тяжеловозов, массовый брак, приписки и хищения во время дорожного строительства приводят к досрочному выходу из строя дорожного полотна.

Устранение только одних лишь этих причин сделало бы российское дорожное хозяйство на порядок более комфортным и менее затратным. Но этого не будет никогда. И вот почему:

- многие противники данной идеи скажут, что наше дорожное строительство и так одно из самых дорогих в мире, обустройство же обочин сделает его сверхдорогим. А такие люди обязательно найдутся, и в большинстве случаев они будут выражать интересы тех компаний, которым выгодно «строить» дороги каждый сезон. В условиях «дорогого» строительства это — действительно большие деньги;
- качественное дорожное строительство при существующем уровне коррупции невозможно в принципе. В условиях экономического кризиса «откаты» доходят до 90%. Чиновники не знакомы с «кривой Лаффера»⁴ и пытаются сохранить уровень своего благосостояния на прежнем уровне, несмотря на экономический кризис;
- в данных условиях невозможно не использовать химические реагенты зимой;
- коррупция и мизерные зарплаты, отсутствие действенного контроля над работой ГАИ (а в данном случае он может быть только общественным, что продемонстрирует пренебрежение к основам существующей власти) приводят к тому, что одним из основных источников дохода является сбор мзды за нагруженные сверх нормы автомобили. Инспекторам даже не приходится особо себя утруждать. Если прибавить к «сухому» весу автомобиля товарные накладные, то как раз и выйдет та самая нагрузка, что имеется в наличии. А надо сказать, что практически ВСЕ большегрузные автомобили нагружены чрезмерно.

А теперь поговорим о тех самых конкретных причинах, которые на сегодняшний момент являются основным источником «головной боли» нашего дорожного хозяйства.

1. Основные причины ненадлежащего состояния автомобильных дорог России

1.1. Природно-географические причины

В связи с тем что территория Российской Федерации очень большая (напомним, что СССР обладал наибольшей площадью среди государств мира) и на ней представлены разные климатические пояса, большинство дорог находятся в сложных климатических условиях. Эти условия на порядок хуже, нежели в таких автомобильных странах, как Канада, США, Евросоюз (страны Европы).

Сложность эта определяется перепадами температуры, а также количеством ее переходов через точку замерзания воды. Например, для территорий Сибири и Севера характерен резко континентальный климат. Температура дорожного полотна в таких условиях колеблется от -60 до $+70$ °C. Ко всему прочему, грунтово-геологические характеристики, выраженные слабыми и легко поддающимися деформации грунтами, вечной мерзлотой, а главное, болотами, приводят к тому, что для проектирования и строительства дорог необходимо принимать дополнительные меры. Поэтому для некоторых крупных населенных городов у нас нет адекватных автомобильных дорог. Яркий пример тому — Норильск.

³ ГОСТ Р 50597-93. Автомобильные дороги и улицы. Требования к эксплуатационному состоянию, допустимому по условиям обеспечения безопасности дорожного движения [18].

⁴ Кривая Лаффера (Laffer Curve) — кривая, отражающая взаимосвязь между величиной ставки налогов и поступлением за их счет средств в государственный бюджет [5, с. 124].

Как было сказано ранее, грунтово-геологические условия, выраженные слабыми и легко поддающимися деформации грунтами, характеризуются тем, что в весенне-летний период при оттаивании и пучении грунтов изменяются их физико-механические свойства. Увеличивается их водопроницаемость и способность сжиматься, что приводит к выплескам, разжижению, образованием бугров, смещениям откосов и кюветов, и как следствие, является причиной неравномерных просадок и разрушения дорожного полотна. Еще больше это усугубляется механическим воздействием большегрузного транспорта, в большинстве своем использующего нагрузки, превышающие допустимые значения.

По мнению Ф.С. Губермана [3], основной причиной плохого состояния российских дорог является морозное пучение земляного полотна как следствие такого фактора как недостаточное для наших климатических условий уплотнение... Давление воды, замерзающей в замкнутой системе, достигает 2000 кг/см^2 при $t^\circ = -22^\circ \text{C}$ [4].

Мы уже писали про пучение грунтов, но каковы конкретные причины и механизм повреждения автомобильных дорог, определяемые данным свойством? Отчего каждую весну автомобильной общественности приходится ремонтировать свой автотранспорт, попавший в огромные дыры в асфальте?

Россия является уникальной страной: около 80% всех грунтов — это так называемые связные, то есть грунты с примесью глины или целиком состоящие из таковой. А глины и суглинки имеют любопытную особенность — они хорошо набирают и плохо отдают влагу. Осенью паводки и дождевые воды оказываются в грунте под дорожным полотном, и при первых же минусовых температурах происходит то, что специалисты называют «морозным пучением», — асфальт попросту начинает разламываться и трескаться, потому что давление замерзшей воды в замкнутой системе достигает огромных цифр. В весенний же период при переходе к плюсовым показателям в процессе таяния вода, наоборот, попадает на верхний слой, и многотонные грузовики просто-напросто начинают продавливать асфальт.

Единственный способ борьбы с этим явлением — уплотнение грунтов. В России же с 1939 г. ГОСТ на плотность грунтовой насыпи не менялся, хотя в развитых странах его уже давным-давно подняли. И несмотря на то что разница составляет незначительные 5%, дело в том, что уплотнение грунта описывается графиком экспоненциальной кривой, когда даже небольшое (5–7%) повышение плотности грунта дает увеличение прочности дороги в 2,5 раза. К сожалению, это небольшое увеличение повышает энергозатраты вчетверо. Данное обстоятельство предполагает использование более мощной техники, нежели чем 25-тонные катки, которым принадлежит ключевая роль при дорожном строительстве в России. Западные же страны, уже дано пользуются 100 и даже 200-тонными катками, да и грунты на их территории, в основном, песчаные.

Забегая вперед, подчеркнем, что дорожная техника наряду с авиационной является наиболее капиталоемкой, и поэтому достаточно разумным решением будет создание государственной корпорации, которая будет играть роль ее собственника и распорядителя.

1.2 Административные и социальные причины

1.2.1. Бюрократия и неэффективное управление

Государственное управление в сфере дорожного хозяйства мало изменилось со времен СССР и выполняет всю ту же функцию перераспределения государственного бюджета, без какой-либо ориентации на результат. А это, в свою очередь, не может не способствовать продолжению политики неэффективного дорожного строительства, а также активному использованию устаревших технологий. Справедливость данных рассуждений подтверждается в рамках концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах». Вот что там говорится:

- ❖ сложившаяся картина усугубляется неэффективностью реальных рычагов воздействия на ухудшающуюся ситуацию с аварийностью. Меры, предпринимаемые субъектами Российской Федерации, не носят целенаправленного характера и не подчинены единой задаче;
- ❖ мероприятия в области обеспечения безопасности дорожного движения финансируются в основном за счет средств, выделяемых на осуществление текущей деятельности органов исполнительной власти;
- ❖ сейчас в России фактически отсутствует система организационно-планировочных и инженерных мер в области совершенствования организации движения транспорта и пешеходов в городах. Реализуемые мероприятия носят эпизодический характер. Не определены полномочия по проведению мероприятий, направленных на улучшение движения транспорта и пешеходов (регламентация скоростных режимов, введение одностороннего движения и т.д.). Как следствие, в городах постоянно возникают заторы, существенно затрудняющие и ограничивающие дорожное движение;

- ❖ воздействие государства и общества на участников дорожного движения с целью формирования общественно значимых стереотипов транспортной культуры и повышения правосознания осуществляется недостаточно;
- ❖ не в полной мере в России используется мировой опыт в области безопасности дорожного движения. [11];
- ❖ по данным Росстата [15] за 2005 год, армия чиновников выросла на 10,9 %, а количество служащих в органах власти составило 1,462 млн человек. Для сравнения, при Брежневе во всем СССР было 1,755 млн чиновников. Численность населения СССР превышала современную численность населения России в два раза. Функции региональных и федеральных властей дублируются, наблюдается это и в сфере дорожного хозяйства.

Опираясь на данные показатели, можно еще раз убедиться в том, что динамика численности работников государственных органов с каждым годом все увеличивается, причем как для органов федерального значения, так и на местах, а это существенно уменьшает эффективность административной работы и несоразмерно увеличивает расходы государства.

Таблица 2

Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления по ветвям власти и уровням управления (на конец года)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
В государственных органах, органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований Российской Федерации — всего	1163,3	1140,6	1252,3	1300,5	1318,6	1462,0	1577,2	1623,9	1670,8	1674,8
из них в органах:										
законодательных	15,5	19,2	20,4	21,7	22,9	24,4	26,1	27,9	31,8	31,8
исполнительных	1027,4	981,4	1070,2	1100,4	1100,7	1234,4	1342,6	1385,4	1420,6	1415,1
судебной власти и прокуратуры	115,2	134,3	153,9	168,5	184,5	192,8	197,1	197,6	203,4	212,6
других	3,1	3,5	5,5	7,4	7,9	8,3	9,3	10,8	12,9	13,1
на региональном уровне — всего	1124,5	1103,4	1214,5	1261,8	1283,0	1420,9	1534,7	1582,8	1626,1	1627,5
из них в органах:										
законодательных	11,3	15,4	16,1	17,3	18,8	20,2	21,9	25,0	27,6	27,6
исполнительных	998,9	954,1	1043,0	1072,8	1076,3	1204,2	1311,1	1353,9	1387,4	1379,5
судебной власти и прокуратуры	112,0	131,0	150,5	165,0	180,9	189,1	193,3	194,1	199,3	208,3
других	2,0	2,2	4,1	5,9	6,4	6,8	7,8	9,2	11,3	11,5
В федеральных государственных органах¹⁾ — всего	522,5	504,9	590,3	615,9	628,0	766,8	828,5	838,8	854,7	878,0
из них в органах:										
законодательной власти	4,4	4,5	4,8	4,7	4,6	4,7	4,7	3,2	4,7	4,8
исполнительной власти	402,6	374,8	444,4	459,2	457,4	590,4	646,9	657,1	667,0	682,9
судебной власти и прокуратуры	112,2	122,0	137,4	148,1	161,9	168,0	173,2	174,6	179,2	186,5
других государственных органах	1,2	1,3	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6

Источник: Федеральная служба государственной статистики [15]

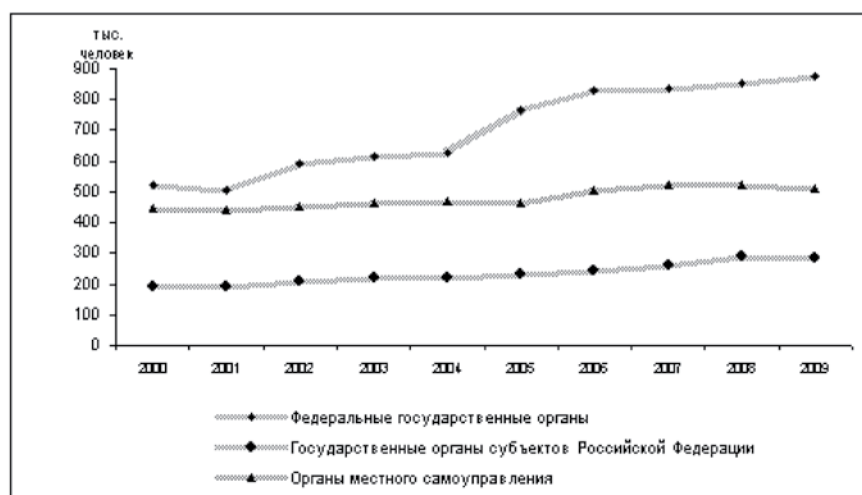

Рис. 2. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления
 Источник: Федеральная служба государственной статистики [15]

1.2.2. Коррупция и воровство. Искаженные экономические стимулы. Проблема «moral hazard» в России

Огромная армия чиновников с небольшими официальными зарплатами вынуждена постоянно искать себе ренту, в том числе это касается и чиновников в сфере дорожного хозяйства. И надо сказать, что дорожное хозяйство является одной из самых благодатных почв для воспроизведения коррупции. Количество грунта, песка, материалов, «утрамбованных» в дорожное полотно, зачастую не поддается проверке, поэтому стимулы для «приписок», завышения объемов сделанных работ не просто высоки, а огромны. Риск того, что твои «махинации» заметят, совершенно крошечный, поэтому возникает вполне логичный вопрос: если ничего не заметят, а следовательно, ничего тебе за это не будет, так почему бы не взять и немножко не помочь себе и своей семье? Чутьочку помогает один, потом второй, третий, и вот так и получаются знаменитые некачественные российские дороги.

Общественные интересы и интересы чиновников с небольшими зарплатами не совсем совпадают. Естественное желание получить «на халяву» дополнительные деньги никак не вписывается в генеральный план развития дорожного хозяйства в России. Прибавьте сюда отсутствие жесткого контроля их деятельности и получите идеальные условия для появления и укрепления проблемы «moral hazard», представляющую собой возможность стихийного отлынивания и стремление сделать меньше, чем то, на что ты способен.

Вот именно отсюда и растут корни чиновничьего оппортунизма, и именно поэтому наше дорожное строительство является одним из самых дорогих в мире.

2. Возможные решения проблем в дорожном строительстве России

2.1. Внедрение инноваций и упорядочивания дорожного строительства и эксплуатации на уровне исполнителей (физико-механические причины)

Как мы писали ранее, решение основной проблемы — уплотнения грунта — заключается в использовании мощных пневмокатков (60, 100 и даже 200 тонн). В России данная техника не производится, и поэтому инновации в данную область могут состоять либо в приобретении этой техники за рубежом, либо в попытке ее производства на территории РФ, пусть даже и с помощью западных лицензий.

2.2. Учреждение Госкорпорации «Росавтодор» как эффективного инструмента эксплуатации и расширения федеральных автодорог

Понимая это, высшие государственные мужи воспользовались квазирыночным инструментом, который, по их мнению, сможет обеспечить механизм эффективного дорожного строительства, а также адекватное содержание самих федеральных трасс. Инструмент этот крайне интересен и заключается в создании «государственной корпорации». По замыслу авторов, эта корпорация будет

решать все системные проблемы дорожного хозяйства РФ в плоскости федеральных трасс с помощью привлечения частного капитала, высвобождая дух предпринимательства и применяя его в дорожном строительстве.

Основная идея состоит в учреждении такой государственной структуры, которая, получая денежные средства из бюджета РФ, сдавала бы федеральные трассы (разумеется, при условии владения ими) в концессию либо эксплуатировала их сама. А также распоряжалась бы земельными участками, прилегающими к федеральным трассам и вела бы коммерческую деятельность, получая при этом концессиональные, арендные доходы, доходы от собственной коммерческой деятельности другого рода, учреждая и входя в капиталы сторонних коммерческих организаций. Совокупные доходы направлялись бы на надлежащую эксплуатацию федеральных трасс в РФ, а также на развитие дорожной сети.

Казалось бы, вот он «луч света в темном царстве», решение сразу двух «краеугольных камней преткновения» в российской действительности — «дураков и дорог» — в сфере дорожного строительства (да простит меня читатель за данную тавтологию).

«Дураков» — в смысле крайне неэффективной траты денежных средств на дорожное строительство. Коммерциализация, по замыслу авторов, видимо, выступает в качестве системы «хозрасчета» конца 80-х, то есть будет способствовать дисциплине исполнителей, мотивированных таким образом действовать эффективно. Зачем заниматься коррупцией, воровством, если можно зарабатывать? И ответ на этот вопрос прост. Он в свою очередь представляет собой еще один вопрос: а зачем трудиться и зарабатывать, если можно, ничего не делая, просто воровать, получая денежные средства, отнимая земельные участки и перепродавая их, путем учреждения «подставных» компаний и перечисления туда денежных средств. Тем более все это прописано в новом законопроекте. Конечно, там не говорится об учреждении «подставных» компаний, а всего лишь о «учреждении Государственной компанией дочерних коммерческих структур» [9], но это в данной ситуации фактически одно и то же.

В результате мы имеем эдакую «бездонную бочку», куда сливаются государственные доходы и доходы от эксплуатации переданного государством имущества. Выливаются же они в «карманы» неподконтрольных чиновников.

Впрочем, обо всем по порядку.

2.2.1. Организационно-правовая форма

Что же такое государственная компания (корпорация) «Российские автомобильные дороги» «и с чем ее едят»? И вообще, что это за организационно-правовая форма такая «государственная корпорация»? В Гражданском кодексе закреплены такие понятия, как ООО, ОДО, ОАО⁵, имеющие аналоги с мировыми корпоративными устройствами в виде *Ltd* и *PLC*⁶ в качестве частных компаний или компаний с долевым участием государства. Соответственно, есть государственные компании ГУП и ФГУП, которые также имеют аналоги в мировой экономике.

Но в чем тогда заключается сущность и специфика «государственных корпораций»? Как известно, на данный момент насчитывается 8 таких организаций, и все они созданы под определенные проекты. Например: «Олимпстрой» — для проведения Олимпиады «Сочи-2014», «Агентство по страхованию вкладов» — для санации проблемных банков, «Внешэкономбанк» — в качестве банка национального развития, «Росатом» — для контроля одной из ключевых сфер современной энергетики, безопасности страны и ее экономики, «Российская корпорация нанотехнологий» и «Ростехнологии» — для осуществления технологического прорыва в экономике. Для решения особенно острых инфраструктурных проблем — Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства и «Российские автомобильные дороги».

Анализируя сферы деятельности и направленность государственных корпораций, можно разделить их на три категории.

К первой относятся компании, обеспечивающие экономический и технологический прорывы для России, такие как «Ростехнологии» и «Роснано», вкпе с компаниями, поддерживающими воз-

⁵ Общество с ограниченной ответственностью (ООО) — объединение двух и более физических и юридических лиц с целью организации и осуществления предпринимательской деятельности, ответственность которых по обязательствам общества ограничивается их вкладами (паем) в капитал последнего.

Общество с дополнительной ответственностью (ОДО) — учрежденное одним или несколькими лицами общество, уставный капитал которого разделен на доли определенных учредительными документами размеров; участники такого общества солидарно несут субсидиарную ответственность по его обязательствам своим имуществом в одинаковом для всех кратном размере к стоимости их вкладов, определяемом учредительными документами общества.

Открытое акционерное общество (ОАО) — форма организации публичной компании; акционерное общество, акционеры которого пользуются правом отчуждать свои акции. [5, с. 200, 209].

⁶ *Ltd* (*limited*, англ.) — общество с ограниченной ответственностью акционеров (учредителей) касательно деятельности предприятия, долгов и преследования кредиторов.

PLC (*Public Limited Company*, англ.) — открытая публичная компания с ограниченной ответственностью, уставной капитал которой может продаваться на фондовой бирже [16].

возможность этого как таковую («Внешэкономбанк» как банк национального развития и «Агентство по страхованию вкладов» как борец с раскиской «авгиевых конюшен» экономики). В какой-то мере сюда можно отнести и «Росатом», потому что он отвечает за выработку наиболее дешевых видов энергии, являющихся одной из существенных затрат производственных предприятий, нацеленных на технологический прорыв.

Вторая категория — это компании, решающие системные инфраструктурные проблемы России: ЖКХ и дороги.

Третья включает в себя все те организации, что реализуют какие-либо политические обещания или амбиции федеральной власти. В данном случае на смену БАМа из советского прошлого пришла Олимпиада в Сочи 2014 года.

Речь идет о некоторых специальных проектах или операциях (если использовать термины спецслужб, выходами из которых и управляется, в основном, российская экономика). Такие организации, в общем-то, как раз и призваны быть «локомотивами» экономического роста в нашей стране.

Эти компании имеют ряд особенностей, выделяющих их на фоне остальных организационно-правовых форм, и дающих повод обратиться на них пристальное внимание.

Вот некоторые из них:

1. Государственная компания (далее ГК) создается на основании федерального закона.
2. Имущество, переданное ГК Российской Федерацией, является собственностью ГК, то есть не является государственной собственностью (этим ГК отличается от ФГУПов). Тем самым, контроль за собственностью ГК выведен из-под надзора Счетной палаты РФ.
3. ГК не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам ГК, если в законе, в котором рассматривается создание ГК, не предусмотрено иное.
4. ГК отличается как от ОАО с преобладающим государственным участием, так и от государственных унитарных предприятий (ФГУПов). В частности, на ГК не распространяются положения о раскрытии информации, обязательные для публичных ОАО, а также действие закона о банкротстве. Кроме того в отличие от ФГУПов ГК выведены из-под контроля ряда государственных органов.
5. ГК не обязана представлять в государственные органы документы, содержащие отчет о своей деятельности (исключение составляют ряд документов, представляемых в правительство РФ). В частности, госорганы без согласия ГК не могут:
 - ❖ запрашивать у органов управления корпорацией их распорядительные документы;
 - ❖ запрашивать и получать информацию о финансово-хозяйственной деятельности корпорации у органов государственной статистики, федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, и иных органов государственного надзора и контроля, а также у кредитных и иных финансовых организаций;
 - ❖ направлять представителей для участия в проводимых корпорацией мероприятиях;
 - ❖ проводить проверки соответствия деятельности корпорации, в том числе по расходованию денежных средств и использованию иного имущества, целям, предусмотренным ее учредительными документами, в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по нормативно-правовому регулированию в сфере юстиции;
 - ❖ в случае выявления нарушения законодательства Российской Федерации или совершения корпорацией действий, противоречащих целям, предусмотренным ее учредительными документами, вынести ей письменное предупреждение с указанием допущенного нарушения и срока его устранения;
 - ❖ устанавливать соответствие расходованию денежных средств и использования иного имущества корпорациями целям, предусмотренным их учредительными документами.
6. На государственные корпорации не распространяются положения Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [13]. Но если госкорпорацией используется государственная земля, то формальные основания для осуществления контроля со стороны Счетной палаты имеются. Например: «контроль эффективности и соблюдения целевого использования государственной собственности (земельных участков), находящейся в пользовании ГК.....» Кроме того, статья 12 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» в сферу контрольных полномочий включает организации, в части предоставленных им налоговых, таможенных и ИНЫХ льгот и ПРЕИМУЩЕСТВ. Порядок формирования госкорпорации, то есть имущественный взнос Российской Федерации и есть то преимущество, на основании которого указанные организации подлежат контролю со стороны Счетной палаты РФ. Предмет контроля — эффективность управления имущественным взносом Российской Федерации.
7. Контроль над деятельностью ГК осуществляется Правительством РФ на основе ежегодного представления корпорацией годового отчета, аудиторского заключения по ведению бух-

галтерского учета и финансовой (бухгалтерской) отчетности, а также заключения ревизионной комиссии по результатам проверки финансовой (бухгалтерской) отчетности и иных документов корпорации. Любые другие федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления не вправе вмешиваться в деятельность корпораций. ГК не обязана публиковать указанную отчетность.

8. Особенности правового статуса госкорпорации, в том числе порядок назначения руководителя, устанавливаются законом, предусматривающим создание государственной корпорации (согласно большинству такого рода законов руководитель ГК назначается Президентом РФ).

Из приведенного анализа видно, что если бы силовые департаменты, а таковыми располагают все государственные корпорации, занимали бы главенствующие позиции, то российская экономика получила бы еще один набор спецслужб, специализирующихся в разных областях.

2.2.2. Преимущества госкорпораций

Из приведенных выше особенностей государственных корпораций, можно сделать вывод, что данные организации и есть основные «локомотивы» экономики РФ. Для них свойственна с одной стороны, гибкость оперативного управления со стороны исполнительной власти, что обеспечивает в данном случае:

- неподконтрольностью Счетной палате РФ⁷;
- фактической закрытостью деятельности (на ГК не распространяются положения о раскрытии информации);
- широкой возможностью управленческих экспериментов (на ГК не распространяется действие «закона о банкротстве», а в уставе, например, ГК «Росавтодор» прописана возможность учреждения сторонних коммерческих организаций самой ГК);
- подотчетностью напрямую Правительству и Президенту РФ.

С другой стороны, финансирование напрямую из государственного бюджета и отчуждение федеральных земель активно позволяет собрать «мощный экономический кулак» для решения системных проблем.

2.2.3. Недостатки квазигосударственного управления

Л.Н. Толстой в своем романе «Анна Каренина» когда-то сказал: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему» [14].

Так и с государственными корпорациями, каждая из которых, хотя и является особенной, но по сути содержит в себе общие фундаментальные экономические противоречия.

На примере «Росавтодора» они видны наиболее отчетливо. Вообще основным мотивом создания государственных корпораций, как нам кажется, кроме технологических прорывов и гибкости в управлении, является переход к прозрачности и к установке таких рыночных отношений, основой которых будет ответственность, развитие (путем накопления капитала и капитальных вложений), а главное, кардинальное улучшение отрасли, которой они собственно и были призваны помочь. В данном случае речь идет о дорожном строительстве и эксплуатации дорог в РФ.

Но на деле все оборачивается совершенно другими перспективами. В принятом федеральном законе «камень на камне не остается» от прозрачности, ответственности, капитальных вложений, а как следствие — и улучшения состояния дорог в Российской Федерации, технологического прорыва в их строительстве и эксплуатации. И вот почему.

Начнем с прозрачности и ответственности — основ экономически устойчивых обществ:

- положения статьи 35 Федерального закона № 145 «О Государственной компании “Российские автомобильные дороги”» [12] и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — законопроект), касающиеся порядка изъятия земельных участков для размещения автомобильных дорог, затрагивают конституционные права и интересы неопределенного круга лиц. В связи с этим указанный порядок не может быть урегулирован только исходя из задач, находящихся в прерогативе сферы дорожного хозяйства;
- в законе содержатся нормы, нарушающие интересы участников гражданского оборота. К ним относятся положения, предусматривающие противоречащий Гражданскому кодексу Российской Федерации порядок прекращения прав хозяйственного ведения и оператив-

⁷ Счетная палата осуществляет оперативный контроль за исполнением федерального бюджета, а также контроль за состоянием государственного внутреннего и внешнего долга, за использованием кредитных ресурсов, за внебюджетными фондами, за поступлением в бюджет средств от управления и распоряжения федеральной собственностью, за банковской системой (включая Банк России), проводит ревизии и проверки, проводит экспертизу и дает заключения, информирует палаты Федерального Собрания. [10].

ного управления имуществом федеральных государственных унитарных предприятий и учреждений. Причем происходит это «без согласия этих организаций и независимо от оснований, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации» (ч. 1–2 ст. 29, ч. 2 ст. 36 и другие положения Закона) [2]. Законом также не предусмотрено согласование решений об изъятии принадлежащих указанным организациям объектов недвижимости с федеральными органами, исполнительной властью, что осуществляют функции по выработке и реализации государственной политики в соответствующих сферах деятельности (за исключением федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных в области обороны, в области безопасности, в области охраны окружающей среды). В то же время федеральные государственные учреждения и унитарные предприятия наделялись земельными участками и иным имуществом для достижения целей, определенных учредителем. Принятие решения об изъятии имущества у этих организаций без учета их интересов и без предварительной проработки с федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по выработке и реализации государственной политики в соответствующих сферах деятельности, может повлечь невыполнение указанными организациями возложенных на них функций. Поэтому данные положения закона следует переработать, устранив противоречия в Гражданском кодексе Российской Федерации и обеспечив соблюдение прав и учет интересов федеральных государственных унитарных предприятий и федеральных государственных учреждений;

- нуждаются в доработке положения закона, регулирующие порядок формирования и деятельности органов управления Государственной компании. Ч. 2–4 ст. 8 Закона определено количество членов наблюдательного совета Государственной компании, которые включаются в его состав по представлению федеральных органов государственной власти. При этом из данной нормы следует, что председатель наблюдательного совета назначается не из круга указанных лиц, а это в свою очередь противоречит ч. 5 данной статьи. Порядок выдвижения его кандидатуры законом не урегулирован;
- ч. 5 ст. 8 Закона определен порядок назначения высшего органа исполнительной власти государственной компании: «Председатель наблюдательного совета Государственной компании назначается Правительством Российской Федерации одновременно с назначением иных членов наблюдательного совета ГК. Председатель наблюдательного совета ГК организует работу наблюдательного совета ГК, созывает его заседания, председательствует на них и организует ведение протоколов этих заседаний». Председатель правления согласно ч. 2 ст. 12 также назначается Правительством Российской Федерации, однако непонятна роль Правительства РФ и других федеральных органов государственной власти в оценке деятельности Государственной компании. Это же замечание относится и к положениям закона, регулирующим вопросы подготовки и опубликования годового отчета Государственной компании. Существует только персональная ответственность и политическая лояльность у председателя правления лично перед премьер-министром Правительства Российской Федерации, который в своей оценке работы ГК руководствуется годовым отчетом, подготовленным самой ГК согласно ст. 17;
- согласно ст. 5 государственная компания вправе учреждать коммерческие организации и принимать участие в российских коммерческих организациях, что вкупе с описанными факторами может привести к возможности коррупционной деятельности внутри государственной компании.

Вот и получается, что создана огромная компания, получившая огромные ресурсы от государства, а в том числе и земельные, подконтрольная единственному человеку и сама себя проверяющая и оценивающая. Сторонний аудит не берем в счет, в конкурентной Америке с весьма жестким налоговым законодательством 2-я в США по величине энергетическая компания *Enron* имела приписки на миллиарды долларов. Причем покрывала ее в этом весьма уважаемая, а по совместительству 3-я по величине аудиторская в мире компания *Arthur Andersen*⁸. И где теперь эти компании? Им государство не помогло. Государственной же корпорации помогут обязательно. Особенно, если учесть, что эта некоммерческая организация имеет право учреждать коммерческие организации для входа в другие такие же организации.

ОАО «АвтоВАЗ» показал убыток в 76 млрд рублей, которые государство собирается компенсировать, списав предыдущие 25 млрд. При этом на АвтоВАЗе бесследно исчезло 7 000 автомобилей. Если автомобили еще можно как-то пересчитать, то во время дорожного строительства технически сложно, а иногда и просто невозможно зафиксировать, сколько было потрачено песка, щебня и т.д. Особенно, когда подрядчик проверяет себя сам. При этом дочерние компании могут показывать катастрофические убытки, так как в любом случае они с лихвой будут покрыты государственной компанией.

⁸ *Arthur Andersen* — одна из 5 крупнейших аудиторско-консалтинговых компаний мира. В 2002 г. *Andersen* предъявили официальные обвинения в крахе корпорации *Enron* вследствие приукрашивания их финансовой отчетности. Хотя приговор был впоследствии опровергнут Верховным Судом Соединенных Штатов, компания не возродилась как жизнеспособный бизнес [1].

Именно это и является причиной отсутствия технологического прорыва, капитализации, установления жестких рыночных отношений. Не создано никакой мотивации. Никакой жесткой и прозрачной ответственности за результат, израсходованные средства и качество дорожного полотна. Зато обязательно будет коррупция, «кумовство», «распил» бюджета, перманентное «латание» дыр и такой ремонт автодорог, который будет наиболее выгоден для формального списания расходов и имитации бурной деятельности. Чиновники и дороги остаются на своих местах.

Заключение

Недавно Д.А. Медведев заявил, что государственные корпорации являются бесперспективными образованиями [8]. И надо полагать, что Президент РФ небезосновательно сделал такое заявление. Как видно из приведенного анализа, сама идея создания финансового, инновационного центра с рыночными экономическими стимулами, направленными на самоокупаемость, повышение качества и роста дорожной сети России, на практике обернулась еще одной площадкой для увеличения своей ренты чиновничьим классом.

Государственное управление как часть общего корпоративного управления в развитых странах меняется в сторону разукрупнения, разгосударствления и повышения конкуренции на местах.

Мы же опять «плодим неповоротливых монстров бюрократической машины», которые по большому счету выполняют только одну важную функцию: за их «ширмой» легко воровать и быть неэффективным. При наличии мощных ресурсов, но при отсутствии необходимой прозрачности, происходит расцвет коррупции и неэффективности, накладывающейся на сложность управления такими конгломератами, в недрах которых можно десятилетиями имитировать бурную деятельность.

Казалось бы, идея создания мощного интеллектуального, финансового и организационного центра выхолощена и выверена, однако из приведенного анализа видно, что без прозрачности, разукрупнения и делегирования полномочий на места, а как следствие — повышения конкуренции, невозможно построить эффективное государственное и корпоративное управление.

Решение проблемы «дураков и дорог» в России в очередной раз откладывается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Википедия // http://en.wikipedia.org/wiki/Arthur_Andersen.
2. Гражданский кодекс РФ. Части первая, вторая, третья и четвертая. М.: Проспект, 2009. С. 12, 14.
3. Губерман Ф.С. Основная причина недолговечности российских дорог. М.: Эксмо, 1992.
4. Залесский Б.В., Степанов В.Я., Флоренский К.П. Опыт изучения физико-механических свойств известняков мячковского горизонта. Тр ИГН АН СССР, 1950. В121.
5. Микро- и макроэкономика. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Г.С. Вечканова. СПб.: Издательство «Лань», 2000.
6. Официальный сайт ГИБДД // <http://www.gibdd.ru/stat/>.
7. Официальный сайт Председательства РФ в «Группе восьми» // <http://www.g8russia.ru/>.
8. Официальный сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
9. Официальный сайт Росавтодора // <http://www.rosavtodor.ru/showzakon/dictations.html>.
10. Официальный сайт Счетной палаты РФ // <http://www.ach.gov.ru/ru/>.
11. Официальный сайт федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» // <http://www.fcp-pbdd.ru/program/problem.php>.
12. Российская газета // <http://www.rg.ru/2009/07/20/zakon-dok.html>.
13. Российская газета // <http://www.rg.ru/2002/11/02/bankrotstvo-dok.html>.
14. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Художественная литература, 1987. С. 3
15. Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/wps/portal/OSI_G#.
16. Финансово-инвестиционный толковый словарь, 2002 // <http://vocable.ru/dictionary/106/>.
17. FORBES // <http://www.forbes.com/>.
18. <http://sklad-zakonov.narod.ru/gost/Gr50597-93.htm>.
19. Maddison, A. Monitoring the World Economy, OECD Development Centre, Paris, 1995.

КОРРУПЦИЯ В ПОСЛЕВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ¹

ОСИПЯН А.Л.,

Департамент политики и организаций,
Пибоди колледж,
Университет Вандербильта
Перевод с англ. Оганесян А.А.

Ученая степень в течение многих лет представляет собой объект стремлений тех, кто занимается научными исследованиями или преподаванием, а также тех, кто жаждет приобрести вербальные или документально фиксируемые знаки отличия. Степень кандидата или доктора наук считается показателем большого опыта и квалификации в определенной сфере деятельности. Растущее количество диссертационных защит вовсе не свидетельствует о высоком качестве самих диссертационных работ или компетентности соискателей. Эта тенденция отчасти может выступать результатом повышения уровня коррупции в высшем образовании, в том числе послевузовском. В данной статье проведено исследование проблемы проплаченных диссертаций в России и ее возможных решений.

Ключевые слова: коррупция; диссертация; ученая степень; высшее образование; Россия.

Doctorates have long attracted attention of those aspiring to scholarship and research, but also those seeking verbal distinctions and a documented knowledge. Doctoral degrees are considered as signs of a high level expertise and authority in a given field. The growing number of dissertation defenses does not necessarily translate into a higher quality of dissertations or qualifications of newly produced doctorates. Such a trend may in part be a result of the growing corruption in higher education, including doctoral education. This paper addresses the issue of «dissertations for sale» in Russia and focuses on possible solutions for this problem.

Keywords: corruption; dissertation; doctoral degrees; higher education; Russia.

Коды классификатора JEL: D73, I00, I21.

Введение

Российские ученые степени кандидата и доктора наук, особенно в сфере математики и естественных наук, в течение длительного времени считались практически самыми престижными в мире. Такой высокий уровень репутации поддерживался благодаря их качеству и низкому уровню коррупционности системы послевузовского образования. За два последние десятилетия ситуация радикально изменилась и, судя по определенным признакам, продолжает ухудшаться. Сегодня проблематичным стало не только международное признание российских ученых степеней; репутация их внутри страны, то есть в рамках централизованной национальной системы, также вызывает все больше сомнений. Издержки существования коррупции в аспирантуре и докторантуре выходят далеко за пределы оценки дипломов и признания степеней. Они снижают эффективность национальной экономики в целом, подрывают доверие и социальное единство нации.

Коррупция в сфере высшего образования как объект исследования очень долго игнорировалась в качестве исследовательской области — неудивительно поэтому, что к анализу коррупции в послевузовском образовании ученые не обращались. Одной из причин тому может служить то, что относительная редкость уголовно возбуждаемых дел превратила коррупцию при присуждении ученых степеней в нечто, что представляется проблемой меньшинства в сфере национального высшего образования, не достойной пристального внимания исследователей. Однако расширение «диссертационного бизнеса» заставляет обратиться к этой проблеме. В данной статье проведено исследование проблем, связанных с качеством российских кандидатов и докторов наук и различных форм злоупотреблений, которые можно обнаружить в системе присуждения ученых степеней. Автор не преследует цель сравнения послевузовских образовательных программ, практикуемых в различных странах, или обсуждения качества программ подготовки кандидатов и докторов наук; не обсуждаются и содержание программ послевузовской подготовки и проблемы, связанные с неверным выбором

¹ Перевод печатается с разрешения автора.

области исследовательских задач. Вместо этого в работе описывается коррупция при присуждении ученых степеней в ее наиболее явных формах; автор акцентирует внимание на возможных вариантах ее преодоления, стремясь ответить на такие вопросы, как: зачем люди покупают ученую степень? действительно ли коррупция в сфере послевузовского образования наносит ущерб? возможно ли пресечь подобную практику и каким образом? Ответы на эти вопросы помогут развить концептуальный подход к проблеме проплаченных диссертаций, который ляжет в основу будущего теоретического и эмпирического исследования.

Система послевузовского образования

Стоит сказать несколько слов о системе послевузовского образования в Российской Федерации. Существующая система присуждения ученых степеней — наследие советской системы, которая, в свою очередь, является прямым потомком германской системы образования. До недавнего времени главенство технических наук и жесткие иерархические структуры научных учреждений оставались неприкосновенными. Однако с началом рыночных реформ все большую долю в сфере докторского образования начали занимать гуманитарные науки. Все же отсутствие институциональной гибкости, наряду с устаревшими механизмами функционирования, не позволяет осуществлять коренные изменения. Старым образовательным кадрам, включая членов Российской академии наук (РАН), пока еще удастся препятствовать любым значимым сдвигам, угрожающим их стабильному положению, «бессмертному» статусу и монополии на истину в последней инстанции, и вряд ли они сдадут свои позиции добровольно. Регулирование системы послевузовского образования и контроль качества диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук осуществляет Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки Российской Федерации (ВАК). Программы послевузовского образования реализуются университетами и научно-исследовательскими институтами, а защита диссертаций проходит в специализированных ученых советах, позже переименованных в диссертационные советы.

Система российского высшего образования, подобно большинству европейских стран, продолжает поддерживать двухуровневую систему ученых степеней в рамках послевузовских образовательных программ. Первой ступенью является ученая степень кандидата наук, а следующей ступенью — степень доктора наук. Кандидатская степень представляет собой нечто вроде европейской *PhD*, однако в корне отличается от североамериканской *PhD*, отчасти в связи с отсутствием формальных курсовых работ, требуемых в рамках программ послевузовского образования. Российская степень доктора наук схожа с германской *Habilitation*. Обладатели кандидатской степени, как правило, работают на должности доцента, в то время как докторская степень ассоциируется с должностью профессора, что предполагает, конечно, преподавание в вузах. Похожие двухуровневые системы ученых степеней и ученых званий существуют во Франции, Италии, Испании и других европейских странах. Дискуссии по поводу того, какая из двух степеней лучше — кандидата наук или *PhD*, возобновляются из виду ключевое обстоятельство, а именно качество программ послевузовской подготовки и наличие практического опыта у обладателей соответствующих степеней.

В 2005 г. в России было защищено 35 тыс. диссертаций, из них тридцать тысяч — кандидатских и пять тысяч — докторских. За период с 1993 по 2005 г. количество кандидатских диссертаций, утвержденных ВАКом, в том числе в области военных наук, медицинских, сельскохозяйственных, гуманитарных и общественных наук, естественных и инженерных наук, возросло с 15 679 до 30 116. Количество кандидатских диссертаций по гуманитарным и общественным наукам увеличилось за тот же период с 4 362 до 15 981, то есть почти вчетверо [10]. Директор департамента информационных технологий Российской государственной библиотеки (РГБ) Александр Вислый заявил, что за один только 2005 год библиотека получила тридцать одну тысячу диссертаций [19]. Это абсолютный рекорд за все время учета. В 2002 г. библиотекой было получено всего двадцать семь тысяч диссертаций. Для сравнения, в США в 2004 г. по аккредитованным программам было присуждено 40 тысяч степеней *PhD* [41]. Большое количество защит диссертационных работ в Российской Федерации выглядит довольно подозрительно, если принять во внимание постоянное снижение государственного финансирования сферы науки и образования, а также пониженный интерес со стороны промышленности.

В среде ученых присутствует убежденность, что такой феноменальный рост числа защищенных диссертаций, особенно в области социальных наук, может быть связан, по крайней мере отчасти, с так называемым феноменом «проплаченных диссертаций». По мнению генерального директора компании «Независимые аналитические системы» Павла Лобанова, количество заказных диссертаций будет, по всей вероятности, только расти. Компания специализируется на оказании консалтинговых услуг аспирантам и соискателям. По словам Лобанова, «конкуренция постоянно растет. На рынке постоянно появляются новые игроки. Все думают, что это очень легкие деньги» [19]. Несмотря на то что проблема приобретает все более серьезный характер, российские ученые избегают публиковать исследования по теме коррупции в образовании, предпочитая сосредоточить исследовательский интерес на учебном плане, финансовом деле и управленческой сфере [29].

В рамках проблемы проплаченных научных степеней подлежат обсуждению три аспекта: диссертационная работа, обладатель степени и сам диплом. Согласно установленным стандартам, диссертация представляет собой оригинальное научное исследование, которое вносит существенный вклад в существующую структуру знаний в определенной области. Такова характеристика кандидатской диссертации. Предполагается, что уровень диссертации, представляемой на соискание степени доктора наук, достаточно высок для решения крупной научной проблемы в определенной сфере и имеет практическую значимость. Докторская диссертация, по идее, должна не просто вносить весомый вклад в науку, но и заполнять существующий пробел в структуре специального знания. Обладателем научной степени именуется тот, кто, как предполагается, написал диссертацию и защитил ее перед диссертационным советом. Диплом кандидата или доктора наук, выдаваемый ВАКом, содержит информацию об обладателе степени, области науки, дисциплине и университете, в котором проходила защита диссертации. Коррупция в сфере послевузовского образования прослеживается в рамках этих трех аспектов. Во-первых, не все диссертационные работы представляют собой существенный вклад в определенную область науки. Некоторые из них являются плагиатом и, следовательно, не могут быть названы оригинальным, авторским научным исследованием. Во-вторых, не все диссертации создаются самими соискателями. Некоторые из них пишутся профессионалами за деньги. Так приобретают ученые степени люди, не обладающие академическими заслугами. И, наконец, фальсифицированными могут оказаться сами дипломы о присуждении научной степени.

Проблема коррупции в послевузовском образовании

Термин «коррупцированный» образован от латинского *corruptus* и означает «испорченный, развращенный, безнравственный; подкупный» [61, р. 229]. Определение коррупции в сфере образования охватывает злоупотребление властными полномочиями для достижения материальных целей, а в более расширительной трактовке означает ненадлежащее использование или злоупотребление общественным положением или должностными обязанностями в личных целях или ради частной выгоды [26]. Термины «ненадлежащее использование» и «злоупотребление», «общественное положение» и «должностные обязанности», «личная цель» и «частная выгода» часто используются как синонимы. Хейнеман добавляет к этому, «что определение коррупции включает злоупотребление властью как в личных, так и в материальных целях» [33, р. 638]. Петров и Темпл используют узкое определение коррупции, предполагающее ее трактовку лишь сквозь призму незаконности [57]. Коррупция в сфере высшего образования может быть определена как система неформальных отношений, закрепившихся с целью регулирования несанкционированного доступа к материальным и нематериальным активам посредством злоупотребления служебным положением или общественной собственностью [48, р. 315]. Такое определение указывает на систематический характер коррупции в сфере образования, расширяет ее границы, распространяя сферу ее действия и на государственные, и на частные вузы, и позволяет проводить исследования коррупции и ее влияния на доступность, качество и равенство образования. В России коррупция в сфере образования распространена повсеместно, и попытки бороться с ней, по-видимому, не увенчались успехом [43]. Коррупция в высшем образовании отнюдь не является исключительно российским феноменом: с ней можно столкнуться и в других бывших советских республиках [35; 50; 42]. В то время как проблема коррупции в образовании очевидна, методология ее исследования по-прежнему не развита. Некоторые методологические аспекты исследования коррупции в сфере высшего образования предлагаются в работах [48; 51], однако эту тему нужно развивать в работах ученых в будущем.

Коррупция в послевузовском образовании представляет собой нечто отличное от коррупции в сфере высшего образования вообще и существенно отличается от коррупции в бюрократическом государственном аппарате в ее традиционном понимании. Во-первых, ученая степень является высшей ступенью формального образования, которую можно достичь. Получение послевузовского образования знаменует переход индивидуальной деятельности на новый уровень, предполагающий не просто обучение, а создание нового знания. Обладатели ученых степеней считаются наиболее квалифицированными специалистами и авторитетными экспертами в соответствующих областях науки. Их знания и публикуемые работы зачастую слишком узкие, специфичные и более высококачественные, чем обычно требуется в социально-ориентированной экономике. Во-вторых, обладателям ученой степени, как правило, приписываются высокие морально-этические качества. Кандидаты и доктора наук, большинство из которых преподают в университетах и занимаются научными исследованиями, поддерживают дух интеллектуального единства. В-третьих, они обучают студентов вузов, осуществляя в том числе и подготовку новых кандидатов и докторов наук. Они также следят за соблюдением стандартов академической целостности, устанавливая нормы поведенческой этики в академической среде и предупреждают непрофессиональное поведение студентов. Таким образом, предполагается, что кандидаты и доктора наук не просто соблюдают правила, соответствующие духу академизма, но и развивают и поддерживают культуру высоких научных и этических стандартов среди своих студентов.

Российские средства массовой информации сообщают о растущей озабоченности научного сообщества тем, что диссертации покупаются людьми, не имеющими отношения к академической сре-

де. Согласно некоторым оценкам, от двадцати до тридцати процентов всех защищенных диссертаций пишется специалистами для клиентов за деньги [19]. Высокий спрос на научные степени в области общественных и гуманитарных наук, в том числе экономики, юриспруденции, финансового дела, политологии, истории и социологии обуславливает развитие «диссертационного бизнеса». Сегодня этот бизнес развит достаточно хорошо. В 2006 г. Председатель Высшей аттестационной комиссии, академик Российской академии наук Михаил Кирпичников призвал привлекать к уголовной ответственности участников этого бизнеса. В частности, он предлагал преследовать в судебном порядке тех, кто занимается написанием диссертаций для других. Феномен проплаченных диссертаций не является исключительно российским; его можно обнаружить и в других бывших советских республиках, от Украины до Узбекистана [17; 2; 38; 20]. Фактически, способ выживания научного сообщества посредством предоставления платных услуг распространен на всей территории Евразии [47].

Существование рынка «черных диссертаций» не является тайной. Новостные источники предоставляют доступную в онлайн-режиме информацию о проплаченных диссертациях наряду с рекламой различных услуг по их написанию. Новым толчком к обсуждению подлинности научных степеней и диссертационных работ стало то, что в российских СМИ появилась информация из западных источников, в том числе *The Times* и *The Sunday Times*, о возможности наличия плагиата в диссертации Президента РФ Владимира Путина [1]. Тема была раздута российскими и зарубежными СМИ, привлекла беспрецедентное внимание и обсуждалась на протяжении нескольких месяцев [40]. Путин защитил кандидатскую диссертацию по экономике «Стратегическое планирование региональных ресурсов в условиях формирования рыночных отношений» в Санкт-Петербургском государственном горном институте в 1997 г. [24]. В официальной версии своей биографии Путин упоминает лишь о том, что он является кандидатом экономических наук, не указывая дату, университет и название диссертации [15].

О последствиях существования связи между правительственными чиновниками и университетами в бывших советских республиках см. в работе [53]. Согласно авторской позиции, взяточничество политиков и коррупция в образовании часто идут рука об руку, укореняя нелегальную деятельность в вузах, обращающуюся выгодой для политиков, извлекаемой не в денежной форме, а в форме академических наград, лояльности, сговорчивости и возможности контроля. Университеты присуждают научные степени политикам в качестве знака уважения, зачастую в обмен на покровительство, лоббирование и финансовую поддержку.

На фоне продолжающегося снижения объемов государственного финансирования университеты стараются повысить свои доходы посредством предоставления платных образовательных услуг. В противоположность высшим образовательным учреждениям большинство научно-исследовательских институтов, когда-то щедро профинансированных государством, имеют сегодня небольшой доход. В этом смысле университеты находятся в более выгодном положении. Тем не менее научно-исследовательские институты сохранили право внедрять образовательные программы для аспирантуры и докторантуры, проводить защиты диссертаций и выпускать кандидатов и докторов наук. Возможность приобретения ученых степеней за деньги помогает научно-исследовательским институтам выживать в финансовом отношении. Эта возможность, неважно, используется она университетом или научно-исследовательским институтом, как правило, предполагает взяточничество и другие явные формы коррупции, в том числе «коткаты», подарки, благодарность, сговор и мошенничество. Ученые, пользующиеся общественным доверием и уполномоченные государством присуждать научные степени, обманывают государство и злоупотребляют должностными обязанностями, присуждая соответствующие незаслуженные степени, генерируя проплаченные диссертации, или попросту не принимая участия в комплексном процессе послевузовского образования и не контролируя этот процесс. Такое заведомое введение общества в заблуждение равнозначно мошенничеству.

Мода на приобретение научных степеней среди бюрократов, общественных деятелей, политиков и бизнесменов обуславливает продолжающийся рост спроса на проплаченные диссертации, которые пишут нанимаемые за деньги ученые, также оказывающие помощь при подготовке всех требуемых до и после защиты документов и прохождении соответствующих процедур. В то время как диссертация может быть написана на хорошем уровне, обладатель научной степени является никем иным, как лжекандидатом или лжедоктором. Научные степени приобрели популярность среди российских политиков, в том числе высокопоставленных бюрократов и членов Госдумы. Согласно сообщениям СМИ, многим правительственным чиновникам и парламентариям не дают покоя научные лавры [12]. Среди 450 членов Госдумы насчитывается 228 обладателей научных степеней, в том числе — 143 кандидата наук, 85 докторов наук [45]. Помимо этого, российский парламент славится количеством миллиардеров и превосходит по этому показателю парламенты всех других стран [30]. В российских СМИ проблема проплаченных диссертаций связывается с общественными деятелями, обладающими научными степенями [6]. Президента Чечни Рамзана Кадырова нередко пытаются дискредитировать за обладание степенью кандидата экономических наук, а также прочих званий и наград [11]. Некоторые из этих наград даже не указаны на официальном веб-сайте Кадырова [14]. Попытки выделиться из общей массы оказывают стимулирующее воздействие на спрос на научные степени и другие вербальные и документально фиксируемые знаки отличия. Сегодня в России стало

модным покупать знаки отличия, в том числе правительственные и общественные награды [3]. Поскольку правительственную награду получить не так просто, общественные организации практикуют присуждение общественных наград за деньги [16].

Теневой сектор в образовании — феномен, распространенный по всему миру [28]. Подготовку диссертаций специалистами для клиентов за деньги часто выдают за консультирование, однако де-факто «проплаченные диссертации» также являются частью теневого сектора, функционирующего по своим собственным экономическим правилам. В то время как наличие коррупции при присуждении научных степеней очевидно, размер оплаты и стоимость различных сопроводительных услуг остаются невыясненными. Некоторые оценки, однако, в СМИ обнаружить можно. Цена обязательных перед защитой публикаций составляет \$ 150. Полный библиографический список источников для диссертационного исследования обойдется примерно в \$ 300. Стоимость подготовки практической или аналитической части колеблется от \$ 300 до \$ 1000, в зависимости от степени сложности. Цены приведены по курсу 2006 года [19]. Некоторые источники сообщают о том, что цены в действительности выше тех, на которые рассчитывает общественность, и что ученую степень, особенно степень доктора наук, невозможно купить за несколько тысяч долларов. Цена докторской степени может достигать до \$ 50 000, в зависимости от области науки и университета, присуждающего степень. *Spiegel* сообщает, что «в зависимости от качества и области науки, цена этих скороспелых степеней может колебаться в пределах 3 000–35 000 (\$ 4 452–51 937)» [39]. Возможно, продажа и покупка диссертационных работ — часть новой постсоветской культуры, в которой все продается и покупается. Начав с массовой приватизации госпредприятий, сегодня страна достигла того этапа, на котором продаются и ученые степени.

Культура плагиата, списывания и подделывания в России распространена широко. Магистерские диссертации и курсовые работы можно приобрести в режиме онлайн или заказать их подготовку — та же ситуация с кандидатскими и докторскими диссертациями. И коррупция в академическом процессе не является исключением. Министерство экономического развития и торговли подтверждает, что порядка 50% всех товаров в России являются подделкой или контрафактной продукцией. Помощник министра экономического развития и торговли, руководитель отдела по борьбе с пиратством Юрий Любимов говорит, что для того, чтобы понять любовь россиян к фальшивкам, необходимо знать о важности внешних атрибутов в России: «Это как французское понятие *“faire montrer”*. Лучше казаться, чем быть. Это очень по-восточному» [40].

Государственный контроль над централизованной системой послевузовского образования сдает свои позиции под давлением рыночных сил. Устаревшая система не может больше сопротивляться рыночному спросу на фальшивых кандидатов и докторов наук. В прежние времена ВАК эффективно обрабатывал документы, содержащие аттестационные дела соискателей ученых степеней, и осуществлял экспертный контроль диссертационных работ на всей территории СССР, тогда как сегодня ему не удается обслужить даже Российскую Федерацию. В советские времена в ВАКе, который, по сути, представлял собой Госкомитет, насчитывалось 220 специалистов без обслуживающего персонала. Рабочая площадь здания, в котором он размещался, составляла 12 тысяч квадратных метров. В 2007 г. в аппарате ВАК насчитывалось лишь 44 специалиста, а количество поступающих диссертационных работ возросло по сравнению 1980-ми гг. Сегодня ВАК ежегодно вынужден обрабатывать примерно 30 тысяч кандидатских диссертаций и 4 тысячи докторских. Помимо диссертаций, ВАКом также рассматривается около 12 тысяч аттестационных дел по присвоению ученых званий доцента и профессора. Общая площадь рабочих помещений снизилась практически в десять раз, и сегодня составляет менее полутора тысяч квадратных метров. Главный ученый секретарь ВАК Феликс Шамхалов жалуется на недостаток финансирования, кадров и рабочей площади и утверждает, что «члены экспертных советов, весьма уважаемые ученые и, как правило, далеко не молодые люди, вынуждены писать заключения, примостившись где-нибудь в коридоре. На кладбище, извините за мрачное сравнение, и то выделяют больше места...» [21]. Шамхалов утверждает, что в системе аттестации грядут перемены, предполагающие в том числе ужесточение контроля экспертизы и изменение состава комиссий [7]. ВАК едва успевает справляться с растущим потоком диссертаций. Такие перегрузки снижают эффективность должного качества научной экспертизы.

Согласно результатам, полученным Институтом психологии РАН, 84% ученых оценивают практику присуждения ученых степеней соискателям, далеким от научно-исследовательской деятельности и академической среды, отрицательно, 7% относятся к ней безразлично, 8% имеют особое мнение по этому вопросу, а 1% опрошенных затруднились ответить. Некоторые респонденты считают, что если кто-то финансирует исследование, которое необходимо для написания диссертации, то такая практика допустима, поскольку в таком случае, по крайней мере, появляются хоть какие-то средства на проведение исследований, и неважно, чьи они. Тяга к исследовательской работе и научной деятельности в российской академической среде по-прежнему сильна, однако практики диссертационного бизнеса она не отменяет. Опрос показал, что ученые делают акцент на административных методах ограничения подобной практики посредством привлечения большего количества ресурсов и расширения полномочий ВАКа, ужесточения контроля над диссертационными советами, повышения уровня правовой ответственности и т.п. В то же время некоторые призывают сосредоточиться на качестве самой диссертации, проверке авторства и ограничениях для соискателей в зависимости

от количества лет, проведенных в области научных исследований или преподавания. Также респонденты упоминали о судебной экспертизе. В целом, 78% респондентов считают, что научное сообщество должно отказаться от практики присуждения незаслуженных ученых степеней, 6% полагают, что необходимости в этом нет, а 16% не сформировали собственного мнения в отношении данной проблемы [23].

Председатель ВАК академик Михаил Кирпичников заявил, что теперь тексты диссертационных работ и их сокращенных версий — авторефератов — будут проверяться на наличие плагиата с помощью недавно введенной в эксплуатацию онлайн-системы «Антиплагиат.ВАК». Он принимал участие в обсуждении коррупции в системе присуждения ученых степеней на круглом столе «Антиплагиат. ВАК — инновации против лжедиссертаций». М. Кирпичников утверждает, что около трех процентов всех диссертаций «зарезаются» [10]. Это составляет одну тысячу диссертаций в год. Под этим он, очевидно, имеет в виду то, что диссертации отклоняются ВАКом и не получают подтверждения с его стороны. Программу «Антиплагиат.ВАК» предполагается использовать в целях борьбы с плагиатом в текстах диссертационных работ [27]. Председатель совета директоров ЗАО «Анти-Плагиат» Игорь Карпачев заявил, что система «Антиплагиат.ВАК» может сверять информацию с более чем восемью миллионами онлайн-источников с целью выявления возможного плагиата и что благодаря этой системе «престиж российских ученых возрастет» [8]. Название программы переводится как «антиплагиат для Высшей аттестационной комиссии». Сообщают, что поддерживаемая компанией интернет-служба *AntiPlagiat.Ru* успешно используется несколькими российскими вузами. Данная интернет-служба, которая явилась первой службой такого рода в России, начала функционировать в 2006 г. Преподаватели пользуются ее услугами для проверки на наличие плагиата студенческих курсовых работ.

Общее количество диссертаций, отклоненных ВАКом по причине плагиата, составляет лишь один процент, то есть десять диссертационных работ за год. В свете этого становится неясно, почему такое большое значение придается системе, призванной распознавать плагиат в диссертационных работах. С одной стороны, ВАК мог бы больше преуспеть в разделении оригинальных и украденных текстов. С другой стороны, возможно, ВАКу приходится пользоваться системой ввиду дружественных отношений с частной компанией, предлагающей эту услугу. Диссертации прежних лет не будут проходить проверку системой в связи с нехваткой денежных средств, необходимых для осуществления этой процедуры.

Заемствование чужих текстов для своей диссертационной работы или написание диссертации на заказ с помощью эксперта — не единственные способы приобретения ученой степени. Нет необходимости проходить через все трудности, связанные с написанием и защитой работы или покупкой ее у специалиста в соответствующей сфере науки, можно просто купить поддельный диплом кандидата или доктора наук с возможностью размещения информации в необходимых базах данных и архивах. Наконец, существуют дипломы о присвоении ученой степени несуществующими вузами. Эти две формы злоупотреблений в системе присуждения ученых степеней в России идентичны фальсификации документов в США, когда «настоящую» степень *PhD* Стэнфордского университета можно купить за \$ 200 или заказать полный комплект документов об образовании на всем известной фабрике дипломов [25].

Дискуссия

Проплаченные диссертации — явление отнюдь не новое для сферы образования. История свидетельствует о том, что те, кто стремился получить ученую степень, несли существенные издержки, включая неформальные выплаты и благодарность. Во многих средневековых университетах размытость стандартов в сфере послевузовского образования была удивительной, даже учитывая стандарты того времени. Работа профессоров оплачивалась их студентами, и, следовательно, они были заинтересованы преимущественно в деньгах студентов, а не в поддержании престижа университета, особенно учитывая, что сами университеты еще не были полностью сформированы и хорошо структурированы. Компайре утверждает, что «Результатом этой зависимости от учеников стала, как можно догадаться, тенденция, согласно которой часть профессорского состава проявляла снисходительность и занижала требования для сдачи экзаменов, не допуская того, чтобы как-то обескуражить студента или лишиться финансовой поддержки» [31]. В 1412 г. ректор университета в Монпелье призвал докторов юридического факультета к ответу за излишнюю расслабленность в вопросе присуждения ученых степеней. Университеты, располагающие меньшими средствами, слыли своей неразборчивостью в этом отношении; выпускников университета Оранжа, к примеру, прозвали в шутку апельсиновыми докторами [31, р. 283–284].

В России в процессе развития диссертационного бизнеса со времен перестройки до сегодняшних дней можно выделить несколько этапов. Изначально экспертам ведущих университетов, в которых располагались специальные ученые советы для защиты диссертаций, предлагали за неформальную плату оказывать помощь соискателям в окончательной доработке диссертации и приведении ее в надлежащий вид. Так характеризовался период конца 1980-х — начала 1990-х годов, когда многие приехали в Москву, чтобы защитить диссертации. Из-за высокой степени бюрократизации и

централизации системы в научных центрах Москвы предполагалось четкое следование регламенту, в то время как на периферии допускалось более свободное его соблюдение. Однако также верно может быть и обратное. Московские университеты шли впереди всех в части превращения подготовки диссертаций и их защит в хорошо развитый бизнес. Помощь в завершении диссертационных работ оказывалась в рамках общераспространенной практики, поскольку многие соискатели обладали компетенциями в своей области специализации, но при этом у них отсутствовало и время, и навыки, необходимые для формулировки собственных значимых результатов исследований и расчетов и представления их в надлежащем виде и форме. Кроме того, не было проведено четкой линии между личным вкладом в определенную область знаний и оказанием помощи в написании диссертации. Если приведение диссертации в порядок за плату считалось нормой, то подготовка математической или экспериментальной части диссертации экспертом, а не соискателем также могла считаться вполне приемлемой. Диссертационный конвейер начал набирать скорость.

В течение второго этапа диссертационный бизнес развивался гораздо интенсивнее, как только эксперты начали предлагать соискателям написание диссертации с нуля. Более усовершенствованным вариантом этой услуги стала так называемая «диссертация под ключ»², когда от самого кандидата не требуется прилагать никаких усилий ради получения ученой степени. В ряде случаев это приводило к анекдотичным ситуациям, когда соискатель оказывался неспособен воспроизвести точную формулировку заглавия диссертационной работы даже во время самой защиты. Это служит особенно явным свидетельством коррупции, учитывая, что в советской системе формулировке названия диссертации уделялось большое внимание и оно проходило формальную процедуру одобрения. «Диссертация под ключ» были новыми, оригинальными заказными работами хорошего качества. Полный пакет услуг включал широкий их спектр, начиная выбором темы диссертационной работы и заканчивая подтверждением присуждения степени ВАКом.

Постепенно пришло понимание того, что не каждая диссертационная работа должна представлять собой оригинальное исследование и что диссертации более низкого качества также могут быть подготовлены для клиентов и успешно защищены. На третьем этапе эксперты предлагают написать диссертационную работу для клиента, а затем в некоторых ее местах прибегают к плагиату в целях экономии времени, снижения издержек производства и создания более дешевого продукта, что ведет в конечном счете к росту общего спроса на такого рода услуги. Третий уровень представляет собой существенную модификацию концепции «диссертации под ключ». На втором этапе подделывание имело место на уровне соискателя, то есть покупатель ученой степени обладал ею незаслуженно. На третьем этапе не только степень была незаслуженной, но и уровень самих диссертационных работ был ниже установленного стандартом. Такое развитие предполагало хорошо организованный механизм присуждения незаслуженных степеней соискателям, защищающим диссертации, уровень которых не соответствовал предъявляемым к ним требованиям, то есть эксперты, которые занимались подготовкой диссертаций, по-видимому, были связаны с членами диссертационных советов. В некоторых случаях члены совета также могли выступать авторами диссертаций для клиентов. Это было бы нормально при определенных обстоятельствах, по аналогии с научными руководителями или консультантами, писавшими своим студентам работы за наличные деньги или в обмен на другие бенефиции.

Некоторые соискатели предпочитают заняться плагиатом, в то время как другие — заплатить профессионалам. Плагиат с использованием работ других людей для собственной диссертации может стать для автора рискованным. Когда плагиатом занимаются эксперты, у них есть неформальное соглашение с членами совета. Если же плагиатом соискатель занимается в одиночку, совет может не дать ему защититься. В действительности, возможны различные вариации и сочетания собственной работы соискателя и услуг экспертов за неформальную плату. Вообще, возможность написать и защитить диссертацию без взяток и вознаграждений существует. Однако мнения, выражаемые в средствах массовой информации и интернет-блогах, свидетельствуют о практике вымогательства, при которой даже хорошая диссертационная работа, представляемая учеными, не допускается к защите до тех пор, пока не будет получена взятка. С другой стороны, существуют отзывы о том, что исследователи защищали диссертации, не понеся никаких расходов. Конечно, подобные отзывы о случаях из практики не могут служить в качестве неопровержимых доказательств, однако все же они свидетельствуют о возможности реализации различных сценариев в диссертационном бизнесе.

Возможно, чтобы понять значимость данного исследования, следует прояснить степень важности проблемы проплаченных ученых степеней, или, по крайней мере, оценить масштабы ее непосредственного влияния на экономику. Зададимся вопросами: Каких размеров достигла эта проблема в Российской Федерации? Приобрела ли она такие масштабы, которые привлекли бы ученых других дисциплин? Согласно оценкам, ежегодно покупаются и продаются свыше десяти тысяч диссертаций. Предположим, средняя цена диссертации составляет \$ 10 000. Совокупный доход от этой неформальной деятельности достигает сотен миллионов долларов. Сумма кажется не такой большой для страны, годовой ВВП которой превышает один триллион долларов. В этом случае она составляет лишь 0,01% ВВП. Десять тысяч долларов за докторскую степень — приемлемая цена для страны, годовой ВВП на душу населения в которой достигает шести тысяч долларов США. Общий размер взяток, имевших

² Услуга «все включено».

место в сфере высшего образования в Российской Федерации в 2005 г., по оценкам превышал миллиард долларов [5]. Общая сумма взяток, выплаченных рядовыми гражданами чиновникам низшего звена, в том числе в сфере высшего образования, здравоохранения и дорожной полиции, превышает, по оценкам, три миллиарда долларов США. Общая величина денежных сумм, выплаченных бизнесменами в виде взяток и откатов бюрократам, в десять раз выше и доходит до тридцати миллиардов американских долларов. К 2008 г., учитывая стремительный экономический рост, увеличивающиеся издержки на оплату обучения, а также тенденцию устойчивого повышения коррупционных выплат в сфере образования, общий размер теневого рынка в сфере высшего образования грозил приблизиться к двум миллиардам долларов по курсу доллара США, и гораздо превысить эту сумму, если считать по паритету покупательной способности. Рыночный сегмент предназначенных для продажи диссертаций составляет всего пять процентов всего теневого сектора в высшем образовании.

Если проблема проплаченных ученых степеней настолько значима, можно ли ее игнорировать? Для общества было бы нерационально не замечать ее, поскольку проблема эта затрагивает куда больше аспектов, нежели предполагают ее непосредственные границы. Денежная оценка этой проблемы и рыночный сегмент сами по себе являются лишь верхушкой айсберга. Реальная цена продаваемых ученых степеней, то есть реальные издержки для общества, имеет гораздо большие размеры, если учесть экстерналильные эффекты. Во-первых, существуют далеко идущие негативные последствия для отрасли образования и для всего общества, включающие размывание социального единства, обусловливаемое коррумпированностью сферы высшего образования [34; 60]. Во-вторых, проплаченные ученые степени — это основная часть более широкой проблемы коррупции в сфере высшего образования. Соответственно, усилия, направляемые на снижение коррупции в послевузовском образовании, представляют собой естественную составляющую борьбы с коррупцией в сфере образования. В-третьих, в современной системе образования отсутствует легитимный субститут ученой степени кандидата или доктора наук. Таким образом, существование лжекандидатов и лжедокторов подрывает репутацию настоящих, достойных этой степени ученых и разрушает золотой стандарт качества в научно-исследовательской и академической среде.

Следующая проблема, требующая внимания, — это размер ущерба, который потенциально могут нанести обществу или отдельным секторам национальной экономики и правительственным структурам обладатели фальшивой ученой степени. В данном аспекте можно задать следующий вопрос: Действительно ли лжекандидаты и лжедоктора наук причиняют серьезный вред обществу, особенно если они не реализуют свой потенциал в социально-ориентированной экономике? Или, по аналогии, насколько вредна деятельность тех, кто утверждает, что имеет степень доктора медицинских наук, но при этом не практикует в медицине? Ущерб для общества может быть подсчитан несколькими способами. Во-первых, политики и бюрократы занимают должности, которых они не достойны. Это не дает способным индивидам занимать те же должности, выполнять работу эффективнее, лучше служить обществу. Во-вторых, широко распространенный nepotизм в сфере высшего образования приводит к тому, что многие преподавательские должности в высших образовательных учреждениях заняты родственниками административного аппарата. Они приобретают ученые степени, прибегая к коррупционным методам для того, чтобы удержаться на должности и не потерять средства к существованию. В результате качество преподавания ухудшается, в то время как более многообещающие кандидаты и доктора наук отстраняются от преподавательской и научно-исследовательской деятельности. В-третьих, те, кто купил ученую степень, стремятся получать нелегальный доход, способствуя распространению культуры коррупции в организации, являющейся местом их работы, будь то университет, частная фирма или правительственное учреждение. В конце концов, ученая степень выполняет сигнальную функцию; как только она становится объектом купли-продажи, эта функция искажается. Некоторые честолюбивые соискатели покупают степень кандидата наук, не получив даже степени бакалавра. Как только степень кандидата наук становится объектом торговли, доступность докторской степени в этом смысле становится лишь вопросом времени.

Одинакова ли стоимость всех ученых степеней или она зависит от сферы деятельности? По-видимому, все-таки стоимость определяется сферой деятельности и во многом зависит от потребительских предпочтений. Данные свидетельствуют о том, что бюрократы и политики не склонны приобретать степени кандидатов и докторов математики, физики или других естественных наук [45]. Причин тому может быть несколько. Во-первых, может оказаться престижнее обладание степенью доктора социальных наук, чем доктора естественных наук. Во-вторых, они могут рассудить, что знают об экономике, политике, социологии или философии по крайней мере хоть что-то, и таким образом доказать, что они действительно достойны этой степени. В-третьих, физика, химия и другие науки имеют меньше отношения к профессиональной деятельности бюрократа.

Бюрократы и политики не хотят просто иметь ученую степень. Они предпочитают релевантную ученую степень, то есть степень в той научной сфере, которая тесно связана с их должностью. Такими сферами являются, разумеется, экономика, юриспруденция, социология, история и политология. Таким образом, традиция присуждения степени почетного доктора наук людям с высоким социальным статусом и общественными заслугами вряд ли поможет решить проблему проплаченных ученых степеней. Государственные бюрократы, выборные лица и известные бизнесмены не удовлетворятся почетными степенями частных вузов, не обладающих общепризнанным авторитетом

и специализацией в определенной сфере. Более того, степень почетного доктора не содержит в себе никакой информации для общественности. Звание почетного доктора не является адекватной заменой ученой степени, не будучи аккредитовано, сертифицировано или привязано к определенной сфере деятельности. Частично проблема заключается в отсутствии в российской системе послевузовского образования ученой степени кандидата или доктора наук в области государственного управления. Недавно появившаяся академическая дисциплина ограничивается только подготовкой магистров. Организация программ подготовки кандидатов и докторов государственного управления частично ослабила бы напряжение. Бюрократы, ежедневно занимающиеся государственным управлением, могли бы расценить это как хорошую альтернативу кандидатской или докторской степени в области экономики или истории. Релевантность сферы деятельности для бюрократии помогла бы избежать асимметрии сигнальной функции ученых степеней. Стоимость приобретения докторской степени может определяться спецификой университета. Цена может различаться в зависимости от статуса присуждающего степень образовательного учреждения. Диссертационные советы, функционирующие в университетах с более высоким рейтингом и научно-исследовательских институтах, могут рассчитывать на более высокие нелегальные поступления.

По мере того как число лжекандидатов и лжедокторов наук возрастает пропорционально общему количеству присуждаемых ученых степеней, ценность степени в среднем снижается. Обесценивание кандидатов и докторов наук обуславливает парадоксальную ситуацию. Политики и бюрократы обладают степенями, многие из которых ими не заслужены. Все большее количество людей отдают себе в этом отчет. В конце концов, едва ли не каждый будет знать о том, что эти степени не являются честно заслуженными. Возникает вопрос: каково рациональное объяснение того, что политики и бюрократы приобретают ученые степени, если они ими не заслужены и в конечном счете будут дискредитированы? По-видимому, определенные причины, в силу которых этот процесс будет продолжаться в течение довольно продолжительного времени, существуют. Как существовало и разумное объяснение того, зачем французские нувориши приобретали статус знати [58]. Французская буржуазия накопила материальное богатство раньше всех, и впоследствии многие из ее представителей покупали почетное положение в обществе из соображений престижности, улучшения социального статуса и желания принадлежать высшим классам. Социальные выгоды от приобретения знатных титулов у королевской власти были минимальными. Денежные затраты были гораздо выше. В то же самое время обществу это не наносило никакого вреда, поскольку к тому времени родовая знать сама по себе большей частью потеряла свое значение.

Аристократия со временем утратила свое значение и стала бессмысленным понятием. Ученая степень может разделить судьбу благородных титулов и в конце концов также исчезнет, в отсутствие каких-либо сопутствующих отличительных характеристик, то есть других признаков, по которым можно было бы отличить настоящего доктора наук от фальшивого. Такие характеристики вытекают из самой природы ученой степени и включают академическое положение, которое предполагает преподавательскую деятельность, а также положение в сфере НИОКР, предполагающее работу в лаборатории. Если обладатель ученой степени занят в любой из этих сфер, это с высокой долей вероятности свидетельствует о подлинности его степени, хотя абсолютной уверенности не дает. В современной России рентоориентированное поведение можно встретить практически повсеместно. Личная выгода ценится превыше всего остального. Как только вуз превращается в прибыльное предприятие, защита от поддельных ученых степеней исчезает. Предпосылками этого является то, что: 1) преподавание выступает источником прибыли; 2) плохое качество преподавания общераспространено; 3) участие «преподавателей-невидимок» в учебном процессе допускается и практикуется. В этом случае положение университета более не служит гарантией качества ученых степеней. То же самое справедливо и в отношении сферы НИОКР. Фактически какой-либо совершенный показатель, с помощью которого можно было бы достоверно оценить степень подлинности ученой степени, отсутствует.

Сфера занятости не может дать полной информации о качестве ученой степени, как и, впрочем, не могут ее предоставить в полной мере научные достижения, поскольку авторами научных трудов могут быть «призраки» или другие соавторы. Необходимо проводить различие между качеством диссертационной работы и качеством обладателя ученой степени. Различие заключается в том, что диссертационная работа высокого качества может быть написана автором-«призраком». Может иметь место случай, когда человек, купивший свою ученую степень, заседает в диссертационном совете и получает доход, позволяя другим соискателям защищаться и допуская их работы к защите. С этой точки зрения система оплаченных диссертаций является внутренне устойчивой. Лжедоктора выпускают лжедокторов, и этот процесс становится бесконечным.

Одним из ключевых моментов является не факт существования оплаченных ученых степеней, а уровень централизации системы. Коррупционность сферы образования характерна как для централизованных, так и для децентрализованных систем. С тем же успехом ученые степени продаются и покупаются в США — в том числе посредством услуг, предоставляемых фабриками дипломов [25]. На самом деле, даже некоторые из членов аккредитационных советов, а также служащих Федерального бюро расследований и других правительственных учреждений обвиняются в обладании учеными степенями, купленными на фабрике дипломов. В централизованных системах коррупция

в послевузовском образовании не только характерна для стран с транзитивной или развивающейся экономикой, но и встречается в развитых странах. Как отмечают СМИ, коррупция в сфере присуждения ученых степеней в централизованной системе образования Германии [62; 9; 4]. Принципиальное отличие, однако, заключается в том, что в централизованной системе качество ученых степеней гарантируется централизованным органом. Централизованная система позволяет осуществлять распределение нелегальных доходов и направлять их вверх по иерархической лестнице [55].

В централизованных системах монопольным исполнителем функции контроля качества, как правило, является государство. В децентрализованных системах каждое учебное заведение выполняет эту функцию самостоятельно. Тем не менее и в децентрализованных системах также существуют несколько уровней централизации и координации. Существование этих уровней отражает наличие групповой и институциональной ответственности за качество выпускаемых кандидатов и докторов наук. Первый уровень состоит из профессоров того же самого факультета. Один профессор может подвергать сомнению качество ученых степеней и отрицательно влиять на работу коллег. Давление со стороны коллег может действовать двояким образом, как стимулируя практику написания диссертаций для продажи на любом данном факультете, так и отбивая охоту это делать. При этом возникает проблема неведения и даже негласного одобрения коррупционной деятельности среди докторов наук, когда профессора склонны не вмешиваться в дела других и не интересоваться ими.

Второй уровень централизации и координации представлен университетами. Производство новых лжекандидатов и лжедокторов наук негативно отражается на статусе учебного заведения в целом, включая его репутацию, рейтинг и академическое положение. Таким образом, в децентрализованных системах централизация существует в пределах департаментов и университетов, а не во всей экономике. Квази-государственные органы или заменители государства относятся к надуниверситетскому уровню. В США это аккредитационные организации, включающие аккредитационные советы региональных колледжей. Все они являются негосударственными, многие из них имеют региональную основу. Некоторые сформированы на базе региона и специализации, такие как упомянутые аккредитационные школы права и медицинские школы, то есть профессиональные школы, которые также зависят от государственного лицензирования. Университеты вступают в аккредитационные фонды на добровольной основе и финансируют аккредитационные органы. Злоупотребление доверием потенциально способно достичь своего пика в централизованных системах, где существуют государственные гарантии качества ученых степеней. В централизованных системах общественность возлагает функцию контроля качества на государственные учреждения. Однако зачастую государство неспособно эффективно выполнять эту функцию и использовать свое влияние. В децентрализованных системах злоупотребление может считаться плавно снижающимся, в зависимости от престижности каждого университета. Существует градация от наиболее престижных послевузовских программ на самой верхушке до фабрик дипломов с ничего не стоящими учеными степенями на самом дне.

Если политика проверки диссертаций на плагиат в России, с недавних пор практикуемая ВАКом, докажет свою эффективность, цены на диссертации возрастут, и в конечном счете это потребует от нарушителей большей изобретательности. В соответствии с классическими представлениями об экономической теории рост цены товара обуславливает снижение спроса на этот товар. Существуют исключения, к которым относятся блага низшего качества³ и товары Гиффена⁴. Диссертации и ученые степени не относятся ни к тем, ни к другим. Ученые степени, выступающие объектом купли-продажи, больше схожи с предметами роскоши, доступными людям, обладающим денежными средствами и властью. Следовательно, причинная связь между ценой и спросом может и не иметь отношения к диссертациям. Успешные механизмы выявления плагиата неизбежно повлекут за собой повышение качества диссертаций и, следовательно, рост цен. С улучшением качества диссертаций возрастет и престижность ученой степени; соответственно, репутация кандидатов и докторов наук будет частично восстановлена. В результате спрос на ученую степень со стороны клиентов может скорее возрасти, чем снизиться. В соответствии с постулатами экономикса под спросом понимается не общее количество клиентов, а общая сумма денег, которую они способны и желают заплатить за диссертацию.

На индивидуальном уровне клиенты покупают ученую степень ради звания и престижа, с которым она ассоциируется. Такая транзакция является положительной, поскольку выгодна для клиента. Однако оппоненты могут обвинить клиента в обладании фальшивой степенью. Это может повлечь уголовную ответственность, а также нанести удар по репутации и, следовательно, негативно

³ Благо низшего качества — товар, спрос на который падает с ростом дохода потребителя, в отличие от нормальных благ, для которых зависимость обратная. Более низкое качество в данном случае — наблюдаемый факт, относящийся скорее к доступности по цене, а не к суждениям относительно качества товара. Как правило, пресыщение такими благами наступает довольно быстро, и как только потребителю становятся доступны более дорогостоящие субституты, обладающие большей полезностью, или, по крайней мере, появляется какая-то альтернатива, потребление блага низшего качества снижается [37].

⁴ Особой разновидностью блага низшего качества является товар Гиффена, в отношении которого закон спроса не действует. Проще говоря, по мере роста цены на товар Гиффена спрос на него увеличивается. Объяснение заключается в том, что благо такого рода занимает настолько значительную долю в общем объеме индивидуального или рыночного потребления, что эффект дохода, сопровождающий рост цены, фактически выразится в увеличении спроса [32].

повлиять на клиента. В обществах, характеризующихся высоким уровнем коррупции, информация о случаях коррупции используется избирательно в качестве компрометирующего материала против взяточников. Тем не менее это не предотвращает коррумпированного поведения с их стороны. Следовательно, один лишь фактор риска не поможет остановить коррупцию. В современной России и других бывших советских республиках общераспространенными стали так называемые «черные» PR-кампании, когда политические оппоненты обвиняют друг друга в обладании фальшивыми учеными степенями. В подобных случаях основной расчет делается на ту часть общества, которая, по идее, должна осуждать незаконные способы приобретения ученых степеней. Стоит отметить, что в сфере бизнеса такие заявления не «работают». Видимо, мир бизнеса руководствуется своими стандартами этики и доверия, не беспокоясь о законности приобретения ученой степени деловым партнером. Обладание ученой степенью ускоряет карьерный рост, особенно в государственных учреждениях. К примеру, в полиции и на военной службе степени кандидата наук соответствует звание майора, а степени доктора наук — звание полковника. Престижность не единственный фактор, актуализирующий проблему проплаченных ученых степеней. Денежные соображения играют не менее значимую роль. Рост спроса на ученые степени подразумевает более высокий уровень предложения соответствующих нелегальных услуг. Данные говорят о том, что спрос на взятки со стороны преподавателей возрастает, как и средний размер взятки [52]. Высокие транзакционные издержки вызывают повышение цены диссертаций. Нелегальность этого бизнеса в целом — один из факторов, обуславливающих увеличение транзакционных издержек, который объясняет потребность в неформальных соглашениях.

Сегодня страна наблюдает процесс создания параллельных структур, имитирующих определенные функции государства. К примеру, помимо государственных наград сейчас существуют и даже соперничают с ними аффилируемые государством общественные награды, государственные звания существуют наряду с общественными званиями, доктора — наряду с почетными докторами, и даже Российскую академию наук (РАН) сегодня дополняют другие академии, существующие независимо и параллельно РАН. Эти параллельные, или имитирующие, структуры, по идее, должны облегчать и расширять доступ общественности к спектру вербальных и документально закрепляемых знаков отличия, которые ранее для большей части населения были недоступны. Фактически целью их создания было сделать мечту реальностью согласно русской традиции: «Если нельзя, но очень хочется, то можно». Функцию присуждения ученых степеней наряду с ВАКом в настоящее время выполняет Высшая межакадемическая аттестационная комиссия (ВМАК). Создание параллельных структур лишь поднимает цену государственно санкционируемых степеней, привилегий и знаков отличия. В результате, как показывает практика, в большинстве случаев престиж по-прежнему сохраняет только «советская» торговая марка. Возникновение параллельных структур, не аффилированных с государством, является проявлением типично рыночного поведения и усиливает конкуренцию на рынке ученых степеней, наград и знаков отличия, монополистом на котором прежде выступало государство. Сегодня государству более не принадлежит монопольное право присуждения общественно признаваемых знаков отличия.

В СССР существовали только четыре академии: Академия наук СССР (сегодняшняя РАН), Академия педагогических наук СССР, Академия медицинских наук СССР и Академия сельскохозяйственных наук. Сегодня в России насчитывается около двухсот академий, все из которых, кроме этих четырех, являются общественными, но не аффилированы с государством. Согласно результатам опроса сообщества ученых, проведенного Институтом психологии РАН в 2005 г., 65% из них не приветствовали возникновение большого количества новых академий, 29% отнеслись к этому нейтрально, и только 6% восприняли изменения позитивно. Очевидно, что устранение государственной монополии в академической среде не приветствуется сообществом ученых. Одна из главных причин существования новых, не аффилированных с государством, академий заключается в том, чтобы отметить тех, у кого нет шансов попасть в государственную академию. Мнения по поводу новых академий разделились на основе дисциплинарного критерия: представители общественных и гуманитарных наук выступали против новых академий более активно, чем представители естественных наук. Среди представителей общественных наук и гуманитариев 78% отнеслись к этому негативно, 19% — нейтрально, и только 3% — положительно. Среди представителей естественных и технических наук 56% отреагировали негативно, 37% — нейтрально и 7% — положительно [22; 18]. Одна из таких академий недавно была закрыта с громким скандалом. Генеральная прокуратура сообщила о ликвидации Академии проблем безопасности, обороны и общественного порядка. Среди членов Академии числились российский премьер-министр, 137 депутатов Госдумы и ее лидеров, 58 глав федеральных регионов, министров и других высокопоставленных общественных деятелей [13]. Скандал разгорелся после того, как в средствах массовой информации появились саркастические комментарии в адрес Академии по поводу заслуг ее членов [39].

Все подходы к объяснению коррупции в сфере присуждения ученых степеней обращаются к рынку труда. Там, где отсутствует развитый рынок труда, коррупция во всех ее формах и разновидностях будет процветать. «Рынок труда, как правило, слабо развит даже в хорошо укрепившихся рыночных экономиках с сильными традициями конкурентных отношений, очень слаб на Украине и в других странах с посттранзитивной экономикой. Личные связи и коррупция по-прежнему явля-

ются основными средствами получения рабочего места. В этом смысле псевдо-рынок труда, существующий сегодня, характеризуется даже в меньшей степени рыночными чертами, чем в советский период. В результате банкиры не знают банковского дела, менеджеры не знают, как управлять бизнесом, а экономисты имеют весьма смутное представление о том, как оптимизировать производство и максимизировать прибыль» [52, р. 84]. НИОКР и преподавание в университете являются двумя основными сферами общественного производства, которые нуждаются в кандидатах и докторатах наук. В перспективе все, кто не имеет отношения к этим двум главным областям, могут считаться фальшивыми кандидатами и докторами, пусть даже некоторые из них заработали эту степень своим трудом, а не купили ее. Намерение расширить ВАК и ужесточить контроль над присуждением ученых степеней уже не отражает существующего положения дел в сфере образования. В лучшем случае, это облегчит расширение существующей системы контроля над контролирующими органами. Такие системы в сфере правительственной бюрократии доказали свою неэффективность и подверженность коррумпированности, особенно в долгосрочном периоде.

В Российской Федерации планируется реформа системы послевузовского образования с целью приведения ее в соответствие с принципами, заложенными Болонской декларацией. Это задуманное соответствие, однако, справедливо лишь в отношении академических стандартов, и в меньшей степени — в отношении содержания программ подготовки кандидатов и докторов наук. Система финансирования, по-видимому, будет структурно преобразована по образцу американской модели финансирования аспирантуры и докторантуры, основанной преимущественно на личных средствах и образовательных кредитах. Вряд ли есть необходимость для общества финансировать послевузовское образование через центральный бюджет, если оплачиваемые государством места распределяются не в соответствии с академическими заслугами и научным потенциалом, а на основе неформальных отношений, родственных связей и взяток. Сочетание личных средств, университетских стипендий и образовательных кредитов представляет собой, по-видимому, более подходящую систему финансирования послевузовского образования.

Реализация Лиссабонской конвенции, предполагающей взаимное признание ученых степеней и дипломов об образовании между подписавшими ее сторонами, оказалась под угрозой из-за широко распространившейся коррупции. Хейнеман, Андерсон и Нуралиева утверждают, что «университеты или университетские системы, имеющие репутацию коррумпированных, вероятно, положат конец Болонскому процессу. Имей этот процесс фактическую силу, он бы явился эквивалентом одностороннего разоружения в образовательной сфере ЕС» [36, р. 2]. Страны, характеризующиеся высоким уровнем доверия и низким уровнем коррупции, вряд ли станут признавать дипломы об образовании тех стран, в которых ученые степени продаются и покупаются. Это может привести к ослаблению инициативы создания общего образовательного пространства в пределах европейских границ.

Доктора наук, как правило, должны указывать перед своим именем «доктор». Это дает ощущение собственного достоинства и успешности. Вербальные знаки отличия появляются, претерпевают изменения и исчезают со временем. Благородные титулы во Франции, переходившие прежде по наследству от поколения к поколению, а затем попросту продаваемые королевской властью купцам, сегодня почти исчезли. Титулованная аристократия во Франции была упразднена, в то время как в Великобритании некоторым выдающимся личностям, которые внесли значительный вклад в благосостояние общества, до сих пор присуждается титул сэра. Четкое разделение между докторами и почетными докторами — таково решение проблемы различий между университетскими дипломами и общественными заслугами. Однако, как уже отмечалось ранее, бюрократы, политики и бизнесмены вряд ли удовлетворятся степенью почетного доктора. Естественно, университеты могут потребовать от правительства возобновления и усиления контроля со стороны государства над получением докторских степеней, равно как и других ученых степеней. Возможность реализации данной меры, однако, вызывает сомнения. В Российской Федерации ВАК потерпел неудачу из-за недостатка финансирования. Вернее, ВАК сам по себе не потерпел неудачу, но правительству не удалось обеспечить продолжительное и эффективное функционирование ВАКа посредством достаточного финансирования и кадрового обеспечения.

Аккредитация по-прежнему является важным институтом в сфере высшего образования. Вопросы, касающиеся аккредитации и аттестации квалификации в ближайшее десятилетие или около того, звучат так: необходима ли государственная аккредитация, осуществляемая государственными органами? должна ли она быть обязательной или добровольной для государственных и частных вузов? должна ли она осуществляться централизованно или децентрализованно, и до какой степени? Кандидаты и доктора наук требуются для того, чтобы поднимать уровень как научной, так и исследовательской сфер. Знание является наилучшим критерием определения истинности ученой степени, а профессура наряду с научно-исследовательскими достижениями — лучшая сфера реализации доктора наук.

Во времена существования СССР прилагательное «советский» ассоциировалось с качеством и превратилось в единый бренд, определенную торговую марку, признаваемую во многих странах. Советские коммерческие партнеры и предприятия считались надежными контрагентами, поскольку государство полностью гарантировало соблюдение договорных обязательств. В советской системе высшего образования насчитывались сотни тысяч иностранных студентов, большинство из которых

прибыли из развивающихся стран. Советский диплом признавался во всем мире. То же самое справедливо в отношении качества подготовки кандидатов и докторов наук — в Советском Союзе все они проходили государственную сертификацию. Сегодня дела обстоят иначе. Ухудшение качества подготовки кандидатов и докторов наук, по-видимому, приобрело необратимый характер. Необратимость процесса означает, что система неспособна вернуться к начальным условиям до тех пор, пока не возникнет внешняя сила, которая может вернуть систему к ее начальным условиям. Неясно, что может послужить источником такой силы, и будет ли она внутренней, то есть порождением самой системы, или внешней, действующей на систему извне. Также сомнительна фактическая вероятность возникновения этой силы вообще, ввиду сегодняшних условий недофинансирования и тенденций к децентрализации.

В научном сообществе устойчиво убеждение, что если посредством ликвидации ВАКа централизованный контроль будет устранен, то, по крайней мере на какое-то время, воцарится хаос. Настроения общественности склоняются к тому, чтобы укрепить старую систему в надежде на реабилитацию прежней надежности и доверия к ней. Более жесткие административные требования призваны улучшить функционирование прежней системы. Эти требования, однако, без труда обходят те, кто имеет больше доступа к административным ресурсам, то есть бюрократы и бизнесмены. К примеру, ограничение общего количества работ, допускаемых к защите в течение года в определенном диссертационном совете, может, прежде всего, отсеять наиболее способных соискателей. Необходимо реализовать на практике новую систему. Распространение лозунга «ВАК умер — да здравствует ВАК!» крайне маловероятно. В перспективе университеты могут организовывать импровизированные фонды и финансировать собственные агентства по аккредитации, как по региональному, так и по профессиональному признаку. Такие агентства могут также включать в себя государственный ВАК, или только независимую(-ые) ВАК(и), но членство в таких фондах по аккредитации будет добровольным. Соответственно, негосударственные ВАКи будут обслуживать только входящие в данные фонды институты. Целью участия университетов и научно-исследовательских институтов станет обеспечение качества подготавливаемых ими кандидатов и докторов наук.

В настоящее время диссертационные советы активно стремятся допускать к защите оригинальные диссертационные работы высокого качества, написанные реальными соискателями ученой степени, поскольку это повышает среднее качество диссертаций и соискателей, защищаемых и защищающихся в конкретном совете. Увеличение количества высококачественных диссертаций позволяет допускать к защите и большее количество диссертаций низкого качества. То же самое справедливо и в отношении уровня самих соискателей. Если общее количество защит в год лимитируется, возникает необходимость выбора компромисса между средним качеством диссертаций и нелегальным доходом от проплаченных диссертаций. Важен также временной фактор. Соискатели при допуске к защите вынуждены ждать своей очереди. Естественно, некоторые соискатели, особенно те из них, кто является заказчиком услуг совета, пожелают оказаться впереди остальных.

Заключение

Гарантируемая государством ученая степень является престижной для ее обладателя. Традиционно обладатели ученой степени были востребованы в университетах и в научно-исследовательских институтах. Сегодня положение дел изменилось. Новый привилегированный класс, включающий политиков, государственную бюрократию и бизнесменов, стремится приобрести всевозможные знаки отличия, как вербальные, так и документально фиксируемые. Для того чтобы удовлетворить спрос на ученые степени, диссертации предлагаются к продаже. Этот бизнес в России набирает обороты. Российское общество платит гораздо более высокую цену за существование фиктивных ученых степеней и лжедиссертаций, чем те, кто фактически покупает эти степени. Фальшивые ученые степени прямо и косвенно снижают эффективность социально-ориентированной экономики и наносят вред не только образовательной сфере, но и обществу в целом.

Рентоориентированное поведение в российском обществе воспринимается как норма. Государственные чиновники, бюрократы и госслужащие стремятся превратить свой доступ к материальным и нематериальным активам в источник личной выгоды. Подобным же образом поступают представители сферы образования. Ректоры государственных вузов сдают в аренду государственную собственность, включая академическое и неакадемическое оборудование и землю, коммерческим структурам, в которых они, как правило, имеют свою долю. Профессора университетов торгуют учеными степенями, злоупотребляя своим монопольным правом на их присуждение. Специфика сферы подготовки кандидатов и докторов наук в Российской Федерации такова, что аспиранты и соискатели посещают лишь несколько формальных учебных курсов. В европейских странах такая практика является обычной. Профессора не обязаны преподавать курсы в аспирантуре или докторантуре, а также консультировать своих аспирантов и соискателей, даже если они этого требуют. Во многих случаях университетские профессора, включая членов диссертационных советов, просто допускают диссертационную работу к защите. Разделение функций способствует максимизации совокупного дохода, получаемого от нелегальных денежных поступлений. Одни (члены совета) допускают диссертацию к защите, в то время как другие занимаются ее написанием и подготовкой требуемых документов до и после защиты.

В данной статье кратко охарактеризована система подготовки кандидатов и докторов наук в России. Особый аналитический акцент сделан на высоком уровне централизации системы, включая изменяющуюся роль ВАКа. В работе описана коррупция в сфере послевузовского образования, главным объектом внимания при этом выступает бизнес, основанный на написании диссертаций за деньги. Нелегальная сущность такого бизнеса предполагает высокие транзакционные издержки. В статье затрагиваются некоторые аспекты, связанные с масштабом данной проблемы и влиянием такого положения дел на общество в целом. Дополнительным фактором развития диссертационного бизнеса в коммерческих целях служит идея создания параллельных структур и индивидуальных стимулов, вызывающих рост спроса на диссертации и фальшивые ученые степени. Ключевыми вопросами при исследовании проблемы проплаченных диссертаций, а также более широкой проблемы фальшивых кандидатских и докторских дипломов являются: 1) заняты ли обладатели ученой степени в социально-ориентированной экономике, то есть в сфере НИОКР и преподавании? 2) используются ли диссертационные работы на производстве, то есть применяются ли результаты исследований на предприятиях подобно продуктам НИОКР? С этой точки зрения получается, что весь сектор научных исследований и гуманитарных наук вертится вокруг создания диссертаций для себя самих. Ученая степень выполняет сигнальную функцию, отмечая высококлассного специалиста, способного выполнять определенные функции в социально-ориентированной экономике. Проблема в целом касается не качества покупаемых и продаваемых диссертаций, поскольку они фактически не используются в производственном процессе, а качества обладателей степени. Они не достойны академического звания, а имеющиеся у них дипломы об образовании не отражают реального уровня их знаний.

Децентрализация и реструктуризация Российской академии наук (РАН) преуменьшает роль государства. В качестве компенсации ослабевающего государственного контроля может потребоваться университетская автономия. Меритократия и высокий социальный престиж кандидатов и докторов наук постепенно сходят на нет. Это отражает процесс размывания ценностей, характерный для всего общества. Со временем подделки обесценятся из-за их огромного количества. Ученая степень превратится в абсурдное понятие. Ситуация развивается в нерегулируемом, неорганизованном русле. Тщательно спланированная система мероприятий, направленных на дискредитацию советских кандидатов и докторов наук, маловероятна. Тем не менее процесс отказа от старой системы создает почву для новой единой системы подготовки кандидатов и докторов наук, основанной на системе *PhD*. В новой системе ученая степень будет служить индикатором способности своего обладателя проводить независимые научные исследования и организовывать учебный процесс. Репутация каждой степени и ее обладателя будет определяться исходя из личных академических заслуг и репутации организации, присудившей степень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американские ученые обвинили Путина в плагиате. Это может повлечь массовую проверку диссертаций российских чиновников // Newsru.com. 2006. 27 марта // <http://www.newsru.com/russia/27mar2006/disser.html>.
2. Антонович М., Мережко А. Как преодолеть коррупцию // Зеркало недели. 2006. 28 октября // <http://www.zn.ua/3000/3300/54881/>.
3. Белый М. В России стало модно покупать себе ордена // News.bbc.co.uk. 2008. 2 апреля // http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7324000/7324738.stm.
4. В Германии диссертации тоже покупаются — как и в России // Newsru.com. 2007. 13 марта // <http://www.newsru.com/world/13mar2008/disser.html>.
5. В России в 2003 году родители за образование детей дали взятку на 26,5 млрд рублей // Newsru.com. 2004. 24 июня // www.newsru.com/russia/24jun2004/vzytka.html.
6. В РФ ежегодно 10 тысяч диссертаций пишутся за деньги (У кого из чиновников есть ученые степени) // Newsru.com. 2006. 24 марта // <http://www.newsru.com/russia/24mar2006/disserts.html>.
7. ВАК вводит строгие меры для соискателей ученых степеней // Newsru.com. 2006. 30 июня // <http://www.newsru.com/russia/30jun2006/vak.html>.
8. Валерий Карпов стал кандидатом наук // Newsru.com. 2002. 17 июня // <http://www.newsru.com/sport/17jun2002/074988963.html>.
9. Вицтум Т. Прибыльный бизнес с купленной диссертацией [Profitable business with a purchased dissertation] // Inopressa.ru. 2008. 13 марта // <http://www.inopressa.ru/welt/2008/03/13/16:27:20/dissertation>.
10. Диссертации и авторефераты ученых будут проверять на плагиат в обязательном порядке // Newsru.com. 2007. 5 июля // http://www.newsru.com/russia/05jul2007/plagiat_print.html.
11. Кадиров защитил диссертацию, основанную на «практических решениях» // Newsru.ru. 2006. 25 июня // <http://www.newsru.com/russia/25jun2006/kadyr.html>.
12. Красилова Н. Остепененные депутаты: Многим чиновникам и парламентариям не дают покоя научные лавры // Новые известия. 2006. 30 июня // <http://www.newizv.ru/news/2006-06-30/49279/>.

13. Морозов В. Гигантский академический блеф окончен: Крах академии сияющих орденов // Аргументы недели. 2008. 2 октября. № 40 (126) // <http://www.argumenti.ru/publications/8048>.
14. Официальный портал Главы и Правительства Чеченской Республики. 2008. 7 апреля // <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=2>.
15. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. 2008. 23 октября // <http://www.government.ru/content/rfgovernment/rfgovernmentchairman/>.
16. Официальный сайт Совета по общественным наградам // <http://www.sovet.pkc.ru/>.
17. Подолян Л. Возможен ли украинский эквивалент PhD, или Как исключить покупку кандидатской диссертации? // Зеркало недели. 2006. 16 сентября // <http://www.zn.ua/search/?q=%EF%EE%E4%EE%EB%FF%ED+phd&x=9&y=11>.
18. Покровский В. Полуфальшивая наука: Как минимум половина статей, публикуемых в научных журналах мира, содержит ложную информацию // Независимая газета. 2005. 28 сентября // http://www.ng.ru/science/2005-09-28/12_science.html.
19. Симакин Д. Доктора невидимого фронта: Почти треть защищенных в последние годы диссертаций написана за деньги // Независимая газета. 2006. 24 марта // http://www.ng.ru/inquiry/2006-03-24/1_doctors.html.
20. Таксанов А. Явление коррупции в Узбекистане // ЦентрАзия. 2003. 3 мая.
21. «Фабрике знаний — свой ОТК». В системе аттестации грядут перемены, утверждает главный ученый секретарь ВАК Феликс Шамхалов. Интервью с главным ученым секретарем ВАК Феликсом Шамхаловым // Российская газета. 2008. 21 марта. Федеральный выпуск № 4618.
22. Юревич А. Институционализация мошенничества: Сейчас практически любой человек может создать собственную академию, чтобы практически автоматически стать ее президентом // Независимая газета. 2005. 11 сентября // http://www.ng.ru/science/2005-11-09/12_cheating.html.
23. Юревич А. Остепененные чужаки: Основная часть нашего научного сообщества негативно относится к получению ученых степеней лицами, имеющими отдаленное отношение к науке // Независимая газета. 2006. 25 января // http://www.ng.ru/science/2006-01-25/12_chuzhak.html.
24. Allen-Mills, T. Putin accused of plagiarising his PhD thesis // The Sunday Times. 2008. October 23 // <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/article695235.ece>.
25. Anderson, M. Impostors in the temple: American intellectuals are destroying our universities and cheating our students of their future. New York: Simon and Schuster, 1992.
26. Anechiarico, F., Jacobs, J. The pursuit of absolute integrity: How corruption control makes government ineffective. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995.
27. Antiplagiat.ru. 2008. 23 октября. Начиная с 17.10.2008 у вузов, подключенных к пакету «Антиплагиат.ВУЗ» или внедривших локальную версию Антиплагиата, появилась возможность осуществлять проверку курсовых работ, рефератов, диссертаций и иных документов по диссертационной базе РГБ Antiplagiat.ru // http://www.antiplagiat.ru/index.aspx?doc=news_archive.
28. Baker, D., Akiba, M., LeTendre, G., Wiseman, A. Worldwide shadow education: Outside-school learning, institutional quality of schooling, and cross-national mathematics achievement // Educational evaluation and policy analysis. 2001. № 23 (1).
29. Beliaikov, S., Lugachyov, M., Markov, A. Financial and institutional change in Russian higher education. Centre for economic reform and transformation, department of economics. Heriot-Watt University working paper №. DP98/05. Social Science Research Network. 1998 // <http://ssrn.com/abstract=142307>.
30. Brown, H. Russia: The world's richest government // Forbes. 2008. March 28 // http://www.forbes.com/2008/03/28/russia-billionaires-duma-biz-cz_hb_0401russiapol.html.
31. Compayre, G. Abelard and the origin and early history of universities. New York: Charles Scribner's Sons, 1893.
32. Giffen good // Wikipedia, the free encyclopedia. 2008. October 24 // http://en.wikipedia.org/wiki/Giffen_good.
33. Heyneman, S. Education and corruption // International Journal of Educational Development. 2004. № 24.
34. Heyneman, S. Organizations and social cohesion // Peabody Journal of Education. 2005. № 80 (3–4).
35. Heyneman, S. Three universities in Georgia, Kazakhstan and Kyrgyzstan: The struggle against corruption and for social cohesion // Prospects. 2007. № 37 (3).
36. Heyneman, S., Anderson, K., Nuraliyeva, N. The cost of corruption in higher education // Comparative Education Review. 2008. № 52 (1).
37. Inferior good // Wikipedia, the free encyclopedia. 2008. October 24 // http://en.wikipedia.org/wiki/Inferior_good.
38. Klepko, S. Dyssertatsijna motuzka: skorochuetsia chi podovzhuetsia? [Диссертационная цепочка: укоротится или удлинится?] // Osvita. 2006. October 26 // <http://www.osvita.org.ua/articles/137.html>.
39. Klusmann, U. Duma's dubious degrees: The Russian Parliament intellectual giants // Spiegel. 2007. November 21 // <http://www.spiegel.de/international/world/0,1518,518754,00.html>.

40. Los Angeles Times: Москва — мировая столица беззастенчивых подделок // Newsru.com. 2006. 11 июля // <http://www.newsru.com/russia/11jul2006/forgery.html>.
41. Nerad, M. The PhD in the US: Criticisms, Facts, and Remedies // Higher Education Policy. 2004. № 17 (2).
42. Osipian, A. «Feed from the service»: Corruption and coercion in the state — university relations in Central Eurasia // Research in Comparative and International Education. 2009. № 4 (2).
43. Osipian, A. Book review of corrupt schools, corrupt universities: What can be done? Paris: Institute for International Educational Planning by Jacques Hallak and Muriel Poisson // Canadian and International Education Journal. 2008. № 37 (2).
44. Osipian, A. Corrupt organizational hierarchies in the former Soviet Bloc // Transition Studies Review. Springer, 2010. № 16 (4), forthcoming.
45. Osipian, A. Corruption and coercion: University autonomy versus state control // European Education: Issues and Studies. 2008. № 40 (3).
46. Osipian, A. Corruption and reform in higher education in Ukraine // Canadian and International Education Journal. 2009. № 38 (2), forthcoming.
47. Osipian, A. Corruption hierarchies in higher education in the former Soviet Bloc // International Journal of Educational Development. 2009. № 29 (3).
48. Osipian, A. Corruption in higher education: Conceptual approaches and measurement techniques // Research in comparative and international education. 2007. № 4 (2).
49. Osipian, A. Corruption in higher education: Does it differ across the nations and why? // Research in Comparative and International Education. 2008. № 3 (4).
50. Osipian, A. Higher education corruption in Ukraine: Opinions and estimates // International Higher Education. 2007. № 49.
51. Osipian, A. Investigating corruption in American higher education: The methodology // FedUni Journal of Higher Education. 2009. № 4 (2).
52. Osipian, A. Le bourgeois gentilhomme: Political corruption of Russian doctorates. Social Science Research Network. 2008 // <http://ssrn.com/abstract=1293951>. Paper presented to the Annual Meeting of the American Sociological Association (ASA), San Francisco, CA, August 8–11, 2009.
53. Osipian, A. Modeling educators' misconduct with cellular automata. 2008. Paper presented to the Annual Meeting of the American Sociological Association (ASA), Boston, MA, August, 2008.
54. Osipian, A. Political graft and education corruption in Ukraine: Compliance, collusion, and control // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2008. № 16 (4).
55. Osipian, A. Vouchers, tests, loans, privatization: Will they help tackle corruption in Russian higher education? // Prospects: Quarterly Review of Comparative Education. 2009. № 39 (1).
56. Osipian, A.L. The impact of human capital on economic growth: A case study in post-soviet Ukraine, 1989–2009. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
57. Petrov, G., Temple, P. Corruption in higher education: Some findings from the states of the former Soviet Union // Higher Education Management and Policy. 2004. № 16 (1).
58. Riggs, L. The Issues of nobility and identity in Dom Juan and Le Bourgeois Gentilhomme // The French Review. 1986. № 59 (3).
59. Silova, I., Bray, M. The hidden marketplace: Private tutoring in former Socialist countries // In Silova, I., Budijene, V., Bray, M. (eds.) Education in a hidden marketplace: Monitoring of private tutoring. Budapest: Open Society Institute, 2006.
60. Silova, I., Johnson, M., Heyneman, S. Education and the crisis of social cohesion in Azerbaijan and Central Asia // Comparative Education Review. 2007. № 51 (2).
61. Sykes, J. The concise Oxford dictionary of current English. Oxford: Clarendon Press, 1976.
62. Vitzthum, T. Korruption: Gutes Geschäft mit gekauften Dokortiteln // Die Welt. 2008. March 12 // http://www.welt.de/politik/article1792387/Gutes_Geschaeft_mit_gekauften_Dokortiteln.htm.
63. Weidman, C., Enkhjargal, A. Corruption in higher education // In Baker, D., Wiseman, A. (eds.) The worldwide transformation of higher education. Vol. 9. International Perspectives on Education and Society. Oxford: Emerald Group, 2008.

МЕТОДОЛОГИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ДОСТУПЕ К АНДРАГОГИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ¹

ЛАТОВА Н.В.,

магистр социологии,
Институт социологии РАН,
e-mail: myshona@rambler.ru;

ЛАТОВ Ю.В.,

доктор социологических наук,
кандидат экономических наук,
Академия управления МВД России,
e-mail: latov@mail.ru

Переход к пожизненному образованию есть одна из форм перехода к постиндустриальному обществу. В связи с этим в современной России важной (но пока слабо осознанной) проблемой становится обеспечение равенства в доступе к образованию для взрослых людей. Авторы статьи дают обзор работ российских и зарубежных специалистов по экономике и социологии образования, посвященные формам проявления и причинам возникновения неравенства в доступе к образованию для взрослых. Сделан вывод, что наиболее важные аспекты этого неравенства — анализ доступа к дополнительному образованию для квалифицированных работников, изучение производства симулякров знаний — остаются относительно слабо изученной сферой транзитологических исследований.

Ключевые слова: андрагогическое образование; непрерывное образование; постиндустриальное общество; социология образования; социальное неравенство; сравнительный анализ; человеческое развитие.

Adoption of lifelong education is a form of transition to industrial society. That is why ensuring of equal access to education for adult population becomes the important but faintly realized problem in modern Russia. The papers of Russian and foreign authorities in economics and sociology of education devoted to forms of manifestation and origins of inequality in access to education for adult population are reviewed in the article. The conclusion drawn reveals that the most important aspects of such inequality – analysis of access to additional education for skilled staff and knowledge simulators production analysis – are still relatively unexplored field within transitological researches.

Keywords: andragogical education; continuing education; postindustrial society; sociology of education; social inequality; contemporary analysis; human development.

Изучение систем образования в постсоветских странах сконцентрировано почти исключительно на анализе школ и вузов — на проблемах образования для детей и молодежи. Проблемам образования для взрослых уделяется заметно меньше внимания. Между тем в современную эпоху организация до- и переобучения взрослых становится не менее, а в некоторых аспектах даже более важной, чем обучения подрастающего поколения.

*Образование для взрослых (андрагогическое образование)*² следует формально определить следующим образом: это такая система обучения, когда целевой аудиторией являются взрослые трудящиеся, которые в силу своих трудовых обязанностей не могут выделить на образование полноценную трудовую неделю. Тем не менее дальнейшая социальная мобильность для них связана именно с расширением знаний в сфере их деятельности и/или других сферах.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 10-03-00247а «Непрерывное образование, человеческий капитал и социально-экономические неравенства в период трансформаций».

² Термин «андрагогика» используется нами для обозначения образования для взрослых как синоним «adult education». Единый понятийный аппарат для обозначения данного явления еще не вполне сложился даже в англоязычной литературе, где используется порядка десятка терминов с разными смысловыми оттенками.

Хотя изучение проблем андрагогики началось в нашей стране еще в советскую эпоху³, однако специально посвященные этой проблематике экономико-социологические научные работы постсоветских обществоведов довольно немногочисленны⁴. В результате остаются «белым пятном» многие принципиально важные методологические вопросы. Попробуем, отталкиваясь от исследований зарубежных исследователей экономики и социологии образования, рассмотреть подходы к анализу лишь одного (но, пожалуй, краеугольного) аспекта организации образования для взрослых — проблемы социального равенства в доступе к этому образованию⁵.

1. Непрерывное образование как институт постиндустриального общества

Образование для взрослых — это институт, который для России является одновременно и давно пройденным, и недавно освоенным. Первая большая «волна» прошла в 1920–1930-е гг., в эпоху рабфаков, когда советская «страна-подросток» осуществляла первичную индустриализацию. Вторая волна началась в 1990–2000-е гг., когда новая Россия начала осваивать «правила игры» постиндустриального общества⁶.

Реформы 1990-х гг. в постсоветских странах первоначально осмыслились как сдвиг только от командной экономики к рыночному хозяйству. Лишь в 2000-е гг. стали замечать, что куда более важным и актуальным является сдвиг от индустриального к постиндустриальному обществу. Этот сдвиг должен привести к принципиальным изменениям всех «правил игры». Наиболее важными (но, как это ни парадоксально, наименее активно обсуждаемыми экономистами постсоветских стран) станут изменения в системах образования.

В постиндустриальной экономике основным ресурсом становятся знания, определяющие квалификацию и производительность работника. Отражением качественного роста значения «человеческого фактора» стало активное развитие с 1960-х гг. теории человеческого капитала. Понятие «человеческий капитал» (как совокупности знаний, умений и навыков) было предложено в трудах американских экономистов Т. Шульца [79] и, особенно, Г. Беккера [3, с. 56–79] по аналогии с традиционными понятиями физического и финансового капитала. Ставя эти понятия в один ряд, экономисты подчеркнули, что знания, которыми человек обладает, становятся в современном мире главным источником его благосостояния⁷, причем владение знаниями оказывается во многих аспектах важнее, чем владение имуществом (недвижимостью, акциями, деньгами).

В результате развития теорий «человеческого фактора» традиционный квартет экономических ресурсов (труд, земля, капитал, предпринимательские способности) постепенно уходит в прошлое. В течение последнего полувека происходит переход к использованию понятия «капитал» (*capital* — в буквальном переводе «главный») как универсального обозначения *всех* экономических ресурсов. Этот сдвиг является одним из проявлений перехода от индустриального/капиталистического общества, где разные ресурсы контролировались разными классами, к сервисному/посткапиталистическому обществу, где в среднем классе постепенно растворяются традиционные классы буржуазного общества.

Качественное изменение приоритетности экономических ресурсов (в системе «производительных сил») вызывает качественные изменения в социальной структуре общества (в системе «производственных отношений»). Дело в том, что знания как нематериальный ресурс обладают рядом глубоких отличий от традиционных материальных ресурсов.

Прежде всего, знания неотделимы от личности знающего. У владельца земли, заводов, денег *etc.* капитал можно отобрать, купить или уничтожить; владельца знаний в принципе невозможно лишить его капитала.

³ См., например [5; 41; 42; 9; 43].

⁴ Правда, по данной теме уже есть несколько изданий учебно-методического характера ([34; 1; 13; 19]). С 1996 г. издается даже общероссийский журнал по проблемам образования взрослых («Новые знания»), однако статьи по андрагогической тематике составляют реально лишь малую часть его публикаций. В целом современное положение дел в этой области красноречиво характеризуется названием одного из научных мероприятий по этой теме — круглого стола «Образование взрослых: проблемы признания» [27].

⁵ Среди современных российских исследований есть немало работ о проблемах доступности высшего образования ([16; 40] и др.), однако в них рассматривается почти исключительно доступность образования для молодежи (школьников). В немногочисленных андрагогических работах данная проблема обычно затрагивается обычно лишь косвенно и эмпирически — например, в контексте анализа профессиональной мобильности [36].

⁶ По данным российской официальной статистики, с середины 1990-х гг. до середины 2000-х гг. число участников системы дополнительного профессионального образования выросло вдвое, достигнув 15% взрослого населения с тенденцией к росту ([15, с. 79–80]).

⁷ По данным общероссийских опросов ВЦИОМ, в среднем в 1994–2001 гг. в нашей стране ежемесячная зарплата работников со средним образованием составляла 111–113 долл., в то время как у работников с высшим образованием — 144 долл., т.е. на 30% выше ([17, с. 27]). Согласно же данным официальной статистики, в 2005 г. средняя зарплата работников со средним общим образованием была 7 726 руб., а с высшим профессиональным — 11 383 руб., т.е. выше почти на 50% ([32, с. 50]).

Приобрести материальный капитал в принципе может — тем или иным способом (заработать, украсть, выиграть в карты, получить по наследству) — любой человек. Приобрести знания можно только самостоятельно, в результате упорного труда, причем сделать это может далеко не каждый («Если тебе дали знания, это еще не значит, что ты их взял»).

Знания — это очень специфический вид ресурса. Вместо разрушенного завода можно построить новый, на место уволенного работника физического труда легко нанять такого же. Обладатели знаний взаимозаменяемы гораздо в меньшей степени, поскольку люди, даже получившие одинаковое образование, сильно отличаются друг от друга реально располагаемыми знаниями и умением эти знания применять.

Постепенное превращение образования из рядовой сферы услуг в главную отрасль по производству капитальных ресурсов сопряжено с качественным изменением самой образовательной системы.

Как и другие виды капитала, человеческий капитал подвержен инфляции, моральной амортизации: с течением времени его ценность постепенно снижается. Чем быстрее происходит обновление общества, тем скорее полученные некогда знания устареют и станут не стимулом, а тормозом для дальнейшего продвижения вперед. В зарубежной литературе можно встретить предложенное французским социологом П. Берто понятие «период полураспада компетентности»: речь идет о том, что по прошествии определенного срока происходит устаревание примерно половины тех знаний, которые человек приобрел за время своего обучения. Если до начавшейся в 1950-е гг. научно-технической революции этот период оценивался в рамках 10 лет, то сейчас ведут речь о 3–5 годах (в некоторых профессиях — еще быстрее)⁸. Необходимость постоянного пополнения и обновления человеческого капитала привела к возникновению понятий «непрерывное образование» (*continuing education*) и «образование в течение всей жизни» (*lifelong learning*)⁹.

В широком смысле это понятие охватывает всю систему образования — от самого рождения человека и до его смерти. Сюда входит как базовое образование (то есть образование, связанное с учреждениями среднего общего, среднего профессионального и высшего образования), так и различные формы дополнительной подготовки (повышение квалификации, переподготовка, общеразвивающие виды обучения). В более узком смысле данное понятие используют для обозначения того принципиально нового компонента, который сформировался именно в последние полвека, после развертывания НТР, — системы догоняющего и дополнительного образования для взрослых, одновременно с работой или в процессе поиска занятости.

Главное различие между традиционным образованием для молодежи и новыми системами образования для взрослых заключается в следующем. В рамках традиционной образовательной системы молодые люди не столько сами выбирают образование, сколько подчиняются выбору своих родителей. Когда выбор в пользу продолжения образования делает взрослый человек, имеющий профессию и (чаще всего) рабочее место, это — исключительно результат его личного выбора.

Концепция регулярного «до-пере-учивания» взрослых людей-работников вовсе не является абсолютно новой. С античных времен известна моральная сентенция Сенеки «Век живи — век учись». Новым является переход этой сентенции из разряда благих пожеланий в разряд норм, обязательных для исполнения (что нашло отражение, в частности, в документах ЮНЕСКО, в докладах ОЭСР, в официальных задачах Болонского процесса и т.д.¹⁰). Один из энтузиастов в области непрерывного образования справедливо указал, что «будущее образования, если его рассматривать в целом, и его способность к обновлению зависят от образования взрослых» [67].

Становление системы непрерывного образования, таким образом, отражает становление постиндустриального общества, порождающего свою специфическую систему институтов образования (табл. 1)¹¹.

Для обеспечения максимального использования всех интеллектуальных ресурсов общества очень важно обеспечить равный (эгалитарный) доступ к знаниям. Ведь высокие способности к интеллектуальной работе с примерно одинаковой частотой распределены среди всех социальных групп, однако в силу социального (прежде всего, имущественного) неравенства не все люди имеют одинаковый доступ к получению образования. В результате впервые в истории требования социального равенства (равного доступа к образованию) сливаются с требованиями экономической эффективности (наилучшего использования всех важных ресурсов)¹². Однако, хотя давно

⁸ Во время всероссийского опроса ВЦИОМ в мае 2005 г. примерно четверть респондентов указала, что повышать квалификацию надо с интервалом в 3–5 лет, еще четверть — что повышать ее надо ежегодно ([22, с. 118]).

⁹ См., напр.: [39, с. 145–162].

¹⁰ «Обучение в течение всей жизни» начало активно фигурировать в международных документах, начиная с доклада Э. Фор для ЮНЕСКО «Учиться быть» (1972 г.); в Пражском коммюнике (2001 г.) оно было добавлено в список задач Болонского процесса. Обзор институционализации непрерывного образования см., напр.: [45, с. 85–92].

¹¹ Изучение истории образования с точки зрения институционального подхода развито в настоящее время еще довольно слабо; преобладают работы, написанные в эмпирическом ключе (см., например [14]). Положительным примером осмысления этой проблематики являются работы С.Г. Вершловского [7] и др.

¹² Этот сдвиг, к сожалению, не вполне осознан, в результате чего по сей день проблемы доступа к образованию чаще всего рассматриваются в контексте социальной политики, как и век назад (см., напр.: [6]).

провозглашен принцип равного доступа к образованию, основанный на концепции меритократии, реальные «правила игры» в современных образовательных системах еще довольно далеки от эгалитаризма.

Главная функция, выполняемая системой образования, — это увеличение человеческого капитала (знаний и навыков, применение которых повышает производительность работника и повышает его доход). Выполнение этой функции может работать как на понижение, так и на повышение социальной дифференциации. Если доступ к системе непрерывного образования одинаков для всех (дискриминация отсутствует), то она будет работать как социальный лифт. Ведь бедные и богатые (женщины и мужчины, доминирующий этнос и этнические меньшинства...) имеют в среднем одинаковые способности к учебе; однако представители принижённых социальных слоев сильнее заинтересованы в активизации своих способностей, поэтому они будут предъявлять более сильный спрос на услуги системы непрерывного образования и станут стремиться получить от образования максимальную отдачу. Если же доступ к системе непрерывного образования ограничен принадлежностью индивида к какой-либо привилегированной (по имущественным, гендерным, этническим, возрастным или иным признакам) социальной группе, то система будет работать на усиление дифференциации — только привилегированные повышают свои знания (и, как следствие, доходы).

Таблица 1

Типы образовательных систем, соответствующие общественным формациям

Общественные формации		Характеристики образовательных систем	
		Длительность образования	Распространенность образования
Доиндустриальное общество	Первобытные общества	Отсутствие специализированных организаций по передаче знаний	
	Раннеклассовые общества («азиатский способ производства», античность, феодализм)	Однократное получение образования	Элитное образование
Индустриальное общество (капитализм)			Всеобщее начальное и среднее образование
Постиндустриальное общество (посткапитализм)		Непрерывное образование	Всеобщее высшее образование

2. Структура образовательных систем для взрослых

Чтобы выяснить, в какой степени современная система образования для взрослых в постсоветских странах соответствует эгалитарным принципам, необходимо рассмотреть структуру этой системы. Следует ожидать, что в ней есть как подсистемы, в большей степени работающие на сглаживание социальной дифференциации, так и подсистемы, работающие в основном на усиление социальной дифференциации.

В образовании для взрослых можно выделить два основных элемента (рис. 1):

- догоняющее образование, которое дает возможность начать квалифицированную трудовую деятельность, и
- дополнительное образование, которое повышает квалификацию работника — расширяет познания в сфере ранее выбранной трудовой деятельности либо дает ему знания в новой для него сфере.

Эти виды образования разграничиваются отношением к принятому в обществе стандарту обязательного образования, которым в современных условиях является в развитых странах среднее общее образование. Догоняющее образование «дотягивает» учащегося до этого общественного стандарта; дополнительное образование включает все, что превосходит этот стандарт¹³.

Первый тип образования для взрослых является порождением не постиндустриального, а более раннего, индустриального общественного строя. Как указано в таблице 1, капиталистический общественный строй требует перехода сначала к всеобщему начальному образованию (чтобы каждый работник мог читать, писать и элементарно считать), а затем — к всеобщему среднему образованию (чтобы каждый работник имел элементарные знания в основных науках). Первый уровень требований соответствует ранним системам менеджмента, когда работник рассматривался как пассивный «рабочий материал» в руках инженеров, нормировщиков и иных менеджеров, когда от работника

¹³ Конечно, в этой классификации есть известный элемент условности. Скажем, обучение компьютерной грамотности в современной России можно отнести и в догоняющее, и в дополнительное образование. Ведь, с одной стороны, умение пользоваться компьютером и Интернетом является обязательным уже для начального образования, но одновременно можно встретить немало профессоров старших возрастов, которые не умеют полноценно пользоваться компьютером.

требовалось лишь умение понимать инструкции. Второй уровень соответствует посттейлористским системам, связанным с доктриной человеческих отношений, когда от работника ждут активного участия в совершенствовании трудовых операций¹⁴.

Рис. 1. Структура современной системы образования

Развитие в современном мире систем догоняющего образования — это «доделка» в условиях формирующегося постиндустриального общества «недоделок» индустриального общества. Общеизвестно, в частности, что во многих малоразвитых странах дети, не проходя через статусы школьника (ученика) и тем более студента, сразу становятся трудящимися. Глобальность данной проблемы для всемирного сообщества подтверждается Дакарскими соглашениями¹⁵, которые касаются, в частности, необходимости всеобщего начального образования.

Может показаться, что данная проблема характерна только для отстающих стран. На самом деле даже во многих высокоразвитых странах уровень охвата детей образовательной деятельностью весьма неравномерный, сильно зависящий от социального положения родителей. Из-за такого рода сбоев взрослым работникам часто приходится проходить не только специально для них предназначенные виды обучения, но и те виды обучения (например, вузовское), которые изначально рассчитаны на другую аудиторию.

Наиболее адекватным условиям сервисного/постиндустриального общества является, конечно, дополнительное образование. Его активное развитие обусловлено тремя основными факторами:

- ❖ устареванием старых знаний (в соответствии с «периодом полураспада компетенции») по ранее выбранной специальности;
- ❖ необходимостью повышать уровень профессиональных знаний по ранее выбранной специальности в связи со служебным ростом;
- ❖ желанием освоить новые специальности (пройти переобучение) в связи с изменениями на рынке труда (спад традиционных и развертывание новых отраслей) или в связи с личным желанием изменить жизненную траекторию.

Во всех случаях речь идет о до- и переобучении работников, имеющих как минимум среднее общее или среднее профессиональное образование.

Степень соблюдения эгалитарных принципов доступа к образованию сильно варьируется в зависимости не только от того, о каком уровне образования для взрослых работников идет речь, но и от того, какие используются методы организации этого образования.

Принято выделять следующие три основные формы андрагогического образования (см. рис. 1) — формальное, неформальное и информальное [86; 21; 23; 31]. Исторически первич-

¹⁴ Одним из первых «конструкторов» системы образования для взрослых был, как известно, английский предприниматель и социалист Роберт Оуэн, открывший в начале XIX в. при своей фабрике в Нью-Ланарке школу для взрослых, где по вечерам обучали неграмотных, родителям давали консультации по воспитанию детей и т.д. Поскольку в тот период требования к рабочей силе были еще очень низкими, «эксперимент» Оуэна в конце концов потерпел неудачу. Однако за последующие полтора столетия обучение малоквалифицированных работников постепенно превратилось из филантропии в обычную практику менеджмента.

¹⁵ Дакарские соглашения приняты на Всемирном форуме по образованию в Дакаре (Сенегал) в апреле 2000 г. (<http://www.un.org/russian/conferen/dakar.pdf>).

ными являются неформальное и информальное образование, но в современных развитых странах основной стала система формального образования¹⁶.

При неформальном образовании догоняющее и дополнительное обучение осуществляется:

- либо без отрыва от трудовой деятельности, непосредственно на рабочем месте (обмен опытом и знаниями с коллегами по работе)¹⁷;
- либо не образовательными учреждениями (скажем, участие в научных конференциях является своеобразной формой обучения научных работников);
- либо с помощью специальных структур и сервисов, встроенных в качестве дополнительных в образовательные учреждения (открытые лекции университетских профессоров для всех желающих).

Неформальное обучение повышает уровень знаний, но не подтверждается никаким сертификатом/дипломом. В доиндустриальных обществах этот эгалитарный тип обучения (прежде всего, в форме перенимания опыта у наиболее квалифицированных коллег — по принципу «делай как я») был главным. Однако в современном обществе он наименее важен (догоняющее обучение без подтверждающего сертификата практически не имеет ценности) и лишь дополняет другие формы образования.

Информальным образованием называют все виды образования за пределами стандартной образовательной среды. Это — индивидуальная познавательная деятельность, сопровождающая повседневную жизнь и не обязательно носящая целенаправленный характер. Подобное образование является спонтанным и реализуется за счет собственной активности индивидов в окружающей их культурно-образовательной среде («научи себя сам»). В качестве примеров можно привести чтение книг, посещение библиотек и музеев, путешествия, знакомство с сообщениями СМИ и т.д. Такое образование не имеет определенной структуры и не подтверждается сертификатом/дипломом.

В эпоху «нормального» капитализма, в условиях слабого развития формальных систем образования для взрослых, информальное образование было главным методом получения работниками новых знаний¹⁸. В современную эпоху пост-капитализма значение этого метода резко упало в связи с усилением бюрократических тенденций: если ранее талантливый самоучка мог доказать свою квалификацию, проявив ее в реальном производственном процессе, то в настоящее время работника без документов о прохождении определенных образовательных программ просто не допустят к квалифицированному труду. Почти перестав использоваться в системе догоняющего образования, этот очень эгалитарный метод продолжает использоваться в системе дополнительного образования [24].

Ключевым элементом современного образования, в том числе и образования для взрослых, является формальное образование, которым занимаются специальные образовательные учреждения — вузовские и вневузовские, общедоступные и специализированные, коммерческие и бесплатные. Оно является структурированным: обучение происходит по специальному графику ради достижения четко сформулированных компетенций. Результатом формального образования выступает сертификат/диплом об образовании.

Формальное образование для взрослых включает следующие элементы¹⁹.

Во-первых, развиваются системы среднего образования для тех взрослых, которые не смогли его получить в юности. Они включают два компонента.

1. В процессе осуществления государственной социальной политики создаются системы образования для взрослых, специально ориентированные на работу с различными маргинальными и социально приниженными социальными слоями (заключенными, мигрантами, безработными, инвалидами, женщинами). Эти системы предоставляют «второй шанс» тем, кто упустил «первый шанс».
2. В системе среднего образования для взрослых могут участвовать и традиционные вузы, где в помощь взрослым людям (не-маргиналам), ранее получившим только среднее образование и теперь желающим получить высшее, создают специальные подготовительные курсы (*common college*, своеобразным предшественником которых были советские рабфаки). Они рассчитаны прежде всего на тех работников, кто не закончил школу, либо закончил ее давно и многие знания утратил, либо получил в школе не очень высокие знания (в силу личной лени или из-за низкого качества обучения в данной школе). В этом случае догоняющее образование рассматривается как подготовительная стадия к дополнительному образованию.

¹⁶ В документах ЮНЕСКО можно встретить утверждение, что 85% работающего населения приобрели необходимые для работы знания и умения за рамками формального обучения ([8]). Этот показатель отражает тот факт, что подавляющее большинство людей в настоящее время продолжают жить в «третьем мире», где формальное профессиональное образование охватывает очень небольшую долю населения.

¹⁷ См., напр.: [20].

¹⁸ Гениальными самоучками, не получившими в детстве даже формального начального образования, являлись, например, изобретатель паровоза Джордж Стефенсон и создатель электроиндустрии Томас Эдисон.

¹⁹ Описание структуры современного формального адрагогического образования дано нами в наиболее общем виде. О конкретных организационных структурах этой системы в постсоветской России см., напр.: [10].

Во-вторых, система высшего образования, ориентированная изначально на работу с молодежью, стала в последние десятилетия активно развивать учебную работу с взрослыми работниками. Сильным стимулом для этого стала коммерциализация вузов, поскольку учащиеся работники, как правило, более платежеспособны, чем вчерашние школьники. Дополнительное образование развивается по двум направлениям.

1. Прежде всего, оно происходит в общедоступных вузах в рамках систем вечернего и заочного образования (заметно реже — очного дневного). Чаще всего вечерниками и заочниками становятся работники, уже имеющие как минимум среднее специальное образование и нуждающиеся либо в повышении квалификации (первое высшее образование), либо в профессиональной переподготовке (второе высшее образование).
2. Есть ведомственные вузы, которые изначально создавались для повышения и регулярного обновления квалификации тех взрослых работников, которые уже получили среднее специальное или высшее образование. Эти учебные заведения (как, например, российские Академия управления МВД или Академия народного хозяйства при Правительстве РФ) осуществляют функции исключительно дополнительного образования. Они являются государственными учреждениями и обслуживают лишь те отрасли (милиция, армия, государственное управление...), которые в той или иной степени монополизированы государством.

В-третьих, существует система своего рода пост-высшего образования, ориентированная на работу исключительно с теми взрослыми людьми, кто уже получил высшее образование.

1. В рамках вузов происходит защита диссертаций с присвоением высших ученых степеней — кандидатских и докторских в экс-советских странах, *PhD* в странах Болонского процесса. Это есть пост-высший уровень образовательной системы, поскольку работу над диссертацией и ее защиту осуществляют только имеющие высшее образование.
2. В последние полвека активно развиваются новые (так называемые вневузовские²⁰) системы образования для взрослых: корпоративное образование, различные тренинги, бизнес-школы, курсы повышения квалификации и др. Они соответствуют в основном пост-высшему уровню, поскольку ориентированы чаще всего на работу со специалистами с высшим образованием, нуждающимися в обновлении и расширении своей квалификации. Эти системы являются, как правило, коммерческими, но для некоторых социальных групп вневузовское обучение (например, курсы переподготовки при биржах труда [28]) осуществляется за государственный счет.

Поскольку формальное образование в современном обществе является абсолютно доминирующим, наш анализ будет сосредоточен именно на нем.

Рассмотрим теперь степень проявления и причины социального неравенства в формальных системах догоняющего и дополнительного образования для взрослых.

3. Неравенство в доступе к догоняющему образованию для взрослых

При изучении взаимосвязи социального неравенства и систем образования для взрослых необходимо различать три разных аспекта.

Есть неравенство, мешающее всем подросткам получить стандартное среднее образование и тем самым порождающее спрос на догоняющее (но не на дополнительное!) образование.

Существует неравенство доступа взрослых людей к догоняющему и дополнительному образованию.

В результате развития догоняющего и дополнительного образования происходит изменение ранее существовавшего неравенства.

Наш анализ направлен в основном на первые две проблемы, решение которых наиболее важно для становления постиндустриального общества.

Спрос на догоняющее образование в самых развитых странах оказывается очень сильным в силу сохранения (и даже расширения) маргинальных социальных слоев. Речь идет о трех социальных группах, у представителей которых наиболее высока вероятность пропуска начальных фаз образовательного цикла — начального и среднего образования.

1. Среди основной массы населения устойчиво сохраняются социально неблагополучные группы населения, «белые бедняки». Они, как правило, обособлены от основной массы граждан по географическим критериям — проживают в депрессивных районах (в России к числу таковых относится основная масса сельских регионов²¹) с низким уровнем жизни [65], где невозможно получить качественное бесплатное начальное и среднее образование, даже если формально дети получают школьные аттестаты. В неполных семьях,

²⁰ Разница между вузовскими (в основе своей некоммерческими) и вневузовскими (изначально коммерческими) системами высшего образования достаточно условна и имеет тенденцию (по крайней мере, в России) постепенно стираться.

²¹ По данным проведенного в 2003 г. опроса российской молодежи по репрезентативной выборке, среди жителей больших городов о недоступности для их высшего образования заявляли примерно 20% респондентов, в то время как среди сельских жителей — около 40% ([17, с. 40]).

а также в так называемых смешанных семьях (где один из родителей — мачеха или отчим) также велика вероятность того, что ребенок бросит школу [48; 47]. В маргиналы могут попасть даже дети из благополучных семей, у которых на начальных этапах обучения в школе были низкие результаты. Первые неудачи формируют у детей чувство фрустрации, пониженную самооценку; в дальнейшем по мере усложнения учебного материала чувство бессилия растет, становясь серьезным поводом преждевременно закончить обучение [47, р. 62; 57]. Начав трудовую биографию в качестве малоквалифицированных работников, затем многие из этих маргиналов видят в догоняющем образовании социальный лифт. Некоторые из них предъявляют спрос на догоняющее образование, служа в армии или отбывая тюремное заключение [58].

2. Во многих развитых странах устойчиво сохраняются этнокультурные анклавы «культуры бедности», обитатели которых в силу исторических причин отстают по уровню жизни от основной массы граждан (афроамериканцы и латиноамериканцы в США, «кавказцы» и малые народы Севера и Сибири в России и др.). Детям из этих семей приходится рано начинать трудовую деятельность, чтобы вносить свой вклад в общий бюджет семьи. К тому же национальные движения в среде этих этнических миноритариев часто принимают форму культивирования отсталости (в форме, скажем, сокращения или даже прекращения обучения в школе государственному языку), которая выдается за национальную самобытность²². Молодежь этих этнических анклавов оказывается в определенной степени «выключенной» из современной системы начального и среднего образования²³. Многие из них, став взрослыми неквалифицированными работниками, стремятся интегрироваться в нормальную экономическую жизнь и восполнить пробелы в образовании.
3. Если две ранее названные социальные группы имеют тенденцию к сокращению, то третья, напротив, быстро растет. Речь идет о мигрантах, приезжающих в развитые государства из развивающихся стран (латиноамериканцы в США, арабы в Западную Европу, таджики и киргизы в Россию...). Хотя во всех развитых странах (включая Россию) проводится политика, направленная на жесткое ограничение миграции на постоянное место жительства, части мигрантов из развивающихся стран удается законным или полузаконным образом эти ограничения преодолеть. Для интеграции в новый социум иммигрантам практически всегда необходимо проходить дополнительное образование, их дети плохо адаптируются к новым условиям жизни и часто не могут получить нормальное школьное образование²⁴.

В каждом из этих трех случаев, как правило, складывается ситуация, когда низкий человеческий капитал родителей предопределяет низкие стартовые возможности их детей. Разница в начальном багаже знаний со временем имеет тенденцию увеличиваться: более бедные дети стремятся к получению практических рабочих навыков в отличие от их более статусных сверстников, которые ориентируются на получение академических знаний, необходимых для дальнейшего продолжения образования в университете [81; 78; 70]. В результате в дальнейшем одни легко впихнутся в «экономику знаний», другим это будет сделать заметно труднее или даже невозможно.

Кроме описанных выше объективных причин выпадания из базовой структуры образования можно выделить еще и некоторые ситуативные факторы.

Во-первых, мальчики чаще девочек бросают школу [80; 68]. Это связано, с одной стороны, с более высокой «усидчивостью» (нацеленностью на выполнение рутинных действий) девочек, а следовательно, и их большей успешностью в школьном обучении. Другая причина кроется в некоторых особенностях рынка труда. Девочки во многих странах менее востребованы на рынке труда, то есть у них меньше шансов заменить учебу работой [54; 66]. Кроме того, там, где они востребованы (в сфере услуг), от них часто требуется квалификация, связанная с наличием образования.

Во-вторых, есть группа подростков, которая стремится к финансовой обособленности. В отличие от ситуации в бедных семьях, где подростки вынуждены вносить вклад в семейный бюджет, в данном случае смена учебы трудовой деятельностью происходит добровольно, по их собственному желанию. Хотя эти дети сильно озабочены перспективами своей трудовой карьеры, они не связывают ее успешное начало с продолжением образования [64].

Начав трудовую деятельность, малоквалифицированные работники сталкиваются с жесткой конкуренцией на рынке труда, с возможностью продвинуться вперед только при наличии определенных знаний и умений. Неопределенность положения, отсутствие каких-либо гарантий застав-

²² Наиболее яркий пример такого рода из истории постсоветской России — трагический опыт «независимой Ичкерии» 1994–2000 гг., менее явный — развитие татарских школ в Татарстане.

²³ Так, в США в 2007 гг. доля бросивших школу составляла среди белых молодых людей в возрасте 16–24 лет только 5%, зато среди афроамериканцев — 8%, а среди латиноамериканцев — целых 21% ([83]). Правда, во многих случаях принадлежность к этническим меньшинствам, наоборот, служит сильным стимулирующим фактором, когда молодые люди рассматривают свои успехи в образовании как способ вырваться из маргинальной среды.

²⁴ По данным американской статистики, на конец 1980-х гг. доля бросивших школу составляла 10–11% среди испаноязычной молодежи 16–24 лет, чьи родители родились в США, однако 29% среди молодых латиноамериканцев, родившихся за пределами США ([84]). О ситуации в России см., напр.: [26].

ляет их задуматься об упущенных возможностях и серьезно отнестись к тому, чтобы возобновить образование. Именно для такой круговой траектории образования в зарубежной теории и практике ввели понятие «второй шанс» (*«second chance»*). Это понятие отражает возможность вторично получить образование теми, кто потенциально мог, но по разным причинам (в том числе связанным с социальным неравенством) не получил образование вовремя.

Представляя шанс вторично пройти программу общего обучения, государство таким образом сглаживает последствия социального неравенства, проявившиеся на ранних стадиях обучения. Главная цель «второго шанса» — дать возможность исправить допущенные ошибки, а также актуализировать свой потенциал любому, кто не смог своевременно воспользоваться «первым шансом». Не последнюю роль в концепции «второго шанса» играет заявленная возможность после получения базового образования продолжить дальнейшее образование на следующей ступени, то есть получить высшее образование.

Складывается впечатление, что «второй шанс» — это своего рода социальный лифт для тех трудящихся, которые ранее «ошиблись этажом» и теперь хотят наверстать упущенное. Но так ли это на самом деле? Насколько система «второго шанса» реализует заявленные цели?

Согласно некоторым исследованиям [82], возможности «второго шанса» пока даже в самых высокоразвитых странах являются скорее потенциальными, чем реальными. Многие аспекты неравенства остаются и даже становятся более ощутимыми.

Во-первых, неравенство сохраняется на уровне доступа к возможности получить среднее образование. Здесь действуют практически те же факторы, которые мешают подросткам закончить школу, — проблема доступа к образованию просто ретранслируется с «первого шанса» на «второй шанс». Акцент на самостоятельности человека, на его ответственности за свое образование приводит часто к тому, что желающие воспользоваться «вторым шансом» сталкиваются с еще более высокими трудностями, чем раньше²⁵. В первую очередь это сказывается на группе социально приниженных людей (речь идет, прежде всего, об этнических маргиналах, безработных и инвалидах), которые получают заметно меньше возможностей воспользоваться «вторым шансом», чем те, кто не окончил школу по ситуативным причинам и обладают более богатыми экономическими и иными ресурсами. В частности, большое значение играет дискриминация по доходам: те, кто не смог в детстве закончить школу из-за бедности, став взрослыми, будут по-прежнему иметь мало возможностей заполнить свои пробелы в знаниях.

Во-вторых, «второй шанс» позволяет восполнить упущенное среднее образование, но почти не расширяет доступ к дальнейшему образованию. Из числа тех, кто восполнил свои пробелы в школьном образовании, продолжить образование в университете могут реально только единицы [62].

Анализируя проблемы догоняющего образования, ученые сходятся во мнении, что зачастую недостаточно одного желания продолжить обучение [63]. Пока правительство не будет оказывать значительную помощь и поддержку тем, кто решил ликвидировать образовательные пробелы, аудитория «второго шанса» будет довольно узкой. Эта помощь должна идти по нескольким направлениям.

- В первую очередь надо учитывать, что, как ранее указывалось, большинство тех, кто не воспользовался своим «первым шансом», — это выходцы из бедных семей. Маловероятно, что отсутствие образования позволило им добиться хорошего материального положения. Следовательно, без организации хотя бы льготного кредитования со стороны государства они вряд ли смогут инвестировать свои небольшие доходы в образование по системе «второго шанса».
- Кроме того, многим из тех, кто принимает решение бросить школу, не хватает достоверной информации об образовании и тех преимуществах, которые оно может дать. Та же нехватка информации характерна и для образования «второго шанса».
- Необходимо также учитывать, что для многих потенциальных участников системы догоняющего образования большую роль играет степень удаленности образовательного учреждения от места их проживания и работы. Помочь в решении этой проблемы могут как удаленные формы образования, так и гибкие графики обучения.
- Наконец, приблизить образование «второго шанса» к нуждам и потребностям целевой аудитории можно, во-первых, вписав его в систему формального образования (для тех, кто ориентирован на продолжение образования в университете) посредством совмещения стандартов и программ с теми, которые приняты в университетах, и, во-вторых, предложив практические профессионально ориентированные программы (для тех, кто ориентирован на работу).

Ученые выступают за последовательное соблюдение принципа равенства возможностей на всех уровнях образовательной системы, для чего государство должно создавать для выходцев из социально приниженных слоев особо благоприятные условия. Однако они далеки от пропаганды попустительского отношения к тем, кто пренебрегает возможностями «первого шанса». Необходи-

²⁵ В 2003 г. во время опроса российской молодежи по репрезентативной выборке среди респондентов в возрасте 15–20 лет лишь 15–25% утверждали, что для них высшее образование практически недоступно; среди респондентов в возрасте 31–34 лет с этим утверждением соглашались уже 30–40% ([17, с. 41]).

мость баланса между ответственностью и самостоятельностью человека, с одной стороны, и активной борьбой с образовательным неравенством — с другой, привела к концепции приоритаризма.

Согласно этой концепции, ответственность человека за неправильное использование «первого шанса» (следовательно, и его личный материальный вклад в образование «второго шанса») должна быть соразмерна реальным возможностям его использовать. Другими словами, люди, у которых были какие-то преимущества при получении образования «первого шанса», могут претендовать на получение заметно меньшей льготы от государства при использовании нового шанса, чем те, у которых таких преимуществ изначально не было [52]. Это значит, например, что выходцы из семей со средним достатком, которые в юности предпочли работу школе, должны получать гораздо меньшую помощь, чем выходцы из бедных семей (тем более — из бедных семей этнических маргиналов).

Соблюдать принцип приоритаризма легче в том случае, если государство прямо и непосредственно организует образование для социально принижённых групп (скажем, на курсах переобучения при биржах труда или на учебных курсах в местах заключения). Что касается подготовительных курсов при вузах, то, если только речь идет не о государственных университетах, на соблюдение приоритаризма государство может повлиять лишь косвенным образом (прежде всего, путем организации специальных программ кредитования учебы для выходцев из принижённых социальных слоев).

4. Неравенство в доступе к дополнительному образованию для взрослых

Изучение дополнительного образования — «обучения на рабочем месте» или «непрерывного образования профессионалов» (повышение уже имеющейся квалификации) — пока еще находится на стадии становления. С одной стороны, трудно установить границы системы дополнительного образования; с другой стороны, недостаточно изучены даже хорошо известные элементы этой системы [29]. Это контрастирует с довольно высокой изученностью систем догоняющего образования, хотя, как ранее отмечалось, в условиях генезиса постиндустриального общества дополнительное образование имеет гораздо более высокое значение, чем догоняющее.

Какие же закономерности дополнительного профессионального образования трудящихся становятся барьерами на пути равноправного доступа к образованию?

Таких факторов довольно много. Их количество увеличивается (в сравнении с факторами, характеризующими догоняющее образование) в значительной степени из-за того, что в этой системе появляется новое заинтересованное лицо — руководство той коммерческой организации, в которой человек работает. При анализе неравенства в доступе к догоняющему образованию позицию руководства организации можно было во внимание не принимать, поскольку получающие образование по системе «второго шанса» либо не имеют руководителей (безработные), либо их руководители одинаково заинтересованы в образовании для всех (заключенные), либо их руководители вообще не имеют особой заинтересованности в их образовании (малоквалифицированные работники). Но дополнительное образование может заметно повысить ценность квалифицированного работника для предпринимателя-работодателя, который поэтому начинает активно влиять на до- и переобучение своих сотрудников, регулируя их резервы времени для обучения и финансовую поддержку обучения²⁶.

Итак, неравенство в доступе к дополнительному образованию может быть объяснено двумя группами причин. *Первая группа* связана с характеристиками, присущими индивиду; вторая является результатом политики организации, в которой он работает.

Под характеристиками, присущими индивиду, мы подразумеваем тот набор свойств, которыми обладает человек либо в силу человеческой природы (пол, возраст, этничность и т.д.), либо в силу своего развития до начала работы в той или иной организации (накопленный багаж знаний, умений и навыков). Здесь будут работать, прежде всего, те же факторы, которые ранее отмечались при анализе неравенства в системе догоняющего образования: в частности, те, кто имеет более высокие доходы, имеют лучшие возможности инвестировать их в повышение своей квалификации²⁷. Однако в системе дополнительного образования действуют и некоторые новые дискриминирующие факторы.

1. Дискриминация по возрасту.

Ученые отметили, что чем старше работники, тем реже они принимают участие в дополнительном образовании. Для этого есть несколько объяснений. С одной стороны, понижается образовательная мотивация самих трудящихся. Ведь с возрастом люди меньше стремятся к карьерному росту

²⁶ В США в первой половине 2000-х гг. 80–90% взрослых работников, обучавшихся по программам, связанным с их служебными обязанностями, отмечали наличие финансовой поддержки со стороны работодателей ([71]). В России эта практика распространена пока заметно реже и охватывает, по данным социологических опросов, не более 40% учащихся работников ([18]).

²⁷ Согласно данным социологических исследований, в России «...на протяжении 2000–2003 гг. уровень образовательной активности состоятельных респондентов был значительно выше, чем малоимущих (примерно в 6 раз)» ([24, с. 118]). При этом исследователи часто подчеркивают трудность ответа на вопрос, «является ли повышение статуса работников непосредственным следствием дополнительного профессионального переобучения или, напротив, переобучение более доступно для обеспеченных слоев» [35, с. 99].

и увеличению доходов, поэтому более «прохладно» относятся к дополнительному обучению [55]. К тому же приближение пенсионного возраста увеличивает вероятность того, что сделанные в образование инвестиции могут не успеть окупиться. С другой стороны, по тем же самым причинам организации тоже невыгодно вкладывать деньги в образование уже немолодых сотрудников [87; 89]. Тем не менее ученые указывают, что работники более старших возрастов, не очень жалуя формальные виды образования, принимают зато более активное участие в неформальном образовании, которое, однако, заметно сложнее отследить. Необходимо учитывать еще и тот факт, что современные образовательные методы и теории в основном ориентированы на молодых людей (до 35 лет), что также ограничивает возможности и понижает заинтересованность более старшей когорты населения в повышении своего образования [76; 89; 69]. Дискриминация по возрасту ведет к большим потерям: «экономика знаний» характеризуется растущей предельной отдачей от инвестиций, поэтому обучение людей с более высоким опытом в принципе должно давать более высокую отдачу, чем обучение «зеленой» молодежи.

2. Гендерная дискриминация.

Отмечено, что организации заметно менее склонны поддерживать женщин в их стремлении повышать свой уровень образования, чем мужчин. В свою очередь многие женщины вынуждены отказываться от дополнительных форм образования вследствие того, что им необходимо в первую очередь заботиться об их семье. Эта закономерность увеличивается с возрастом и более заметна в тех странах, где велик разрыв в доступе к образованию вообще между мужчинами и женщинами²⁸. Не менее серьезным барьером для женщин на пути к получению дополнительного образования являются гендерные стереотипы: в большинстве даже развитых обществ одни профессии воспринимаются как женские (секретарь, воспитатель...), а другие как мужские (например, бизнесмен, программист...) [73].

3. Дискриминация в зависимости от ранее полученного формального образования.

Формальное образование не только дает знания, но и, самое главное, «обучает учиться» — прививает человеку навыки самообучения, формирует у него готовность к дальнейшим образовательным практикам. Как правило, такие способности оказываются лучше сформированы у тех, кто получил более хорошее формальное образование. Кроме того, руководство организаций в большинстве случаев полагает, что работники с более высоким уровнем образования более обучаемы, то есть инвестиции в их дополнительное образование более эффективны и продуктивны. Парадокс заключается в том, что как раз наиболее образованные трудящиеся в принципе меньше всего нуждаются в дополнительном образовании. Для менее образованных трудящихся расширение и углубление их знаний должно было бы компенсировать изначально низкий образовательный уровень, предоставив им шанс продвижения вперед. На деле же дополнительное образование скорее соответствует запросам более продвинутой части работников, чем тех, кто изначально находится в менее выгодной позиции [74; 60].

4. Этническая дискриминация.

Так же как и при организации догоняющего образования, этническая принадлежность работника и уровень владения им государственным языком играют весьма немаловажную роль для его доступа в систему дополнительного образования. Те закономерности, которые здесь наблюдаются, сильно зависят от эмиграционной и интеграционной политики государства. В большинстве стран граждане, принадлежащие к доминирующей этнической группе, имеют заметно больше возможностей воспользоваться благами дополнительного образования. Тем не менее в ряде стран (таких как, например, Финляндия, Венгрия, Ирландия, Италия и т.д.) дополнительное образование довольно популярно среди представителей этнических меньшинств (прежде всего, из числа мигрантов) [56].

5. Дискриминация по месту проживания.

Городское население принимает участие в дополнительном образовании обычно чаще, чем сельское, поскольку учебные центры размещены в городах, к тому же в сельской местности слабее развиты информационные коммуникации [49; 88]. Но здесь, как и в предыдущем случае, какой-либо универсальной четкой закономерности не существует. Например, в таких странах, как Великобритания, США и Финляндия, где практически стерта социальная разница между «сельчанами» и горожанами, доля сельского населения среди участников системы дополнительного образования довольно высокая [56].

Вторая группа причин неравенства в доступе к дополнительному образованию детерминирована политикой и специализацией тех организаций, где работают учащиеся.

1. Особенности производственной культуры, норм и традиций, принятых в конкретном трудовом коллективе.

В современных компаниях повышение квалификации зачастую является обязательным элементом трудовой деятельности. В таких организациях работников поощряют следить за обновлением своего профессионального запаса знаний и приветствуют индивидуальные усилия в этой области. Но даже в таких продвинутых организациях руководство поощряет не любые

²⁸ Даже в России, где давно победили (по крайней мере, формально) идеи женского равноправия, в конце 1990-х гг. женщины составляли примерно 55% от общего числа студентов, но только 42% аспирантов, 32% докторантов и 20% получивших степень доктора наук [2, с. 292, 294, 295].

формы обучения своих служащих, а только такие, которые повышают выгоду конкретно данной организации. Например, руководство фирмы категорически не заинтересовано в том, чтобы ее сотрудник, получив дополнительное образование, нашел бы себе более высокооплачиваемую работу в другой фирме [51; 50]. Одним из проявлений слабой заинтересованности фирм в переподготовке (освоении новых специальностей) ее сотрудниками является резкое превышение числа тех, кто повышает квалификацию в рамках дополнительного профессионального образования, над численностью проходящих профессиональную переподготовку²⁹. Многие коммерческие организации (особенно, мелкие и недавно созданные) вообще предпочитают не тратить на обучение своего сотрудника, а сразу принять на работу такого человека, который уже обладает всеми необходимыми навыками для работы и, таким образом, может сразу внести свой вклад в увеличение прибыли организации [75].

2. Положение работника-учащегося в структуре данной организации.

Отмечено, что работники, занимающие более высокую должность или имеющие более высокую квалификацию, имеют обычно больше возможностей повысить образование, чем нижестоящие и менее квалифицированные. Существует довольно стойкое мнение, что трудящиеся, выполняющие более рутинную работу с низким доступом к принятию решений, могут вполне успешно справляться со своей работой, не прибегая к дополнительному образованию. Помимо различий в квалификации между трудящимися одного уровня существует сильное различие между разными уровнями труда — речь идет о так называемых «белых воротничках» (офисных служащих) и «голубых воротничках» (инженерах). Данные исследований свидетельствуют, что к дополнительным формам образования чаще прибегают «белые воротнички» [46; 53; 85], для которых такое повышение квалификации зачастую является признаком их статуса, повышает их престиж, а также дает доступ к профессиональным сообществам и иным видам ресурсов.

3. Специализация организации.

Исследования ученых выявили определенную закономерность между тем, насколько часто те или иные трудящиеся повышают свою квалификацию, и тем, в каком секторе экономики они заняты. Чаще других к дополнительному образованию прибегают работники из таких сфер, как муниципальное управление, финансы, страхование и недвижимость, образование, здравоохранение и социальное обеспечение [61; 77]. Большинство этих областей занятости относится к сфере услуг. Эта сфера — ведущая в обществе постмодерна, что определяет ее быстрое развитие. Чтобы не только удержаться в данной области, но и продвинуться вперед, фирмы вынуждены поощрять работников постоянно обновлять багаж знаний, приводя его в соответствие с современными технологиями.

Степень неравенства будет заметно варьироваться в различных формах дополнительного образования. Очень важно, является ли оно платным или бесплатным. С этой точки зрения, в частности, система бесплатных ведомственных вузов гораздо более эгалитарна, чем система коммерческих вузовских и «вневузовских» образовательных учреждений. Не менее важно, однако, насколько свободен работник в выборе формы дополнительного образования. По этому критерию бесплатные ведомственные вузы, направление в которые жестко зависит от воли руководства, гораздо менее эгалитарны, чем доступные для всех платные заочные факультеты общеобразовательных вузов.

5. Особенности неравенства в образовании для взрослых в странах догоняющего развития

В двух предыдущих разделах речь шла об универсальных факторах неравенства, которые действуют практически во всех странах. Однако в странах догоняющего развития (включая эксоциалистические) существует особая группа факторов неравенства в доступе к догоняющему и дополнительному образованию, которая в развитых странах развита гораздо слабее.

Дело в том, что в этих странах образование наряду с функцией приращения человеческого капитала выполняет еще одну функцию, на которую редко обращают внимание. Речь идет о функции приращения социального капитала — социального престижа, который повышает доход независимо от повышения производительности человека как работника. В частности, наличие высшего образования и даже научной степени в этих странах часто считается обязательным атрибутом руководителя высокого ранга (или того, кого собираются выдвигать на руководство). Эти руководители и их дети предъявляют спрос, в сущности, не на образование, а на формальные символы знаний («корочки»). Аналогичный спрос на симулякры знаний (суррогатные дипломы) предъявляется и со стороны широких массовых слоев, имитирующих поведение элитных групп³⁰.

²⁹ Так, в России начала 2000-х гг., по данным статистики, проходящие переподготовку составляли 6–7% от общего числа лиц, прошедших обучение в учреждениях дополнительного профессионального образования; почти все они были либо уволенными с военной службы, либо безработными [32, с. 461–462].

³⁰ В современной литературе справедливо отмечается, что в современной России очень часто «работодатель никаких особых знаний от работника не требует» — «от работника требуются... не знания, а способность

Приобретение символов знаний без самих знаний всегда связано с коррупцией в тех или иных формах. Представителям элиты престижные «корочки» могут давать «из уважения»³¹, в то время как представители не-элитных групп за не подтвержденные реальными знаниями «корочки» обычно вынуждены платить³².

Ранее указывалось, что система непрерывного образования, работающая на производство знаний, может в принципе как усиливать социальное неравенство (при нарушении эгалитарных принципов доступа к образованию), так и ослаблять его (при соблюдении этих принципов). Выполнение системой непрерывного образования функции обеспечения элиты символами знаний работает *только* на усиление социальной дифференциации независимо от того, платным или бесплатным является процесс обеспечения «начальников» символическими благами. Получение не-элитными учащимися символов знаний, не подкрепленных знаниями, тоже будет работать на рост социального неравенства. Размеры «нормальных» взяток преподавателям обычно не являются запретительно высокими даже для небогатых учащихся; однако когда владельцы суррогатных дипломов придут работать, то не смогут подкрепить свой диплом более высокой производительностью и вряд ли добьются высокой оплаты. Более того, широкое распространение «покупки» дипломов ведет к их девальвации; в результате этого экстернатного эффекта те люди, чьи дипломы соответствуют их знаниям, будут вынуждены уменьшить уровень своих притязаний³³. В любом случае подмена производства знаний производством симулякров знаний ведет к падению экономической эффективности³⁴.

Производство знаний/навыков и производство симулякров знаний соотносятся обычно как официальная и теневая (коррупционная) деятельность образовательной системы³⁵. Сосуществование этих двух видов деятельности в системах догоняющего и дополнительного образования не может не деформировать систему образования как таковую. Преподаватели, вовлеченные в процесс производства симулякров, привыкают симулировать учебный процесс, постепенно теряя способность давать знания и навыки тем учащимся, кто хочет их получить.

Таким образом, анализ взаимовлияния систем образования для взрослых и социальной дифференциации должен обязательно учитывать, в каких пропорциях в этих системах присутствуют четыре группы учащихся (см. табл. 2) с разным социальным статусом и с различной мотивацией. В идеальном информационном/постиндустриальном обществе категории **В** и **Г** должны отсутствовать. При этом соотношение категорий **А** и **Б** должно быть для догоняющего образования ниже, чем соотношение элитных и не-элитных групп в населении (поскольку догоняющее образование предназначено, прежде всего, для помощи социально приниженным слоям), а для дополнительного образования — примерно равным соотношению элитных и не-элитных социальных групп.

История знает длительный «эксперимент» активного использования системы образования для взрослых в качестве одного из основных принципов комплектации государственной элиты. Речь идет об экзаменационной системе в средневековых странах конфуцианского региона (Китай, отчасти Корея и Вьетнам). Именно в Китае почти полторы тысячи лет назад, в VI в., была «изобретена» система государственных экзаменов — письменная проверка квалификационных знаний и навыков, прохождение которой становилось «пропуском» в ряды элиты, государственных чиновников³⁶. К этому экзамену готовились годами или даже десятилетиями, поэтому экзаменуемые обычно были уже взрослыми людьми³⁷. Образованность (а не знатность и воинская доблесть, как в Европе) считалась в средневековых конфуцианских странах главным фактором социальной стратификации

их усвоить», поскольку прикладные знания «работодатель предоставит работнику сам, посредством системы внутрифирменного обучения» [17, с. 30]. Замена спроса на знания «спросом на образованность» не отменяет проблемы симулякров — только тогда надо вести речь скорее о симулякрах навыков получения знаний, чем о симулякрах знаний как таковых.

³¹ Не касаясь свежих примеров диссертационных защит представителей постсоветских элит, сошлемся лишь на исторический казус: последняя российская императрица Александра Федоровна, будучи еще принцессой Алисой, посещала лекции в Гейдельбергском университете, где получила диплом бакалавра философии; ее последующая судьба убедительно показывает, что супруга Николая II получила скорее симулякр знаний, чем реальные знания.

³² Во время общероссийского социологического опроса по репрезентативной выборке, организованного Фондом «Общественное мнение», было обнаружено, в частности, что коррупционные расходы москвичей в институтах и на курсах повышения квалификации для взрослых в 2003/2004 учебном году составляли 60% от общих расходов семей на данный вид образования — это самый высокий уровень коррупционной составляющей по всем видам образования [12, с. 310].

³³ Опрос российских работодателей в середине 2000-х гг. зафиксировал, что «уровень образования занимает последнее место среди характеристик, учитываемых при приеме на работу: в качестве главного достоинства нанимаемого его указали лишь 15% респондентов», зато «ровно две трети опрошенных считают, что при приеме на работу главное — опыт работы» [44, с. 60].

³⁴ Это проявляется не только в торможении роста производительности труда, но и во «взяточном обучении» [11, с. 105–118].

³⁵ Об этих аспектах коррупции в системе высшего образования см., прежде всего, работы украинского специалиста по экономике образования А.Л. Осипяна ([33; 71 и др.]).

³⁶ Об императорских экзаменах в Китае см. [4; 38, с. 427–433].

³⁷ Хрестоматийный пример — жизнь знаменитого китайского писателя рубежа XVII–XVIII вв. Пу Сун-Лина, который много раз «проваливал» экзамены и смог получить низшее чиновничье звание лишь незадолго до смерти, сдав экзамены в возрасте 89 (!) лет.

и пользовалась настолько высоким уважением, что эти страны можно назвать своего рода «обществом знаний». Поскольку к экзаменам допускали в принципе любого, независимо от социального происхождения, то данная система, казалось бы, должна была обеспечить меритократию (буквально — «власть достойных») и эффективное развитие. Именно поэтому китайский общественный строй вызывал на первых порах сильный восторг европейских мыслителей-просветителей, который затем сменился не менее сильным разочарованием.

Дело в том, что подготовка к экзаменам требовала в Китае очень больших затрат сил и времени, а типичная для восточных стран коррупция позволяла представителям элиты обходить суровые правила. К тому же содержание «учебных дисциплин» (прежде всего, классическая литература) было таким, что хотя и тренировало память, но не имело никакого отношения к практической деятельности. Это значит, что учащиеся категорий **Б** и **В** абсолютно доминировали над учащимися категорий **А** и **Г**. В результате китайская экзаменационная система функционировала не столько как социальный лифт, сколько как самовоспроизводство малоэффективной бюрократии.

Таблица 2

Дифференциация учащихся по социальному статусу и целям образования

Социальный статус	Цели образования	
	Мотивация на получение знаний	Мотивация на получение симулякров знаний
Представители элиты	А	В
Представители не-элиты	Б	Г

Печальный опыт конфуцианской цивилизации показывает те опасности, которые и в современную эпоху очень актуальны для стран догоняющего развития (включая Россию). Повышение престижа знаний обязательно должно сопровождаться соблюдением эгалитарных норм в доступе к получению знаний, иначе результат от развития системы образования будет скорее отрицательным, чем положительным.

6. Приоритетные задачи анализа социального неравенства в российском андрагогическом образовании

Как следует из нашего обзора, в российском обществоведении еще не сложился концептуально-системный подход к изучению проблем социального неравенства в отечественном андрагогическом образовании. С одной стороны, выполнено большое количество глубоких исследований проблем неравенства в образовании, которые рассматривают почти исключительно образование школьников и студентов. С другой стороны, есть немало литературы о развитии в России образования для взрослых, которая носит чаще всего общетеоретический характер. Пересечение этих двух научных направлений — анализа неравенства и анализа андрагогического образования — происходит чаще всего на почве изучения трудностей доступа к образованию каких-то маргинальных или социально приниженных групп (безработных, инвалидов, мигрантов, этнических меньшинств, женщин).

Необходимо четко осознавать, что есть два качественно очень разных дискурса проблем образования для взрослых: один — для развивающихся стран, совсем другой — для стран развитых. В первом случае приоритетной задачей является догоняющее образование³⁸, во втором — дополнительное образование. Какой из них ближе для России? Для этого надо сначала уточнить, к какой группе стран ближе современная Россия.

Если ранее для понимания мировой «табели о рангах» обычно использовали показатель среднедушевого валового внутреннего продукта (ВВП), то теперь все чаще используют более комплексный индекс человеческого развития (*Human Development Index*)³⁹. Это — разработанный в 1980-е гг. на основе идей лауреата Нобелевской премии по экономике А. Сена обобщающий показатель, который основан на трех частных показателях:

- 1) ожидаемая продолжительность жизни, измеряемая средней продолжительностью жизни для населения в возрасте от 25 лет до 85 лет;
- 2) интегральный показатель уровня образования, включающий долю грамотного населения и показатель доступности начального, среднего и высшего образования;
- 3) уровень жизни, измеряемый реальным ВВП на душу населения по паритету покупательной способности.

По уровню своего социально-экономического развития постсоветская Россия относится к тем странам, которых можно назвать «лучшими среди слабых». Ее индекс человеческого развития похож на показатели новых индустриальных стран «второй волны» (табл. 3): нашими соседями «сверху» являются Мексика и Малайзия, «снизу» — Бразилия и Турция. Казалось бы, России при выборе при-

³⁸ Это хорошо заметно по Всемирному докладу по мониторингу образования для всех (*Education for All*) 2009 г., где образованию взрослых уделено немного внимания и в основном в контексте обучения грамотности [37].

³⁹ Этот термин часто переводят также как «индекс развития человеческого потенциала».

оритетов развития андрагогического образования надо ориентироваться на дискурс развивающихся стран. Но это вовсе не так.

Следует обратить внимание на одну очень важную особенность структуры российского индекса человеческого развития: у нас довольно небольшой среднедушевой ВВП (как в Мексике), очень низкая продолжительность жизни (как в Пакистане), однако все это во многом компенсируется высоким интегральным показателем уровня образования (как в Швейцарии и Израиле). Но и эта интегральная характеристика образования складывается из двух очень разных компонентов: по уровню грамотности наш показатель выглядит не хуже, чем в самых развитых странах, таких как США и Германия; однако по уровню обучающихся в учебных заведениях Россия по-прежнему находится между Мексикой и Бразилией. Это можно интерпретировать так, что главная задача догоняющего образования (всеобщая грамотность) в России решена, на повестке дня стоит задача дополнительно образования (всеобщая квалифицированность)⁴⁰.

Таблица 3

Индекс человеческого развития России в сравнении с другими странами мира (2007 г.)

Показатели	Значение показателя для России	Страны с близкими показателями	
		С более высокими показателями	С более низкими показателями
Индекс человеческого развития в целом	0,817 (71-е место)	Мексика (0,854; 53-е место), Малайзия (0,829; 66-е место)	Бразилия (0,813; 75-е место), Турция (0,806; 79-е место)
Уровень среднедушевого ВВП, долл. США	14.690	Латвия (16.377), Польша (15.987)	Мексика (14.104), Малайзия (13.518)
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	66,2	Египет (69,9), Пакистан (66,2)	Боливия (65,4), Индия (63,4)
Доля грамотных в возрасте от 15 лет, %	99,5	Латвия (99,8), Куба (99,8)	США (99,0), Германия (99,0)
Доля обучающихся в учебных заведениях, %	81,9	Бразилия (87,2), Чили (82,5)	Мексика (80,2), Колумбия (79,0)

Составлено по: [60].

Таким образом, в нашей стране сложилась несколько парадоксальная ситуация: весьма актуальные для похожих на Россию латиноамериканских стран задачи догоняющего образования уже решены⁴¹, но решение в России задач более высокого порядка — задач дополнительного образования — тормозится сохранением «латиноамериканского» уровня жизни и институционального развития.

Из этого парадокса вытекают и актуальные задачи анализа социального неравенства в российском андрагогическом образовании. Они заключаются в следующем.

В сфере образования существует очень непростая взаимосвязь задач реализации социальной справедливости и экономической эффективности: они могут быть как сонаправлены, так и контрнаправлены. Точнее говоря, в долгосрочном аспекте они всегда совпадают, а вот в кратко- и среднесрочном — далеко не всегда. Ориентироваться на долгосрочные цели могут богатые страны с высоким уровнем развития гражданского общества. В современной же России нет ни высокого уровня жизни, ни активного гражданского контроля за правительственными программами. Поэтому приоритет получают такие формы дополнительного образования, которые не требуют специальной государственной поддержки и могут обеспечивать рост эффективности уже через короткий промежуток времени. Параллельно с ними развиваются институты дополнительного квази-образования, которые также не требуют специальной государственной поддержки и ведут к быстрому росту социального статуса учащихся, не подкрепленного ростом их производственной эффективности. Конкуренция этих двух образовательных институтов является в современной России проекцией конкуренции двух мета-институциональных систем, основанных на частной собственности и на власти-собственности.

Таким образом, можно сформулировать следующие актуальные для России выводы о приоритетах в изучении развития отечественного андрагогического образования:

⁴⁰ Сопоставление России с другими странами мира по показателям участия взрослых граждан в возрасте 25–64 лет в различных видах непрерывного образования дает схожие результаты — Россия находится примерно на уровне Испании [30]

⁴¹ В России остаются, безусловно, отдельные слабообразованные регионы (как, например, Северный Кавказ), где приоритет остается за проблемами догоняющего развития. Но при выборе стратегии развития национальной образовательной системы нельзя равняться на отстающее меньшинство (хотя, безусловно, его интересы необходимо учитывать при разработке региональных программ развития). Неизбежное усиление в ближайшие годы притока мигрантов в Россию не должно изменить эту ситуацию, если удастся выдерживать выбранный курс миграционной политики — стимулировать трудовую миграцию, но очень жестко ограничивать миграцию на постоянное место жительства во избежание размывания ядра граждан России.

- проблемы догоняющего образования (создание условий для получения базовой квалификации бедными слоями населения, этническими меньшинствами, инвалидами и т.д.) следует считать менее приоритетными, чем проблемы дополнительного образования;
- в рамках системы дополнительного образования приоритет имеют те проблемы социального равенства, которые максимально совпадают с проблемами повышения экономической эффективности (основное внимание необходимо обращать на аспекты равного доступа к повышению квалификации и переподготовке квалифицированных работников);
- при изучении систем дополнительного образования квалифицированных работников необходимо обращать особое внимание на различия между системами собственно образования, направленного на повышение профессиональных знаний и навыков, и системами квази-образования (производства симулякров знаний), направленного на повышение социального статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрагогика: история и современность: Учеб. пособие. М.: АПК и ПРО, 2003.
2. Баскакова М.Е. Мужчины и женщины в системе образования // Вопросы образования. 2005. № 1.
3. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
4. Боровская Н.Е. Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. 2005. № 10.
5. Бреев С.И. Развитие теории и практики образования без отрыва от производства в РСФСР. Саранск, 1973.
6. Бреннан Дж. и др. Обучение в течение жизни для обеспечения занятости и равенства // Социология образования. 2001. № 7.
7. Вершовский С.Г. Вызовы научно-технической революции и образование // Новые знания. 2008. № 3.
8. Вершовский С. Непрерывное образование как фактор социализации // http://www.znanie.org/journal/n1_01/nepreviv_obraz.html.
9. Вершовский С.Г. Общее образование взрослых: стимулы и мотивы. М., 1987.
10. Волков Ю.Г. Послевузовское и дополнительное профессиональное образование в России // Социологические исследования. 1997. № 9.
11. Галицкий Е.Б. Взяткообразование и его социальные последствия // Вопросы образования. 2008. № 3.
12. Галицкий Е.Б., Левин М.И. Затраты домохозяйств на образование детей и взрослых (По результатам третьей волны мониторинга «Экономика образования») // Вопросы образования. 2005. № 2.
13. Громкова М.Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
14. Джурицкий А.Н. История зарубежной педагогики. М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1998.
15. Диденко Д.В. Дополнительное профессиональное образование и повышение его эффективности // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах. М.: ИС РАН, 2008.
16. Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С.В. Шишкин. М.: Независимый институт социальной политики, 2004.
17. Дубин Б.В., Гудков Л.Д., Левинсон А.Г., Леонова А.С., Стучевская О.И. Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты // Доступность высшего образования в России. М.: Независимый институт социальной политики, 2004.
18. Затраты домохозяйств на учебу взрослых в 2003/2004 учебном году. Информационный бюллетень. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.
19. Змеев С.И. Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых. М.: ПЕР СЭ, 2007.
20. Карлюкова О.С. Профессиональное общение: особенности неформальных практик // Социологические исследования. 2010. № 7.
21. Климов С.М. Неформальное образование взрослых: Проблемы экономики и управления. СПб., 1998.
22. Ключарев Г.А. Дополнительное образование — проблема легитимизации практики // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах. М.: ИС РАН, 2008.
23. Ключарев Г.А. О перспективности неформального образования взрослых в России // Развитие демократии через неформальное образование взрослых. Псков: Право, 2000.
24. Ключарев Г.А., Кофанова Е.Н. О динамике образовательного поведения состоятельных и малоимущих россиян // Социологические исследования. 2004. № 11.
25. Ключарев Г.А., Кофанова Е.Н., Пахомова Е.И. Самообразование взрослых // Общественные науки и современность. 2003. № 4.
26. Ключарев Г.А., Мукомель В.И. Миграционная политика в контексте образования // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах. М.: ИС РАН, 2008.
27. Круглый стол «Образование взрослых: проблемы признания». М., 2005.

28. Кязимов К.Г. Формирование системы профессиональной подготовки и переподготовки безработных в России. Саратов, 1998.
29. Левин Б. Подходы к равенству в политике непрерывного образования // Вопросы образования. 2004. № 1.
30. Международные индикаторы участия населения в непрерывном образовании // Вопросы образования. 2010. № 2.
31. Москвин Д.Е. Организация неформального и информального образования современного политолога // Без темы. 2009. № 2 (12) // [http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0012\(02_2009\)&xsl=showArticle.xslt&id=a02&doc=../content.jsp](http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0012(02_2009)&xsl=showArticle.xslt&id=a02&doc=../content.jsp).
32. Образование в Российской Федерации: 2006. Статистический ежегодник. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
33. Осилян А. Коррупция в высшем образовании: США, Россия, Великобритания // MPRA Paper 20215. 2007. University Library of Munich, Germany // <http://ideas.repec.org/p/pra/mprapa/20215.html>.
34. Основы андрагогики: Учеб. пособие / Под ред. И.А. Колесниковой. М.: Academia, 2003.
35. Попова И.П. Влияние дополнительного профессионального образования на положение работников различных социально-профессиональных групп // Социологические исследования. 2010. № 2.
36. Попова И.П. Дополнительное образование как канал профессиональной мобильности // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах. М.: ИС РАН, 2008.
37. Преодоление неравенства: важная роль управления. ЮНЕСКО, 2009.
38. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск, 2000.
39. Сорокоумова Г.Д. Развитие теории непрерывного образования в США // Гуманистические тенденции в развитии непрерывного образования взрослых в России и США. М.: Институт теоретической педагогики и международных исследований в образовании РАО, 1994.
40. Социальная дифференциация высшего образования / Отв. ред. С.В. Шишкин. М.: Независимый институт социальной политики, 2005.
41. Социально-экономические проблемы образования взрослых. Л., 1980.
42. Социально-экономические проблемы непрерывного образования взрослых в СССР и за рубежом. Л., 1981.
43. Теоретические основы непрерывного образования / Под ред. В. Г. Онушкина. М., 1987.
44. Требования работодателей к системе профессионального образования / Под ред. Т.Л. Клячко, Г.А. Красновой. М.: МАКС Пресс, 2006.
45. Формирование общеевропейского пространства высшего образования. Задачи для российской высшей школы. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
46. Adult Education Participation in North America: International Adult Literacy Survey. 2001. // http://www.hrsdc.gc.ca/eng/cs/sp/hrsd/prc/publications/research/2001-000126/adult_lit.pdf.
47. Audas, R., Willms, J.D. Engagement and Dropping out of School: A life course perspective // Working Paper for the Applied Research Branch, Strategic Policy, Human Resources Development. 2001 // <http://www.hrsdc.gc.ca/eng/cs/sp/hrsd/prc/publications/research/2001-000175/SP-483-01-02E.pdf>.
48. Bhrolcháin, N.M., Chappell, R., Diamond, I., Jameson, C. Parental divorce and outcomes for children: evidence and interpretation // European Sociological Review. 2000. Vol. 16. No. 1. Pp. 67–91.
49. Boughton, B. Alternative VET pathways to Indigenous development, NCVER, Adelaide, 1998 // <http://pandora.nla.gov.au/pan/37490/20030908-0000/www.ncver.edu.au/research/indig/AltPath.pdf>.
50. Bowman, J. R. Employers and the Politics of Skill Formation in a Coordinated Market Economy: Collective Action and Class Conflict in Norway // Politics & Society. 2005. Vol. 33. Issue 4. P. 567–594.
51. Broucker, P., Myers, K. Too Many Left Behind: Canada's Adult Education and Training System. 2006 // http://www.cprn.org/documents/43977_en.pdf.
52. Brown, A. Equality of Opportunity for Education: One-off or Lifelong? // Journal of Philosophy of Education. 2006. Vol. 40. No. 1. Pp. 63–84.
53. Brunk, T., Wahman, M. Sweden: Collective bargaining and continuous vocational training. 2009 // <http://www.eurofound.europa.eu/eiro/studies/tn0804048s/se0804049q.htm>.
54. Collins, C., Kenway, J., McLeod, J. Factors Influencing the Educational Performance of Males and Females in School and their Initial Destinations after Leaving School. Commonwealth Department of Education, Training and Youth Affairs, Canberra. 2000 // http://www.dest.gov.au/NR/rdonlyres/F0270F6E-B2C3-4CF4-833D-4C8029EA7D6E/4093/Gender_Report.pdf.
55. Cully, M. Older workers // Equity in vocational education and training: research readings. Adelaide: NCVER, 2004. P. 206–241 // <http://eric.ed.gov/PDFS/ED493980.pdf>.
56. Desjardins, R., Rubenson, K., Milana, M. Unequal chances to participate in adult learning: international perspectives, Fundamentals of Educational Planning Series. Paris: UNESCO International Institute of Educational Planning, 2006 // <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001488/148815e.pdf>.
57. Enslinger, M.E., Slusarcick, A.L. Paths to high school graduation and dropout: a longitudinal study of a first-grade cohort // Sociology of Education. 1992. Vol. 65. Issue 2. Pp. 95–113.
58. Harlow, C.W. Education and Correctional Populations. U.S. Department of Justice Office of Justice Programs Bureau of Justice Statistics Special Report. 2003 // <http://bjs.ojp.usdoj.gov/content/pub/pdf/ecp.pdf>.
59. Houle, C.O., Long, H.B. The inquiring mind: a study of the adult who continues to learn. The University of Wisconsin Press, 1988; Peters V. Working and training: First results of the 2003 Adult Education and Training Survey. 2004 // <http://dsp-psd.pwgsc.gc.ca/Collection/Statcan/81-595-MIE/81-595-MIE2004015.pdf>.

60. Human Development Report 2009 (<http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2009/chapters/russian/>).
61. Gobbi, M. Participation in post-compulsory education and training in New Zealand // Labour Market Bulletin. 1998. № 1 & 2. P. 108–126 // <http://www.workinsight.govt.nz/PDFs/lmb981d.pdf>.
62. Inbar, D.E., Sever, R. The transformation of a goal definition: the story of a «second chance» evaluation study // Studies in Educational Evaluation. 1986. Vol. 12. Pp. 177–189.
63. Jimenez, E. Y., Kiso, N., Rida-Cano, C. Never Too Late to Learn? Investing in Educational Second Chances for Youth // Journal of International Cooperation in Education. 2007. Vol. 10. No. 1. Pp. 89–100.
64. Kysel, F., West, A., Scott, G. Leaving school: Attitudes, aspirations and destinations of fifth year leavers in Tower Hamlets // Educational Research. 1992. Vol. 34. Issue 2. Pp. 87–105.
65. Lamb, S., Rumberger, R. The Initial Work and Education Experiences of Early School Leavers: A Comparative Study of Australia and the United States. Longitudinal Surveys of Australian Youth. Research Report. 1999. Australian Council for Educational Research, Research Report. No. 14 // http://research.acer.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1073&context=lsay_research).
66. Lamb, S., Walstab, A., Teese, R., Vickers, M., Rumberger, R. Staying On At School: Improving student retention in Australia. Report for the Queensland Department of Education and the Arts, Centre for Post-compulsory Education and Lifelong Learning, The University of Melbourne, 2004. // http://www.curriculum.edu.au/verve/_resources/studentretention_main_file.pdf.
67. Lengrand, P. An Introduction to Lifelong Education. Paris: UNESCO, 1970.
68. Looker, D., Thiessen, V. The second chance system: Results from the three cycles of the Youth in Transition Survey. 2008. // http://142.236.54.113/eng/publications_resources/learning_policy/sp-836-04-08e/sp_836_04_08e.pdf.
69. Lundberg, D., Marshall, Z. Older Workers' Perspectives on Training and Retention of Older Workers: South Australian Construction Industry Study. Support Document // National Centre for Vocational Education Research (NCVER). 2007 // <http://www.eric.ed.gov/PDFS/ED499725.pdf>.
70. Masters, S.H. The effects of family income on children's education: Some findings on inequality of opportunity // Journal of Human Resources. 1969. Vol. 4. Issue 2. Pp. 158–175.
71. O'Donnell, K. Adult Education Participation in 2004–2005. U.S. Department of Education. Washington, D.C.: National Center for Education Statistics, 2006.
72. Osipian, A. Corruption in Russia's Doctoral Education. 2008 // <http://mpira.ub.uni-muenchen.de/11138/>.
73. Pocock, B. Demanding skill: women and technical education in Australia. Allen & Unwin, Sydney, 1988 // http://www.voced.edu.au/docs/landmarks/TD_ERD_87_80.pdf.
74. Rabušicová, M., Ladislav, R. Adult Education in the Czech Republic – Who Participates and Why // Czech Sociological Review. 2006. Vol. 42. Issue 6. Pp. 1195–1218 // http://sreview.soc.cas.cz/uploads/d624029676e3a47c0c57e16526f87a3bf7c8e266_629_05rabusic23.pdf.
75. A Report on Adult Education and Training in Canada. Learning a Living. 2001 // <http://www.statcan.gc.ca/pub/81-586-x/81-586-x1998001-eng.pdf>.
76. Rhebergen, B., Wognum, I. Supporting the career development of older employees: an HRD study in a Dutch company // International Journal of Training and Development. 1997. Vol. 1 (3). Pp. 191–198 // <http://doc.utwente.nl/58326/1/Rhebergen97supporting.pdf>.
77. Rubenson, K. Determinants of Formal and Informal Canadian Adult Learning Insights from the Adult Education and Training Surveys. 2007.
78. Rumberger, R.W. Dropping out of high school: The influence of race, sex and family background // American Educational Research Journal. 1983. Vol. 20. No. 2. Pp. 199–220.
79. Schultz, T. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. N.Y., 1971.
80. Teese, R. Early school leavers and VET // Equity in vocational education and training: research readings. Adelaide: NCVER, 2004. P. 184–193 // <http://eric.ed.gov/PDFS/ED493980.pdf>.
81. Traag, T., van der Velden, R.K.W. Early school-leaving in lower secondary education. The role of student-, family- and school factors. Word count: 10170, 2006 // http://www.cereq.fr/tiy2006/papers/Traag_VanDerVelden_TIY06.pdf.
82. Unruh, D., Levin, B. Equality of access and equality of condition: Second chance programming for success // Second Chance in Education. Ed. by D. Inbar. L.: Falmer Press, 1990. P. 253–266.
83. U.S. Department of Commerce, Census Bureau, Current Population Survey (CPS), October 2007.
84. U.S. Department of Commerce, Bureau of the Census, Current Population Survey, November 1989.
85. Vogler-Ludwig, K. Lifelong learning and skills development: a review of trends and policies with a particular focus on gender and age. 2007 // <http://www.economix.org/Life-long%20learning%20Germany.pdf>.
86. Watkins, K., Marsick, V. Informal and Incidental Learning in the Workplace. L., 1990.
87. Wooden, M., VandenHeuvel, A., Cully, M., Curtain, R. Barriers to training for older workers and possible policy solutions, Department of Education, Training and Youth Affairs. 2001 // <http://www.dest.gov.au/archive/iae/documents/olderworkers/olderworkersv4.pdf>.
88. Xiao, J., Tsang, M.C. Determinants of On-the-job Training and Adult Education in Shenzhen, China. 2001 http://www.tc.columbia.edu/centers/coce/pdf_files/d2.pdf.
89. Young, K. Older workers and education and training, New South Wales Board of Vocational Education and Training, Sydney. 2000 // <http://pandora.nla.gov.au/pan/25045/20020521-0000/www.bvet.nsw.gov.au/tenders/olderworkers.pdf>.

ДАР ИЛИ КОРРУПЦИЯ? ИССЛЕДОВАНИЕ, ПОЧЕМУ ТРУДНО БЫТЬ БЛАГОДАРНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ

ЛЕОНТЬЕВА Э.О.,

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и культурологии,
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск),
e-mail: mark@mail.27.ru

Рассматриваются специфические виды дарообмена в современном российском региональном вузе, сущность которых связывается с кризисом академической культуры и ее перерождением в кланово-закрытое сетевое сообщество. На уровне взаимодействий с участием студентов анализируются такие виды даров как мелкие подарки-благодарности и студенческая помощь. Второй уровень практик связывается с контактами между сотрудниками и преподавателями вуза, из которых особенное внимание уделяется обмену оценками для опекаемых студентов. Работа основана на данных, полученных из материалов опросов студентов и преподавателей вузов г. Хабаровска, проводимых в 2002–2009 гг.

Ключевые слова: дар; коррупция; благодарность; неформальные практики; академическая среда; бюрократическая среда.

Specific kinds of gifts interchange in modern Russian regional HEI are examined; its essence is associated with the crisis of academic culture and its regeneration into clannish close network community. The level of interactions with students' participation presupposes analysis of such kinds of gifts like small presents and assistance. The second level of practices is related to contacts between executive staff and lecturers in HEI; the main attention is paid to the marks exchange for protected students. The investigation is based on the data received from materials according to the surveys of students and lecturers of Khabarovsk HEIs, interviewed in 2002–2009.

Keywords: gift, corruption; gratitude; informal practices; academic environment; bureaucratic environment.

Коды классификатора JEL: I21, I23, Z13.

Благодарность, как и все, что связано с благом, справедливо считается одним из самых возвышенных проявлений человеческой души. Тем не менее изучение этого явления осуществляется не только в контексте этики и психологических исследований, но также привлекает активное внимание социологов и экономистов. В их работах благодарность рассматривается как рациональный обмен дарами, выполняющий ряд социально значимых функций. Поддерживая эту традицию, автор статьи предпринимает попытку рассмотреть специфические проявления практик дарообмена в социальной среде современного российского массового вуза.

Принимая во внимание неоднородность образовательного пространства, будем считать, что в работе речь идет о так называемом «массовом» государственном вузе, под которым понимается типовое высшее учебное заведение в регионах. Стремительная массовизация высшего образования с конца 1990-х привела к тому, что всегда существовавший разрыв между элитным и массовым уровнями к настоящему времени превратился в раскол. Элитное звено, состоящее всего из нескольких вузов, борется за сохранение марки российского образования, доступного избранным. Другая сторона — массовый вуз, притягивающий легкой доступностью образования всех, желающих иметь диплом. Этот раскол как главный признак российского высшего образования, позволяет с большой долей условности говорить об обобщенном образе «российского вуза». Тем не менее большинство вузов массового звена обладают рядом общих признаков: эти провинциальные учебные заведения, возникшие в период послевоенного восстановления страны и форсированного строительства коммунизма, как правило, сменившие в 1990-е годы профильный статус на академический, превратившись из «институтов» в университеты и академии. Данные по динамике численности студентов в регионах показывают, что статистическую картину высшего образования в России 2000–2010-х гг. делают именно такие вузы массового звена.

Практики дарообмена в таких вузах формируют ту социальную среду, на фоне которой учебное заведение функционирует как единый механизм во всем многообразии направлений его деятель-

ности. При этом все его функции, включая основную — образовательную, — подвергаются существенной трансформации за счет включенности практик дарообмена. Дарообмен формирует сложную систему взаимных обязательств, которая в числе прочих эффектов создает как в явном, так и в скрытом виде поддержку вузовской коррупции «снизу» за счет принуждения индивида к ответным действиям с ограниченным выбором. Поэтому цель статьи в данном контексте означает поиск ответа на вопросы, важные для понимания как того, что происходит с нашим высшим образованием, так и того, есть ли у этой системы шанс выйти из коррупционных тисков.

Более конкретно эти вопросы можно сформулировать следующим образом.

Во-первых, есть ли какая-либо специфика проявления дарообмена, свойственная вузу и отличающая его в этом смысле от других организаций, и если есть, то в чем она состоит?

Во-вторых, каким образом и почему практики дарообмена в вузах поддерживают коррупцию?

Таким образом, данное исследование посвящено изучению специфических для вуза видов дарообмена, в которые вовлечены студенты, преподаватели и сотрудники. Значительное внимание в работе уделяется проблеме социальных эффектов дарообмена и его связи с коррупцией.

Предпосылки исследования, теоретическая и эмпирическая база

Практики дарообмена активно изучаются в социальных науках как в плане теоретической проработки, так и ее практических приложений в самых разных дисциплинарных контекстах: историко-антропологическом, социологическом, экономическом, которые часто переплетаются так, что провести различия между подходами достаточно сложно. Обобщенно сложившуюся традицию принято называть теорией обмена дарами, наиболее полный обзор работ по которой можно найти у М. Додловой и М. Юдкевич [1]. Из этой же работы становится понятно, что обмен дарами чаще всего исследуется на примерах бюрократической среды и патрон-клиентских отношений. Специальных исследований, в которых бы теория обмена дарами рассматривалась применительно к отечественной академической среде, нам не встречалось.

Мы будем исходить из того, что, во-первых, академическая и бюрократическая среда, безусловно, имеют существенные отличия, но в отношении обмена дарами в них можно найти много общего. Во-вторых, будем считать, что академический характер среды определяет специфику внутривузовских взаимодействий, отличающую их от других организаций. Это особо следует подчеркнуть, потому что пространство социальных отношений вуза шире, сложнее, многообразнее, чем спектр трансакций в рамках академической среды. Современный вуз — это сложная многоуровневая структура, где переплетаются и сосуществуют разные подсистемы, принципы организации которых близки как раз не академической, а бюрократической среде. Повседневная жизнь вуза, таким образом, — это постоянное взаимодействие как минимум двух разных типов культурных и корпоративных интересов — академического и бюрократического. И поскольку в сущности своей эти интересы противоположны, мы полагаем, что одна из главных функций обмена дарами в вузе — сглаживание скрытых или возможных противоречий между ними.

В рамках этой работы мы обратим внимание на основные социальные группы в вузе, как включенные непосредственно по виду деятельности в академическую среду, так и не связанные с ней напрямую. Таким образом, особенности практик обмена дарами в вузе нас интересуют как выражение своеобразного конфликта между академической средой и бюрократическим вторжением в нее, в результате чего академическая среда из-за слабой корпоративной культуры региональных вузов принимает правила игры бюрократической и теряет свою специфику. Этот процесс может рассматриваться как сосуществование двух трендов. С одной стороны, идущие еще от средневековых университетов академические традиции находят свое выражение, в том числе, и в практиках обмена дарами. К числу таких традиций можно отнести праздничное оформление процедуры защиты или сдачи ответственных экзаменов (включая банкеты), преподнесение цветов, поздравление преподавателей и т.д. Другая тенденция — это сложившаяся в бюрократической среде практика обмена дарами, направленная на усиление сетевых связей и перерождение академической среды в кланово-закрытое сообщество.

Проблема отличий академической среды от бюрократической не является достаточно изученной в современной литературе. Хотя общее содержание терминов чаще всего понимается на основании здравого смысла, критерии, определяющие специфику внутренней организации среды, как академической, так и бюрократической, не являются очевидными. При огромном количестве исследований бюрократии, нельзя сказать, что существует некий общепринятый набор признаков, специфических для этой среды.

В отношении академической среды можно привести определение Е. Сивак и М. Юдкевич, в котором под нею понимается «совокупность норм и правил академической деятельности, характерных для рассматриваемого академического сообщества, а также совокупность ресурсных, экспертных и статусных сетей, обусловленных этими нормами» [4, с. 4]. Авторы подчеркивают, что академическая среда оказывает первоочередное влияние на стратегии научной и педагогической деятельности преподавателей вуза, что, в конечном счете, формирует облик российской науки.

Условимся считать, что академическая среда вуза поддерживает сферы исследовательской и педагогической деятельности заведения, а бюрократическая обеспечивает их функционирование. При этом очевидно, что каждый актор, задействованный в академической деятельности, одновременно погружен в бюрократическую среду и зависит от нее, особенно в тех нередких случаях, когда его

позиции пересекаются и он одновременно является исследователем, преподавателем и управленцем. В то же время работник бюрократического аппарата вуза, например, одной из поддерживающих служб, относительно независим от академической среды. Складывается парадоксальная ситуация: при декларированном доминировании академической миссии, ориентированной на свободу творчества в исследовании и преподавании, фактически деятельность академических сотрудников в университетах детерминирована более жестко, чем работников неакадемических структур. Причем эти детерминации в большинстве случаев имеют сугубо бюрократические основания, которые являются главным барьером на пути к академическим достижениям.

Существенное значение для нашей работы имеет разница, которую мы будем вкладывать в понятия «дар» и «благодарность». В литературе понятие дара трактуется достаточно широко, включая в себя разные формы обмена, в зависимости от ситуации и исследовательского контекста анализируемые как сетевой, символический, реципрокный обмены, рациональный выбор и т.д. «Под обменом дарами понимается взаимное расположение агентов, выражаемое в конкретных действиях, выражаемых дарами». «Независимо от цели дарения и природы отношений между участниками обмена предметами дара могут быть взаимные услуги, материальные блага, дополнительные усилия, преданность, репутация и т.д.» [1, с. 343–344].

Таким образом, любое взаимодействие между агентами, вне зависимости от того, сопровождалось ли оно обменом подарками в их предметной форме, можно проинтерпретировать как дарообмен. В этом случае понятие «дар» приобретает статус универсального конструкта, с помощью которого любая коммуникация (например, нежный взгляд и ласковое слово в романтических отношениях) приобретают вполне рациональное объяснение. Это вызывает необходимость выделять разные виды дара, из которых главное значение для нашей работы имеет «благодарность». Под этим термином условимся понимать особый вид дара, как с точки зрения действия, так и самой «предметности» подарка. Это такой вид дара, который не имеет рационального содержания в осуществляемом действии, не предполагает ответного дара и не содержит в самом смысле совершаемого действия ничего, кроме искреннего желания выразить благодарность. Таким образом, благодарность, с позиций мотивации дарителя, является односторонним действием, направленным только к объекту дара и лишенным ожидания утилитарной отдачи от этого действия. Это действие, которое не обязательно сопровождается подарком в его материальной форме.

Если проводить условную границу между благодарностью и даром, то можно говорить о двух типах обмена: в одном из них преобладает мотивация рационального выбора, в другом, характерном собственноручно для благодарности, доминирующую роль выполняет символическая составляющая действия. Несмотря на то что отсутствие утилитарных мотивов, добровольность и искренность в теории дара часто ставятся под сомнение, мы не считаем, что всякое альтруистическое поведение жестко детерминировано и оставляем возможность индивиду поступать свободно хотя бы иногда, что означает в нашей терминологии — быть благодарным.

Тем не менее условность и размытость границ в этой сфере очевидна, как очевидны и все исследовательские трудности, возникающие в случае апелляции к субъективному при попытке установить истинную мотивацию дарителя через степень его искренности. Граница эта важна, и мы ее фиксируем как эмпирический факт, полученный из наблюдений и интервью. Кроме того, она выполняет важную инструментальную функцию, позволяя провести типологию практик и проанализировать явление замаскированных или вынужденных благодарностей как практик, формирующих поддержку коррупции.

В основу аргументации и сделанных выводов были заложены эмпирические данные, собранные в результате работы автора в 2002–2009 гг. над темой «Институализация неформальных практик в сфере высшего образования». При формировании эмпирической базы были использованы техники количественного и качественного характера, и общий корпус материалов представлен следующими источниками:

- материалы экспертных интервью ($n = 72$) с преподавателями и сотрудниками вузов г. Хабаровска, собранные в 2003–2009 гг. в несколько этапов, объединенных работой над темой «Институализация неформальных практик в сфере высшего образования»;
- материалы глубинных интервью 2003 г. со студентами ($n = 43$) вузов г. Хабаровска, имеющими опыт активного вовлечения в коррупционные взаимодействия во время учебы;
- материалы опроса студентов вузов г. Хабаровска, проведенного в 2008 г. ($n = 485$). Исследование по теме «Влияние коррупционных процессов в сфере высшего образования на уровень и качество образовательных услуг» проводилось в трех вузах г. Хабаровска. Опрос проводился по случайной выборке маршрутным способом по квотам, распределенным между тремя ведущими вузами г. Хабаровска.

Обмен дарами между студентами и преподавателями

Несмотря на то что академическая и бюрократическая среда поддерживают разные корпоративные нормы и ценности, из-за их симбиоза в вузе, практики обмена дарами имеют много общего. Так, примерно половина наших респондентов из числа как сотрудников, так и преподавателей вуза сказали, что должны предпринимать специальные усилия по налаживанию отношений с теми коллегами, от которых зависит их работа. В перечне мер достижения этой цели: презенты-поздравления к празднику, сувениры из поездок, знаки внимания упоминаются почти всегда.

Проанализируем два типа этих взаимодействий.

Первый уровень связан с системой практик, в которые вовлечены студенты. Отношения по этой схеме имеют социокультурные основания — сложившуюся систему ритуалов и традиций, в рамках которой практики обмена дарами приобрели статус практически формального института. Одним из видов таких устоявшихся традиций являются, например, банкеты для комиссий, принимающих ГЭКи и защиту дипломов. А. Осипян [2] приводит ряд свидетельств, показывающих преемственность этой практики с традициями средневековых университетов. Кроме того, в вузовском образовании начинают приживаться практики, которые заимствуются на других уровнях системы. Так, например, ритуал прощального подарка, который в средних школах и детских садах исконно является одной из традиций выпускников и имеет смысл благодарности, начинает приживаться и в вузах. Давние корни и очевидная преемственность этих практик если не со Средневековьем, то, по крайней мере, с советской системой образования ставит под вопрос их неформальную сущность. Кроме перечисленного, самым частым проявлением этого вида взаимодействий являются мелкие презенты преподавателям — конфеты, цветы, сувениры и т.д.

Второй вид обмена обозначим как взаимодействие между преподавателями и сотрудниками вуза между собой, т.е. к этому уровню отнесем обмены как внутри академического сообщества, так и возникающие на границе коммуникаций между представителями академических и неакадемических структур. Помимо стандартных предметов дара, среди преподавателей большое распространение получает обмен услугами — помощь в работе, обмен информацией и литературой, подмена на работе во время болезни или командировки и пр. Между преподавателями и сотрудниками неакадемических структур вуза также популярны все виды даров, включая некоторые обмены услугами. Если первый вид взаимодействия, с участием студентов, характерен исключительно для вуза и потому может быть примером проявления особенностей академической среды, то практики второго в меньшей степени отражают эту специфику. Отношения сотрудников неакадемических структур между собой мы не будем выделять в отдельный вид взаимодействий, полагая, что он не содержит специфических для вуза особенностей. Охарактеризуем выделенные виды обменов подробнее.

Особенностью первого уровня является видимость вертикальной направленности дара «снизу — вверх», т.е. от студента к преподавателю, что внешне напоминает схему «патрон-клиентских» отношений, но, как мы полагаем, в действительности таковым не является. Во-первых, преподаватель и студент связаны не иерархической зависимостью — и в этом проявляются особенности академической среды, отличающие ее от бюрократической. Студент не является подчиненным, которым преподаватель управляет на основании формальных инструкций, несмотря на то что в некоторых случаях реалии педагогического процесса еще дают нам такие примеры. Эта зависимость — по крайней мере, по академическим канонам — партнерская, основанная на связи «наставник — ученик» и, в сущности, на добровольном желании ученика принимать от наставника передаваемые опыт и знания. Во-вторых, для некоторых студентов, как показывают наши опросы, это действие продиктовано желанием быть благодарными. Несмотря на то что символический смысл благодарности часто искажается, о чем речь впереди, мелкие презенты все еще являются самым популярным способом выразить ее.

Здесь приведем лишь один показательный пример.

«Когда я сдавала кандидатский экзамен по английскому, моя преподавательница, которая вела у меня занятия, когда я была студенткой, очень сильно мне помогла, и консультациями, и литературой, она просто такой человек, золотой души. Мало таких, особенно сейчас. Так вот, в том числе, она знала ту преподавательницу, которая была в комиссии, и сказала мне: "Принеси ей коробку конфет, она очень любит это". Я, естественно, принесла, но считаю, что экзамен я бы и так сдала нормально, английский я знаю. Ну, в общем, получила "пять", считаю, что заслуженно. Так вот, потом мне очень захотелось своей учительнице что-то сделать приятное, правда, так была ей благодарна, от всего сердца, и хотелось это как-то выразить. Я купила цветы, конфеты, еще что-то, не помню, вино, кажется, пришла к ней домой. У нее была такая реакция, что вроде бы ей приятно, но сказала следующее: "Лена, ну что же ты, думаешь, мы все такие здесь испорченные..." Я и сейчас думаю, что ей, наверное, было неловко, это вот старое поколение такое. Но, с другой стороны — как же мне еще было показать, что я действительно ей благодарна на самом деле, постаралась убедить словами, но осадок остался». (Женщина, доцент, 40 лет).

В нашем исследовании 26% участников студенческого опроса признались, что дарили небольшие подарки преподавателям. Это соответствует общероссийскому показателю 2006 г., на который ссылается Я.М. Рощина [3, с. 29]: «В среднем по регионам России примерно 28% студентов дарят подарки преподавателям. Несмотря на то что средняя цена таких подарков невелика — 300–400 руб., расходы по этой статье, по сравнению с остальными затратами на образование, делаются намного чаще. Так, взносы по пунктам «ремонт», «спонсорская помощь», «книги» и др. делают не более 5% студентов».

Распространенность такой практики подтверждают и преподаватели — все высказались о том, что сталкиваются с этим очень часто. Эта популярность поддерживается лояльным, даже благосклонным отношением со стороны всех включенных в нее агентов. Студенты, вне зависимости от истинной мотивации, полагают, что действуют в соответствии с принятыми нормами, в чем их поддерживают преподаватели и сотрудники, включенные в систему этих взаимодействий на своем уровне. С общего согласия и при активном участии обеих сторон, студенческие презенты-благодарности стали социальной нормой в вузовской среде, статус которой приравнен к традиции.

«Это, можно считать, фактически благодарность, это ничего не стоит — просто знак признания. Если ты пошел студенту навстречу, он попросил тебя, чтобы ты принял экзамен, позанимался с ним, и если он принес коробку конфет после этого — я считаю, что это нормально». (Женщина, доцент, 50 лет).

«У нас на заочном факультете это повелось очень давно — у нас группа приходит, приносит обычно женщинам цветы и конфеты. И вы знаете, честно говоря, это как бы антураж праздника. Это не то чтобы вот я пришла, и, если у меня этого нет, я сразу же напилась озверина, ни в коем случае. Это как знак внимания». (Женщина, доцент, 48 лет).

«Не вижу в этом ничего плохого. Во-первых, если я знаю, что выкладываюсь на занятиях, пытаюсь и примеры приводить, и новинки включать из средств массовой информации, и статистические данные привожу на занятиях. Ну, во-первых, для меня самое главное — чтобы студент заинтересовался, что он хорошо отвечает, готовится, — это мне уже как благодарность. Ну а с другой стороны, если студенты на экзамен принесут цветы, там, коробку конфет, мне кажется, в этом ничего плохого нет». (Женщина, ст. преподаватель, 52 года).

Несмотря на распространенность мелких подарков, дары преподавателям не исчерпываются этим. Не менее популярными являются студенческие услуги, которые были предметом нашего исследования в опросах 2004 и 2008 г. Так, в исследованиях 2004 г. каждый второй преподаватель говорил о том, что он обращается к студентам с просьбами о помощи в распечатке материала к занятиям, поиске литературы, переносе книг, документов, канцелярии, техники, мебели, заклеивке окон и ремонте учебных помещений и т.д. Любопытно, что преподаватели чаще всего упоминали о студенческих услугах для кафедр и деканатов, а не о личных просьбах. Между тем из корпуса студенческих интервью 2004 г. было понятно, что помощь лично преподавателю оказывалась достаточно часто. Распечатать диссертацию или статью, материалы к занятию стало делом привычным, однако встречаются и сюжеты поэзотичнее. Так, одна из респонденток рассказала о том, как она выполняла обязанности няни-гувернантки для ребенка руководителя дипломной работы, другой поведал о нелегкой доле дипломника-батрака, занятого на садово-огородных работах.

В 2008–2009 гг. в опросы студентов и преподавателей также были включены вопросы о студенческой помощи преподавателям. Результаты позволили сделать предположение, что за 4 года число обращений за помощью к студентам несколько снизилось, а случаи привлечения студентов к выполнению сугубо личных просьб преподавателя носят единичный характер. Показательно, что третья часть опрошенных студентов сказали, что вообще не сталкивались со случаями просьбы о помощи со стороны самого преподавателя (см. табл. 1). Однако ни по одному из предложенных пунктов, выясняющих, с каким именно видом просьб они не сталкивались, не было получено 100% результата. Это означает, что все обозначенные в таблице варианты «помощи» имеют место, причем инициативной стороной контакта в данном случае выступает преподаватель. К слову, студенты также нередко проявляют подобные инициативы, не намного чаще, чем получают просьбы от преподавателей (47% к 41% соответственно). Это же подтверждают и интервью преподавателей: примерно третья часть подтвердили, что сами обращаются за помощью к студентам, и получают сигналы от них

«Иногда спрашивают сами: “В чем вам помочь?”. Я говорю: “Спасибо, огорода у нас нет”. “Может, вам ремонт дома сделать? Мы можем, мы умеем”. Я говорю, что, спасибо, не надо. Они спрашивают: “Почему?”. Говорю, что у них опыта еще маловато». (Женщина, доцент, 34 года).

При этом более половины студентов считают, что помощь влияет на успеваемость, и третья часть сомневаются в этом, что вызывает доверие к ответам, поскольку логично допустить, что об отсутствии влияния между помощью и успеваемостью могут говорить те же 30–33%, которые не сталкивались с этим явлением. Ответным даром на помощь со стороны студента является доброжелательное отношение преподавателей, расположение к тем, кто ее оказывает. Тем не менее преподаватели не согласны с тем, что такая помощь принципиально влияет на успеваемость и влечет за собой существенные послабления.

«Если они выполняют дополнительные поручения кафедры, съезжают в администрацию, заберут там какие-то проекты, еще что-то, т.е. поработают на благо университета, я просто пролонгирую им не три, а пять пропущенных занятий, я просто не буду им задавать вопросы. Но сдавать экзамен они будут точно так же, как и остальные. То есть, да, есть какое-то снисхождение к таким студентам. Ну а потом, вы знаете, я могу зачесть 2 часа практики, если я руковожу практикой. Ну а чтобы вот так, — что он помыл окно, а я поставила ему за это пятерку, — да ну, глупости какие...» (Женщина, доцент, 48 лет).

Что касается структуры услуг, оказываемых преподавателю и подразделениям вуза, она выглядит следующим образом (см. табл. 1).

Анализ ответов показывает, что по-прежнему наиболее часто преподаватели используют студентов для распечатки материалов и физических работ по благоустройству кафедр и аудиторий. Исследования 2009 г. выявили также любопытные единичные случаи обращения с весьма необычными просьбами, самые интересные из которых вынесены в подстрочный текст к таблице. Отношение студентов к таким просьбам также не изменилось: в основном они выполняют их, но при этом в ответах, особенно в тех, которые дополняют текст вопросника (вынесено в подстрочник), отчетливо выражено понимание того, что особый вид принуждения, основанный на мнимой добровольности.

В подстрочный текст вынесены типичные ответы, которые в большом количестве повторяются в разных анкетах. Обращает внимание тот факт, что этот довольно простой вопрос вызвал большое количество самостоятельных ответов, намного больше, чем другие вопросы анкеты. При этом особенно любопытным является то, что многие ответы повторяют рекомендуемый вариант «откликаются», но, в отличие от предложенного, корректируют его, отмечая, что откликаются, но делают без удовольствия. Это важное дополнение, которое встречается чаще всего из самостоятельных версий, что заметно даже из приведенного под таблицей неполного перечня. На этапе составления вопросника было решено не включать в варианты ответов тот, который предполагал выполнение просьбы из «меркантильных соображений», чтобы не наталкивать респондентов на этот ответ. И тем не менее без соответствующей подсказки в анкете студенты самостоятельно формулировали такой ответ. Можно также допустить, что такой активный резонанс, выраженный в желании дать собственный ответ, говорит о том, что затронута действительно интересная для студентов тема, обсуждение которой не укладывается в скромный перечень предложенных вариантов.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос:

«Отметьте в таблице, насколько часто преподаватель обращается к Вам лично или к Вашей группе с просьбой о помощи. Поставьте по каждому виду помощи знак в той графе, которая соответствует частоте обращения с подобной просьбой» (в %)

Частота просьбы	Виды помощи (варианты ответов)					
	Распечатка учебных материалов	Работа на кафедре, в деканате (уборка, вынос мусора и т.д.)	Подарки	Денежная помощь	Покупка литературы	Другое (Количество ответов)
Не обращается совсем	35	47	76	84	62	14*
Иногда обращается	49,4	37	19	12,3	30	
Часто обращается	13,5	8	5	2,5	7	
Постоянно обращается	2,1	8	-	1,2	1	

* выборочные ответы из опции «Другое»:

1. Диски, канцтовары, строительные материалы.
2. Проведение научных исследований.
3. Сборка компьютерных столов, множество разных поручений.
4. Сборка столов.
5. Секс.
6. Организация праздников.

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос:

«Как студенты обычно реагируют на просьбы преподавателя о помощи?»

Варианты ответов	Кол-во ответов	% от ответов
Всегда откликаются и делают с удовольствием	254	56
Они недовольны, делают по принуждению	118	26
Отказываются выполнять	18	4
Другое*	63	14
Всего ответов	453	100

* выборочные типичные ответы в опции «Другое»:

1. Адекватно, мы считаем, что это естественно.
2. Всегда откликаются, но не всегда рады, что согласились помочь.
3. Не всегда откликаются.
4. В моей группе подобного не было никогда.
5. Всегда откликаюсь, ведь всегда зачет по л/р и др. нужен.
6. Смотря какая просьба, в основном откликаются.
7. Когда как, но я, например, всегда с радостью откликаюсь на просьбу о помощи.
8. На примере группы — всегда откликаются.
9. Реагируют по-разному.
10. Экзамен-то лучше сдать охота.
11. Не знаю, по-разному.
12. Всегда откликаются, но из меркантильных соображений, что это может повлиять на оценку.

Услуги лично для преподавателя, несмотря на то что таковые упоминаются в опросе 2008 г. не так часто, как в 2004 г., стоит отметить как особый вид даров. Во-первых, он воспроизводит типичную схему патрон-клиентских отношений без всяких признаков академизма или вузовских особенностей. Эти отношения хорошо проанализированы в отечественной и зарубежной литературе. Во-вторых, он основан на допуске в личное пространство. Преподаватель-патрон, располагающий определенным видом ресурса, в котором заинтересован студент, выставляет потребность в услугах как условие допуска к ресурсу. При этом инициативной стороной будет тот участник, который заинтересован в ресурсе более всего, и обе стороны знают об условиях сделки, хотя они часто не проговариваются специально. Но поскольку чаще всего студенту оценка нужна больше, чем его услуги преподавателю, инициатива чаще исходит от него: «Давайте как-нибудь договоримся...» «А как еще можно сдать?..» или вполне конкретно «Может, вам чем-нибудь помочь?». Но говорить об инициативе таких контактов следует с поправкой на форму обучения студентов. Чем меньше оснований у студента считать, что он сможет выполнить требования по программе, тем чаще формулируются такие инициативы. Соответственно, на дневном отделении, где проводился опрос, инициативные стороны почти равны, но если бы опрос проводился на заочном отделении, данные о том, какая сторона проявляет инициативу в этих контактах, наверняка были бы другие.

Любопытно, что если к случаям помощи преподавателям применять отличия благодарности от дара, то следует отметить, что услуги как вид дара в наименьшей степени соответствуют социальным нормам, задаваемым практикой благодарности. Отметим 4 пункта, по которым наши респонденты-преподаватели отличают благодарность студентов от даров другой мотивации.

Во-первых, благодарность всегда отсрочена во времени, т.е. следует после, а не до того действия, за которое благодарят.

Во-вторых, факт дарения не оговаривается заранее специальным образом.

В-третьих, соразмерность подарка символическому характеру действия — он должен быть не дорогой и не утилитарный — например, цветы, шоколад.

И, в-четвертых, важна сама процедура преподнесения: лично, из рук в руки, сопровождаемая словами благодарности и т.д.

«Пакет с продуктами до того как — это коррупция, а после того — нет». (Женщина, доцент, 34 года).

«Если это после экзамена, заранее не оговаривается, да и просто символический какой-то там подарок, это вполне нормально». (Мужчина, ст. преподаватель, 28 лет).

«После защиты диплома, мы же никого не заставляем, но студенты дарят нам цветы, конфеты, даже могут там вазочку подарить, мне подарили 3 года назад, собрались всей группой и купили мне вазочку, она и сейчас стоит на кафедре, красивая такая вазочка». (Женщина, доцент, 44 года).

Таким образом, практики дарообмена между преподавателями и студентами получили распространение в нескольких разновидностях, среди которых разные сигнальные функции выполняют благодарности, поддержка традиций и оказание услуг.

Обмены без участия студентов

Второй уровень взаимодействий в рамках академической среды мы связываем с обменом дарами преподавателей и сотрудников между собой. Предметами дара в этой среде могут выступать как подарки, так и действия, среди которых нами был отдельно изучен один специфический вид — взаимный обмен оценками для опекаемых студентов по просьбе коллег.

Из интервью с преподавателями выяснилось, что просьбы об оценках для «своих» студентов поступают от коллег каждую сессию — не было ни одного преподавателя, к кому бы не обращались с подобными просьбами. Комментарии этой ситуации нашими респондентами позволяют говорить о сложившемся правиле: *не отказывать в получении оценки студентам, за которых просит кто-либо из коллег*. В разном звучании это правило формулировалось по-разному. Одни респонденты говорили о том, что идут навстречу легко, другим это решение дается непросто, третьи принимают компромиссный вариант и соглашаются на льготные условия приема. И никто из опрошенных не сказал, что в ответ на просьбу обратившегося коллеги он ответил категорическим отказом. Вот как об этом говорят сами информанты.

«Ну как, подходит родственник или знакомый. Ну, естественно, всякое бывает. Все же мы общаемся, у нас разный круг общения. Если у знакомых какие-нибудь там проблемы, конечно, подходят, и решается вопрос, т.е. ставят оценку. Конечно, это не совсем правильно, но близкому человеку не откажешь же...» (Мужчина, ст. преподаватель, 28 лет).

«Да, конечно, часто обращаются с просьбой помочь, потому что у всех есть друзья, родственники, знакомые. Если честно, я всегда иду на уступки. Например, когда ко мне подойдет ребенок, принесет учебник, что-то прочитает, я ему что-нибудь перескажу, он послушает, и я, естественно, поставлю ему положительную оценку. Надо, чтобы и студент понимал, что он сдает, но если меня попросили, то я никогда не откажу». (Женщина, доцент, 50 лет).

«Обычно я иду навстречу, но в каком плане. Не так, что вот мне принесли зачетку, и я сразу же поставила оценку. Я говорю: пусть этот студент учит, приходит ко мне, и уже в процессе разговора я, может быть, более лояльно как-то к нему отнесусь, но все равно сдавать он будет». (Женщина, доцент, 36 лет).

Для дополнительной проверки этой информации мы обратились к 63 преподавателям, случайно отобранным в одном из вузов г. Хабаровска, с просьбой заполнить таблицу (см. табл. 3).

Несмотря на то что такой акт дарения связан для преподавателя с моральными издержками, в основном, принимается положительное решение. Среди причин, повлиявших на принятие такого решения, назывались следующие:

- неловкая ситуация, неприятно отказывать;
- не хочется портить отношения с коллегами;
- ожидание взаимного дара стороны обратившегося в случае необходимости.

Таблица 3

**Ответы респондентов на вопрос:
«Представьте, что к Вам подошел человек, который просит Вас поставить
оценку одному из студентов, у которого Вы ведете занятия. Как Вы отреагируете,
если этот человек окажется...»**

Варианты ответов	Категори- чески отка- жусь	Скорее всего отка- жусь	Выслушаю и постараюсь сделать	Обязатель- но помогу	Другое (напиши- те, что)
Коллегой с Вашей кафедры	0	3	45	11	1
Коллегой с другой кафедры	2	8	36	7	3
Вашим родственником	0	2	25	29	1
Вашим начальником	3	2	27	26	0
Вашим соседом	11	18	31	0	0
Работником одной из служб универ- ситета	4	12	37	3	4

Результаты также показывают, что на принятие положительного решения вопроса о неформальном предоставлении оценки самым существенным фактором оказывается статус человека, подошедшего с подобной просьбой. В числе тех, кому эта услуга практически гарантирована, — родственники и начальство (самые высокие показатели среди тех, кому «обязательно помогут»). У коллег с собственной кафедры шансов существенно больше, чем с других, а соседям и работникам других служб университета вовсе не приходится надеяться на безоговорочную поддержку в этой ситуации. Соседи также относятся к единственной категории, для которой наиболее вероятен категорически отрицательный ответ. Тем не менее также очевидно, что отказ в этой ситуации является скорее исключением: как правило, все, столкнувшиеся с такой просьбой, если не «помогут обязательно», как в случае с родственниками и начальством, то, по крайней мере, «выслушают и постараются» это сделать.

Большинство ситуаций обмена дарами связаны с наличием асимметрии информации. Так, в случае обмена оценками мотивы стороны, выполняющей просьбу, понятны: отзывчивость, желание помочь, укрепление сетевого капитала и доверия. Асимметрия проявляется в том, что мотивировка второй стороны, т.е. агента, который выступает с просьбой, скрыта как от внешнего наблюдателя, так и от второго агента. И, даже если подобные просьбы поступают от проверенных и надежных людей, никто не может гарантировать искренность тех намерений, которые они формулируют. В процессе сбора материала нам стало известно о ряде случаев, в которых эти намерения были маскировкой взятки. Именно такой вид коррупционных взаимодействий, маскирующийся под родственное или дружеское участие, — самый эффективный с точки зрения минимизации риска и издержек от самой сделки. Участие в обменах такого рода получило название «принуждение к коррупции» [5, с. 75–76].

«Ко мне подошла моя бывшая преподаватель и умоляла поставить экзамен трем девицам, заочницам, которые приехали якобы из такого далекого села, что опоздали на сессию. Контрольных у них нет, так как в их селе нет библиотеки. Самое главное, что одна из этих девиц — родственница этой преподавательницы. Я по наивности поверила, пообещала поставить "тройки". Она тут же достала зачетки и после выставления оценок засунула мне в сумку 500 руб. со словами, что я, дескать, учусь в аспирантуре и мне надо много тратить на книги, и быстро убежала. Я попросила лаборантку с кафедры пойти со мной и отдать обратно эти деньги, что мы и сделали. Эта преподавательница деньги приняла без всяких, вынесла мне огромную коробку конфет и была довольна. На следующий день история имела продолжение. На кафедру пришла студентка той же группы, что и те три из села. Сказала, что она готова сдавать экзамен, но попросила, чтобы я пришла в аудиторию, так якобы ждут еще студенты. В аудитории никого не оказалось. Студентка выложила зачетку и 1000 руб. Тут до меня дошло, что те три студентки заплатили по 1000 руб. той преподавательнице, с коих она 2500 взяла себе, а 500 выделила мне. Это, видимо, было донесено до группы, которые не сдавали, и они решили, что за 1000 руб. смогут решить проблему». (Женщина, преподаватель, 28 лет).

Выставление оценок по знакомству в преподавательской среде стало сопоставимо по степени популярности со списыванием в студенческой среде и уже в ближайшем будущем приобретет точно такую же степень легитимности.

Заключение

Из множества видов дарообмена в этой работе мы остановились на презентях и студенческой помощи как типичных практиках в измерении «студент — преподаватель» и обмене оценками как специфической практики для преподавательского уровня. И если коррупционная сущность распределения оценок очевидна, то небольшие подарки в виде благодарностей и традиционных праздничных презентов можно было бы оценить как исключительно позитивные действия.

Положительные эффекты, производимые ими, могли бы быть теми же, о которых говорят сторонники теории обмена дарами: повышение внутрифирменной кооперации из-за усиления сетевых связей, что в свою очередь, позволяет более эффективно решать поставленные задачи. «Взаимная заинтересованность работников приводит к установлению доброжелательных отношений, которые выражаются в оказании взаимных услуг, в дополнительном объеме сделанной работы, в быстрых сроках ее выполнения и т.д., что лишь усиливает взаимное положительное влияние на деятельность друг друга» [1, с. 342]. Однако в ситуации закрытости академической среды, расцвета коррупции и слабости профессиональной культуры преподавателей отсутствуют необходимые предпосылки, способствующие эффективности этих практик. В результате чего отрицательное влияние обмена дарами многократно превышает его позитивные стороны. Этому также способствует ряд трудностей объективного характера.

Прежде всего, есть трудности в определении внешних критериев, отличающих взятку от подарка по традиции и от благодарности. Выше мы уже упоминали о том, что сами студенты и преподаватели четко понимают эти отличия, и в каждой конкретной ситуации сигнал дара очевиден для участников обмена. Но эти отличия скорее интуитивные, оставляющие возможность изыщной ролевой манипуляции, которая использует форму благодарности для прикрытия коррупционной сделки: в случае если у агента есть намерение дать взятку, формальные моменты можно легко смоделировать так, чтобы внешне это выглядело как благодарность. В этом случае присутствует комбинация, в которой роль благодарного клиента используется для фабрикации смыслов, скрывающих другие роли, которые в свою очередь, скрывают самоидентификации актора. Получается цепочка минимум из трех ролевых уровней, в результате чего сложно конструируется общее поле такой игры. Чем больше количество таких фабрикаций, тем сложнее удержать аутентичность, целостность этого поля, тем более очевидны его разрывы. В результате многоступенчатой комбинации тех ролей, которые направлены на фабрикуцию маскирующих смыслов, высвечивается коррупционная схема, имеющая подобие и формальную структуру благодарности.

Это значит, что презенты и благодарности, с одной стороны, поддерживая традиции, в условиях слабой академической культуры работают на поддержку коррупции. Другой негативный эффект практики благодарностей произведен от многозначности дара. Один и тот же подарок может быть сигналом совершенно разных смыслов, и чем большее распространение приобретает эта практика, тем менее шансов у участников доверять намерениям дарящего. Вместе с тем традиционное содержание этой практики — выразить искренние признательность и благодарность — девальвируется, становится затруднительным по форме проявления, как в примере с аспиранткой, которая, желая искренне поблагодарить преподавателя, обидела его.

Другой важный фактор, способствующий поддержке коррупции через практики обмена, связан с низким уровнем правовой и мировоззренческой культуры участников образовательного процесса, как бы странно это ни звучало, учитывая, что почти все наши респонденты-преподаватели имели научные степени и ученые звания. Так, из 25 преподавателей, принимавших участие в интервью в 2009 г, только 3 человека соотнесли практику обмена оценками с коррупцией. Остальные не считали, что, оказывая такую помощь коллеге, они участвуют в коррупционной сделке.

Обмен оценками как дарами позволяет провести аналогию между этими практиками и схемами распределения дефицитного ресурса в кланово-бюрократических структурах, объясняемые известными моделями коррупции [6, 7]. Это значит, что слабые традиции и отсутствие корпоративной культуры приводят к постепенному стиранию различий между академической и бюрократической средой. Это, в свою очередь, вызывает замещение стандартов, ориентированных на качество образования, творчество и научный поиск, ценностями, в которых доминируют статус, престиж, власть, доступ к ресурсам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Додлова М.Ч., Юдкевич М.М. «Обмен дарами» в отношениях государственных служащих // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2007. № 3.
2. Осипян А. Коррупция в высшем образовании как наследие средневековых университетов // <http://mpga.ub.uni-muenchen.de/13250/>.
3. Рощина Я.М. Сколько стоит образование в России // Экономика образования. 2006
4. Сивак Е. В., Юдкевич М.М. «Закрытая» академическая среда и локальные академические конвенции // Форсайт. 2008. № 4 (8).
5. Титаев К.Д. Почем экзамен для народа? Эту о коррупции в высшем образовании // Экономическая социология. 2005. № 2.
6. Rose-Ackerman, S. The economics of corruption // Journal of Public Economics. Vol. 4. No. 2. Pp. 187–203.
7. Shleifer, A., Vishny, R. Corruption // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 108. No. 3. Pp. 599–617.

СПОСОБСТВУЕТ ЛИ СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ КОРРУПЦИИ В РОССИИ?

РИМСКИЙ В.Л.,

заведующий отделом социологии,
Фонд ИНДЕМ,
e-mail: rim@indem.ru

Описаны результаты вторичного анализа данных количественных социологических исследований коррупции в России, выполненных Фондом ИНДЕМ в 2001 и в 2005 гг. Целью вторичного анализа данных было изучение влияния фактора обучения в высшей школе на отношение к коррупции и на вовлеченность в нее. Приводятся обоснования того, что в период с 2001 по 2005 г. молодежь 18–25 лет с высшим образованием являлась более толерантной к коррупции, чем его не имеющая. Обосновано происходившее в тот же период сглаживание различий в отношении к коррупции между молодежью 18–25 лет с высшим образованием и без него. Для молодежи 18–25 лет с высшим образованием в тот период было вполне рациональным использование коррупционных действий для решений тех или иных проблем при низкой значимости рациональных аргументов в выборе антикоррупционного поведения.

Ключевые слова: высшее образование; коррупция; взятки; молодежь.

Results of secondary analysis of the data received in the course of quantitative sociological investigations of corruption in Russia realized by INDEM Foundation in 2001 and 2005 are described. The secondary analysis of data is aimed at revealing of higher-school education impact on attitude towards corruption and involvement in illegal activity. The fact that at 2001–2005 young people at the age of 18–25 with higher education were more tolerant towards corruption than those who hadn't it is argued. Specific for that period levelling of attitude towards corruption between young people at the age of 18–25 with higher education and without it is substantiated. For young people at the age of 18–25 with higher education it was quite rational at that period to use illegal methods for certain problems solving along with low significance of rational arguments for anti-corrupt behavior.

Keywords: higher education; corruption; bribes; young people.

Коды классификатора JEL: I21, K42.

1. Принципы проверки гипотезы о влиянии обучения в вузах на отношение к коррупции и участию в коррупционных действиях

Возрастным периодом получения первого высшего профессионального образования в нашей стране чаще всего является интервал от 17–18 до 22–23 лет. В этот период молодые граждане продолжают свою социализацию, т.е. начатое в детстве и ранней юности усвоение ценностей, норм и правил поведения в социуме, а также взаимоотношений в нем. В этот период в сознании каждого из них продолжает формироваться как комплекс представлений о том, что в социуме является социально одобряемым и социально неодобряемым поведением, так и комплекс избираемых им моделей поведения в тех или иных ситуациях социальных взаимодействий. При этом социальные институты¹ и социальная среда² стимулируют выборы вариантов социально одобряемого пове-

¹ Социальный институт (*social institution*) здесь понимается как совокупность норм, предписаний и требований, связанных с определенной организационной структурой, посредством которых общество контролирует и регулирует деятельность индивидов в наиболее важных сферах общественной жизни. Социальные институты, как правило, являются исторически сложившимися устойчивыми формами организации совместной деятельности и взаимодействий индивидов. Институты не всегда осознаются индивидами, но регулируют их действия. А для обеспечения соблюдения норм, предписаний и требований социального института в обществе, как правило, создаются и функционируют соответствующие социальные организации.

² Социальная среда (*social environment*) здесь понимается как совокупность материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп. Социальная среда включает политику, экономику, некоммерческую и общественную

дения каждого индивида и противодействуют выборам ими вариантов социально неодобряемого поведения [2, с. 21].

Как известно, декларируемыми целями высшего профессионального образования являются усвоение студентами знаний, формирование умений и навыков их будущей профессиональной деятельности. Поэтому во многом прямое воздействие системы высшего профессионального образования на студентов осуществляется на уровне рационального освоения ими будущей профессии и профессионального поведения. Но существует и не прямое, не всегда осознаваемое воздействие социальных институтов и социальной среды на индивидов в процессе их подготовки к обучению и собственно обучения в высшей школе. Нормы этих социальных институтов нередко усваиваются индивидами некритически на уровне бессознательного, превращаясь в привычные стереотипы социальных действий, которые выпускники высших учебных заведений совершают и в своей профессиональной деятельности, и в частной жизни. Поэтому можно ожидать, что отношение выпускников университетов и вузов к коррупции, а также участие в ней определяются помимо других факторов и тем, как на них повлияли социальные институты и социальная среда в период подготовки и обучения в высшей школе.

Для сравнения результатов воздействия социальной среды и социальных институтов на молодежь, обучавшуюся и не обучавшуюся в высших учебных заведениях, был проведен вторичный анализ данных количественных социологических исследований коррупции в России, выполненных Фондом ИНДЕМ в 2001 г. по заказу Мирового Банка и в 2005 г. без внешнего заказчика³. Оба эти исследования проводились методом формализованных анкетных опросов на репрезентативных всероссийских многоступенчатых территориальных стратифицированных случайных выборках граждан. Размер выборки составил в 2001 г. 2 017 респондентов, а в 2005 г. — 3 100 респондентов. Выборка строилась как представительная для федеральных округов и типов населенных пунктов по всей России. Для целей такого представительства пропорциональный отбор респондентов проводился по численности, полу и возрасту населения нашей страны в соответствии с данными Роскомстата [4].

Для целей вторичного анализа данных этих исследований Фонда ИНДЕМ была построена дополнительная переменная с двумя значениями. К первой категории этой переменной относились респонденты 18–25 лет, имеющие начальное или среднее образование, а ко второй — респонденты того же возраста, 18–25 лет, но имеющие высшее образование, возможно, неполное. Всего в выборках в 2001 г. респондентов первой категории оказалось 192, а второй категории — 175, в 2005 г. соответственно 418 и 140. В силу достаточного наполнения этих категорий респондентов такая дополнительная переменная, названная «Наличие или отсутствие высшего образования», позволила сравнить некоторые социальные характеристики этих двух групп молодежи.

Вторичный анализ данных исследований Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. проводился с целью подтверждения гипотезы о том, что существенные различия в отношении к коррупции, в ее оценках, а также в участии в коррупционных действиях молодежи 18–25 лет во многом определяются тем, получили они высшее образование или нет. Если такая гипотеза справедлива, то различия в социальных действиях и взаимодействиях молодежи 18–25 лет будут определяться результатами воздействия на обучавшихся в системе высшего профессионального образования социальных институтов и социальной среды, связанных с этой системой, и отсутствием их воздействия на тех, кто в этой системе не обучался.

В эмпирических исследованиях полностью подтвердить гипотезу такого типа невозможно, поскольку структуры сознания и поведение индивидов всегда определяются совместными воздействиями на них разнообразных социальных сред, в которых проходила их социализация, стереотипами восприятия и анализа реальности, а также социального поведения, сформированных социальными институтами в процессе социализации. Кроме того, при совершении социальных действия индивидов ограничиваются и направляются теми социальными институтами, которые будут актуализированы в соответствующие периоды. Поэтому в эмпирическом исследовании очень сложно выделить в социальных действиях индивидов из комплекса факторов, их определяющих, эффект какого-то одного. Дополнительную сложность для анализа создает то, что фактор обучения в высших учебных заведениях сам представляет собой комплекс специфической социальной среды и социальных институтов. И такая особенность этого фактора скорее препятствует, чем способствует выделению определяемых им эффектов социальных действий бывших студентов высших учебных заведений. А только в случае успеха такого выделения эффектов этого одного фактора можно было бы уверенно утверждать, что те или иные особенности социальных действий получивших высшее образование определяются или во многом определяются именно этим одним фактором обучения в высшей школе.

сферы, а также общественное сознание и культуру в широком смысле, т.е. не только искусство и литературу, но и нормы взаимодействий индивидов между собой, стереотипы социального поведения и т.п. Поэтому социальная среда для каждого индивида включает и его ближайшее социальное окружение, т.е. семью, трудовую или учебную и другие социальные группы, в которые индивид входит. Социальная среда во многом неосознанно для индивида формирует его психику и его бессознательное, а также неосознаваемые мотивы его социального поведения.

³ Столь же подробных количественных исследований коррупции в России Фондом ИНДЕМ после 2005 г. не проводилось.

Связи наличия высшего образования с социальными характеристиками респондентов

В проведенном вторичном анализе данных исследований Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг., несмотря на описанные выше сложности, было получено определенное подтверждение сформулированной выше гипотезы о влиянии фактора обучения в высшей школе на отношение к коррупции, на ее оценки, а также на участие в коррупционных действиях. Для того чтобы эти результаты вторичного анализа данных стали возможными, была проведена проверка того, насколько статистически сильно связана с позиционными социальными характеристиками респондентов дополнительная переменная «Наличие или отсутствие высшего образования». Эта дополнительная переменная оказалась значимо статистически связанной с теми позиционными социальными характеристиками респондентов 18–25 лет, которые логически связаны с новой переменной, и не связанной значимо статистически с теми социальными характеристиками, которые с новой переменной не связаны логически. Поэтому можно считать, что дополнительная переменная «Наличие или отсутствие высшего образования» оказалась удачно сформированной.

Было установлено, в частности, что в подвыборках респондентов в возрасте 18–25 лет, имеющих и не имеющих высшее образование, те их социальные характеристики, которые являются логически независимыми от наличия высшего образования, распределены примерно одинаково. В качестве таких социальных характеристик респондентов 18–25 лет были использованы их пол и семейное положение.

В таблице 1 приведены доли мужчин и женщин в процентах у респондентов 18–25 лет, не имеющих высшего образования и имеющих его.

Таблица 1

Доли мужчин и женщин в процентах у респондентов 18–25 лет

Пол респондента	2001 год		2005 год	
	Образование:		Образование:	
	Нет высшего	Высшее	Нет высшего	Высшее
Мужской	51,6	54,9	51,7	48,6
Женский	48,4	45,1	48,3	51,4
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

По данным таблицы 1 в обоих исследованиях, 2001 и 2005 гг., нет статистически значимых различий между долями мужчин и женщин среди респондентов 18–25 лет, не получивших высшее образование и получивших его. При этом в данных таблицы 1 заметны некоторые различия в процентах мужчин и женщин, которые для возраста 18–25 лет не являются статистически значимыми⁴. В частности, в 2005 г. среди получивших высшее образование доля мужчин была несколько меньше доли женщин.

В таблице 2 представлены данные о семейном положении у респондентов 18–25 лет, не имеющих высшего образования и имеющих его.

Таблица 2

Доли в процентах категорий по семейному положению у респондентов 18–25 лет

Пол респондента	2001 год		2005 год	
	Образование:		Образование:	
	Нет высшего	Высшее	Нет высшего	Высшее
Сейчас женат/замужем	24,5	21,1	21,5	25,0
Живем вместе, но в браке не состоим	13,5	13,1	7,2	12,1
Разведен/а	4,2	2,3	1,4	2,1
Состою в браке, но живу один/одна	0,5	1,1	0,2	0,0
Одинок/а, никогда в браке не состоял/а	52,1	57,7	69,1	58,6
Вдовец/вдова	0,5	0,0	Этот вариант исключен	
Нет ответа/отказ от ответа	4,7	4,6	0,5	2,1
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

⁴ Уровень значимости в процедурах статистических критериев показывает вероятность ошибки при отклонении гипотезы о том, что сравниваемые статистические значения различны. На практике считается, что при вероятности ошибки, не превышающей 1%, значения можно считать достоверно различными. В некоторых случаях для такого граничного значения используют не 1%, а не выше 5%. В социальных исследованиях при уровне значимости выше 5% гипотезу статистической существенности различий статистических значений практически никогда не принимают.

По данным таблицы 2, в обоих исследованиях, 2001 и 2005 гг., нет статистически значимых различий между долями категорий по семейному положению респондентов 18–25 лет, не получивших высшее образование и получивших его. При этом в исследовании 2005 г. вариант ответа «вдовец/вдова» был исключен, поэтому таких ответов респондентов не могло быть.

На основании отсутствия статистически значимых различий в данных таблиц 1 и 2 можно сделать вывод о том, что характеристики пола и семейного положения респондентов 18–25 лет в обоих исследованиях, 2001 и 2005 гг., являются статистически независимыми от того, обучались ли они в высшей школе.

С другой стороны, в данных исследований Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. были зафиксированы две позиционные социальные характеристики респондентов 18–25 лет, которые логически были связаны с наличием или отсутствием у них высшего образования: тип населенного пункта их проживания и уровень месячных доходов на одного члена семьи. В проведенном вторичном анализе данных было установлено, что логическим связям этих переменных с дополнительной переменной «Наличие или отсутствие высшего образования» соответствуют значимые статистические связи.

В таблице 3 представлены данные о типах населенных пунктов, в которых проживают респонденты 18–25 лет, не имеющие высшего образования и имеющие его.

Таблица 3

Доли в процентах категорий по числу жителей населенных пунктов проживания респондентов 18–25 лет

Тип населенного пункта	2001 год		2005 год	
	Образование:		Образование:	
	Нет высшего	Высшее	Нет высшего	Высшее
Город с населением более 1 млн человек	19,3	37,7	17,0	22,9
Город с населением от 300/500 тыс. до 1 млн человек ⁴	7,8	28,6	9,6	10,0
Город с населением от 100 до 300/500 тыс. человек ⁵	14,1	6,3	17,0	30,7
Город с населением менее 100 тыс. человек	30,7	12,6	29,7	22,1
Село	28,1	14,9	26,8	14,3
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

По данным таблицы 3, в обоих исследованиях, 2001 и 2005 гг., получилось, что имеющие высшее образование статистически существенно реже проживали в городах с населением менее 100 тыс. человек и в сельских населенных пунктах, чем не имеющие высшего образования (уровень значимости не выше в 2001 г. — 0,002% и 0,1% соответственно, а в 2005 г. — 4,5% и 0,2% соответственно). Наоборот, среди молодежи 18–25 лет в мегаполисах с населением более 1 млн человек проживала более высокая доля имеющих высшее образование, чем не имеющих его. Но эта статистическая закономерность может считаться полностью обоснованной только для данных 2001 года, уровень значимости различий для которых оказался не выше 0,005%. Аналогичное различие в данных 2005 г. оказалось статистически незначимым.

Статистически подтвердилась, тем не менее, общая закономерность для данных 2001 и 2005 гг., заключающаяся в том, что молодежь 18–25 лет, имеющая высшее образование, существенно чаще проживает в более крупных населенных пунктах, чем не имеющая высшего образования, т.е. оказался статистически значимым такой сдвиг в расселении этих социальных групп. Эта закономерность подтвердилась по результатам тестирования данных с помощью непараметрического критерия Манна — Уитни для несвязанных выборок, на основании которого этот сдвиг в расселении респондентов подтвердился на уровне значимости не выше 0,01%, как в 2001, так и в 2005 г.

Сдвиг в расселении молодежи 18–25 лет с высшим образованием в мегаполисы и крупные города логически представляется вполне реальным в силу того, что такие респонденты легче не имеющих высшего образования могут получить работу и доходы, обеспечивающие их жизнь в таких населенных пунктах. Дополнительным подтверждением этого вывода являются данные таблицы 4, представляющие средние уровни месячных доходов семей респондентов 18–25 лет без высшего образования и с высшим образованием.

По данным таблицы 4, с 2001 по 2005 г. вырос средний доход на человека в месяц в семьях респондентов 18–25 лет с 2 545 до 3 211 рублей. При этом выросли как доходы в семьях респондентов

⁴ В исследовании Фонда ИНДЕМ 2001 г. использовалась граница от 300 тыс. человек, а в исследовании 2005 г. — от 500 тыс. человек. На проведенный вторичный анализ эти различия данных не повлияли, т.к. сравнения проводились между не имеющими и имеющими высшее образование отдельно внутри данных 2001 и 2005 гг. соответственно.

⁵ В исследовании Фонда ИНДЕМ 2001 г. использовалась граница до 300 тыс. человек, а в исследовании 2005 г. — до 500 тыс. человек. На проведенный вторичный анализ эти различия данных не повлияли, т.к. сравнения проводились между не имеющими и имеющими высшее образование отдельно внутри данных 2001 и 2005 годов соответственно.

без высшего образования с 1 993 до 2 821 рубля, так и в семьях респондентов с высшим образованием с 3 119 до 4 437 рублей. Эти данные соответствовали тенденции роста средних доходов российских семей в тот период. Дисперсионный анализ данных исследования 2001 г. показал, что различия в средних уровнях доходов на одного человека в семьях респондентов 18–25 лет, имеющих высшее образование и не имеющих его, были статистически малозначимы. Но для данных исследования 2005 г. аналогичный дисперсионный анализ показал, что средний уровень дохода на одного человека в семьях респондентов 18–25 лет, имеющих высшее образование, был значимо статистически выше, чем такой же доход в семьях респондентов 18–25 лет, его не имеющих (уровень значимости не выше 0,1%).

Таблица 4

**Средние уровни месячных доходов в рублях на одного человека
в семьях респондентов 18–25 лет**

Средний уровень доходов на одного человека в семье в месяц в рублях	2001 год		2005 год	
	Образование:		Образование:	
	Нет высшего	Высшее	Нет высшего	Высшее
Средний уровень дохода на одного человека в семье в месяц в рублях	1993	3119	2821	4437
В среднем по респондентам 18–25 лет	2545		3211	

Следовательно, по данным исследований Фонда ИНДЕМ, в 2001 г. проявилась, а в 2005 г. стала статистически значимой закономерность, заключающаяся в том, что в семьях респондентов 18–25 лет с высшим образованием средний доход на человека в месяц являлся более высоким, чем в семьях респондентов того же возраста без высшего образования. Иначе говоря, за период с 2001 по 2005 г. уровень доходов семей респондентов 18–25 лет с высшим образованием стал существенно выше, чем семей респондентов того же возраста без высшего образования. То, что наличие высшего образования соответствует более высокому доходу на человека в семье, а его отсутствие — более низкому, чем в среднем для той или иной социальной группы, представляется закономерностью, обоснованной как логически, так и результатами исследований, проведенных в разных странах мира. В частности, по данным исследований наличие высшего образования позволяет молодежи получать более высокооплачиваемую работу [3, с. 90], а с другой стороны, более обеспеченные материально семьи чаще имеют возможности и желание дать своим детям высшее образование [1].

По данным исследований Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. оказалось возможным проверить наличие связи построенной для вторичного анализа дополнительной переменной «Наличие или отсутствие высшего образования» с некоторыми особенностями структур сознания респондентов 18–25 лет. В обоих этих исследованиях респондентам задавались несколько вопросов с целью выявить уровень их согласия с теми или иными суждениями о политике, выборах, государственном управлении и соблюдении норм законов. Высокий уровень согласия респондентов со следующими шестью суждениями из этих вопросов можно оценить как их приверженность советскому патернализму антилиберальной направленности [4]:

- обязанность правительства — обеспечить всех людей работой;
- свобода слова привела к росту вседозволенности, разврата, порнографии;
- главная цель Запада — превратить Россию в третьеразрядную страну, в свой сырьевой придаток;
- что бы ни говорили, а деньги теперь решают все;
- крупные бизнесмены, банкиры, олигархи получают все больше влияния и власти;
- люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах.

Для целей вторичного анализа данных исследований Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. была следующим образом построена вторая дополнительная ранговая переменная, названная «Уровень патернализма». Для каждого респондента подсчитывалось число полных его согласий с каждым из этих шести суждений, и это число становилось значением такой дополнительной ранговой переменной. Значение 0 этой переменной соответствует практическому отсутствию патернализма, а значение 6 — очень высокому его уровню у респондента. Данные об уровне патернализма среди респондентов, не имеющих и имеющих высшее образование, представлены в таблице 5.

По данным таблицы 5 заметно, что по результатам обоих исследований 2001 и 2005 гг. уровень патернализма у молодых респондентов 18–25 лет с высшим образованием сдвинут в сторону более низких значений в сравнении с респондентами без высшего образования. Этот вывод подтверждается результатами тестирования данных с помощью непараметрического критерия Манна — Уитни для несвязанных выборок. На основании этого критерия получается, что на уровне значимости, не превышающем 0,3% в 2001 г. и 0,1% в 2005 г., уровень патернализма у молодых респондентов 18–25 лет, не имеющих высшего образования, статистически существенно выше, чем у молодых респондентов того же возраста, имеющих высшее образование. Этот эффект подтверждается и более низкими средними значениями уровня патернализма у респон-

дентов, имеющих высшее образование, чем у не имеющих его. Статистическая существенность этих различий средних была подтверждена результатами дисперсионного анализа на уровне значимости не ниже в 2001 г. — 0,2%, в 2005 году — 0,1%.

Таблица 5

Уровень патернализма у респондентов 18–25 лет в процентах

Ранговые значения уровней патернализма	2001 год		2005 год	
	Образование:		Образование:	
	Нет высшего	Высшее	Нет высшего	Высшее
0	10,4	15,4	6,9	10,0
1	16,1	20,6	10,8	19,3
2	18,2	21,1	17,0	21,4
3	18,8	18,3	22,2	20,0
4	16,7	15,4	21,5	13,6
5	14,1	7,4	15,1	12,1
6	5,7	1,7	6,5	3,6
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0
В среднем	2,80	2,27	3,12	2,59

Следовательно, результаты исследований 2001 и 2005 гг. согласованно свидетельствуют о том, что с наличием высшего образования связаны те социальные характеристиками молодежи 18–25 лет, которые представляются с ним связанными логически и на основе результатов других исследований. В частности, получение высшего образования в современных российских вузах способствует снижению уровня патернализма у молодежи 18–25 лет. Это, в частности, является дополнительным подтверждением гипотезы о том, что социальная среда и социальные институты российской высшей школы оказывают существенное влияние на сознание своих выпускников и формирование у них стереотипов восприятия действительности и осуществления социальных действий в ней. Кроме того, молодежь 18–25 лет, имеющая высшее образование, существенно чаще проживает в более крупных населенных пунктах, чем не имеющая высшего образования. А уровень среднемесячных доходов семей молодежи 18–25 лет с высшим образованием существенно выше, чем для семей молодежи того же возраста без высшего образования. С другой стороны, социальные характеристики респондентов 18–25 лет, логически не связанные с наличием у них высшего образования, а именно их пол и семейное положение, оказались и статистически не связанными с наличием у них высшего образования.

На этих основаниях можно считать обоснованным использование дополнительно построенной переменной «Наличие или отсутствие высшего образования» для анализа статистической связи наличия или отсутствия высшего образования с различиями в отношении к коррупции, в ее оценках, а также в участии в коррупционных действиях молодежи 18–25 лет. Действительно, если в данных исследований Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. будет обнаружена значимая статистическая связь этой дополнительно построенной переменной с переменными, определяющими их отношение к коррупции, ее оценки и участие в ней, то с высокой вероятностью эту связь между переменными можно будет объяснить связями между реально существующими социальными явлениями, соответствующими этим переменным.

Практика дачи взяток до и после получения высшего образования

В исследованиях Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. практика участия граждан в коррупционных действиях оценивалась по их участию в даче взятки. Этот выбор, определивший формирование инструментов исследований, был сделан по причине того, что именно взятничество является в нашей стране наиболее распространенным и наиболее понятным гражданам проявлением коррупции в их взаимоотношениях с должностными лицами.

В анкетах исследований Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. респондентам разъяснялось, что коррупционной является ситуация, в которой для решения той или иной своей проблемы респондент понимал, что должен материально стимулировать служащего, от которого это решение зависело, дать ему взятку или подарок. Далее респондентам задавался вопрос о том, попадали ли они когда-либо в такую ситуацию, независимо от того, дали они взятку или преподнесли подарок служащему или нет. Результаты ответов респондентов представлены в таблице 6.

По данным таблицы 6, молодежь, имеющая высшее образование, существенно чаще, чем не имеющая его, попадала в коррупционные ситуации и в 2001 (уровень значимости не выше 0,3%), и в 2005 г. (уровень значимости не выше 4,4%). При этом доли попадавших в коррупционные ситуации в 2005 г. оказались существенно ниже, чем они были в 2001 г., но сохранилась общая тенденция более частого попадания в коррупционные ситуации молодежи 18–25 лет с высшим образованием.

Таблица 6

Доли попадания в коррупционные ситуации респондентов 18–25 лет в процентах

Попадали ли когда-либо в коррупционные ситуации?	2001 год		2005 год	
	Образование:		Образование:	
	Нет высшего	Высшее	Нет высшего	Высшее
Да, нам приходилось попадать в подобную ситуацию	53,6	68,0	33,6	44,3
С такой ситуацией мы не сталкивались	46,4	32,0	66,4	55,7
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

Затем при проведении интервью по анкетам у респондентов, попадавших в коррупционные ситуации, спрашивали, давали ли они в последней такой ситуации взятку или нет. Просьба ответить в отношении последней по времени коррупционной ситуации была вызвана желанием получить как можно более определенные ответы респондентов. Доли соответствующих ответов респондентов 18–25 лет представлены в таблице 7.

Таблица 7

Доли давших и не давших взятки при попадании в коррупционные ситуации для респондентов 18–25 лет в процентах

Дали или не дали взятки при попадании в коррупционные ситуации	2001 год		2005 год	
	Образование:		Образование:	
	Нет высшего	Высшее	Нет высшего	Высшее
Да, давали	74,3	79,8	55,9	65,6
Нет, не давали	25,7	20,2	44,1	34,4
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

По данным таблицы 7, и в 2001, и в 2005 г. молодежь 18–25 лет, имеющая высшее образование, при попадании в коррупционные ситуации чаще давала взятки, чем не имеющая высшего образования. Но статистически значимым это различие в ответах респондентов было только в 2001 г. (уровень значимости был не выше 0,2%). А в 2005 г. аналогичное различие превратилось в статистически незначимое, т.е. вероятность ошибки в утверждении о существовании такого различия стала выше 5%. Это означает, что в 2001 г. можно было практически безошибочно утверждать, что респонденты 18–25 лет с высшим образованием чаще, чем его не имеющие, давали взятки в коррупционных ситуациях, а в 2005 г. вероятность ошибки такого утверждения стала неприемлемо высокой для его подтверждения. Следовательно, в 2001 г. поведение молодежи 18–25 лет в коррупционной ситуации существенно зависело от наличия высшего образования, а в 2005 г. такая зависимость стала намного слабее. Одна из причин ослабления такой зависимости в том, что в 2005 г. доли респондентов 18–25 лет, как с высшим, так и без высшего образования, давших взятки при попадании в коррупционные ситуации, оказались существенно ниже, чем они были в 2001 г.

Следовательно, можно сделать вывод, что, по крайней мере, до 2005 г. включительно молодежь, имеющая высшее образование, существенно чаще, чем не имеющая его, как попадала в коррупционные ситуации, так и давала при попадании в них взятки. Но к 2005 г. стали существенно меньше различия в частоте дачи взяток в коррупционных ситуациях между респондентами 18–25 лет с высшим и без высшего образования.

Сравнение отношения к коррупции и ее понимания до и после получения высшего образования

В проведенном вторичном анализе данных исследований Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. проверялись связи дополнительной переменной «Наличие или отсутствие высшего образования» с отношением к коррупции и ее пониманием у респондентов 18–25 лет. Это стало возможным потому, что в процессе анализа данных этих исследований строились дополнительные синтетические переменные, интегрирующие ответы респондентов на совокупности соответствующих вопросов анкет.

В обоих исследованиях Фонда ИНДЕМ, 2001 и 2005 гг. респондентам задавались несколько вопросов с целью выявления их оценки значимости причин коррупции в России, уровня интереса респондентов к проблеме коррупции, того, какие стратегии противодействия ей были бы наилучшими, а также насколько респонденты оказывались способными квалифицировать те или

иные действия должностных лиц как коррупционные. Ответы респондентов интегрировались в дополнительную переменную «Понимание коррупции», смысл категорий которой был определен следующим образом [4]:

- системное понимание: при активном интересе к проблеме у респондентов есть системное понимание коррупции как сложного социально-экономического явления;
- бытовое понимание: при пассивном интересе к проблеме коррупции ее проявления рассматриваются респондентами как разрозненные аморальные или криминальные факты и события;
- отсутствие понимания: у респондентов нет интереса к проблеме при слабом понимании явления коррупции;
- доли в процентах респондентов 18–25 лет, не имеющих и имеющих высшее образование, возможно, неполное, распределенные по категориям переменной «Понимание коррупции», показаны в таблице 8.

Таблица 8

Доли в процентах категорий индикатора типа понимания коррупции респондентами 18–25 лет

Типы понимания коррупции	2001 год		2005 год	
	Образование:		Образование:	
	Нет высшего	Высшее	Нет высшего	Высшее
Системное понимание	32,3	46,3	46,4	52,9
Бытовое понимание	44,8	39,4	45,9	40,7
Отсутствие понимания	22,9	14,3	7,7	6,4
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

По данным таблицы 8, в 2001 г. молодежь с высшим образованием существенно чаще, чем не получившая его, имела системное понимание коррупции (уровень значимости не выше 0,3%) и существенно реже имела отсутствие понимания коррупции (уровень значимости не выше 1,8%). При этом по статистическому критерию Манна — Уитни для несвязанных выборок в 2001 г. оказалось, что молодежь с высшим образованием существенно чаще, чем его не получившая, имела более высокий уровень понимания коррупции (уровень значимости не выше 0,3%). В 2005 г. различия долей по типу понимания коррупции среди молодежи, имеющей и не имеющей высшее образование, оказались статистически незначимыми. Тем не менее и в 2001, и в 2005 г. респонденты 18–25 лет с высшим образованием несколько чаще имели системное понимание коррупции и несколько реже бытовое и отсутствие понимания, чем не имеющие высшего образования.

В обоих исследованиях Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. респондентам задавались несколько вопросов с целью выявить их отношение к необходимости гражданам нашей страны давать взятки в тех или иных ситуациях, их оценки того, по чьей инициативе даются взятки, а также их готовность следовать нормам законов. Ответы респондентов интегрировались в дополнительную переменную «Установка на коррупцию», смысл категорий которой был определен следующим образом [4]:

- ❖ активное неприятие: полное неприятие респондентами коррупции, их готовность прилагать собственные усилия для противостояния коррупции;
- ❖ пассивное неприятие: отрицательное отношение респондентов к коррупции и к себе от необходимости иногда прибегать к ней, но их неготовность проявлять активное сопротивление;
- ❖ смирение: отрицательное отношение респондентов к коррупции сочетается с представлением о неизбежности этого зла и бесперспективности борьбы с ним;
- ❖ самооправдание: спокойное отношение респондентов к коррупции, их готовность к самооправданию при личном участии в коррупционных действиях;
- ❖ активное принятие: отношение респондентов к коррупции как к полезному явлению в жизни, как к средству решения тех или иных проблем;

Доли в процентах респондентов 18–25 лет, не имеющих и имеющих высшее образование, возможно, неполное, распределенные по категориям переменной «Установка на коррупцию», показаны в таблице 9.

По данным таблицы 9 и в 2001, и в 2005 г. молодежь, имеющая высшее образование, несколько чаще, чем не получившая его, имела активное или пассивное неприятие коррупции и несколько реже смирялась с коррупцией, пыталась самооправдаться в принятии коррупции или ее активно принимала. Но статистически значимым является только одно из таких различий и только в данных исследования 2005 г.: среди молодежи с высшим образованием существенно чаще, чем среди не получивших его, встречались активно не принимающие коррупцию (уровень значимости не выше 1,8%). При этом только в 2005 г. по статистическому критерию Манна — Уитни для несвязанных выборок оказалось, что молодежь с высшим образованием существенно чаще, чем его не получившая, относи-

лась к коррупции с активным или пассивным неприятием, а реже — со смирением, самооправданием и активным принятием (уровень значимости не выше 3,3%).

Таблица 9

**Доли в процентах категорий индикатора типа установки на коррупцию
у респондентов 18–25 лет**

Типы понимания коррупции	2001 год		2005 год	
	Образование:		Образование:	
	Нет высшего	Высшее	Нет высшего	Высшее
Активное неприятие	13,5	16,0	9,8	16,4
Пассивное неприятие	26,6	32,6	33,3	35,7
Смирение	40,1	38,3	34,2	28,6
Самооправдание	10,9	8,0	12,0	12,9
Активное принятие	8,9	5,1	10,8	6,4
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

В обоих исследованиях Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. респондентам задавались несколько вопросов с целью выявить их оценки уровней коррупции в разных ситуациях и сферах жизни в России, а также то, насколько значима для них сама проблема коррупции. Ответы респондентов интегрировались в дополнительную переменную «Оценка уровня коррупции», смысл категорий которой был определен следующим образом [4]:

- высокий уровень: респонденты оценивают уровень коррупции как высокий, рассматривая коррупцию в числе главных проблем страны;
- средний уровень: уровень коррупции оценивается респондентами как умеренный, а проблемы коррупции — в ряду других проблем страны;
- низкий уровень: уровень коррупции оценивается респондентами как невысокий, а проблемы коррупции как малозначимые.

Доли в процентах респондентов 18–25 лет, не имеющих и имеющих высшее образование, возможно, неполное, распределенные по категориям переменной «Оценка уровня коррупции», показаны в таблице 10.

Таблица 10

**Доли в процентах категорий индикатора оценки уровня коррупции
респондентами 18–25 лет**

Оценки уровня коррупции	2001 год		2005 год	
	Образование:		Образование:	
	Нет высшего	Высшее	Нет высшего	Высшее
Высокий уровень	29,2	32,0	51,9	40,0
Средний уровень	45,8	49,7	39,2	51,4
Низкий уровень	25,0	18,3	8,9	8,6
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

По данным таблицы 10, в 2001 г. молодежь 18–25 лет с высшим образованием несколько реже, чем его не имеющая, оценивала уровень коррупции как низкий, а несколько чаще — как высокий или средний. Но в 2001 г. эти различия долей респондентов оказались статистически незначимыми. В 2005 г. молодежь 18–25 лет с высшим образованием статистически значимо реже, чем без высшего образования, оценивала уровень коррупции как высокий (уровень значимости не выше 0,8%) и статистически значимо чаще — как средний (уровень значимости не выше 0,6%). Доли оценивающих уровень коррупции как низкий среди этих групп молодежи были невелики и статистически значимо не отличались друг от друга. При этом по статистическому критерию Манна — Уитни для несвязанных выборок в 2001 г. различия этих групп молодежи в оценках уровня коррупции были статистически незначимыми. А в 2005 г. по тому же критерию получилось, что молодежь без высшего образования существенно чаще имеющей высшее образование оценивала уровень коррупции как высокий и средний (уровень значимости не выше 3,4%).

В обоих исследованиях Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. по совокупностям ответов на вопросы анкет респонденты относились к одной из категорий синтетической переменной «Группы надежды и риска», смысл которых был определен следующим образом [4]:

- «Группа надежды»: респонденты, понимающие системные причины коррупции, не являющиеся активными взяточдателями (не более чем «пассивные взяточдатели»), в целом позитивно настроенные на борьбу с коррупцией.

- «Группа риска»: респонденты, отличающиеся повышенной склонностью к достижению своих целей коррупционным путем («инициативные взяточдатели») и негативно оценивающие перспективы антикоррупционной деятельности.
- «Группа прочих»: респонденты, отличающиеся повышенной склонностью к достижению своих целей коррупционным путем («инициативные взяточдатели») и негативно оценивающие перспективы антикоррупционной деятельности.

Принадлежность респондента к «группе надежды», конечно, не означала, что он обязательно будет способствовать проведению в нашей стране антикоррупционной политики. Равно как и принадлежность респондента к «группе риска» не означала, что он неизбежно будет препятствовать ее осуществлению. Но с большей вероятностью на поддержку в противодействии коррупции можно рассчитывать со стороны членов «группы надежды», чем со стороны членов «группы прочих» и, тем более, со стороны членов «группы риска».

Доли в процентах респондентов 18–25 лет, не имеющих и имеющих высшее образование, возможно, неполное, распределенные по категориям переменной «Группы надежды и риска», показаны в таблице 11.

Таблица 11

**Доли категорий индикатора групп надежды и риска для респондентов
18–25 лет в процентах**

Группы надежды и риска	2001 год		2005 год	
	Образование:		Образование:	
	Нет высшего	Высшее	Нет высшего	Высшее
Группа надежды	6,3	9,1	10,3	14,3
Прочие	83,9	73,7	79,4	75,0
Группа риска	9,9	17,1	10,3	10,7
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

По данным таблицы 11 доли «групп надежды», как и «групп риска», в выборках 2001 и 2005 гг. выше у молодежи 18–25 лет, имеющей высшее образование, чем его не имеющей. Но статистически значимыми эти различия оказались только в исследовании 2001 г. и только в «группе риска»: имеющие высшее образование статистически существенно чаще не имеющих высшего образования попадали в «группу риска» (уровень значимости не выше 2,3%).

Динамика изменений участия в коррупции и отношения к ней у молодежи 18–25 лет

Проведенный вторичный анализ данных количественных социологических исследований коррупции в России, выполненных Фондом ИНДЕМ в 2001 и в 2005 гг., не включал анализ участия в коррупции и отношения к ней молодежи 18–25 лет в последующие годы. Поэтому в анализе данных аналогичных исследований текущего периода желательно проверить, в частности, следующие выводы, полученные синтезом результатов проведенного вторичного анализа данных исследований Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг.

В период с 2001 по 2005 г. молодежь 18–25 лет, имеющая высшее образование, являлась более коррумпированной, чем молодежь того же возраста, высшего образования не имеющая. Об этом свидетельствует то, что по результатам проведенного вторичного анализа данных исследований коррупции Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг. респонденты 18–25 лет с высшим образованием чаще, чем не имеющие его, попадали в коррупционные ситуации, а при попадании в них — чаще давали взятки должностным лицам. Эти различия в частоте попадания в коррупционные ситуации были статистически значимыми в обоих исследованиях, но в даче взяток при попадании в них — только в исследовании 2001 г.

Следовательно, была выявлена определенная динамика изменения коррупционного поведения молодежи 18–25 лет. В 2001 г. в коррупционных ситуациях имеющие среди них высшее образование с высокой достоверностью чаще давали взятки, чем не имеющие его. В 2005 г. различия представителей этих групп молодежи в частотах участия во взяточничестве сохранились, но стали намного слабее зависеть от наличия или отсутствия высшего образования. При этом сравнение процентов ответов респондентов в 2001 и в 2005 гг. показывает, что к окончанию этого периода молодежь 18–25 лет независимо от наличия у нее высшего образования стала реже попадать в коррупционные ситуации, а при попадании в них реже давать взятки. И тем не менее уровни и попадания в коррупционные ситуации (более трети), и дачи взяток при попадании в них (более половины) у молодежи 18–25 лет в 2005 г. оставались весьма высокими.

Такие изменения в поведении молодежи 18–25 лет вполне соответствуют общей тенденции, выявленной в результате сравнительного анализа данных исследований коррупции Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 годов. В этот период в высшем образовании в целом по выборкам существенно вырос риск коррупции, т.е. доли случаев попадания в коррупционные ситуации, но снизилась готовность граждан давать взятки. При этом объем рынка взяток в высшем образовании, включая и поступление в вузы, вырос по оценкам для всей России на 29,8% с 449,4 до 583,4 млн долл. США, а размер средней взятки снизился на 19% с 4 305 до 3 869 руб. [4]. Следовательно, в период с 2001 по 2005 г. в процессы дачи взяток в высшем образовании включались все менее обеспеченные российские семьи, что приводило к снижению размера средней взятки. Но общее число семей, включенных в коррупционные отношения в системе высшего образования, увеличивалось, поэтому в 2005 г. все они стали давать больше взяток в суммарном денежном выражении. И если в этой ситуации среди молодежи 18–25 лет с 2001 по 2005 г. снизились как доля попадающих в коррупционные ситуации, так и дающих взятки при попадании в них, значит, не они, а их родственники или знакомые в таких случаях давали необходимые взятки. Эту гипотезу желательно проверить в последующих исследованиях коррупции в высшем образовании в нашей стране.

Определенным подтверждением этой гипотезы является то, что и в 2001, и в 2005 гг. у молодежи 18–25 лет с высшим образованием установка на коррупцию была ниже, чем у молодежи того же возраста без высшего образования. Действительно, по данным как 2001, так и 2005 гг. молодежь 18–25 лет, имеющая высшее образование, чаще, чем не получившая его, имела активное или пассивное неприятие коррупции, и реже смирялась с коррупцией, пыталась самооправдаться в принятии коррупции или ее активно принимала. Тем не менее в 2001 году эти различия в установках на коррупцию у имеющих и не имеющих высшего образования групп молодежи не были статистически значимыми, но по данным 2005 г. эти различия стали статистически значимыми по совокупности всех вариантов ответов респондентов. Этот вывод обосновывается выявленной в данных исследования 2005 г. общей тенденцией значимого сдвига ответов респондентов, имеющих высшее образование, в сторону более или менее сильного неприятия коррупции в сравнении с не имеющими его. Кроме того, за период с 2001 по 2005 г. среди молодежи 18–25 лет с высшим образованием в сравнении с не имеющей его существенно выросла доля более или менее активно не принимающих коррупцию. Вполне вероятно, что в 2005 г. большая, чем в 2001 г., часть респондентов 18–25 лет с высшим образованием стала теми или иными способами стараться не давать взятки. Сохранились ли эти тенденции в настоящий период, желательно проверить в последующих исследованиях коррупции в высшем образовании в нашей стране.

С 2001 по 2005 г. довольно существенно изменились структуры сознания молодежи 18–25 лет, определяющие их отношение к коррупции и ее оценки. И в 2001, и в 2005 г. респонденты 18–25 лет с высшим образованием чаще, чем те, кто его не получили, имели системное понимание коррупции и несколько реже бытовое или отсутствие понимания. Но статистически значимыми эти различия в понимании коррупции между двумя группами молодежи 18–25 лет с высшим и без высшего образования оказались только в 2001 г. В 2005 г. эти различия оказались статистически незначимыми.

Оценки уровня коррупции в стране в 2001 г. молодежью 18–25 лет с высшим образованием чаще, чем без высшего образования, были высокие или средние, а реже — низкие. Но уже в 2001 г. эти различия в оценках оказались статистически незначимыми. В 2005 г. молодежью 18–25 лет с высшим образованием чаще всего давались средние оценки уровня коррупции, что превышало доли таких же ответов респондентов, не имеющих высшего образования. Доли оценивающих уровень коррупции как низкий у этих двух групп молодежи 18–25 лет практически не отличались, а доли оценивающих ее уровень как высокий стали выше у молодежи без высшего образования. В результате в 2005 г. молодежь с высшим образованием статистически существенно реже не имеющей его оценивала уровень коррупции как высокий и средний.

Если оценивать отношение к коррупции по ее пониманию и указанию ее уровня в нашей стране, то можно считать, что получено дополнительное подтверждение общей тенденции, выявленной в результате сравнительного анализа данных исследований коррупции Фонда ИНДЕМ 2001 и 2005 гг.: сглаживание различий в отношении к коррупции между представителями различных социальных групп по данным 2005 г. по отношению к данным 2001 г. [4]. Это сглаживание различий стало характерно и для молодежи 18–25 лет с высшим и без высшего образования. И это сглаживание различий, по-видимому, во многом определяется сходством социальных практик взяточничества и других видов коррупции в высшей школе и вне нее. Эта гипотеза, хотя и требует проверки в последующих исследованиях, представляется справедливой, поскольку в современной высшей школе практически отсутствуют учебные курсы, направленные на глубокий анализ коррупции и обоснование мер противодействия ей. Следовательно, отношение к коррупции у абитуриентов и студентов высших учебных заведений формируется почти исключительно под воздействием социальных практик, принятых в российской высшей школе, и социальных институтов, определяющих неформальные нормы использования коррупционных действий для решений тех или иных проблем.

Сходство социальных практик взяточничества и других видов коррупции в высшей школе и вне нее, а также распространенность их в современных российских условиях приводят к тому,

что у молодежи 18–25 лет доли «групп надежды», позитивно настроенных в отношении противодействия коррупции, в выборках 2001 и 2005 гг. являются незначительными. При этом различия в долях представителей групп надежды среди респондентов 18–25 лет, имеющих и не имеющих высшего образования, и в 2001, и в 2005 г. не были статистически значимыми. Следовательно, притом, что среди молодежи 18–25 лет с высшим образованием в сравнении с не имеющей его, обнаружен некоторый сдвиг в сторону вербального неприятия коррупции, само по себе наличие высшего образования у молодежи этого возраста вряд ли способствует как более высокой мотивации ее неучастия в коррупции, так и более высокой социальной активности в поддержке мер противодействия коррупции. В этой особенности сознания молодежи с высшим образованием, по-видимому, проявляется сравнительно низкая значимость рациональных аргументов в выборе ими антикоррупционного поведения.

Для молодежи с высшим образованием, более того, вполне рациональным представляется использование коррупционных действий, совершаемых ими самими или иными лицами в их интересах, для решений тех или иных проблем. Как уже отмечалось выше, по результатам вторичного анализа данных 2001 и 2005 гг. в уровень патернализма оказался статистически существенно более высоким у молодежи 18–25 лет без высшего образования в сравнении теми, кто в том же возрасте его имел. Получается, что высшая школа довольно активно разрушает приверженность патернализму в сознании своих выпускников, но взамен способствует созданию социальной среды и социальных институтов, направляющих их на решение своих проблем с помощью коррупционных социальных практик вместо ожидания их решения государством. В такой ситуации вполне рациональным для подавляющего большинства молодежи 18–25 лет будет не принимать активного участия в противодействии коррупции, поскольку иначе они лишатся реальной возможности решать многие свои социальные проблемы. Формированием такой рациональности и развитием социальных практик взяточничества и других видов коррупции в высшей школе, сходных с теми, которые применяются вне нее, российская высшая школа способствует распространению коррупции в России. Эту гипотезу желательно проверить в последующих исследованиях коррупции в высшем образовании и в других сферах деятельности в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высшее образование в России. Аналитический доклад / Под ред. В.Л. Глазачева. М., 2004 // http://www.glazyshev.ru/projects/obrdocl/2004_obrdocl.htm.
2. Гавров С.Н., Никандров Н.Д. Образование в процессе социализации личности // Вестник УРАО. 2008. № 5 // http://www.vestnikurao.ru/pdf/VESTNIK_URAO_5-2008r.pdf.
3. Занушек Э., Вессман Л. Роль качества образования в экономическом росте (часть 1) // Вопросы образования. 2007. № 2.
4. Российская коррупция: Уровень, структура, динамика / Под ред. Г.А. Сатарова. М.: Фонд ИНДЕМ, 2010. Готовится к печати.

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ: СКОЛЬКО СТОИТ БЫТЬ СТУДЕНТОМ?

ГАЛИЦКИЙ Е.Б.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга фирмы,
Государственный университет — Высшая школа экономики,
e-mail: egalit@yandex.ru;

ЛЕВИН М.И.,

доктор экономических наук,
заведующий кафедрой микроэкономического анализа,
Государственный университет — Высшая школа экономики,
e-mail: mlevin@mail.ru

Статья посвящена проблемам, возникающим в связи с тем, что в российской сфере образования сегодня соседствуют и переплетаются два механизма функционирования — официальный и неофициальный, коррупционный. В статье приводятся оценки размеров коррупционных платежей, осуществляемых домохозяйствами на разных стадиях образовательного процесса, причем основное внимание уделено стадии поступления в вуз и, отчасти, стадии обучения в вузе. Демонстрируются и обсуждаются на качественном уровне некоторые аспекты воздействия на коррупционную составляющую затрат повсеместного распространения системы приема в вузы по результатам ЕГЭ. Эмпирической основой статьи служат результаты репрезентативных опросов домохозяйств, регулярно проводившихся Фондом «Общественное мнение» и НИУ-ВШЭ по заказу Министерства образования и науки РФ с 2002 по 2008 г.

Ключевые слова: институциональная коррупция; высшее образование; взятки; ЕГЭ.

The article deals with the problems related to combination and close interweaving of two mechanisms of functioning – official and unofficial (corruption) – in modern education in Russia. The assessments of illegal payments paid by households on different stages of the educational process are given in the article. The main attention is paid to the stage of entering the HEI and partly to the process of learning. Certain aspects of influence of wide spread occurrence of enrolment system based on Russian National Exam results over the illegal component of costs are demonstrated and discussed on a qualitative level. Results of representative surveys of households, interviewed regularly by «Public Opinion» Foundation and NRU – HSE ordered by Department of Education and Science of Russian Federation in 2002–2008, form the empirical basis for the article.

Keywords: institutional corruption; higher education; bribes; Russian National Exam.

Коды классификатора JEL: I21, K42.

Выбор образовательной траектории носит для человека во многом судьбоносный характер. Родители, а также сам молодой человек или девушка выбирают образовательную траекторию детей и совместно с государством обеспечивают ее финансовую (т.е. изучаемую в рамках настоящего исследования) поддержку. Финансовое участие семьи в образовании ребенка имеет место практически всегда, но его размеры варьируются в широких пределах, что позволяет относить образовательный выбор к разряду платежеспособных выборов. Поэтому траты, производимые семьями на разных стадиях образовательного процесса ребенка, могут служить важными индикаторами формирования будущей образовательной структуры российского населения.

Есть и еще аспект проблемы. Надо сказать, что имеет значение не только размер инвестиций семьи на той или иной стадии образования, но и их структура. Это важно, в частности, постольку, поскольку заметная часть затрат на образование сегодня носит скрытый, теневой характер, что ведет к прорастанию в теле системы образования «раковой опухоли» — рынка знаков образования. Важно, что та или иная организационная форма системы образования может как способствовать, так и противодействовать росту этой опухоли.

Остановимся на российских реалиях. В условиях современной России прямые траты семей, связанные с поступлением ребенка в вуз, складываются из расходов на подготовку и собственно на поступление. Затраты на подготовку включают в себя плату за обучение на подготовительных курсах и за уроки частных репетиторов. К той же категории относятся покупка книг и иных печатных материалов, необходимых для обучения, расходы на ксерокопирование материалов и т.п. Сюда же можно отнести официальную оплату разного рода тестирования, проводимого до вступительных экзаменов в вуз (пробных экзаменов, олимпиад и т. д.). В свою очередь, затраты на поступление могут включать в себя оплату проезда в другой город для сдачи экзаменов (и обратно), оплату проживания в период сдачи экзаменов, а также официальную плату за медицинскую комиссию, оформление документов и вступительные экзамены. Анализ этих трат интересен уже потому, что согласно Закону «Об образовании» государственные вузы должны принимать документы и проводить экзамены совершенно бесплатно, в том числе при приеме для обучения на коммерческой основе. Тем не менее, наряду с вышеперечисленными тратами, некоторые семьи вносят так называемый, официальный вступительный (спонсорский) взнос. Более того, в ряде случаев возникают и неофициальные платежи: за более мягкое отношение к ребенку при оформлении документов, на медкомиссии и т. д., а также за помощь на вступительных экзаменах или при зачислении.

Наряду с этим, в последние годы в связи с повсеместным распространением приема в вуз по результатам ЕГЭ становится все более актуальной оценка размеров и структуры затрат домохозяйств, связанных с подготовкой к сдаче и собственно сдачей единого государственного экзамена (ЕГЭ). Надо отметить, что хотя этот новый институт был внедрен после достаточно длительного тестирования, его сегодняшняя реализация вызывает много справедливых нареканий.

Прежде всего, существующая система сдачи ЕГЭ в недостаточной мере защищена от преступного вмешательства со стороны. Надо сказать, что главная идея, лежащая в основе ЕГЭ, — реализация принципа единства требований ко всем без исключения выпускникам учреждений среднего образования, на практике пока еще реализована не в полной мере, так как есть возможность вмешательства в процесс сдачи ЕГЭ. В итоге, например, учащиеся маленьких деревенских школ зачастую имеют больше шансов, что им помогут при сдаче ЕГЭ, чем учащиеся городских школ. В связи с этим нередко жители городов переводят своих детей-старшеклассников учиться в деревню. Заметим, кстати, что сама возможность такого вмешательства создает почву для коррупции.

Серьезным просчетом разработчиков существующей версии системы ЕГЭ является то, что в зависимости от успешности сдачи этих экзаменов поставлена оценка работы образовательных учреждений, городских, сельских, районных и региональных органов системы образования. Это порождает стимул к подтасовке результатов ЕГЭ, причем в заведомо проигрыше оказываются наиболее честные преподаватели, школы и руководители системы образования. Из-за этой ошибки создан, по сути, механизм отбора в руководящие органы системы образования на местах наиболее беспринципных, а то и нечистых на руку людей. Можно сказать, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

Есть, думается, и другие недостатки в существующей системе ЕГЭ. Однако наличие недостатков не может, на наш взгляд, служить основанием к тому, чтобы «выплескивать с водой ребенка». Надо целенаправленно совершенствовать эту систему, для чего нужны специальные исследования. В частности, надо собирать многочисленные кейсы, демонстрирующие существующие проблемы. Эти кейсы, например, разбросаны на многих и многих страницах Интернета, люди часто размещают во всемирной сети рассказы о том, что с ними случилось. Все это позволит быстро исправить недостатки существующей системы ЕГЭ.

Однако речь должна идти не только о ЕГЭ, и даже не столько о ЕГЭ, сколько о коррупционности системы российского образования в целом. Коррупция в образовании может служить лакмусовой бумажкой здоровья государственной машины вообще. Во-первых, со сферой образования сталкиваются практически все, а следовательно, о ситуации в этой сфере осведомлен почти каждый. Во-вторых, взятки, которые берутся с домохозяйств, — это начальное звено длинной коррупционной цепочки. Из этих неофициальных средств оплачиваются преступные «услуги» разного рода проверяющих учебные заведения, подкупаются работники правоохранительных органов, призванных выявлять случаи коррупции и т.п.

Многое можно сделать для того, чтобы уменьшить коррупционную составляющую образования. В частности, необходимо разработать систему наказаний за нарушение правил. Речь идет не об Уголовном кодексе: там многое «прописано», но применить эти положения на практике зачастую оказывается невозможно, так как доказать факт дачи взятки обычно не удается. А вот ввести четкую систему административного наказания за нарушение правил, которое могло быть инициировано фактом дачи взятки, вполне возможно.

Поясним сказанное примером. Одному школьнику задним числом исправили проставленные в журнал оценки. Комиссия выявила это нарушение и приняла решение... всего лишь вернуть «подчищенные» оценки обратно в журнал. Ни директор школы, ни ответственные за нарушение работники не понесли никакого наказания. Это ли не благодатная почва для коррупции?!

Многие факты коррупции нередко даже не пытаются скрывать. Так, заместитель декана в одном уважаемом вузе делает все, чтобы на проверочных экзаменах подсказывали. Преподаватели требуют взятки и подарков, и об этом все знают. Вообще создание искусственных барьеров на пути детей, имеющих право на хорошее образование, — дело очень выгодное. Насколько мы знаем, во многих

вузах можно попасть в серьезную переделку, если вовремя не заплатить нужному человеку. Так, один студент был исключен из вуза только за то, что не сдал вовремя всего лишь одну лабораторную работу. Самое удивительное то, что о существовании этой лабораторной работы учебная часть вспомнила с опозданием, лишь тогда, когда оказалось, что молодой человек против обыкновения не поздравил работников деканата с Новым годом. Через год он восстановился и с тех пор вовремя приносит подарки. Дети быстро усваивают уроки.

С другой стороны, тех же преподавателей вынуждают к тому, чтобы натягивать оценки. В другом вузе дипломник, пришедший познакомиться со своим научным руководителем, был ошарашен вопросом: «Ты сам диплом писать будешь или тебе телефончик дать?» Почему у нас возможны столь вопиющие факты? Что делает их возможными? По нашему мнению, это, во-первых, высокая готовность россиян к тому, чтобы вступить друг с другом в неофициальные, в том числе, коррупционные отношения. Эмпирические данные такого рода будут приведены ниже. Во-вторых, это недостаточная проработанность образовательных механизмов на предмет выявления в них коррупциогенной составляющей. У нас нет единой продуманной системы мер по предупреждению коррупции.

Например, в вузах Великобритании лица, участвовавшие в составлении экзаменационных задач, не имеют права не только участвовать в проведении экзамена, но и находиться близко к тому месту, где он проводится. Нам тоже надо идти по пути введения такого рода ограничений. Например, нельзя, чтобы среди тех, кто проводит экзамен, были те, кто учил.

Далее, если вернуться к ЕГЭ, то неясно, почему кто-то должен заранее, а не прямо на экзамене у всех на виду, вскрывать конверт с экзаменационными заданиями? Еще правильнее было бы вообще исключить из этой системы архаичные конверты и получать конкретные, предназначенные для определенного места сдачи экзамена, задания непосредственно через Интернет, причем в момент начала экзамена, в присутствии экзаменуемых. Иного способа узнать задания быть не должно. Необходим строгий общественный контроль, чтобы начало экзамена не откладывалось. Стоит поддержать и другое предложение: установить на местах сдачи ЕГЭ так называемые «глушилки», исключающие возможность пользования на экзамене мобильными телефонами. Такого рода меры существенно повысят «взяткоустойчивость» системы ЕГЭ. Но при одном условии: если будут предприняты продуманные усилия по информированию тех, кто сдает экзамен, и их родителей о том, как эти экзамены должны, а как не должны проводиться.

Перейдем теперь к вопросу о распространенности и размерах коррупции в России на стадиях поступления и учебы в вузе. Сделаем, прежде всего, важное замечание. Всякий раз, когда речь идет о размерах коррупции, представляют повышенный интерес межстрановые сравнения. Сообщения на эту тему время от времени появляются. Однако, хотя семьи несут те или иные расходы, например, на переходе «школа — вуз», во всех странах мира, сопоставления такого рода весьма затруднительны. Сбор и приведение в сопоставимый вид соответствующих данных представляют собой специальную задачу и требуют проведения большого исследования, которое должно включать в себя ряд этапов.

Во-первых, необходимо осуществить сравнительное описание системы предоставления образовательных услуг, а именно выяснить, какие конкретно услуги и в каком объеме предоставляются со стороны государства бесплатно или за заранее установленную плату, а за какие может взиматься дополнительная плата.

Во-вторых, необходимо разработать систему соответствующих индикаторов (статей затрат) и привести их в сопоставимый вид.

В-третьих, необходимо провести дифференциацию этих показателей, прежде всего, по видам образования. Например, поступление в частный колледж, в высшую техническую школу и в университет может финансироваться по-разному. В одних странах плата за поступление может взиматься, а в других — нет. И если плата за поступление взимается, ее размеры могут различаться в зависимости от сложности образовательной программы.

Существенное влияние на изучаемые денежные потоки оказывает наличие или отсутствие в тех или иных странах, наряду с легальной, еще и нелегальной формы подготовки к поступлению в вузы. Например, в тех странах, где поступление осуществляется на основании некоторых единых тестов, более или менее аналогичных ЕГЭ, плата за подготовку к ним заметно отличается как по размеру, так и по содержанию от платы за «натаскивание» детей на сдачу вступительных экзаменов в конкретные вузы в тех странах, где такие экзамены проводятся.

Следует отметить, что система подготовки к вступительным экзаменам может быть тесно связана с системой текущего обучения. Например, в стране могут учитываться при поступлении в вуз оценки и рейтинги, накопленные при обучении в средних учебных учреждениях, или итоги участия ребенка в различных конкурсах, соревнованиях и т.п. В этих случаях соответствующие затраты, по сути, должны учитываться в затратах на подготовку к поступлению в вуз.

Таким образом, для обеспечения сопоставимости данных по России с зарубежными данными необходимо разработать принципы анализа затрат семей из разных стран на поступление в вуз. Но следует оценивать не только прямые затраты непосредственно на поступление в вуз, но и многочисленные косвенные затраты, связанные с развитием ребенка. Задача эта достаточно сложная даже для анализа в рамках одной страны. Так, судя по результатам проведенных авторами глубинных интервью, сегодня в России родители нередко сталкиваются с дилеммой. К чему предпочтитель-

нее готовить ребенка: к сдаче школьных экзаменов и ЕГЭ или к участию в различных олимпиадах и конкурсах? Ясно, что действия и, соответственно, затраты, необходимые для успешной реализации каждой из этих стратегий, различны. При этом если выбор первой стратегии во многом гарантирует успех и в конечном итоге — поступление в вуз, то результат выбора второй стратегии носит в высокой степени вероятностный характер.

В целом можно отметить, что анализ применяемых в разных странах схем поступления в вуз, как преодоления барьера к входу, представляется авторам весьма интересным и с точки зрения эффективности подготовки специалистов, и с точки зрения социальной справедливости. Однако в связи с вышеперечисленными обстоятельствами такого рода данными мы не обладаем и касаться ситуации в других странах в данной статье не будем.

Траты семей на образование, в том числе коррупционная составляющая этих трат, изучаются по данным репрезентативных опросов домохозяйств, проходящих в рамках проекта «Мониторинг экономики образования» (МЭО). Эти опросы проводились Фондом «Общественное мнение» и НИУ-ВШЭ по заказу Министерства образования и науки РФ, начиная с осени 2002 г. Опросы проходили ежегодно за исключением 2009 г.¹ Таким образом, последние опросы проходили осенью 2008 г. и описывали ситуацию, существовавшую в 2007/08 учебном году.

Каждый год семьи с детьми в возрасте от 4 до 22 лет отфильтровывались по месту жительства из 9 000 семей, образующих общероссийскую выборку², и 3 000 семей, образующих специальную московскую выборку³. Чтобы избежать существенных смещений из-за отказа многих семей от участия в исследовании, использовалась каждый раз новая выборка семей, т.е. каждого респондента просили дать интервью один раз, а не сотрудничать с исследователями на протяжении нескольких лет. В каждом домохозяйстве, в котором есть ребенок, задавались вопросы о тратах на его образование в течение учебного года (с сентября прошлого года по август текущего)⁴.

Для замера отдельных статей расходов респондентам предлагался перечень возможных трат на соответствующей стадии учебного процесса. Их спрашивали, сколько было потрачено по каждой статье. Ответы респондентов позволяли напрямую рассчитать затраты, понесенные семьей. Сразу отметим, что для определения размера коррупционных трат прямые оценки заведомо очень занижены. Поэтому прямые оценки дополняются косвенными, рассчитанными по другим вопросам анкеты.

Анализ проводился отдельно для московских, отдельно для остальных семей, поскольку траты на поступление для этих семей очень сильно различаются. Действительно, в столице сконцентрировано значительное число уникальных учебных заведений, москвичам чаще всего нет нужды куда-либо ездить на обучение, соответственно, им, как правило, не нужны общежития, съемное жилье и т.п. С другой стороны, в столице на протяжении ряда лет тормозилось развитие системы приема в вузы по результатам единого государственного экзамена (ЕГЭ), что также могло наложить отпечаток на структуру трат семей.

Изучались траты семей, связанные с обучением детей, на следующих этапах образовательного процесса:

- воспитание и образование до школы;
- учеба в школе;
- учеба в начальных профессиональных учебных заведениях;
- поступление в средние профессиональные учебные заведения;
- учеба в средних профессиональных учебных заведениях⁵;
- поступление в вузы;
- учеба в вузах.

В данной статье мы будем касаться лишь двух последних стадий образовательного процесса. Затраты, связанные со сдачей ЕГЭ, до сих пор не рассматривались отдельно. Их планируется выделить в ходе последующих опросов.

Приведем соответствующие результаты, полученные прямым методом, сначала для поступления в вузы.

Таким образом, если предположить, что никто из респондентов, не «сознавшихся» в даче взятка, взятка не давал, то есть, если ориентироваться лишь на прямые, «лобовые» вопросы анкеты, получается, что, например, в 2007/08 учебном году взятки за поступление ребенка в вуз давали только

¹ Исключением стала и четвертая волна МЭО: опросы, которые должны были проходить осенью 2005 года, удалось провести лишь весной следующего, 2006 года. Из-за этого пришлось замерять затраты, относящиеся не к 2003/04 учебному году, а к первому полугодю 2004/05 учебного года. Относительно же 2003/04 года, удалось оценить лишь траты на подготовку в ссузы и вузы, да и то неточно: момент трат от момента интервью отделяло слишком много времени, и многие респонденты забыли, сколько тратили. Таким образом, отсутствует еще одна точка временного ряда.

² Эта выборка в определенной пропорции включала в себя, естественно, и московские семьи.

³ В выборку общероссийского опроса путем трехступенчатого случайного отбора было включено 314 избирательных участков из 203 населенных пунктов, которые, в свою очередь, входят в 63 субъекта Российской Федерации. В выборку московского опроса включено 100 избирательных участков столицы. Методика построения выборки изложена в [1].

⁴ Кроме семей с детьми изучались семьи, в которых есть взрослый, обучавшийся в том или ином учебном заведении, на курсах и т.п. Данные по учебе взрослых в данной статье не приводятся.

⁵ Такие учебные заведения далее для краткости условно называются техникумами.

в 3,3% случаев, и каждая такая взятка составляла в среднем 2,7 тыс. руб. Приведем аналогичные данные по обучению в вузах.

По обучению в вузах, как мы видим, наблюдается сходная картина: если верить «признаниям» респондентов, то доли дававших взятки измеряются величиной порядка 3–7%, а сумма взяток составляет примерно 2–3 тыс. руб. в год.

В то же время, подход, когда респондентов напрямую спрашивают, были ли у их семьи те или иные траты и если были, то каков был их размер, неприменим, когда речь идет о теневых, коррупционных тратах. Есть основания думать, что значительная часть респондентов из семей, дававших взятки, не решались сообщать об этом незнакомому человеку. Сообщили же преимущественно те, кому не страшно, т.к. они имели в виду лишь сравнительно недорогие подарки.

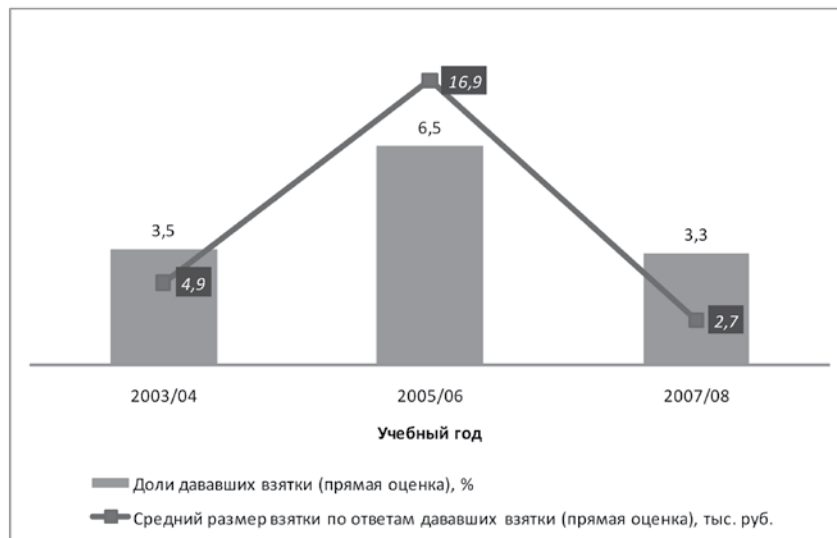

Рис. 1. Прямые оценки распространенности и среднего размера взятки за поступление в вуз.
Прямая оценка, Россия в целом

(Данные об ответах респондентов, в семьях которых был абитуриент, на вопросы: «На что из перечисленного Вы, Ваша семья тратили деньги в прошлом учебном году в связи с подготовкой и поступлением ребенка в вуз?» и «Сколько примерно составила каждая из названных Вами трат в течение прошлого учебного года?». Позиция: «Подарки или плата за помощь на вступительных экзаменах или при зачислении»)

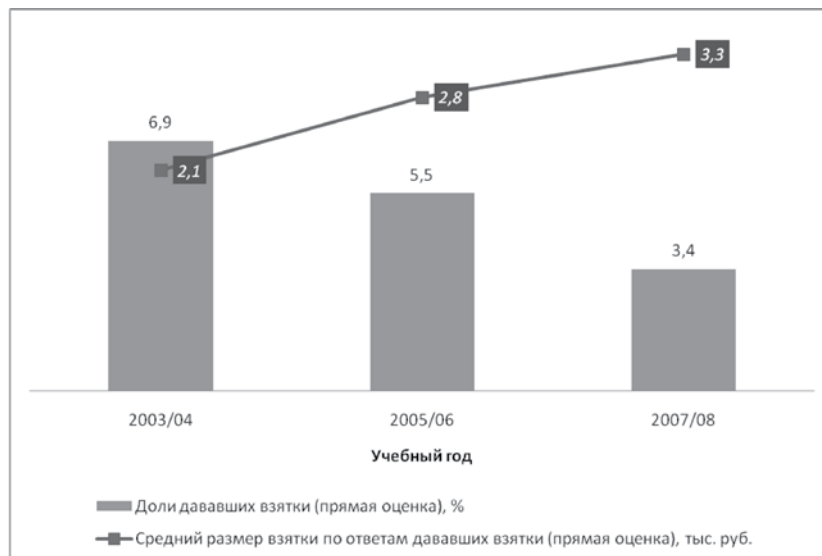

Рис. 2. Прямые оценки распространенности и среднего размера взятки при обучении в вузе.
Прямая оценка, Россия в целом

(Данные об ответах респондентов, в семьях которых был студент вуза, на вопросы: «На что из перечисленного Вы, Ваша семья тратили деньги в прошлом учебном году в связи с учебой ребенка?» и «Сколько примерно составила каждая из названных Вами трат в течение прошлого учебного года?». Позиция: «Индивидуальные подарки или плата за оценки на экзаменах, перевод на следующий курс, на другое отделение и т. д.»)

Учитывая сказанное, раз в два года применялся еще и иной — косвенный — подход к замеру коррупционных потоков. Согласно этому подходу респондентам задавалось четыре вопроса для косвенной оценки теневых расходов. Например, в семьях, в которых есть студент, задавались следующие вопросы⁶.

Вы слышали или не слышали о случаях, когда в таком вузе, как Ваш, неофициально платят за то, чтобы студенту помогали на экзаменах, переводили на другой курс и т. д.? (Один ответ.)⁷

1. слышал(-а)
2. не слышал(-а)
3. затрудняюсь ответить

Как Вы думаете, о какой примерно сумме платежей за студента в рублях за весь учебный год может идти речь в таких вузах (техникумах и т.п.), как Ваш? (Интервьюер! Запишите числом сумму, названную респондентом. Если респондент затрудняется ответить, оставьте позицию пустой.)

руб.

А если бы представилась такая возможность, Вы стали или не стали бы платить, чтобы Вашему ребенку неофициально помогали на экзаменах, переводили на другой курс и т. д.? (Один ответ.)

1. безусловно, да
2. скорее да
3. скорее нет
4. безусловно, нет
5. затрудняюсь ответить

У Вашей семьи есть материальная возможность неофициально заплатить или такой возможности нет? (Один ответ.)

1. безусловно, есть
2. скорее есть
3. скорее нет
4. безусловно, нет
5. затрудняюсь ответить

Аналогичные вопросы задавались относительно коррупционных трат на стадии поступления в вузы, а также относительно других стадий учебного процесса.

Приведем полученные данные сначала для стадии поступления в вуз (рис. 3).

Судя по ответам на приведенный выше вопрос, о случаях коррупции при поступлении в вуз в 2007/08 учебном году слышали реже, чем до этого. При этом типичный размер взятки за поступление, как представляется респондентам, составляет в среднем 94,1 тыс. руб. и по сравнению с предыдущим замером почти не изменился. Заметим: это более чем на порядок превышает приведенные выше прямые, «лобовые» оценки взяток.

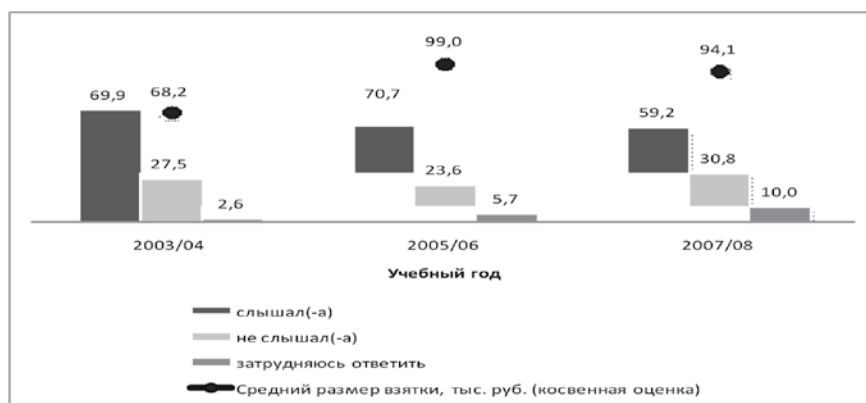

Рис. 3. Информированность о случаях взятничества при поступлении в вуз и косвенная оценка типичного размера такой взятки. Россия в целом

(Данные об ответах респондентов, в семьях которых был абитуриент на вопросы: «Вы слышали или не слышали о случаях, когда люди платят кому-нибудь, чтобы абитуриенту неофициально помогли при сдаче вступительных экзаменов и зачислении в такое, как Ваше, высшее учебное заведение?» и «Как Вы думаете, в таких случаях о какой примерно сумме неофициальных платежей за прием ребенка в такой вуз, как Ваш, может идти речь?»)

⁶ Идея задавать в таких исследованиях первые три из приведенных выше четырех вопросов выдвинута Г.А. Сатаровым, за что авторы выражают ему искреннюю благодарность.

⁷ Остальные три вопроса задавались только респондентам, положительно ответившим на первый вопрос.

Приведем теперь аналогичные данные о коррупции на стадии обучения в вузе (рис. 4).

Легко заметить, что с коррупцией при обучении в вузе ситуация несколько иная, чем при поступлении: доля тех, кто информирован о таких случаях, при последнем замере тоже снизилась, но очень незначительно, лишь на 5 пп., тогда как типичный размер взятки вырос почти вдвое, достигнув 33,9 тыс. рублей за учебный год.

Посмотрим, как обстоят дела с готовностью самих респондентов к коррупционному поведению (рис. 5).

Более всего поражает в приведенных данных то, что на протяжении всех лет доля тех, кто категорически отвергает возможность дать взятку за поступление ребенка в вуз, была относительно стабильной и не превышала трети. Остальные в той или иной степени допускают такую возможность. Однако, доля тех, кто безусловно готов дать взятку, последовательно снижалась с 15% в 2003/04 учебном году до 5,8% в 2007/08 учебный год, а доля не готовых, но склоняющихся к коррупционному поведению с 2005/06 по 2007/08 учебный год снизилась с 22,8% до 16,7%. Таким образом, уровень готовности населения к коррупционному поведению на стадии поступления ребенка в вуз демонстрирует тенденцию к снижению.

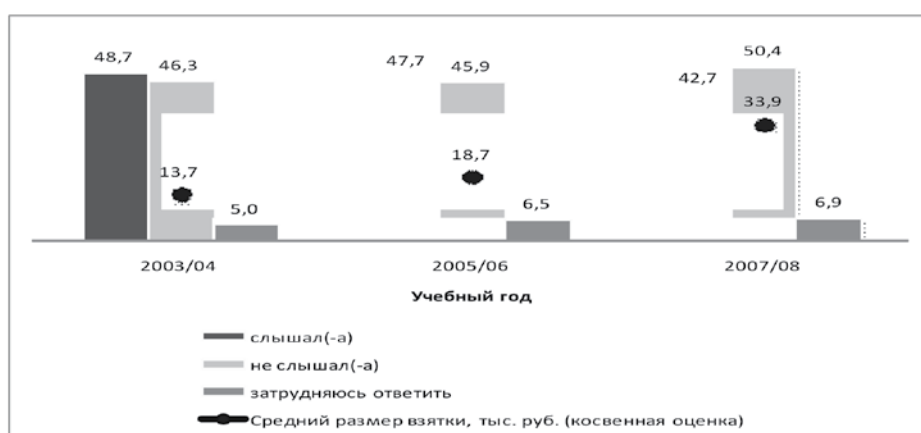

Рис. 4. Информированность о случаях взяточничества при обучении в вузе и косвенная оценка типичного годового размера взяток за обучение одного студента. Россия в целом

(Данные об ответах респондентов, в семьях которых был абитуриент, на вопросы:

«Вы слышали или не слышали о случаях, когда в таком вузе, как Ваш, неофициально платят за то, чтобы студенту помогли на экзаменах, переводили на другой курс и т. д.?» и «Как Вы думаете, о какой примерно сумме платежей за студента в рублях за весь учебный год может идти речь в таких вузах, как Ваш?»)

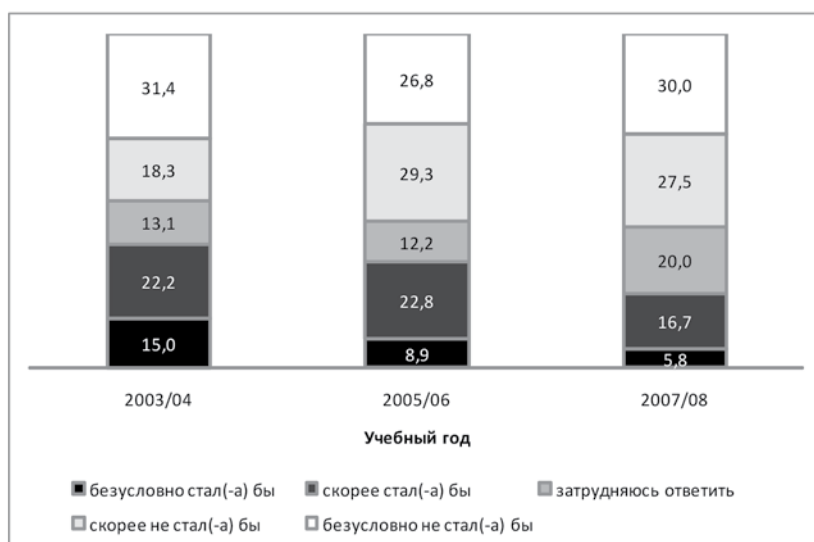

Рис. 5. Склонность к коррупционному поведению при поступлении ребенка в вуз. Россия в целом.

(Распределение ответов респондентов, в семьях которых был абитуриент, на вопрос: «Если бы Вам представилась такая возможность, Вы стали или не стали бы неофициально платить кому-то за поступление Вашего ребенка в вуз?»)

На стадии обучения в вузе доля исключавших для себя возможность дать взятку примерно такая же, как и на стадии при поступлении — примерно треть. А вот доля безусловно склонных к коррупционному поведению здесь, в отличие от стадии поступления в вуз, не снижается. Взятку за неофициальную помощь на экзаменах, перевод на другой курс и т.д. безусловно готовы дать почти в каждой десятой семье, где есть студент.

Суммируя сказанное относительно двух рассмотренных нами стадий образовательного процесса, можно отметить: коррупционное поведение на сегодняшний день общество недопустимым не считает; лишь меньшинство — примерно треть респондентов — не допускают для себя возможности дать за ребенка взятку. Таким образом, люди в целом честнее не становятся. Поэтому можно предположить, что обсуждавшаяся чуть выше тенденция к снижению доли склонных дать взятку на стадии поступления в вуз связана с постепенным переходом к приему по результатам ЕГЭ, т.е. к ситуации, когда в вузе просто не за что давать взятки при поступлении.

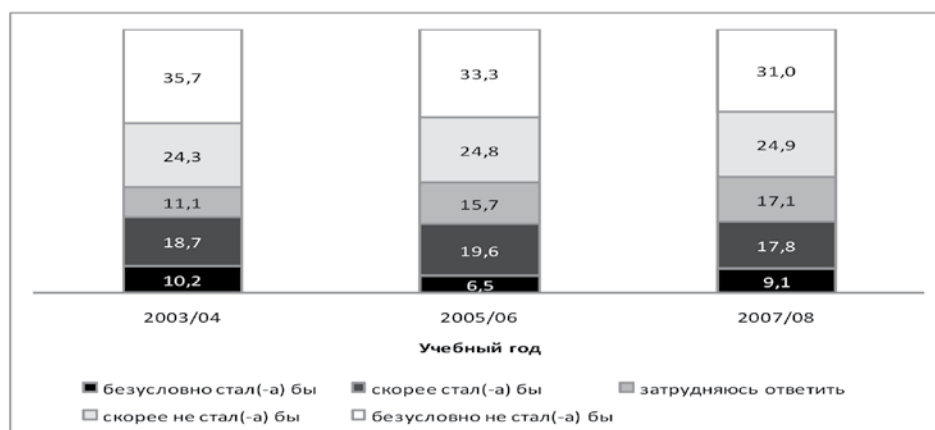

Рис. 6. Склонность к коррупционному поведению при обучении ребенка в вузе. Россия в целом

(Распределение ответов респондентов, в семьях которых был абитуриент, на вопрос: «Если бы представилась такая возможность, Вы стали или не стали бы платить, чтобы Вашему ребенку неофициально помогли на экзаменах, переводили на другой курс и т.д.?»)

Если наше предположение относительно влияния ЕГЭ оправдано, при поступлении в вуз детей из московских семей готовность давать взятки не должна снижаться, поскольку в столице распространение ЕГЭ шло замедленными темпами. Чтобы убедиться, что это действительно так, приведем соответствующие данные по Москве (рис. 7).

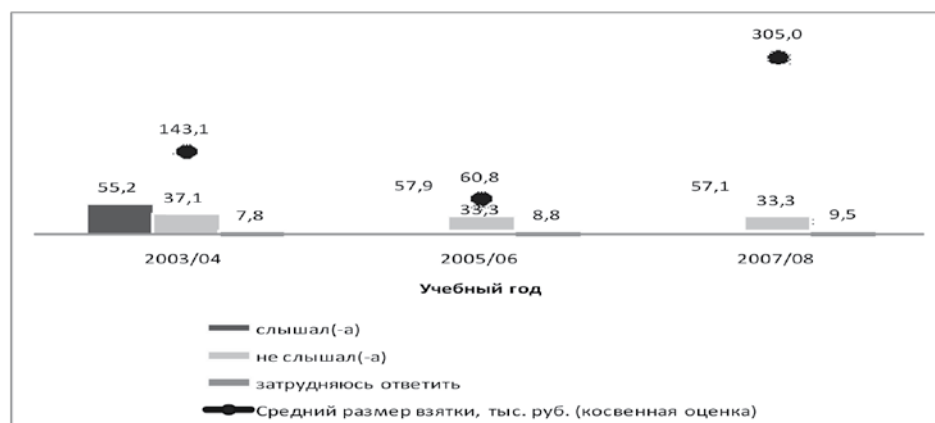

Рис. 7. Информированность о случаях взяточничества при поступлении в вуз и косвенная оценка типичного размера такой взятки. Москва

(Данные об ответах респондентов, в семьях которых был абитуриент, на вопросы: «Вы слышали или не слышали о случаях, когда люди платят кому-нибудь, чтобы абитуриенту неофициально помогли при сдаче вступительных экзаменов и зачислении в такое, как Ваше, высшее учебное заведение?» и «Как Вы думаете, в таких случаях о какой примерно сумме неофициальных платежей за прием ребенка в такой вуз, как Ваш, может идти речь?»)

Мы видим, что доля москвичей, которые слышали о случаях взяточничества, в отличие от аналогичной доли среди россиян в целом, не снижается. Аналогично, средний размер взятки, с точки зрения москвичей, в 2007/08 учебном году резко вырос, а не остался на прежнем уровне, как по стране в целом.

Следующий рисунок (рис. 8) иллюстрирует динамику склонности московских семей, в которых есть абитуриент, к коррупционному поведению.

Мы видим, что в отличие от страны в целом, в столице в 2007/08 учебном году была зафиксирована самая высокая за все время наблюдений готовность к даче взяток за поступление ребенка в вуз. Так, почти вдвое (с 45,6 до 23,8% снизилась доля семей, исключаящих для себя возможность такого коррупционного поведения, а доля семей, которые, безусловно или скорее дали бы взятку, возросла с 2005/06 учебного года с 14,0 до 23,8%, почти вернувшись на уровень 2003/04 учебного года (25,8%).

Таким образом, данные опросов, по крайней мере, не противоречат предположению о том, что склонность давать взятки за поступление в вуз в целом по стране снижается, благодаря внедрению ЕГЭ.

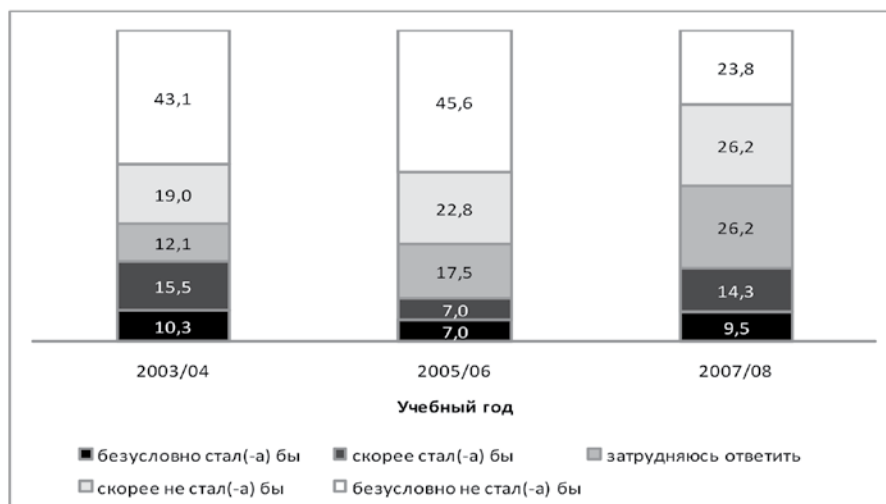

Рис. 8. Склонность к коррупционному поведению при поступлении ребенка в вуз. Москва

(Распределение ответов москвичей, в семьях которых был абитуриент, на вопрос: «Если бы Вам представилась такая возможность, Вы стали или не стали бы неофициально платить кому-то за поступление Вашего ребенка в вуз?»)

Как уже отмечалось, в силу ненадежности прямых оценок коррупционных трат, в рамках МЭО производилась их косвенная оценка, которая осуществлялась на основании ответов респондентов на четыре вопроса: об информированности о случаях взяточничества, о типичном размере взятки, а также о готовности и материальной возможности дать взятку. Коррупционные траты рассчитывались исходя из предположения, которое иллюстрирует таблица 1.

Таблица 1

Вероятность реальной дачи взятки в группах респондентов, по-разному ответивших на вопросы анкеты (предположение, лежащее в основе косвенных оценок)

Если бы представилась такая возможность, Вы стали или не стали бы платить, чтобы Вашему ребенку неофициально помогли...?	У Вашей семьи есть материальная возможность неофициально платить или такой возможности нет?		
	безусловно, да	скорее да	другие ответы
безусловно, да	50%	50%	0
скорее да	50%	25%	0
другие ответы	0	0	0

Поясним суть этой таблицы. По предположению, взятки реально давала половина респондентов, которые были безусловно или скорее готовы дать взятку и при этом безусловно или скорее имели такую материальную возможность. Исключение составляют лишь те, кто оба раза ответил положительно, но с элементами сомнения. Мы предполагаем, что реально давала взятки не каждая вторая, а каждая четвертая такая семья.

Размер же взятки определялся путем усреднения соответствующих оценок, данных респондентами. Однако не всеми, а лишь теми, кто безусловно или скорее готовы дать взятку.

Естественно, приведенные выше предположения носят достаточно умозрительный характер. Проверить, действительно ли каждый второй или каждый четвертый респондент из той или иной группы реально давал взятки, невозможно. Важно, однако, что приведенная выше методика была закреплена в самом начале мониторинга, что делает возможным изучение динамики коррупционного

поведения россиян в сфере образования. Приведем соответствующие данные для стадии поступления в вуз.

На следующем рисунке (рис. 9) показано, сколько в среднем тратила на взятки за поступление ребенка в вуз семья, в которой был абитуриент. Эти данные рассчитаны следующим образом: суммарные коррупционные расходы тех, кто по предположению давал взятки, были распределены между всеми семьями, в которых был абитуриент.

Мы видим, что по стране в целом за период с 2003/04 по 2005/06 учебный год резко — более чем втрое, с 2,7 до 9,5 тыс. руб., — вырос объем коррупционных платежей. Еще через два года, в 2007/08 учебном году, объем коррупционных платежей уменьшился до 2,9 тыс. руб., т.е. практически вернулся к уровню четырехгодичной давности. При этом в столице два последних замера зафиксировали практически одинаковый размер коррупционных платежей: 7,1 и 6,8 тыс. руб. соответственно. Как нам представляется, снижение размера взяток за поступление в вуз по стране в целом при сохранении их прежнего уровня в столице можно, как уже говорилось, объяснить распространением в стране приема в вузы на основании ЕГЭ и относительно более медленным развитием этого процесса в столице.

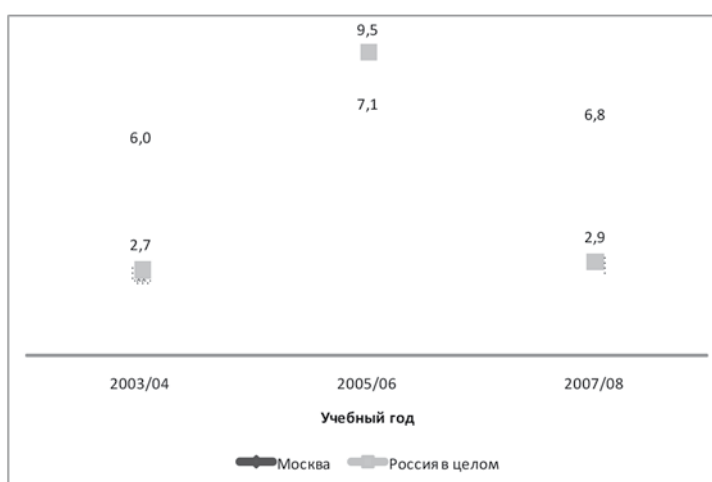

Рис. 9. Средние размеры коррупционных затрат в расчете на одного абитуриента (косвенная оценка), тыс. руб.

(Суммарные взятки семей, которые по предположению их давали, условно распределены поровну между всеми семьями с абитуриентами вузов)

У нас, конечно, нет доказательств, что обнаруженная динамика коррупционных платежей объясняется именно распространением ЕГЭ. Мы только отмечаем, что существующие эмпирические данные не противоречат такому предположению. В то же время не исключено, что часть коррупционных платежей, которая ранее поступала в сферу высшего образования, теперь перенаправлена в структуры, связанные с приемом ЕГЭ. Анкеты репрезентативных опросов, проводившихся в рамках МЭО, не содержали вопросов, позволяющих оценить эти новые коррупционные потоки. Эту проблему предполагается всесторонне изучить в рамках будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационный бюллетень МЭО. 2007. № 3.

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

ГРОШЕВ И.Л.,

кандидат социологических наук,
доцент кафедры маркетинга и муниципального управления,
Тюменский государственный нефтегазовый университет,
e-mail: grosh@nextmail.ru;

ГРОШЕВА И.А.,

кандидат социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой философии и социально-гуманитарных наук,
Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права,
e-mail: grosh@nextmail.ru

Эффективность противодействия коррупции в России на современном этапе может обеспечить лишь комплексный подход, предполагающий согласованное воздействие на всю совокупность факторов, обуславливающих коррупционную деятельность. Среди базовых причин, затрудняющих разработку механизма противодействия коррупции, важнейшими являются: юридическая неопределенность понятия «коррупция», ее структуры и содержания; длительный временной лаг получения результатов от предпринимаемых усилий, что нивелирует возможность оперативной корректировки планов и программ; невозможность локализации явления и поэтапного нивелирования ее негативных воздействий на социум; установление прерогативы в борьбе с коррупцией только за силовыми структурами государства и т.д. Образование есть ключевой элемент контрдействий коррупционным деяниям в силу высокой величины воздействия на сознание молодежи и продолжительности этого воздействия. Авторы на основе анализа ситуации приходят к выводу о необходимости тотального социального контроля за всеми сферами общественной жизнедеятельности, включая образование. Наиболее продуктивным инструментом в реализации социального контроля выступает общественное мнение, формируемое и реализуемое через все средства распространения информации.

Ключевые слова: коррупция; образование; социальный контроль.

Nowadays, efficiency of opposition to corruption in Russia is able to be provided by nothing but comprehensive approach which presupposes coordinated influence upon the whole range of factors making for corruption activity. There are some key reasons which impede the development of mechanism of opposition to corruption: legal uncertainty of the category of corruption, its structure and content; long time-lag between action entry and outcome, that smoothes a possibility for operation correction of plan and programs; impossibility of event locating and incremental leveling of its negative influence on society; securing of security, defence and law enforcement agencies' prerogative in the struggle against corruption etc. Education is the key element of counteractions to corruption activity because of intensive influence upon consciousness of young people and expectancy of this influence. The conclusion concerning the necessity of total social control for every sphere of social life including education is drawn by authors on basis of situation analysis. The most efficient instrument of social control is public opinion which is being formed and realized by all mass media.

Keywords: corruption; education; social control.

Коды классификатора JEL: I21, K42.

При изучении такого сложного и многофакторного явления, как коррупция, следует априори обозначить три основополагающих свойства объекта исследования, оказывающих самое непосредственное влияние на структуру и механизм антиобщественной и аморальной деятельности как отдельного индивида, так и государства в его системном проявлении.

*Во-первых, у коррупции есть глубокие исторические корни, она имеет бытовую практическую обоснованность и рациональную целесообразность*¹. Действительно, порой довольно сложно различать, например, подарки, сделанные «от души», и подношения-взятки, исполненные тайного умысла и имеющие корыстные цели. А стремление иметь высокопоставленных друзей, влиятельные знакомства, покровителей и протекцию при реализации проектов разве не является естественным свойством человеческого бытия?

Во-вторых, участниками коррупционной деятельности выступает (может выступать) практически каждый член общества — по широте охвата аудитории и частоте (плотности) контактов сложно найти институт, более распространенный в социальной жизни современного общества. Прямое или опосредованное участие в этой деятельности сопровождает практически всю жизнь человека и становится неотъемлемым фактором его философских взглядов на место, смысл жизни, цели, задачи и базовые установки. Более того, на протяжении жизни индивид многократно получает «подтверждения об эффективности такого рода криминальных и полукриминальных сделок» и закрепляет поведенческие стандарты. Устроить ребенка в ясли и детский сад, оплатить ремонт в школе и услуги дополнительных занятий (репетиторов) [6], материально содержать студента и обеспечить ему «охранную грамоту от призыва в Вооруженные Силы», устроить на престижную должность в престижной компании и т.д. — все это приметы не только нашего времени и не только нашей страны.

В современной России и рядовые граждане, и государственные служащие нередко строят свои взаимоотношения не на универсалистских, а на партикулярных принципах. Эти принципы предполагают получение гражданами решений своих проблем не в соответствии с их принадлежностью к той или иной социальной группе, имеющей определенные права, а в соответствии с социальными статусами конкретных граждан, их социальными компетенциями, теми или иными их человеческими качествами [5]. Отсутствует общепризнанная гражданская позиция российского общества, ревностно охраняющая приоритет прав и свобод человека-гражданина. Это и предопределяет дисфункцию государственных органов управления.

В-третьих, абберативность современных подходов власти к использованию силовых механизмов «борьбы с коррупцией» приводит лишь к совершенствованию последней. Государство выступает в роли своеобразного селекционера, который «отбраковывает слабые и безжизненные ростки», оставляя лишь те, что заимствовали «полезные качества» (удобные, надо полагать, для самой власти).

Парадоксальность ситуации заключается именно в том, что совершенствование механизма борьбы способствует качественному развитию самого объекта (коррупции во всех ее проявлениях). Более того, учитывая повышенную скорость адаптивности коррупционной деятельности к меняющимся условиям внешней среды, сами органы власти, оставаясь в арьергарде, априори вынуждены заимствовать чуждые им приемы и методы. Этим можно объяснить, почему так часто и на таких высоких уровнях происходят задержания лиц, облеченных властными полномочиями по статьям коррупционной деятельности.

Не следует возлагать надежды на то, что данный факт является эпизодическим, свидетельствуя лишь о случайном проникновении во властные структуры антиобщественных элементов. Скорее напротив, сама государственная система «порождает новый тип преступников в чинах». До сих пор не реализованы принципы оценки эффективности и рациональности структуры власти, ее отдельных элементов, их функциональной загрузки, оценки качественного и количественного состава. Выставлять же в качестве опорного критерия лишь провозглашаемые идеи социальной ориентации государства — значит дискредитировать эти идеи и принципы научного мировоззрения.

Следует констатировать, что в современной России нет социальных сил, способных продекларировать и противопоставить ценности высшего порядка (речь идет о воспитательном и образовательном процессе) прагматичным (порочным) ценностям аморальной (делинквентной) деятельности. А происходящие хаотичные «героические» противостояния отдельных личностей (отдельных структур, общественных институтов) не являются достаточными.

При изучении коррупции внимание должно быть в первую очередь направлено на следующие задачи:

- оценка масштаба, размера и структуры рынка коррупционных услуг (например, в докладе ИНДЕМа приводится статистика по коррупции в сфере средней школы: только 8% случаев составляют конкретно получение или дачу взятки, 12% — это злоупотребление служебным положением (в том числе передача заданий ЕГЭ кому-либо), 10% — служебные подлоги, 60% — хищение и растрата) [6];
- мониторинг факторов, обуславливающих привлекательность названных услуг [5];
- выявление и анализ «очагов народного сопротивления» коррупции;
- участие в разработке стратегии правового и нравственного воспитания молодежи;

¹ Сошлемся хотя бы на определение В.Л. Римского (Фонд ИНДЕМ): «Коррупция — это довольно сложное и неоднозначно понимаемое понятие, которое развивается во времени, имеет исторический характер и существенно зависит от социальных условий и традиций той или иной страны. Наиболее полное и глубокое понимание коррупции возможно при исследовании ее как социального явления, включая детали социальных практик, представления и стереотипы сознания, а также эмоциональное их восприятие» [8].

- участие в работе по оценке эффективности государственных программ противодействия коррупционной деятельности и государственных служащих, реализующих эти программы;
- максимально объективное и достоверное информирование населения о негативных процессах в СМИ.

Наиболее актуальным (перспективным) сегментом в сфере проблем коррупции выступают негативные явления в системе образования. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что именно в образовании проходит процесс активной социализации молодого индивида (приобретение стандартов и унифицированных поведенческих приемов), с другой — продолжительностью воздействия образовательного процесса на сознание и поведенческую мотивацию молодежи.

В России ежегодно на взятки при поступлении в вузы уходит полмиллиарда долларов. Таковы данные экспертов ЮНЕСКО, которые привела зампред думского комитета по образованию и науке В. Иванова. По результатам депутатского запроса в МВД выяснилось, что коррупционная составляющая в сфере образования может достигать миллиарда долларов [11].

По мнению Э.О. Леонтьевой, тема коррупции в вузах сегодня пользуется повышенным вниманием социальных исследователей. И если еще несколько лет назад лидерские позиции по частоте публикаций удерживали СМИ, за последние годы появляются и научно-исследовательские работы по этой актуальной теме. Правда, большинство из них носят эмпирический и оценочный характер, почти все исследователи исходят из некоего общепринятого, интуитивно ясного понимания коррупции, практически отождествляемого с взяточничеством [2].

Выделяют два вида «образовательной» коррупции: взятки при поступлении и во время обучения. По данным исследователей из ГУ-ВШЭ и Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), летом 2007 г., когда шла «вступительная жатва», карманы родителей оскудели почти на 520 млн долл. Потом начинается учебный процесс, за которым — контрольные, курсовые, сессии. Здесь «урожай» существенно ниже — примерно 98 млн долл. «Суммы приблизительны. Они могут быть меньше, а могут быть и намного больше», — сказал в интервью *The New Times* один из авторов исследования о коррупции в сфере высшего образования, ведущий специалист ФОМ Е. Галицкий [3].

В докладе ИНДЕМа говорится, что в России в год продается до 500 тыс. поддельных дипломов о высшем образовании. По данным зампреда Общества защиты прав потребителей образовательных услуг Виктора Панина, его организация установила, что в Санкт-Петербурге, например, действует 10 крупных ОПГ, специализирующихся на продаже дипломов, «как откровенно липовых, сделанных на коленке, так и вполне официальных, за подписью ректора и проведенных по внутренним документам вуза». В Москве, по его данным, таких крупных групп в «два-три раза больше» [6].

Среди главных проблем, порождающих коррупцию, руководитель Фонда ИНДЕМ Г. Сатаров назвал бедность — низкие зарплаты преподавателей, недофинансирование отрасли. Конечно, есть и другая причина: в современной России тысячи молодых людей стремятся получить высшее образование вовсе не потому, что оно им очень нужно. Просто военная кафедра или аспирантура — это лучший способ не попасть в армию. Вузовское и послевузовское образование начинают выполнять для молодых людей функцию «социального приюта».

Бороться с коррупцией в образовании государство намерено, по мнению министра образования и науки А. Фурсенко, при помощи жестких наказаний — вплоть до закрытия вузов. Госдума уже рассматривает поправки к Кодексу об административных правонарушениях, предусматривающие наказания за нарушения в области образования. Но исторический опыт опровергает эффективность такого рода подходов к управлению ситуацией.

Само понятие «коррупция» воспринимается как всеобъемлющее явление, свойственное человеческому социуму, поэтому обнаруживается повсеместно и в странах тоталитарного режима, и демократического устройства. Под ним следует понимать широкий круг явлений: продажность и подкуп должностных лиц и политиков; прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения; в большинстве стран преследуется в уголовном порядке [4, с. 439].

В Федеральном законе РФ формулировка термина «коррупция» звучит следующим образом:

- а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;
- б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица².

Таким образом, в законодательстве Российской Федерации коррупция является не самостоятельным, а собирательным составом преступления, охватывающим ряд должностных преступлений, таких как взяточничество и злоупотребление служебным положением. Коррупция в настоящее время не имеет точного и четкого юридического определения, что создает препятствия для юридической квалификации коррупционных действий на практике. В результате противодействие коррупции исключительно с помощью уголовного преследования должностных лиц является малоэффективным для целей снижения общего уровня коррупции [8].

² Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ.

Полярность в понимании сути исследуемого явления приводит к необходимости консолидировать различные подходы с целью поиска квинтэссенции коррупции. Так, В.Л. Римский предлагает исходить из юридического, экономического, управленческого и социологического понимания коррупции [7]. Авторы статьи могут предложить также самостоятельные исторический и социальный подходы. Очевидно, что формулирование самого понятия должно происходить не путем синтеза различных подходов, а на основе приведения разнообразных трактовок к единым базовым показателям, однозначно определяющим взаимоотношения участников коррупционных сделок. Проблема же формулировки понятия является первым препятствием, которое не позволяет реализовать принципы системного подхода к разработке согласованного механизма противодействия коррупции.

Учитывая специфику такого рода взаимоотношений, необходимо определить условия, при которых возможно совершение указанных выше деяний. В контексте современных условий целесообразно рассматривать условия по трем базовым элементам — структура, деятельность и безопасность:

- ✧ Наличие двух и более лиц, одно из которых обладает статусом, необходимым для принятия какого-либо рода управленческих решений.
- ✧ Присутствие экономической заинтересованности (выгоды) для обоих участников коррупционной деятельности.
- ✧ Лицо, находящееся в «просящем положении», других вариантов (законных путей) решения собственных проблем не обнаруживает.
- ✧ Во взаимоотношениях обязательно присутствуют ценности прямого (вещественного) либо косвенного (услуги) характера, причем изначально оговаривается стоимостное выражение благодарности.
- ✧ Явное или неявное осознание всеми участниками естественности («нормальности») такого рода «деловых отношений», следуя принципу «все так делают...».
- ✧ Присутствие определенного страха, заставляющего предпринимать меры по обеспечению относительной безопасности, разработки всевозможных нестандартных схем и легенды на случай вмешательства правоохранительных органов.
- ✧ Попытка вовлечь контролирующие органы в преступную деятельность.

Преступления в рассматриваемой области непосредственно подпадают под действие статей 285–293 УК РФ (Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления). Однако по последствиям и степени влияния на общественную жизнь и государственное устройство состав статей значительно расширяется (например, ст. 299, 303, 304, 307, 320 и т.д.), что предполагает наличие пролонгированного характера преступных деяний в области коррупционной деятельности.

Стремление реализовать противодействие коррупции исключительно в правовом поле обнаруживает серьезные «пробелы» в законодательстве, являющиеся путеводными нитями для лиц с криминальными и полукриминальными наклонностями. Любой закон, так или иначе, ограничивает свободу человека, принуждая его следовать воле, диктуемой группой лиц (объявляемой как воля государства). При этом изначально предполагается, что лица, «творящие закон» и контролирующие его исполнение, могут быть освобождены частично либо целиком от предлагаемых норм. В случае же равенства перед законом теряется исключительность и верховенство власти, что в свою очередь приводит к потере эффективных рычагов управления массами.

Однократное же отступление от строгого соблюдения норм формирует в сознании человека устойчивое мнение о том, что «не пойман — не вор!». Тем более когда величина «бонусов» может составлять тысячи и миллионы долларов. А «жесткая вертикаль власти», как хороший проводник (по аналогии с физическими объектами, отличающимися повышенной электро- и теплопроводностью), быстро «клонировать» принципы, приемы и методы коррупционной деятельности по уровням, подразделениям, отдельным чиновникам. Никакая власть не способна отменить законы природы, один из которых гласит: «Смотри на старшего (сильного) — и поступай как он». Возможно ли представить «слабое звено» в прочной цепи государственного механизма, которое могло бы диктовать, пусть и высоконравственные, но иные, отличные от декларируемых существующей машиной принципы и законы?

В свете представленной информации целесообразно произвести первичную систематизацию коррупции как явления, затрагивающего практически все стороны жизнедеятельности современного российского общества. Мы используем три показателя, характеризующих мотив, действие и результат (последствия). В том случае, если результат по значению и по количеству удовлетворяет потребности заявителя, то мотивация возрастает многократно. Иными словами, безнаказанность в совершении малых преступлений является побудительным мотивом не только для нарушителя, но и для окружающих, создавая иллюзию нормы: «все так делают...».

Рассматривая «палитру явления», следует осознать тот факт, что далеко не все действия, осуждаемые с позиции морали, подпадают под юрисдикцию уголовного права — таковы, например, культ подарков (банальные цветы, конфеты, кофе и др.), подношений (в данном случае подарки не афишируются) и неформальных услуг (помощь в решении личных проблем или протекция в иной сфере деятельности и пр.). Возможны ситуации теневого бизнеса, когда преподаватель использует свое

служебное положение (профессиональный статус) в дополнительной коммерческой деятельности: случаи распространения продукции «AVON» среди студентов, вовлечение последних в сетевой маркетинг, в структуры финансовых пирамид (последний случай в Тюменском регионе — деятельность фирмы «Стиль жизни-Т»).

Наиважнейшим фактором, обуславливающим наличие и развитие коррупции, является взаимная заинтересованность в использовании незаконных инструментов удовлетворения своих потребностей, с одной стороны, и интересов — с другой (рис. 1).

Очевидно, что изучаемое явление выгодно участвующим акторам с различных позиций:

- экономический фактор (обеспечивается значительная экономия времени и, как показывает практика, — денег). Студенты все чаще практикуют трудоустройство на полный рабочий день уже во время обучения в учебном заведении, зарабатывая при этом не один десяток тысяч рублей (а то и долларов), поэтому взятка для некоторых — это всего лишь способ иметь свободное посещение занятий;
- логический фактор (те знания, которые студент может получить в высшей школе, не слишком востребованы на современном производстве; причина — не только низкое качество преподавания, но и «завуалированная бесполезность» некоторых преподаваемых дисциплин, продублированных с западных эталонов);
- нравственный аспект (честное поведение не слишком ценится в условиях всеобщего нивелирования морали как таковой, культивирования принципов эгоизма и индивидуализма, проповедования наживы и завышенной самооценки);
- процессуальный аспект (замена знаний «покупкой дипломов» понижает взаимоотношения до уровня примитивного потребления, когда «напряжение мысли» становится недостижимым и нежелательным фактом в жизнедеятельности индивида);
- методический фактор (позволяет демонстрировать виртуальное «совершенствование образовательного процесса» посредством разработки всевозможных программ, методик, авторских подходов и «достигнутых позитивных сдвигов». На самом деле, насыщение образования инновационными подходами ограничивает и сужает круг обучаемых, способных адаптироваться в задаваемых условиях и параметрах взаимодействия педагога и обучаемого. В итоге — повышенная нагрузка для тех, кто «тянет», и совершенно другой подход для тех, кто не способен достигнуть поставленных задач);
- физический аспект (вузовская коррупция предполагает экономию усилий как со стороны педагога, так и обучаемого, что позволяет перенаправить действия из русла образования в более «приятное и комфортное времяпрепровождение»);
- социальный фактор (воспитывается толерантность к наличному уровню образования: чрезвычайно низкая оценка подготовки обучаемых осознается отчетливо в ближайшем окружении школьника/студента, однако «обет молчания» не позволяет отразить это явление);
- управленческий фактор (заинтересованность аппарата управления в подготовке безликой и не мыслящей массы, как считают некоторые критики современного политического режима).

Мотивирующий эффект коррупционной деятельности заключается в постепенности и последовательности вовлечения индивида в этот процесс. Пойманные на взятках чиновники, представители администрации, преподаватели «имеют за плечами» солидный опыт в подобных операциях, и это происходит на фоне «публичной кары мздоимцев», демонстрируемой посредством СМИ. Единичные случаи мздоимства со стороны ведущих специалистов (титулованных преподавателей) не оглашаются, не обсуждаются, и по ним не выносятся никаких решений со стороны руководства.

Разрыв «обета молчания» происходит лишь в том случае, когда к рассмотрению данных деяний привлекаются правоохранные органы по инициативе взяткодателя. Однако несистемный характер вмешательства ОВД, существование методов самосохранения в среде педагогов не позволяют достигать воспитательного характера, а страх перед наказанием, порой, нивелируется многолетней профессиональной усталостью учителя (педагога, преподавателя...), вызванной монотонностью учебного процесса и хроническим безденежьем.

Основные специфические черты коррупции в образовательном процессе отражены в таблице 1.

В настоящее время, в самом общем виде уголовную коррупцию в образовательном процессе (на примере Тюменского региона) можно рассмотреть по двум ключевым позициям:

- превышение должностных полномочий.** В результате проведенных сотрудниками БЗП оперативных мероприятий в начале февраля 2009 г. следственным комитетом следственного управления при прокуратуре РФ по Тюменской области Ленинского АО г. Тюмени было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 286 УК РФ в отношении одного из руководителей ГОУ ВПО «Тюменская государственная медицинская академия». Являясь должностным лицом, руководитель превысил свои должностные полномочия, передав под строительство

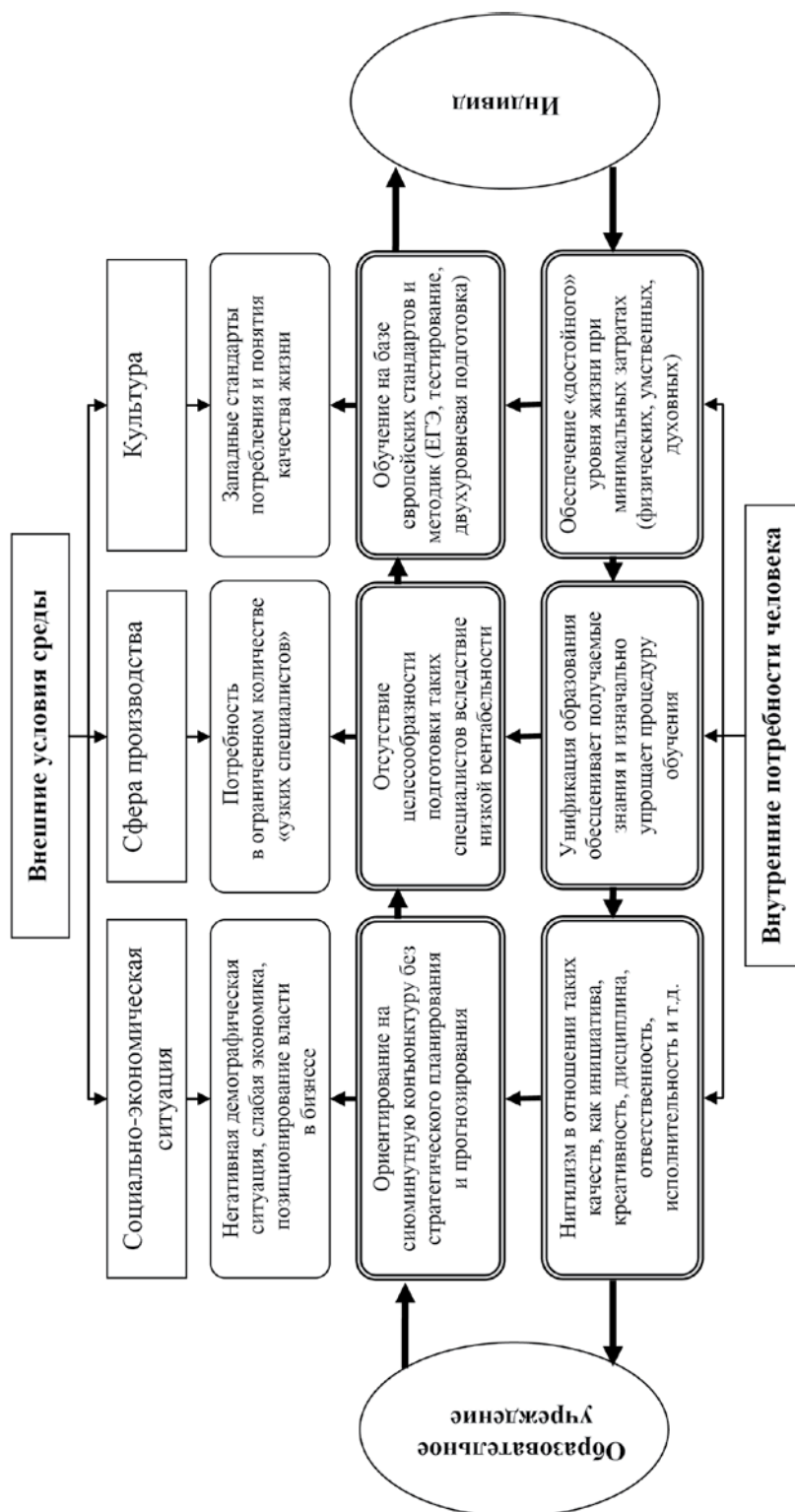

Рис. 1. Детерминированный субъект-объектный процесс взаимодействия

ЗАО земельный участок, находящийся в федеральной собственности и закрепленный за ГОУ ВПО «Тюменская государственная медицинская академия» на праве постоянного (бессрочного) пользования по Договору, заключенному в нарушение порядка, установленного ст. 30 Земельного кодекса РФ, не согласовав его с уполномоченным собственником данного федерального имущества — Федеральным агентством по управлению федеральным имуществом РФ и Министерством здравоохранения РФ [9];

- б) **получение взятки преподавателем.** В середине февраля 2009 г. сотрудниками БЭП УВД г. Тюмени был задержан с поличным преподаватель одной из кафедр МТИ Тюменской государственной сельскохозяйственной академии при получении денежных средств в сумме 6 тыс. рублей от студентки данного учебного заведения. Денежные средства преподавателем были получены за проставление оценки по предметам без фактической сдачи. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 290 УК РФ, в отношении подозреваемого преподавателя избрана мера пресечения — подписка о невыезде и надлежащем поведении [9].

Таблица 1

Основные характеристики коррупции в образовательном процессе

Аспекты	Базовые причины делинквентного поведения	Способы нейтрализации	Возможные последствия
организационный	относительная самостоятельность работы педагога в процессе, когда контроль со стороны руководства осуществляется «по отклонениям»	унификация и стандартизация всего образовательного процесса, жесткий контроль	потеря качества и индивидуального подхода к обучаемым, незаинтересованность педагога в саморазвитии
методический	коррупция позволяет экономить силы педагога, упрощает фиксацию промежуточного и итогового контроля уровня знаний обучаемых	введение регламентированных методов контроля (ЕГЭ, Интернет-тестирование и т.д.)	разработка нелегальных методов подтасовки результатов контроля, подкуп проверяющих, поиск «крыши» в соответствующих ведомствах
нравственный	утрата моральных догматов советского периода привела к росту культа индивидуализма, крайнего эгоизма, рвачества, беспринципности	целенаправленная работа по воспитанию как обучаемых, так и обучающихся	обострение противоречия провозглашаемых и реальных жизненных принципов, подрыв доверия к воспитателям
психологический	дополнительный, «незапланированный» доход в семейный бюджет позволяет быстро решать бытовые проблемы, повышает уровень жизни, «стоимостную самооценку» педагога	разработка легальных экономических стимулов, позволяющих реализовать стратегию «вклад-оклад»	с одной стороны, такие деньги косвенно учитываются в бюджете семьи и, условно, уже потрачены; с другой — они связаны с повышенными нагрузками, которые, в глазах педагога, не всегда компенсированы экономически

По данным еженедельных опросов общественного мнения, проводимых ВЦИОМ по общероссийской выборке 1 600 человек в более чем 140 населенных пунктах и 42 областях, краях и республиках России, были выявлены следующие факты. При ответе на вопрос «Что, на Ваш взгляд, сейчас более всего необходимо для поступления в высшее учебное заведение?» каждый второй россиянин (49%) считает, что — деньги; каждый третий (33%) — что знания; 14% — что связи. За пять лет значение денег для поступления в вуз снизилось (в 2003 г. считали самыми важными деньги 61% опрошенных, в 2008 г. — 49%), а значимость знаний возросла (было 19%, стало 33%). Чем старше респонденты, тем чаще они подчеркивают важность знаний в этом деле (от 29% среди опрошенных 18–24 лет до 37% в группе 60 лет и старше) и тем реже — значимость связей (20 и 11% соответственно). Наиболее эффективное средство предотвращения коррупции в вузах — ужесточение наказаний для тех, кто берет взятки: свыше половины опрошенных — 54% — полагают, что эта мера способна предотвратить коррупцию, причем за три года число сторонников этой меры возросло на 9%. Увеличилось и число тех респондентов, кто считает действенной мерой введение наказаний для родителей, дающих взятки, — с 23 до 31%. Отношение к единому государственному экзамену за три года сохраняется прежним: считают введение ЕГЭ эффективной мерой борьбы с коррупцией в системе образования 14–16% опрошенных. Менее популярными стали меры, предполагающие повышение зарплаты преподавателям (снижение числа тех, кто считает это действенным, с 41 до 25%); а также перевод всех дополнительных расходов в официально платные (с 22 до 18%) и переход к платному образованию вообще (с 11 до 7%) [1, с. 71].

Коррупция «процветает» и в стенах специализированных учебных заведений системы МВД России (автор работал в Тюменском юридическом институте МВД России и имеет печальный опыт изучения этого явления [10]), где нередко воспитываются люди с полукриминальными установками, искаженными представлениями о нравственном и безнравственном.

По мнению заведующего отделом социологии Фонда ИНДЕМ В.Л. Римского, возможности противодействия взяточничеству на уровне вузов заключаются в следующем [7]:

- а) проверка рекомендаций и биографии кандидата при приеме на работу;
- б) создание корпоративного кодекса, включающего правила корпоративной этики;
- в) провокации взяток;
- г) осведомительство;
- д) создание телефона доверия;
- е) сбор сведений в сети Интернет;
- ж) прослушка, видеозапись, контроль переписки;
- з) «образцовое» наказание;
- и) повышение уровня заработной платы;
- к) анализ уровня жизни.

В техническом аспекте предложения выглядят так:

- а) прием экзаменов в присутствии контролера;
- б) разделение функций проведения занятий и приема экзаменов;
- в) возможность доступа к экзаменационным работам;
- г) перемещение сотрудника между факультетами;
- д) использование системы централизованного тестирования;
- е) дистанционное образование.

Однако возникает вполне логичный вопрос: кто и в каких целях будет собирать, обобщать, систематизировать и использовать полученную информацию? Не послужит ли накапливающийся компромат на сотрудников рычагом давления на них, в том числе и с позиции вымогательства материальной компенсации за сокрытие имеющихся данных?

Авторы, опираясь на собственный многолетний опыт работы в различных вузах г. Тюмени, пришли к однозначному выводу о том, что решить проблему коррупции в высшей школе невозможно без значительных успехов противодействия коррупции на всех уровнях и во всех структурах власти и общественной жизни. Иначе возникает диссонанс между проповедуемыми догматами «чистых рук» в высшей школе и реальными событиями в социальной жизни общества.

Необходимо, на наш взгляд, учитывать социальный аспект, который синхронизировал бы взаимодействие образовательного процесса с потребностями общества и государства. В числе таковых рассматривается создание системы общественного контроля в образовательном процессе (рис. 2), опирающегося в своей работе на следующие принципы:

- **открытость** как по форме, так и по содержанию контроля, возможность участия в данном процессе любого индивида без исключения;
- **оперативность** в сборе, обработке и анализе информации;
- **научность** — использование научного потенциала того региона, в котором данный проект реализуется;
- **доступность** — собственно означает легкость «контроля самого контроля» с позиции любого гражданина;
- **системность** — генеральным методом анализа ситуации выступает мониторинг наиболее проблемных, жизнеобразующих аспектов общественного устройства;
- **эффективность** — минимальные экономические затраты как на организацию работы, так и сопоставление произошедших изменений с требованиями населения.

В числе базовых функций общественного контроля следует признать:

- контроль за деятельностью государственных структур;
- контроль за деятельностью средств массовой информации;
- реализацию законодательной инициативы;
- использование научного потенциала региона для осуществления мониторинга ситуации по наиболее болезненным сторонам жизни общества;
- формирование общественного мнения по концептуальным аспектам жизнедеятельности государства;
- реальную защиту интересов рядового гражданина на всех уровнях и эшелонах власти и правоохранительной системы.

Развитие общественного контроля приведет к исчезновению заинтересованности потенциального взяточника в криминальных процессах, т.к. он же является лицом, контролирующим законность и нравственную чистоту взаимоотношений лиц на всех этапах вертикали власти и во всех властных структурах. **«Зачем давать взятку тому лицу, которое я сам и контролирую?»** Данный принцип можно положить в основу всех систем взаимоотношений гражданина с властными органами и организациями.

Рис. 2. Структура и задачи общественного контроля

ЛИТЕРАТУРА

1. Коррупция при поступлении в вуз и как с ней бороться // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 3 (87). Июль–сентябрь.
2. Леонтьева Э.О. Коррупция в вузе как продолжение неформальных отношений на рыночной основе: виды, формы, разнообразие // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2007 г.). М.: Научный эксперт, 2007.
3. Морарь Н. Коррупция в вузах: \$ 618 млн и — никаких проблем? // Новое время / The New Times. 2008. № 22. С. 15–16 // <http://www.hse.ru/news/1163613/2767782.html>.
4. Новейший словарь иностранных слов и выражений. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001.
5. Римский В.Л. Коррупция во взаимодействиях российских граждан с представителями органов государственной власти // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 59–67.
6. Римский В.Л. Образование в России стало де-факто платным // <http://construction-news-blog.ru/>.
7. Римский В.Л. Преодоление коррупции в системе образования России // <http://www.gzt.ru/f/upload/files/10/05/28/1275051221323.doc>.
8. Римский В.Л. Системность российской коррупции и возможности противодействия ей // http://www.indem.ru/rimskiy/MM_cor_Rim_5_1.htm.
9. Сообщение пресс-службы ГУВД по Тюменской области // http://guvd72.ru/index.php?module_name=news&action=show_archive.ru.
10. <http://www.delogrosheva.narod.ru>.
11. http://www.duma-er.ru/content_files/28448.doc.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ РЫНОК УСЛУГ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (торговля контрольными заданиями)

МИЛЯЕВА Л.Г.,

доктор экономических наук,
Центр аналитических исследований
Бийского технологического института (филиал)
Алтайского государственного технического университета имени И.И. Ползунова;
e-mail: lgm@bti.secna.ru;

БОРИСОВА О.В.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики предпринимательства,
Центр аналитических исследований
Бийского технологического института (филиал)
Алтайского государственного технического университета имени И.И. Ползунова,
e-mail: borisova-83@mail.ru

Рассматривается получившая широкое распространение в российской образовательной системе торговля выполненными контрольными заданиями — дипломными работами, курсовыми работами, рефератами и т.д. Анализ этого параллельного рынка услуг построен на базе данных объявлений с предложениями этих услуг и опросов студентов вузов г. Бийска в 2006 и 2008 гг. Сделан вывод, что данный рынок функционирует открыто и безбоязненно, воспринимаясь большинством населения как некая норма постиндустриального развития. Изменения на этом рынке происходят не в результате борьбы со «списыванием», а скорее в результате конкуренции разных форм «списывания» (в частности, распространение использования Интернета стало фактором сокращения торговли контрольными заданиями).

Ключевые слова: высшее образование; параллельный рынок образовательных услуг; торговля контрольными заданиями.

The article deals with «tests for sale» system which is widespread in Russian education. The analysis of the parallel service market is based on information from announcements offering these services and results of students polls organized in Byisk in 2006 and 2008. The conclusion drawn says that the market functions freely being taken by the majority of population as something like a norm of postindustrial development. Changes on that market are rather caused by competition between different forms of «cheating» than by «cheating» control (particularly, spreading of Internet has become the factor of «tests for sale» reduction).

Keywords: higher education, parallel market for educational services, tests for sale.

Коды классификатора JEL: I20, O17.

Теоретико-методологические аспекты исследования параллельного рынка образовательных услуг

В последние годы на различных уровнях — от высоких правительственных трибун до средств массовой информации — ведутся разговоры о необходимости повышения качества высшего профессионального образования, усиливающего шансы выпускников вузов на успешное (престижное, конкурентоспособное, удовлетворительное) трудоустройство. Парадокс заключается в том, что в сознании определенной прослойки студентов — основных потребителей образовательных услуг — качество образования ассоциируется не с уровнем профессиональной подготовки (знаниями, навыками, умениями), а с престижностью «корочек диплома», определяемой статусом вуза, новомодностью специальности и оценками во вкладыше.

Следствием отождествления понятий «дипломированный специалист» и «дипломированный выпускник высшего учебного заведения» выступает специфическая «стратегия обучения», ориентирующая указанную категорию студентов не на приобретение качественных знаний посредством приложения собственных усилий, а на получение «качественных оценок» за контрольные задания (рефераты, расчетно-графические и контрольные работы, курсовые и дипломные проекты и т.д.), выполненные на платной договорной основе «посредниками от образования». Открытость и безнаказанность участников указанной образовательной сделки (объявления о готовности оказать подобные услуги безбоязненно размещаются в СМИ, на институтских досках объявлений, на остановках общественного транспорта, в Интернете и т.д.), а также масштаб и темпы развития данного явления обосновывают правомерность позиционирования его в качестве так называемого *параллельного рынка образовательных услуг*, актуализируя необходимость его исследования [6; 3; 2].

Справедливости ради отметим, что «теневые» стороны получения высшего профессионального образования привлекают все большее количество исследователей [1; 4; 5; 8; 11; 12; 10; 7; 13]. Между тем, сконцентрировавшись на локальных прикладных аспектах (в частности, на нелегальных платежах на «входе — выходе», а также в процессе обучения в вузе, неформальных практиках опекунов в учебных заведениях, противозаконных актах купли-продажи сертификатов об образовании и т.д.), ученые оставили без внимания доминантные теоретико-методологические подходы к исследованию параллельного рынка образовательных услуг. По сути, проигнорировав негласное правило научного этикета, согласно которому, прежде чем анализировать ту или иную проблему, предлагать способы ее решения, необходимо определиться в понятиях, обосновать концептуальную основу исследования.

В самом общем виде под рынком понимается система отношений между покупателями и продавцами товара, базирующаяся на сбалансированности спроса и предложения. Особенность того или иного рынка определяется, прежде всего, спецификой обращаемого на нем товара. На рынке образовательных услуг предметом сделки продавца и покупателя выступает образовательная услуга, характеризующаяся, как любой товар, определенным уровнем цены и качества. Последний из отмеченных параметров, по сути, определяет качество профессиональной подготовки ее основных потребителей — студентов высших профессиональных образовательных учреждений, часть которых функционирует на параллельном рынке либо в качестве покупателей, либо в качестве продавцов, либо одновременно в обоих качествах. Предметом сделки контрагентов параллельного рынка является посредническая услуга продавца (фактического исполнителя), сопряженная с выполнением на платной договорной основе заказа покупателя — псевдоисполнителя контрольного аттестационного задания (реферата, расчетно-графической работы, эссе, курсового проекта и т.д.), предусмотренного учебным планом специальности. Поскольку на данном рынке товаром выступает выполненное посредником-продавцом контрольное аттестационное задание заказчика-покупателя, название «параллельный рынок образовательных услуг» условно. Более того, высокое качество услуг продавцов параллельного рынка при попустительстве преподавателей вузов трансформируется в «качественные оценки» вкладыша в диплом и не соответствующий им уровень профессиональной подготовки выпускника, искажающий оценку прочими потребителями (в частности, работодателями) реальных образовательных услуг, оказываемых учебными заведениями.

Таким образом, под *параллельным рынком образовательных услуг* условимся понимать систему взаимодействия контрагентов, базирующуюся на делегировании студентами высших профессиональных учебных заведений (покупателями) сторонним лицам (продавцам) полномочий по производству на платной договорной основе специфического товара — выполненных и надлежащим образом оформленных контрольных аттестационных заданий (курсовых и контрольных работ, рефератов, расчетных заданий, дипломных проектов и т.д.), предусмотренных учебными планами обучающихся.

Детализированный сравнительный анализ рынка образовательных услуг и параллельного рынка образовательных услуг (по сути, рынка контрольных аттестационных заданий) представлен в таблице 1.

В качестве объекта базового эксперимента для исследования параллельного рынка образовательных услуг нами был выбран город Бийск Алтайского края.

Аргументами, обосновывающими правомерность выбора данного объекта наблюдения, выступили:

- 1) переход экономики города на инновационный путь развития, базирующийся на экономике знаний;
- 2) позиционирование проблемы подготовки высококвалифицированных кадров в качестве доминантной составляющей стратегии развития города;
- 3) расширение рынка образовательных услуг г. Бийска (появление новых учебных заведений, открытие новых специальностей), гипотетически способствующее увеличению потенциальных «покупателей» на параллельном рынке образовательных услуг.

Таблица 1

Сравнительный анализ рынка образовательных услуг высшего профессионального образования и параллельного рынка

Анализируемый параметр	Рынок образовательных услуг	Параллельный рынок образовательных услуг
1. Объект купли-продажи (товар)	Образовательная услуга	Выполненное продавцом-исполнителем контрольное аттестационное задание покупателя-заказчика
2. Контрагенты рынка: — субъекты, формирующие предложение; — субъекты, формирующие спрос	Официально зарегистрированные юридические лица (вузы) Студенты и слушатели вузов	Частные (физические) лица Часть студентов и слушателей вузов
3. Период рабочей активности	Учебный год	Период с января по июнь
4. Правовой статус деятельности	Обязательное наличие государственной лицензии	Отсутствие лицензии на данный вид деятельности
5. Государственное регулирование деятельности	Обязательное налогообложение деятельности, обеспеченное административной и уголовной ответственностью	Деятельность продавцов параллельного рынка образовательных услуг не подлежит налогообложению
6. Вид услуг	Платные и бесплатные	Платные
7. Особенности платных услуг	Фиксированная цена, не подлежащая корректировке со стороны субъекта, формирующего спрос	Договорная цена, подлежащая корректировке со стороны субъекта, формирующего спрос
8. Форма оформления сделки между контрагентами	Подписание договора установленного образца	Устная договоренность, в отдельных случаях подкрепленная распиской продавца
9. Риск невыполнения условий сделки	Низкий	Высокий
10. Срок предоставления услуг	Регламентируется профилем получаемой специальности и формой обучения, составляя несколько лет	Составляет от нескольких часов до нескольких месяцев и зависит от трудоемкости выполняемой работы, «загруженности» продавца-исполнителя
11. Характер предоставления услуги	Осуществляется на конкурсной основе	Оказывается всем желающим
12. Документальное подтверждение оказанной услуги	Документ об образовании установленного образца	Отсутствие подтверждающих документов

Кроме того, необходимость анализа ситуации на параллельном рынке образовательных услуг, негативно влияющем на конкурентоспособность выпускников высших учебных заведений города, чрезвычайно актуализировала присвоение Бийску статуса наукограда РФ [9].

Исследование базировалось на информационной базе, представленной следующими источниками:

- частными объявлениями «продавцов» параллельного рынка, опубликованными в муниципальных периодических изданиях. Всего было проанализировано 533 предложения о готовности оказать услуги по выполнению контрольных аттестационных заданий (в том числе, 314 в 2006 г. и 219 — в 2008 г.);
- данными структурированных телефонных опросов «продавцов» параллельного рынка. Всего было опрошено в 2006 г. — 25 «продавцов» параллельного рынка, в 2008 г. — 20 «продавцов»;
- результатами анкетирования и интервьюирования «покупателей» специфической продукции параллельного рынка образовательных услуг. Всего было опрошено в 2006 г. — 188 учащихся вузов, в 2008 г. — 365 респондентов, в том числе 293 студента и 72 выпускника вузов.

Предложение на параллельном рынке образовательных услуг

Информационную базу исследования (табл. 2) составили частные объявления «продавцов», опубликованные в разделе «Обучение, репетиторство» муниципального периодического издания за период с января по июнь (период наибольшей активизации параллельного рынка). Сводные результаты анализа предложения (в разрезе дисциплин и видов работ) отражены в таблицах 3 и 4.

Таблица 2

Классификация услуг параллельного рынка

Направления дисциплин		Дисциплины
Точные дисциплины	Информационно-математическое направление	Высшая математика, информатика, теория вероятности, статистика и др.
	Естественнонаучное направление	Физика, химия, биология, КСЕ и др.
	Техническое направление	Инженерная графика, теоретическая механика, детали машин, материаловедение и др.
Гуманитарные дисциплины	Общественное направление	Философия, история, психология, социология и др.
	Экономическое направление	Экономическая теория, маркетинг, менеджмент, торговое дело и др.
	Юридическое направление	Все виды права
	Иностранные языки	Английский, немецкий и др.

Таблица 3

Дифференцированный по дисциплинам анализ предложения на параллельном рынке образовательных услуг г. Бийска

Направления услуг по дисциплинам		2006 год		2008 год		Изменение предложения			
		Кол-во	%	Кол-во	%	по направлениям услуг		за счет направлений услуг	
Точные дисциплины	Информационно-математические дисциплины	34	10,83	14	6,39	-20	-58,82	-20	-6,37
	Естественнонаучные дисциплины	19	6,05	15	6,85	-4	-21,05	-4	-1,27
	Технические дисциплины	33	10,51	18	8,22	-15	-45,45	-15	-4,78
Итого по точным дисциплинам:		86	27,39	47	21,46	-39	-45,35	-39	-12,42
Гуманитарные дисциплины	Общественные дисциплины	60	19,11	56	25,57	-4	-6,67	-4	-1,27
	Экономические дисциплины	72	22,93	37	16,89	-35	-48,6	-35	-11,15
	Юридические дисциплины	45	14,33	37	16,89	-8	-17,78	-8	-2,55
	Иностранные языки	51	16,24	42	19,18	-9	-17,65	-9	-2,87
Итого по гуманитарным дисциплинам:		228	72,61	172	78,54	-56	-24,56	-56	-17,83
Всего:		314	100	219	100	-95	-	-95	-30,25

Согласно собранным данным (табл. 3), с 2006 по 2008 г. среднеемесячное количество предложений уменьшилось на 30,25%, в том числе за счет сокращения по гуманитарным дисциплинам на 17,83%, по точным дисциплинам — на 12,42%, по экономическим дисциплинам — на 48,6%. Учитывая, что доля экономических дисциплин в базовой структуре составляла 22,93%, общее изменение предложения за счет данного направления составило ($\frac{-48,6\% \times 22,93\%}{100\%}$) (-) 11,15%. Снижение предложения на параллельном рынке обусловлено увеличением уровня монополизации («агрессивности» и настойчивости постоянных продавцов), сопряженной с вытеснением с рынка неконкурентоспособных «продавцов».

В таблице 4 представлен анализ предложения по видам работ, позволяющий выделить следующие моменты:

- по всем видам работ произошло сокращение предложения;
- минимальное сокращение предложения характерно для естественнонаучного и социально-гуманитарного направлений, максимальное — для математического и экономического направлений;
- «сквозными» видами работ по всем направлениям являются рефераты, контрольные работы, курсовые и дипломные проекты, при этом наибольшее количество предложений как в базовом, так и в анализируемом периоде касается выполнения контрольных работ, наименьшее — выполнения дипломных проектов как наиболее трудоемкого вида работ (табл. 5);
- на параллельном рынке появляются новые виды услуг, среди которых можно отметить составление бизнес-планов и технико-экономических обоснований в области экономических дисциплин, а также презентаций, электронных учебников и ответов на вопросы государственного экзамена по социально-гуманитарным дисциплинам.

Таблица 4

Дифференцированный по видам работ анализ предложения на параллельном рынке образовательных услуг г. Бийска

Вид работы (по элементам)	Анализируемый период 2006 г.		Анализируе- мый период 2008 г.		Изменение предложения			
					по видам работ		за счет видов работ	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Математическое направление								
Контрольные работы	18	52,94	11	78,57	-7	-38,89	-7	-20,59
Курсовые работы	5	14,71	1	7,14	-4	-80	-4	-11,76
Рефераты	9	26,47	2	14,29	-7	-77,78	-7	-20,59
Дипломные работы	2	5,88	-	-	-2	-100	-2	-5,88
Итого:	34	100,0	14	100,0	-20	-	-20	-58,82
Естественнонаучное направление								
Контрольные работы	9	47,47	10	66,67	+1	+11,11	+1	+5,26
Курсовые работы	2	10,53	2	13,33	0	-	0	-
Рефераты	7	36,84	3	20,0	-4	-57,14	-4	-21,05
Дипломные работы	1	5,26	-	-	-1	-100	-1	-5,26
Итого:	19	100,0	15	100,0	-4	-	-4	-21,05
Техническое направление								
Контрольные работы	8	24,24	6	33,33	-2	-25,0	-2	-6,06
Курсовые работы	9	27,27	4	22,22	-5	-55,56	-5	-15,15
Рефераты	2	6,06	1	5,56	-1	-50,0	-1	-3,03
Чертежи	13	39,39	5	27,78	-8	-61,54	-8	-24,24
Дипломные работы	1	3,03	2	11,11	+1	+100,0	+1	+3,03
Итого:	33	100,0	18	100,0	-15	-	-15	-45,45
Социально-гуманитарное направление								
Рефераты	15	25,0	16	28,57	+1	+6,67	+1	+1,67
Курсовые работы	19	31,67	16	28,57	-3	-15,79	-3	-5,0
Контрольные работы	13	21,67	10	17,86	-3	-23,08	-3	-5,0
Дипломные работы	11	18,33	9	16,07	-2	-18,18	-2	-3,33
Доклады	2	3,33	3	5,36	+1	+50,0	+1	+1,67
Ответы на госэкзамены	-	-	1	1,79	+1	-	+1	+1,67
Презентации, электронные учеб- ники	-	-	1	1,79	+1	-	+1	+1,67
Итого:	60	100,0	56	100,0	-4	-	-4	-6,67
Экономическое направление								
Рефераты	17	23,61	10	27,03	-7	-41,18	-7	-9,72
Курсовые работы	21	29,17	12	32,43	-9	-42,86	-9	-12,5
Контрольные работы	14	19,44	7	18,92	-7	-50,0	-7	-9,72
Дипломные работы	20	27,78	7	18,92	-13	-65,0	-13	-18,06
Бизнес-планы, ТЭО	-	-	1	2,70	+1	-	+1	+1,39
Итого:	72	100,0	37	100,0	-35	-	-35	-48,61
Юридическое направление								
Рефераты	9	20,0	8	21,62	-1	-11,11	-1	-2,22
Курсовые работы	14	31,11	13	35,14	-1	-7,14	-1	-2,22
Контрольные работы	12	26,67	8	21,62	-4	-33,33	-4	-8,89
Дипломные работы	9	20,0	7	18,92	-2	-22,22	-2	-4,44
Доклады	1	2,22	1	2,70	0	-	0	-
Итого:	45	100,0	37	100,0	-8	-	-8	-17,77
Направление, связанное с иностранными языками								
Контрольные работы	26	50,98	17	40,48	-9	-34,62	-9	-17,65
Переводы	25	49,02	18	42,86	-7	-28,0	-7	-13,73
Рефераты	-	-	2	4,76	+2	-	+2	+3,92
Курсовые работы	-	-	4	9,52	+4	-	+4	+7,84
Дипломные работы	-	-	1	2,38	+1	-	+1	+1,96
Итого:	51	100,0	42	100,0	-9	-	-9	-17,65

Таблица 5

Ранжирование видов работ по количеству предложений

Вид работы	Количество предложений в базовом периоде	Ранг по удельному весу предложений в базовом периоде	Количество предложений в анализируемом периоде	Ранг по удельному весу предложений в анализируемом периоде
Контрольная работа	100	1	69	1
Реферат	59	3	42	3
Курсовая работа	70	2	52	2
Дипломная работа	44	4	26	4
Итого:	273	–	189	–

Напомним, что анализ предложения включает также мониторинг цен, сложившихся на параллельном рынке. Подчеркнем, что анализ цен проводился в матричной форме (табл. 6), в столбцах которой отражены цены на услуги параллельного рынка по профилю дисциплин, в строках — по видам работ. По каждому виду работ и профилю дисциплин указаны диапазон цен и «мода» (чаще всего встречающаяся цена).

Таблица 6

Стоимость посреднических услуг в 2008 г. на параллельном рынке, руб.

Вид работы	Профиль дисциплины						
	Математический	Естественнонаучный	Технический	Социально-гуманитарный	Экономический	Юридический	Иностранные языки
Контрольная работа (за 1 задание)	20–25 (25)*	20–50 (30)	25–100 (80)	50–80 (50)	50–150 (50)	50–120 (50)	10–30 (10)
Расчетное задание	200–500 (300)	350–800 (450)	400–600 (550)	–	300–700 (400)	–	–
Реферат	300–500 (350)	150–300 (200)	180–400 (250)	250–450 (250)	250–350 (250)	250–300 (250)	300–500 (450)
Курсовая работа	1 000–2 000 (1 200)	650–1 500 (1 200)	800–2 000 (1 800)	350–600 (500)	500–1 500 (1 000)	900–1 500 (1 200)	1 000–1 500 (1 300)
Презентация	–	–	–	50–180 (80)	–	–	–
Перевод (за 1 лист)	–	–	–	–	–	–	25–30 (30)
Графическая работа (за чертеж 1 детали – А3)	–	–	40–120 (80)	–	–	–	–
Дипломная работа	–	4 000–8 000 (6 000)	6 500–8 500 (7 000)	3 000–5 000 (3 000)	3 000–6 000 (5 000)	3 000–5 000 (3 000)	6 000–8 000 (6 000)

Примечание: * — в скобках указаны значения «моды», т.е. той цены, которая встречается чаще всего по данному виду работы

Следует отметить, что уровни цен по разным видам работ, выявленные при анализе предложения, в ряде случаев в несколько раз превышают реальные цены приобретения, обозначенные «покупателями». Это в наибольшей мере касается расчетных заданий и контрольных работ и объясняется, прежде всего, тем, что зачастую данные работы приобретаются группой студентов, получивших однотипные контрольные задания. В таких случаях стоимость заказа делится на общее количество покупателей.

Сравнение среднего уровня цен предложения 2006 и 2008 гг. позволяет выявить их динамику по каждому представленному виду работ и направлению дисциплин. Очевиден (табл. 7) рост стоимости многих видов работ, что объясняется инфляционными процессами. Однако на отдельные виды услуг она, напротив, понизилась или осталась прежней. В первую очередь это касается работ по дисциплинам гуманитарного профиля.

Данный факт объясняет снижение уровня предложения на данном рынке и обусловливается, по-видимому, снижением потребительского спроса. Гипотетическими причинами последнего могут быть:

- ❖ во-первых, возросшая сознательность потенциальных потребителей, большинство из которых услугам параллельного рынка предпочли самостоятельное выполнение предусмотренных учебными программами работ;
- ❖ во-вторых, переключение потребительского спроса на иные источники предоставления подобного рода услуг (знакомые потребители, сокурсники, старшекурсники, Интернет).

Таблица 7

Мониторинг цен параллельного рынка образовательных услуг г. Бийска

Вид работы	Профиль дисциплины																	
	Математический			Технический			Естественно-научный			Социально-гуманитарный			Экономический			Юридический		
	Изменение стоимости		Средняя стоимость	Изменение стоимости		Средняя стоимость	Изменение стоимости		Средняя стоимость	Изменение стоимости		Средняя стоимость	Изменение стоимости		Средняя стоимость	Изменение стоимости		Средняя стоимость
	2006 г.	2008 г.		2006 г.	2008 г.		2006 г.	2008 г.		2006 г.	2008 г.		2006 г.	2008 г.		2006 г.	2008 г.	
		руб.	%		руб.	%		руб.	%		руб.	%		руб.	%		руб.	%
Контрольная работа (за 1 задание)	20	25	+5	20	30	+50	20	30	+50	20	30	+50	20	30	+50	20	30	+50
Расчетное задание	150	300	+150	100	550	+450	150	450	+300	150	450	+300	150	450	+300	150	450	+300
Реферат	150	350	+200	150	250	+100	150	200	+50	150	200	+50	150	200	+50	150	200	+50
Курсовая работа	250	1200	+950	2500	1800	-700	250	1200	+950	250	1200	+950	250	1200	+950	250	1200	+950
Презентация	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Перевод (за 1 лист)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Графическая работа (формат А3)	-	-	-	60	80	+20	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Дипломная работа	-	-	-	6500	7000	+500	-	6000	-	4000	3000	-1000	4000	5000	+1000	3000	6000	-

Спрос на параллельном рынке образовательных услуг

Информационную базу исследования составили материалы опросной статистики покупателей (настоящих и бывших) специфического товара параллельного рынка образовательных услуг, полученные с помощью типовой формы.

В ходе обработки реквизитных данных анкет студентов и выпускников был обозначен совокупный социологический портрет попавших в выборку респондентов.

Среди высших учебных заведений, оконченных респондентами, встречаются следующие учреждения¹: БТИ АлтГТУ (36,1% респондентов), БПГУ (44,4%), а также филиалы и представительства краевых и центральных вузов.

Годы окончания представленных вузов охватывают достаточно широкий диапазон времени: с 1993 по 2007 г. Однако для большей части попавших в выборку респондентов год окончания вуза приходился на период с 2000 по 2007 г. Для удобства обработки полученных данных все респонденты были разделены на три приблизительно равные по количеству группы: 1) окончившие вуз до 2000 г.; 2) окончившие вуз в период с 2000 по 2003 г.; 3) окончившие вуз в период с 2004 по 2007 г.

Большая часть всех респондентов (около 75%) оценивают доход своей семьи в период обучения как «средний», остальные приблизительно в равной мере распределяются между уровнями «выше среднего» и «ниже среднего».

Значительная часть респондентов (67% окончивших вуз и 53% современных студентов) обучаются (обучались) на бесплатной основе. Состав и структура выборки респондентов по образовательным учреждениям представлены в таблице 8.

Таблица 8

Структура респондентов по видам учебных заведений

Потенциальные потребители услуг	Учебные заведения	Основные группы респондентов (курс, форма обучения)	Кол-во	Структура респондентов, %	Применяемые методы
«Настоящие» (студенты)	БТИ АлтГТУ	1–4 курсы дневной формы	176	60,1	Корреспондентский анкетный опрос
		заочная форма	5	1,7	Структурированное интервью
		второе высшее образование	25	8,5	Экспедиционный анкетный опрос
	Итого по БТИ АлтГТУ:		206	70,3	
	БПГУ	1–4 курсы дневной формы	58	19,8	Корреспондентский анкетный опрос
		заочная форма	13	4,4	Структурированное интервью
	Итого по БПГУ:		71	24,2	
	Прочие вузы	дневная, заочная формы	16	5,5	Структурированное интервью
Итого:			293	100	
«Бывшие» (выпускники)	БТИ	дневная форма	17	23,6	Структурированное интервью
		заочная форма	4	5,6	
		второе высшее образование	5	6,9	
	Итого по БТИ АлтГТУ:		26	36,1	
	БПГУ	дневная форма	26	36,1	
		заочная форма	6	8,3	
	Итого по БПГУ:		32	44,4	
	Прочие вузы	дневная, заочная формы, второе высшее образование	14	19,5	
Итого:			72	100	
Всего:			365	–	

¹ Систему высшего профессионального образования г. Бийска Алтайского края составляют два государственных вуза: Бийский технологический институт (филиал) ГОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» (БТИ АлтГТУ) и ГОУ ВПО «Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина» (БПГУ), а также филиалы и представительства «столичных» вузов, которых в городе насчитывается свыше 10.

По уровню успеваемости в период обучения около 65% позиционируют себя «хорошистами», около 20% — «троечниками», остальные — «отличниками». Среди окончивших вуз доля «хорошистов» оказалась еще выше — более 70%, «троечниками» же себя назвали около 12%.

Среди респондентов наибольшую долю занимают выпускники с экономическим образованием (30,68%). В эту же группу попадает и часть респондентов с педагогическим образованием, общее количество которых составляет треть опрошенных. 22,82% выборки составляют лица с инженерным образованием, включая механическое, информационное, химическое, и др. Для систематизации полученных данных все представленные специальности были сведены в группы по направлениям профильных дисциплин (табл. 9).

Таблица 9

Структура респондентов по направлениям подготовки

Направления подготовки		Структура выборки	
		Количество респондентов, чел.	%
Точные	Информационно-математическое	59	16,16
	Техническое	93	25,48
	Естественнонаучное	29	7,95
Гуманитарные	Экономическое (торговое)	112	30,68
	Юридическое	12	3,29
	Социально-гуманитарное	47	12,88
	Языковое	13	3,56
Итого:		365	100,00

Среди всех опрошенных «выпускников» по полученной специальности работают только 29,55%. При этом среди лиц, имеющих экономическое образование, наблюдается наибольший процент работающих по специальности (43,75%). Знаково, что по окончании образовательного учреждения планируют работать по специальности порядка 35% опрошенных студентов. Справедливости ради отметим, что около 10% обучающихся уже совмещают учебу с работой по специальности.

Анализ проведенных исследований позволил установить, что более 40% опрошенных выпускников (бывших студентов) и более 60% нынешних студентов положительно относятся к параллельному рынку образовательных услуг, хотя не все из них, согласно результатам анкетирования, прибегали к подобным услугам в период обучения. Среди респондентов, окончивших вуз, те, кто сознался, что пользовался подобными услугами, составляют около трети опрошенных. При этом 48% из них ответили, что прибегали к данным услугам всего «1–2 раза», 42% — «изредка» и 10% — «часто». Среди нынешних студентов те, кто хотя бы раз пользовался подобного рода услугами, составляют более половины опрошенных. При этом резко возросла среди них и частота потребления. Так, на вопрос опросной анкеты о частоте пользования подобными услугами ответы распределились приблизительно поровну между вариантами: «1–2 раза»; «изредка»; «часто».

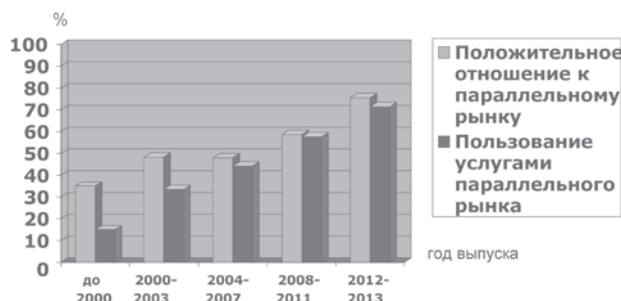

Рис. 1. Динамика спроса на услуги параллельного рынка

Если среди респондентов, окончивших вуз до 2000 г., к услугам продавцов параллельного рынка прибегало только 13% (рис. 1), среди выпускников 2000–2007 гг. уже 44%, то среди будущих выпускников их доля составит более 70%.

Отметим, что главные причины потребления «специфического товара» параллельного рынка — это нехватка времени, возможность подстраховки и проверки собственных знаний, а также простое нежелание самостоятельно выполнять контрольное аттестационное задание (табл. 10).

Подчеркнем, что в качестве основных причин, по которым респонденты не прибегали к подобным услугам, можно выделить «принципиальную позицию все делать самостоятельно», «недоверие сторонним исполнителям», «достаточный уровень собственной подготовки».

Таблица 10

Мотивы приобретения «специфического товара» параллельного рынка образовательных услуг

Причины пользования образовательными услугами параллельного рынка	«прошлыми» потребителями (выпускниками)		«настоящими» потребителями (студентами)	
	%	Ранг	%	Ранг
Нехватка времени	28,75	1	25,74	1
Подстраховка и проверка собственных знаний	20,42	2	19,64	3
Недостаточный уровень собственной подготовки (нехватка знаний)	17,92	3	16,83	4
Необязательность самостоятельного выполнения работ	17,08	4	17,49	5
Нежелание самостоятельно выполнять	15,83	5	20,30	2
Итого:	100,00	–	100,00	–

Кроме того, анализ результатов опросной статистики (табл. 11) позволил выявить влияние на частоту потребления «специфического продукта» прочих социально-биографических факторов (в частности, формы и основы обучения, уровня успеваемости в вузе). Так, среди лиц, обучающихся на заочном отделении и получающих второе высшее образование, пользование услугами параллельного рынка наблюдается гораздо чаще, чем среди студентов дневной формы обучения, что объясняется в первую очередь их трудовой занятостью.

Таблица 11

Факторный анализ изменения спроса на «специфический товар» параллельного рынка образовательных услуг

Социально-биографические факторы	Влияние факторов на реальный спрос	
	отмечено	не отмечено
1. Пол		+
2. Форма обучения	+	
3. Основа обучения	+	
4. Уровень успеваемости	+	
5. Уровень доходов		+
6. Карьерная ориентация		+

Среди лиц, обучающихся на контрактной основе, приобретение «специфического товара» в 1,5 раза выше, чем среди студентов бюджетной формы обучения. Интересным моментом является выявленная зависимость частоты пользования услугами параллельного рынка от уровня успеваемости (по самоопределению респондентов). Установлено, что чаще всего к подобным услугам прибегают студенты-«хорошисты», что, по всей вероятности, обусловлено их нацеленностью на получение высоких оценок без приложения личных усилий; соответственно, реже других — «отличники», ориентированные на получение качественного уровня профессиональной подготовки.

Среди видов работ, которые приходилось приобретать респондентам, чаще других встречаются курсовые проекты и рефераты (табл. 12). Примечательно, что более половины нынешних студентов планируют воспользоваться услугами продавцов параллельного рынка при написании дипломной работы.

Таблица 12

**Результаты анализа предпочтений покупателей «специфического товара»
параллельного рынка образовательных услуг**

Наименование видов работ	Для прошлых потребителей		Для современных потребителей	
	Доля приобретения от общего количества, %	Ранг	Доля приобретения от общего количества, %	Ранг
Курсовая работа	25,00	1	17,09	2
Реферат	15,90	2	20,51	1
Дипломная работа	13,64	3	–	–
Контрольная работа	11,35	4	12,82	3
Расчетное задание	9,09	5	11,97	4
Перевод	6,82	6	4,27	7
Доклад	4,55	7	9,40	6
Чертеж	4,55		9,40	
Задача	4,55		11,11	5
Отчет о практике	4,55		1,71	
Презентация	–	–	1,71	8

Среди учебных курсов, по которым респонденты прибегали к услугам параллельного рынка, явными «лидерами» выступают дисциплины социально-гуманитарного блока (табл. 13).

Таблица 13

Ранжирование приобретения аттестационных работ по направлениям дисциплин

Направления дисциплин	Ранг приобретения работ по направлениям дисциплин
Социально-гуманитарные	1
Информационно-математические	4
Естественнонаучные	5
Экономические	2
Технические	3
Иностранные языки	6
Юридические	7

Любопытным является то, что более 60% работ, согласно данным опросов «выпускников», и около 75% работ, согласно данным опросов нынешних студентов, было приобретено на «бартерной основе» у знакомых, сокурсников или старшекурсников (рис. 2). Кроме того, прослеживается тенденция увеличения работ, скопированных из Интернета.

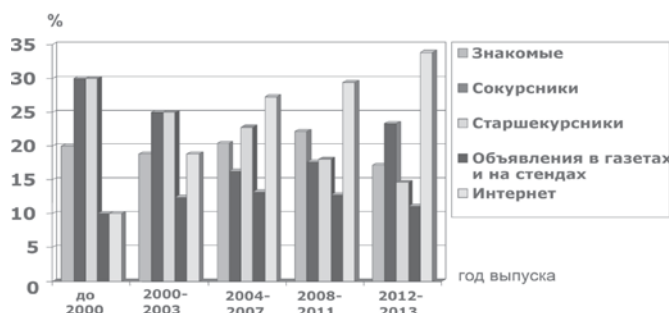

Рис. 2. Структура источников предоставления услуг параллельного рынка

Подчеркнем, что при выборе «продавца-исполнителя» наиболее важными критериями для «покупателя-заказчика» являются его профессионализм и сроки исполнения заказа, наименее значимым — стоимость предоставляемой услуги. Примечательно, что около 60% опрошенных потребителей исследуемого рынка, как правило, устраивает качество выполненного заказа. При этом наименьшая удовлетворенность результатами работы выявлена у «продавцов по объявлениям». Данный фактор, наряду с расширением сети Интернет, «конкурирующей» с «продавцами» образовательных

услуг, действующими посредством газетных объявлений, объясняет некоторое снижение покупательского спроса и, как следствие, цен и предложения на «газетном» рынке данных услуг.

Проанализированный нами материал, не претендующий на полноту и завершенность, нацелен на привлечение внимания научной и публичной общественности, соответствующих надзорных и правоохранительных органов к проблематике параллельного рынка образовательных услуг, который функционирует открыто и безбоязненно, а посему воспринимается большинством населения как некая норма постиндустриального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балацкий Е.В. Мимикрия российских вузов // Платное образование. 2007. № 3. С. 36–43.
2. Борисова О.В. Инновационный подход к исследованию рынка образовательных услуг // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2009. № 1. С. 352–356.
3. Борисова О.В., Повилягина Е.А., Миляева Л.Г. «Псевдоспециалист», или Кто в действительности вовлечен в современный учебный процесс вуза // Реформирование экономики: проблемы и решения: Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (17 сентября 2008 года, грант РГНФ № 08-02-140-47 г). Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2008. С. 28–34.
4. Высшее образование в России: правила и реальность / Авт. коллектив: А.С. Заборовская, Т.Л. Клячко, И.Б. Королев, В.А. Чернец, А.Е. Чирикова, Л.С. Шилова, С.В. Шишкин. М.: Независимый институт политики, 2004.
5. Леонтьева Э.О. Диплом «под ключ», или Неформальная практика опекунства в современных российских вузах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 4. С. 142–159.
6. Миляева Л., Борисова О. Как исследовать параллельный рынок образовательных услуг (опыт г. Бийска Алтайского края) // Служба занятости. 2006. № 8. С. 10–22.
7. Мирский А.С. Для поступления в вуз нужны деньги, а не знания // Совет ректоров. 2008. № 8. С. 11–12.
8. Никитов А. Учимся без шпаргалок: как сделать самостоятельную работу студентов действительно самостоятельной // Платное образование. 2006. № 9. С. 20–22.
9. Постановление Правительства РФ № 688 от 21 ноября 2005 г. «О присвоении статуса наукограда Российской Федерации г. Бийску (Алтайский край)».
10. Сказов Л.Б. Коррупция в вузе // Совет ректоров. 2007. № 10. С. 44–46.
11. Титаев К.Д. Почему экзамен для народа? Эту о коррупции в высшем образовании // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 2. С. 69–82.
12. Шевченко И.О., Гаврилов А.А. О теневых экономических отношениях в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 118–123.
13. Экономика образования и образование для экономики // Человек и труд. 2005. № 8. С. 40–45.

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА ПАРАМЕТРОВ ЛИЧНОСТНОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (опыт эмпирического анализа)¹

ДАВЫДЕНКО В.А.,

доктор социологических наук, профессор,
и.о. заведующего кафедрой экономической социологии,
Тюменский государственный университет,
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10

РОМАШКИН Г.С.,

преподаватель,
Тюменский государственный университет,
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10

Проведен анализ детерминации феномена доверия на основе эмпирических данных проведенного в 2010 г. общероссийского опроса. Используются индексы институционального и межличностного доверия. Показано, что в современной России межличностное доверие должно рассматриваться скорее как элемент культуры, а институциональное доверие — как продукт социально-экономических отношений.

Ключевые слова: межличностное и институциональное доверие; факторная структура; социальный капитал; социальная структура.

The analysis of the determination of the phenomenon of trust on the basis of empirical research in the various theoretical constructs is given. Indexes of institutional and interpersonal trust are used. It is shown that in modern Russia interpersonal trust should be seen as an element of culture, and institutional trust is a product of socio-economic relations.

Keywords: interpersonal and institutional trust; factor structure; social capital; social structure.

Коды классификатора JEL: J24, Z13.

С 1980-х гг. социологи и экономисты стали проявлять большой интерес к проблеме доверия. Сегодня в общественном мнении доминирует высокая оценка значения доверительных отношений, влияющих на многие ключевые экономические и социальные процессы. Для развития экономики постсоветской России необходим, как справедливо считают, не столько подъем нанотехнологий и наращивание прочих чисто технических ресурсов, сколько укрепление доверия как основы социального капитала. Поэтому измерение уровня доверия — одного из важнейших индикаторов запасов социального капитала в национальной экономике — является научной задачей, достойной самого серьезного внимания.

Большой интерес в мировой науке вызвал проект *World Values Survey (WVS)*, в рамках которого в 1990–2000-е гг. проводился мониторинг показателей доверия в нескольких десятках стран мира². В нашей стране начали проводиться и собственные мониторинги доверия — так, в 2009 г. появилась работа П.М. Козыревой, в которой доверие рассматривается как характеристика социального капитала и используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) [3].

Типологии доверия строятся по нескольким критериям. Чаще всего обращают внимание на необходимость различать доверие (меж)личностное (т.е. доверие между людьми) и институциональное доверие (т.е. доверие людей к социальным институтам и их представителям). Некоторые исследователи, используя по существу тот же самый критерий, выделяют вертикальное и горизонтальное доверие: под вертикальным доверием понимают доверие к социальным организациям (правительству, органам правопорядка, церкви, профсоюзам...), а под горизонтальным — доверие к людям.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ, грант № 09-03-00676а. Авторы статьи благодарят д. соц. н. Ю.В. Латова за помощь в подготовке статьи.

² См. информацию на сервере проекта // <http://www.worldvaluessurvey.com>.

Всегда подчеркивается, что если личное доверие это своего рода фундамент *любого* общества, то институциональное доверие — основа жизни *сложно организованных* обществ, где существуют специальные организации, которые генерируют и поддерживают «правила игры».

Для компаративистского анализа межличностного и институционального отношений доверия в различных странах современного мира, включая и Россию, в 2008 г. по инициативе японских социологов под руководством профессора Мисамиси Сасаки было начато широкомасштабное эмпирическое исследование «Сравнительные исследования доверия в различных странах в период глобализации» [1]. В рамках данного проекта в феврале 2009 г. ВЦИОМом по заказу социологов из Тюменского государственного университета, которые в рамках проекта отвечали за его российскую часть, проводился общероссийский социологический опрос³. В данной статье изложены некоторые результаты данного проекта (далее — проекта *TRUST*). Мы попытаемся выяснить, какими факторами детерминируется уровень доверия и какая из теорий, концептуализирующих проблему доверия, более адекватно объясняет характеристики доверия в современной России.

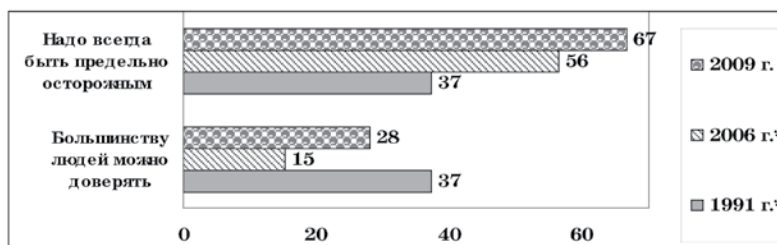
1. Детерминация межличностного доверия

Чтобы рассмотреть факторную структуру доверия в обществе, будем использовать индексы институционального и межличностного доверия. Эти индексы позволяют визуализировать структуру доверия и облегчают факторный анализ, поскольку с их помощью происходит размещение конкретного параметра на шкале от 0 (все 100% совершенно не доверяют) до 1 (все 100% высказывают полное доверие).

Индекс межличностного доверия — это доля респондентов (в %), отмечающих, что большинству людей можно доверять. За отправную точку анализа отношений межличностного доверия в обществе принято брать ответы респондентов на вопрос «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?». Этот вопрос встречается практически в каждом эмпирическом исследовании проблемы доверия. Во время всероссийского опроса по проекту *TRUST* 28% респондентов ответили, что «большинству людей можно доверять» (проявили склонность к доверию), а 67%, — что «надо всегда быть предельно осторожным» (проявили склонность к осторожности). Остальные респонденты ответили «другое» или «не знаю». Таким образом, современный индекс межличностного доверия в России составляет 28%.

Наш результат можно сравнить с данными предыдущих опросов, поскольку в вопроснике, использованном РМЭЗ в октябре 2006 г., вопрос имел аналогичную редакцию: «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?». Однако при сравнении надо учитывать, что в вопроснике РМЭЗ респондентам предлагалась не вполне логически упорядоченная шкала ответов: «надо всегда быть предельно осторожным», «большинству людей можно доверять», «и то, и другое», «в зависимости от человека, от условий», «затрудняюсь ответить». В исследовании же *TRUST* 2009 г. применялась более простая шкала ответов на тот же вопрос: «надо всегда быть предельно осторожным», «большинству людей можно доверять», «другое», «затрудняюсь ответить». По обоим исследованиям можно выделить группы людей — «склонные к доверию» (доверчивые) и «склонные к недоверию» (недоверчивые), но следует помнить об известной относительности сравнений между этими исследованиями⁴.

Диаграмма (рис. 1) показывает, что в сравнении с дореформенным (советским) периодом уровень доверия в постсоветской России заметно снизился. Наблюдаемая эмпирически динамика подтверждает, хотя и частично, вывод П.М. Козыревой: «Довольно низкие показатели взаимного доверия в современном российском обществе свидетельствуют о том, что общество по прошествии полутора десятков лет с начала радикальных реформ не смогло восстановить подорванный социальный капитал и находится в раздробленном, мозаичном состоянии» [3].

*Данные 1991 г. и 2006 г. приведены по источнику [9].

Рис. 1. Динамика отношений доверия между людьми (в % к числу опрошенных)

³ Опрос проводился методом стандартизированного интервью по месту жительства респондентов. В ходе этого опроса по репрезентативной выборке проанкетировано 1600 человек в возрасте от 20 лет и старше, проживающих в различных городах и селениях России.

⁴ Существует мнение что, межличностное доверие не отражает принципиальное согласие респондента с утверждением «большинству людей можно доверять», а лишь свидетельствует о соответствующих социально-психологических установках [2]. Такая точка зрения справедлива и относительна в той же степени, как и признание эмпирического потенциала данного суждения в измерении межличностного доверия в обществе.

Однако, на наш взгляд, вывод о раздробленности и мозаичном состоянии российского общества, сделанный П.М. Козыревой, не вполне верен. Наши исследования позволяют утверждать, что в современном российском обществе идет процесс восстановления доверия, хотя и не столь быстро.

В теории доверия выделяются два научно-исследовательских направления, по-разному объясняющих факторы, влияющие на уровень доверия в обществе. Первое обращает преимущественное внимание на психологические моменты (мотивацию, намерения, установки) и приводит к психологической модели доверия. Второе выделяет социокультурные компоненты (правила, ценности, нормы, символы) и работает в парадигме культуралистской социологии доверия. Если в психологическом подходе доверие понимается как личностная установка, то в социокультурном — в качестве характеристики межличностных отношений и как культурный ресурс индивида. Ко второму направлению примыкает социоструктурная традиция, когда исследуют взаимодействие социокультурных и социоструктурных факторов и их влияние на динамику доверия.

Для оценки уровня влияния различных факторов на уровень доверия нами был проведен анализ при помощи критерия χ^2 , и корреляционный анализ по критерию Спирмена (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции Спирмена (Srho) для факторов личностного доверия

	Корреляция	Согласие с суждением «Большинству людей можно доверять»	Образование	Семейный доход (совокупный)	Текущий уровень жизни	Размер города	Пол	Возраст
Согласие с суждением «Большинству людей можно доверять»	Srho	1	0,015	0,055	-0,040	0,002	-0,023	-0,046
	Значимость	.	0,284	0,030	0,062	0,475	0,189	0,036
Образование	Srho	0,01	1	0,207**	-0,141**	-0,180	0,022	-0,136**
	Значимость	0,28	.	0,000	0,000	0,000	0,188	0,000
Семейный доход (совокупный)	Srho	0,05	0,207	1	-0,232**	-0,246	-0,065**	-0,253**
	Значимость	0,03	0,000	.	0,000	0,000	0,011	0,000
Текущий уровень жизни	Srho	-0,04	-0,141**	-0,232**	1	0,005	0,078	0,280
	Значимость	0,06	0,000	0,00	.	0,422	0,001	0,000
Размер города	Srho	0	-0,180**	-0,25	0,005	1	-0,036	0,029
	Значимость	0,47	0,000	0,00	0,422	.	0,080	0,124
Пол	Srho	-0,02	0,022	-0,06	0,078	-0,036	1	0,102**
	Значимость	0,19	0,188	0,01	0,001	0,080	.	0,000
Возраст	Srho	-0,05	-0,136**	-0,25**	0,280**	0,029	0,102**	1
	Значимость	0,04	0,000	0,00	0,000	0,124	0,000	.

Вычисляется односторонняя корреляция Спирмена (Srho) и значимость (вероятность) ошибки.

Значимыми считаются корреляции, для которых ошибка не превышает 0,01 (односторонние).

** помечаются максимально значимые корреляции (ошибка не превышает 0,0001).

Мы видим, что в третьем столбце нет ни одного значимого показателя. Это означает, что между уровнем межличностного доверия и фигурирующими в таблице 1 социоструктурными характеристиками респондентов нет взаимосвязи. Например, влияние возраста респондентов на уровень межличностного доверия не имеет статистически значимого уровня, а кривая зависимости волнообразно колеблется вокруг среднего (рис. 2). Можно утверждать, что тенденция снижения уровня межличностного доверия в постсоветском российском обществе объясняется в основном личным опытом респондентов, и это подтверждается на эмпирическом уровне.

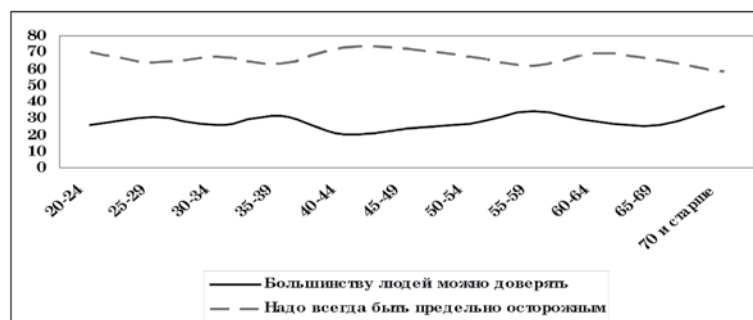

Рис. 2. Влияние возраста респондентов на уровень межличностного доверия (% от числа опрошенных)

Согласно данным опроса, более осторожные респонденты имеют больше вероятности попасть в более высокий социальный класс и иметь более высокий уровень дохода (рис. 3): медианный уровень жизни респондентов, склонных к доверию, — это 4 («ниже среднего уровня»), тогда как медианный уровень жизни респондентов, склонных к осторожности, — это 3 («средний уровень»). На наш взгляд, не случайно наименее склонны к безоговорочному доверию представители возрастных когорт от 40 до 55 лет, по которым сильнее всего ударили «шоки» 1990-х гг. и последующие годы нестабильности.

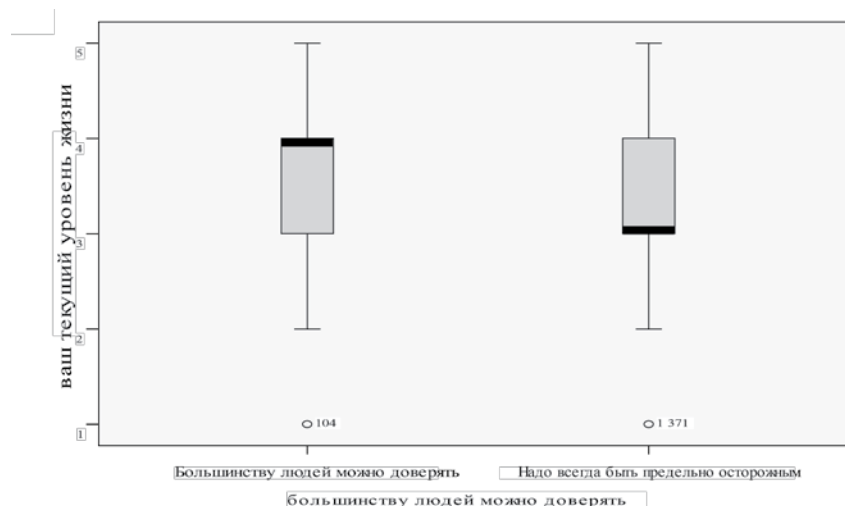

Рис. 3. Коробчатая диаграмма⁵ среднего текущего уровня жизни социальных групп по типу доверия (шкала оценки уровня жизни: 1 — высший класс; 5 — нижний класс)

2. Детерминация институционального доверия

Индекс институционального доверия мы предлагаем рассчитывать как среднее арифметическое от частных индексов доверия к различным социальным институтам. Поскольку в анкете, использовавшейся в 2009 г. при опросе по проекту *TRUST*, рассматривалось 12 социальных институтов, то для расчета индекса институционального доверия надо найти сумму частных индексов и разделить ее на 12.

Каждый частный индекс находится по формуле средневзвешенного:

$$I_d = (3 * I_1 + 2 * I_2 + I_3) / (3 * (1 - I_5 / 100)),$$

где I_1 — это доля респондентов, ответивших на вопрос о соответствующем институте «полностью доверяю»;

I_2 — ответившие «в чем-то доверяю»;

I_3 — «не очень доверяю»;

I_5 — «не знаю».

Индекс институционального доверия будет равен 1, если 100% опрошенных отвечают «полностью доверяю», и равен 0, если 100% опрошенных совершенно не доверяют никому.

Мы нормируем индекс по доле ответивших на вопрос о доверии, поскольку нет информации о доверии респондента к тому институту, о котором он не знает. В случае если респондентов, ответивших «не знаю» много⁶, абстрагирование от них существенно исказит данные об уровне доверия.

Для оценки уровня институционального доверия респондентам предлагался список социальных организаций, играющих важную роль в жизни российского общества. Респонденту необходимо было оценить, насколько он доверяет или не доверяет каждому из них. Средние значения частных индексов институционального доверия приведены на рис. 4.

Медианный уровень индекса институционального доверия в российском обществе к 2009 г. составляет 45, то есть доверие к местному правительству и есть медиана институционального доверия. Доверие Госдуме РФ и милиции ниже среднего, тогда как выше среднего уровень доверия к различным социальным службам, здравоохранению, прессе и телевидению, федеральному правительству, науке и технологиям.

⁵ Коробчатая диаграмма состоит из прямоугольника, занимающего пространство от первого до третьего квартиля; линия внутри этого прямоугольника соответствует медиане.

⁶ В нашем исследовании ответивших «не знаю» много среди малообразованных респондентов (менее 10 классов), среди респондентов старше 60 лет, а также среди всех социальных групп, отвечавших на вопросы о доверии негосударственным организациям (21%), науке и технологии (14%), безопасности атомных электростанций (17%), социальной службе (9% от выборки).

Рис. 4. Средние значения частных индексов институционального доверия (100 — все полностью доверяют, 0 — все полностью не доверяют)

Как показывают результаты нашего опроса, уровень доверия практически ко всем социальным организациям в современной России оказался достаточно низок. Медианный ответ (45 единиц) колеблется между вариантами «в чем-то доверяю» и «не очень доверяю». Эти результаты следует интерпретировать как свидетельство высокого уровня отчужденности россиян от власти. По всем организациям, кроме федерального правительства, медиана ответов ближе к варианту «не очень доверяю». Меньше всего граждане доверяют негосударственным организациям и собственной безопасности (ведь безопасность пищевых продуктов и атомных электростанций можно рассматривать как индикаторы того, насколько общество доверяет тому, как государство обеспечивает контроль за безопасностью в данной сфере).

Рассмотрим факторную структуру институционального доверия.

Оказалось, что социоструктурные характеристики не определяют уровень институционального доверия (статистическая устойчивость связи низка), но, безусловно, влияют на него (табл. 2).

Это показывает принципиальное отличие структуры институционального доверия от структуры доверия межличностного, в отношении которого столь явных социоструктурных различий выявлено не было. Более того, по ряду факторов вектор связи межличностного доверия противоположен по отношению к вектору доверия институционального. В первую очередь это относится к таким факторам, как доход респондента и его статус.

Ранее мы показали (рис. 2), как незначительно колеблется индекс межличностного доверия в российском обществе в зависимости от возраста респондента. Институциональное доверие гораздо сильнее, чем межличностное, зависит от возраста (рис. 5). Однако общего тренда нет, в целом колебания носят скорее волнообразный характер. Заметно, что есть институты, доверие к которым с возрастом растет, — это в основном социально-политические институты (Правительство, Госдума РФ, СМИ и т.д.). Уровень доверия к науке и технологиям, самый высокий по всей выборке, снижается с возрастом, уровнем образования и уровнем социального положения. Но необходимо помнить, что здесь снижение обеспечивается увеличением доли ответов «не знаю». Уровень доверия к безопасности, негосударственным организациям и милиции довольно существенно колеблется, но тренда не имеет.

Интересно отметить, что индексы межличностного и институционального доверия с возрастом колеблются практически в противофазе. Четко видно, что для тех возрастных когорт, для которых повышается индекс межличностного доверия, индекс институционального доверия снижается.

Можно было бы предположить, что межличностное и институциональное доверие дополняют друг друга. Данное предположение, хоть и неявно артикулируемое, часто встречается в литературе (см., напр.: [5]). Но статистически данное предположение не подтверждается, поскольку между усредненным институциональным и межличностным доверием на общем массиве данных (т.е. на уровне респондента) найдена лишь слабая прямая зависимость: коэффициент Тау — Кендалла равен 0,146 при уровне асимптотической стандартной ошибки 0,027 и ошибки аппроксимации менее 0,001; коэффициент корреляции Спирмена равен 0,175 при уровне асимптотической стандартной ошибки 0,032 и ошибке аппроксимации менее 0,001, а тест Хи-квадрат Пирсона дает максимально значимый вывод об отказе от нуль-гипотезы. Т.о. «в среднем» наблюдается слабо выраженное влияние склонности к доверию «вообще», которое, впоследствии, корректируется внешними факторами.

Позволим себе акцентировать внимание читателей на важном для нас наблюдении: усреднение доверия по социальным группам и возрастным когортам резко меняет вектор: зависимость становится отрицательной (обратной) и сильной.

Таблица 2

**Факторная структура частных индексов институционального доверия
(100 — все полностью доверяют, 0 — все полностью не доверяют)**

Социоструктурные группы респондентов	Милиция	Федеральное правительство	Местное правительство	Дума РФ	Негосударственные организации	СМИ	Социальные институты	Наука и технологии	Безопасность
Пол									
Мужской	41	49	44	41	35	51	53	68	41
Женский	46	55	46	43	35	54	57	68	36
Образование									
Начальная или не законченная средняя школа	49	56	49	47	34	57	61	66	42
Средняя школа	45	53	45	43	35	54	56	68	41
Четырехлетний колледж, университет	41	49	43	40	34	49	52	69	37
Аспирантура	43	53	45	39	33	48	58	72	42
Текущий уровень жизни									
Высший класс	56	67	56	50	52	63	66	77	41
Верхний средний класс	48	56	56	52	43	56	61	65	41
Средний класс	44	53	47	43	35	55	56	69	41
Нижний средний класс	43	50	44	41	36	51	54	69	38
Нижний класс	42	51	41	41	34	52	52	64	34
Размер и тип населенного пункта									
500 000+	38	49	42	38	35	51	54	73	38
100 000–500 000	44	54	50	45	37	49	55	66	37
до 100 000	45	64	58	48	39	50	51	63	32
50,000+	43	47	45	37	33	55	55	68	39
25 000–50 000	41	51	41	46	34	53	48	61	38
10 000–25 000	36	54	36	42	34	54	54	68	36
до 10 000	49	56	43	46	33	58	60	72	44
Поселение сельского типа	50	55	46	43	36	56	59	66	41

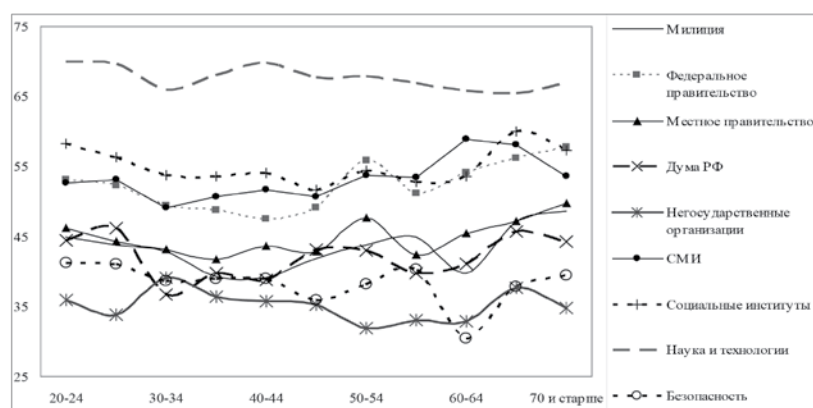

Рис. 5. Частные индексы институционального доверия в зависимости от возраста респондентов
(100 — все полностью доверяют, 0 — все полностью не доверяют)

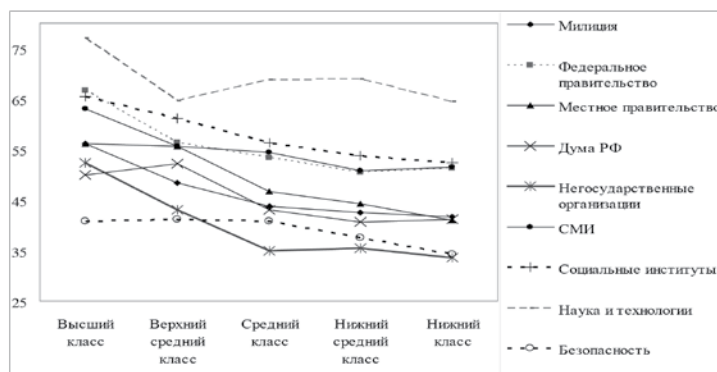

Рис. 6. Частные индексы институционального доверия в зависимости от уровня жизни респондента) (100 — все полностью доверяют, 0 — все полностью не доверяют)

Зависимость институционального доверия от социоструктурных характеристик наиболее четко проявляется в зависимости институционального доверия от уровня жизни (рис. 6). Аналогичным образом сильно влияет на институциональное доверие и доход домохозяйства.

3. Общие выводы о факторной детерминации доверия в современной России

Индивиды могут рассматриваться

- 1) либо как элементы *социальной системы* (структуры), и их действия в решающей степени детерминированы местом в системе социоэкономических отношений;
- 2) либо как элементы *культурной системы*, и их действия определяются нормами и правилами, сложившимися в этой культуре (например, в «культуре бедности» или в «культуре среднего класса»), а индивидуальное действие выступает как результат социальных переменных, но не личностных качеств.

Если межличностное доверие слабоэластично по социоструктурным параметрам, то институциональное доверие существенно связано с рядом социоструктурных параметров (табл. 3). Это значит, что, судя по нашему исследованию, в современной России межличностное доверие должно рассматриваться скорее как элемент культуры, а институциональное доверие есть продукт социально-экономических отношений. Именно такой вывод объясняет большую эластичность институционального доверия по социоструктурным переменным, часто противоположную направленность векторов межличностного и институционального доверия в разрезе социальных групп.

Резюмируя, заметим, что доверие имеет высоко коррелированную внутреннюю структуру: люди, доверчивые по отношению к другим людям, склонны больше доверять и социальным институтам (всем без исключения). Но доминирующий вклад в изменчивость институционального доверия вносят не социально-психологические, а социоструктурные параметры.

4. Межрегиональные различия по уровню доверия

Анализ территориальных (с разбивкой по федеральным округам) различий в уровне доверия показывает (рис. 7), что в России встречаются самые разные сочетания межличностного и институционального доверия.

Как указывает А.Н. Олейник, возможны четыре варианта такого соотношения [4, с. 44].

- 1) Высокое личностное и институциональное доверие: общество обладает значительным социальным капиталом, а власть, в свою очередь, способствует его сохранению и воспроизводству. Согласно данным нашего исследования, более других регионов близок к такому оптимальному соотношению Уральский ФО.
- 2) Высокий уровень личностного доверия при низком уровне доверия институционального: общество существует автономно от власти. В нашем исследовании такого варианта не найдено.
- 3) Высокий уровень институционального доверия при низком уровне доверия личностного: социум не может функционировать самостоятельно, он практически полностью зависит от властных инициатив. В нашем исследовании этот вариант соответствует показателям Дальневосточного ФО.
- 4) Низкое личностное и институциональное доверие: социальные взаимодействия в обществе парализованы, власть не способна контролировать ситуацию, координированные действия сильно затруднены ввиду взаимного недоверия. Как ни странно, но ближе других регионов к данному показателю оказался Северо-Западный ФО.

Таблица 3

**Факторы дифференциации доверия, выявленные при проведении
общероссийского опроса в 2009 г.**

Характеристики доверия	Межличностное доверие	Институциональное доверие					Безопасности
		Науке и технологиям	Социальным институтам, СМИ	Федеральному и местному правительству, Государственной Думе	Милиции	Негосударственным организациям	
Уровень доверия	Низкий	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий	Низкий
Возраст как фактор дифференциации	Волнообразные колебания	Волнообразные колебания	Волнообразные колебания с повышательным трендом	Волнообразные колебания с повышательным трендом	Волнообразные колебания с повышательным трендом	Волнообразные колебания	Волнообразные колебания с понижательным трендом
Гендер как фактор дифференциации	Отсутствие зависимости	Отсутствие зависимости	Слабая обратная зависимость (мужчины доверяют меньше, чем женщины)	Слабая зависимость (мужчины доверяют меньше, чем женщины)	Слабая зависимость (мужчины доверяют меньше, чем женщины)	Отсутствие зависимости	Обратная зависимость (мужчины доверяют больше, чем женщины)
Регион проживания как фактор дифференциации	Слабая зависимость	Существенная зависимость	Существенная зависимость	Существенная зависимость	Существенная зависимость	Существенная зависимость	Существенная зависимость
Образование как фактор дифференциации	Отсутствие зависимости	Существенная прямая зависимость	Существенная обратная зависимость	Существенная обратная зависимость	Существенная обратная зависимость	Существенная обратная зависимость	Слабая зависимость
Уровень жизни (и/или) доход как фактор дифференциации	Слабая обратная зависимость	Существенная прямая зависимость	Существенная прямая зависимость	Существенная прямая зависимость	Существенная прямая зависимость	Существенная прямая зависимость	Слабая зависимость
Тип населенного пункта как фактор дифференциации	В городах ниже, чем в сельских н/п	В городах ниже, чем в сельских н/п	В городах ниже, чем в сельских н/п	В городах ниже, чем в сельских н/п	В городах ниже, чем в сельских н/п	Нет зависимости	В городах ниже, чем в сельских н/п

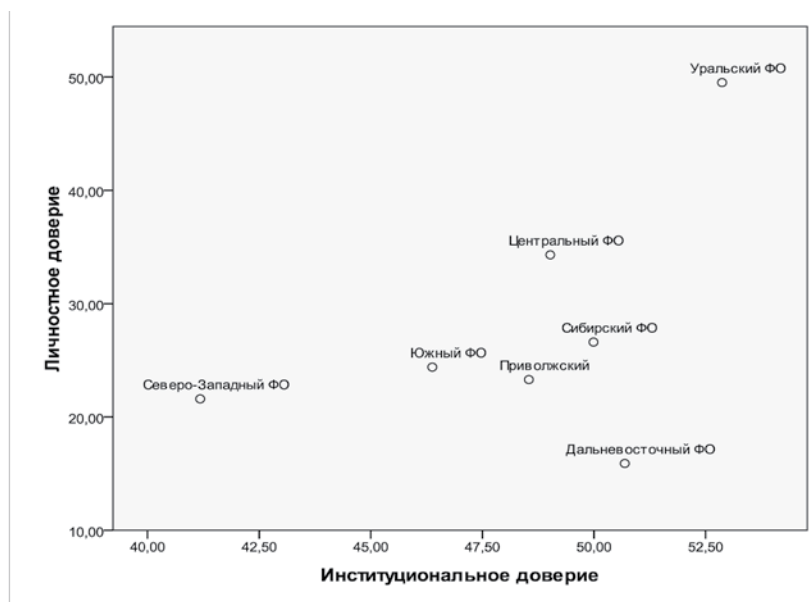

Рис. 7. Разброс индексов межличностного и институционального доверия в зависимости от места проживания респондентов по федеральным округам России (100 — все полностью доверяют, 0 — все полностью не доверяют; линия показывает диагональ, соединяющую точки с координатами (0; 0) и (100; 100)).

Основная часть макрорегионов РФ тяготеет к ситуации, когда уровень личностного доверия ниже среднего (25–30%) сочетается со средним (45–50%) уровнем институционального доверия (Южный, Сибирский, Приволжский ФО). Центральный ФО имеет относительно средний уровень как по личностному, так и по институциональному доверию.

В литературе уже отмечалось [1, с. 83–101], что на ментальной карте мира по показателям межличностного и институционального (по отношению к властям) доверия диагональная прямая с некоторой долей условности делит страны мира на две группы: выше этой прямой доминируют развитые страны (в основном страны западной цивилизации), а ниже — развивающиеся страны (страны восточных цивилизаций). Согласно рис. 7, в современной России нет ни одного региона с уровнем доверия, типичным для развитых стран, поскольку все федеральные округа находятся ниже диагональной прямой. В то же время можно сказать, что с точки зрения показателей доверия (как характеристики социального капитала) наиболее развитым является Уральский ФО. Дальневосточный ФО, напротив, наиболее похож на развивающиеся страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкина Г.Ф., Сасаки М. Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») // Вопросы экономики. 2010. № 2.
2. Кертман Г. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4.
3. Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1.
4. Олейник А.Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «русского простого человека» // Политические исследования. 2001. № 2.

СТАРАЯ И НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА. ПРЕДМЕТ И МЕТОД КОМПАРАТИВИСТИКИ¹

НУРЕЕВ Р.М.,

доктор экономических наук,
заведующий кафедрой экономического анализа
организаций и рынков,
ординарный профессор ГУ-ВШЭ,
e-mail: nureev@hse.ru

В главе учебника по экономической компаративистике осуществляется сравнение реального с виртуальным, показываются единство и различия старой и новой компаративистики, характеризуются основные черты метода. Приводятся учебно-методические материалы.

Ключевые слова: позитивная и нормативная экономическая наука; новая экономическая история; *QWERTY*-эффекты; зависимость от траектории предшествующего развития; ордо-либерализм; теория регуляции; экономическое моделирование.

In the chapter from comparative economics textbook reality and virtuality are compared; common features and distinctions between old and new comparative science are demonstrated; the main features of comparative method are characterized. The workbook is attached.

Keywords: positive and normative economic science; new economic history; *QWERTY*-effects; path dependence; ordo-liberalism; theory of regulation; economic modelling.

Коды классификатора JEL: P00, P51, C01, C51

4.1. Сравнение реального с виртуальным

Перед экономической наукой стоит двойная задача — объективная и субъективная, или, выражаясь другими словами, позитивная и нормативная (см. рис. 4.1).

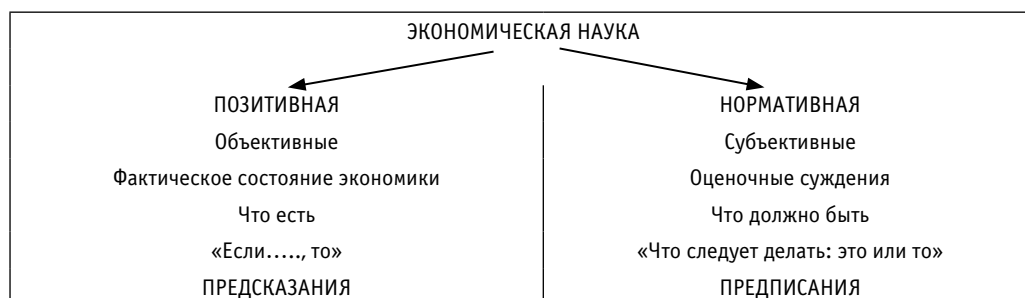

Рис. 4.1. Позитивный и нормативный аспекты экономической науки

Экономическая наука носит как позитивный, так и нормативный характер. Поскольку экономическая наука анализирует поведение участников экономических процессов, постольку она носит позитивный, отражающий объективную реальность характер. Эти участники, подчиняясь ограничениям, которые накладывают природа и общество, обладают свободой действия. Тем не менее конечный результат их деятельности объективен, не зависит от воли и сознания отдельных индивидов. Более того, такой результат далеко не всегда оптимален, что связано как со сложившимися в обществе институтами, так и с иррациональностью отдельных действий хозяйствующих субъектов. Поскольку экономическая наука носит нормативный характер, то есть стремится найти наилучшие формы организации производства, постольку она создает своего рода идеальную модель человеческой деятельности в сфере экономики.

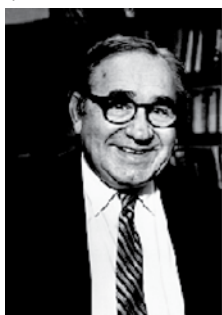
¹ Начало см.: *Terra Economicus*. 2010. Том 8. № 1, 2.

«Игры с прошлым» в новой экономической истории

Новая экономическая история на начальном этапе (примерно до 1980-х гг.) развивалась как «заговор молодых технарей против уважаемых ученых» (Williamson S.H., 1994, p. 114)². «Молодые технари» начали активно использовать компьютерный анализ исторической статистики. Основными темами для них стали почти исключительно вопросы экономической истории США XIX в.: экономика рабства на Юге до Гражданской войны, транспортная революция 2-й половины XIX в., формирование национального рынка труда, экономические кризисы.

Чтобы лучше понять «блеск и нищету» американской клиометрики, остановимся подробнее на изучении экономики рабства, поскольку в этом вопросе, когда речь идет о конкуренции национальных моделей экономического развития, необычайно важен учет именно институциональных аспектов.

Еще в первой половине XX в. в американской историографии сложилось два полемизирующих друг с другом подхода к анализу экономики рабства и его последствий. Одни экономисты обращали основное внимание на «провалы» рабовладельческой системы и на незавершенность эмансипации рабов, другие — на эффективность экономики рабовладельческого Юга и на разрушительные последствия ее неудачного реформирования. «Критики Юга» трактуют его как аграрное неорабовладельческое общество, «защитники Юга» — как своеобразную разновидность капитализма. Роль «защитников» с 1950-х гг. взяли на себя как раз клиометристы³.

Роберт Фогель
(р. 1926)

Свой вклад в клиометрический анализ экономики американского рабства внес и Д. Норт. В своей книге «Рост и благосостояние в американском прошлом: новая экономическая история» (North D.C., 1966) он обратил особое внимание на ускоренное социально-экономическое развитие рабовладельческого Юга. Используя методы экономико-математического анализа, Д. Норт подверг критике господствовавшее ранее мнение, будто хозяйство предвоенного Юга было убыточным и застойным. Он подчеркнул, напротив, что само по себе плантационное рабство вовсе не вело ни к упадку предпринимательской деятельности, ни к уменьшению производственных инвестиций.

Еще большую известность завоевала монография Р. Фогеля и С. Энгермана «Время на кресте» (Fogel R.W., Engerman S.L., 1974), которая подытожила аргументы об экономической эффективности рабства, став своеобразным манифестом «защитников Юга» и вызвав бурную дискуссию. Ее называют наиболее спорной книгой, когда-либо написанной об американском рабстве, но одновременно и оказавшей самое сильное влияние на современные научные воззрения по этой проблеме. В этой монографии клиометрический подход к рабству получил наиболее комплексное выражение.

Одно из главных открытий Р. Фогеля и С. Энгермана — доказательство высокой сравнительной эффективности рабовладельческих хозяйств Юга, превосходящей эффективность свободных от рабского труда форм хозяйствования.

Методологической проблемой, которую необходимо разрешить для сравнения рабовладельческих и не-рабовладельческих хозяйств, было разное их ресурсное обеспечение. Типичная рабовладельческая плантация имела гораздо больше земли, физического капитала и работников, чем средняя не-рабовладельческая ферма, а потому непосредственно сравнивать их эффективность нельзя.

Чтобы оценить относительную эффективность хозяйств, Фогель и Энгерман использовали индекс «полная производительность фактора» (*total factor productivity*), который измерял выпуск (*output*) на среднюю единицу ресурса (*input*) для каждого типа сельскохозяйственных предприятий. Чтобы проанализировать производительность факторов производства, они воспользовались функцией Кобба — Дугласа $Q = AL^{\alpha L} K^{\alpha K} T^{\alpha T}$, где Q — производство, L — затраты труда, K — физического капитала (машин и др.), а T — земли. В этой формуле показатели αL , αK и αT отражают пропорцию влияния на выпуск каждого из факторов.

Таблица 4.1

Относительная эффективность сельскохозяйственного производства по регионам Соединенных Штатов, 1860 г.

Регионы	Использование свободного труда	Использование рабского труда	В целом
Север	1,00		1,00
Юг	1,09	1,40	1,35
Старый Юг		1,19	
Новый Юг		1,53	

² Данный раздел написан вместе с Ю.В. Латовым.

³ Первыми, кто еще в 1950-е гг. использовал клиометрические методы для изучения экономики американского рабовладельческого Юга, считают А. Конрада и Дж. Мейера, пионеров новой экономической истории (см.: Conrad Alfred H., Meyer John R., 1964).

Результаты обработки баз данных по этой методике привели авторов «Времени на кресте» к очень любопытным количественным оценкам (табл. 4.1), на основе которых Р. Фогель и С. Энгерман сформулировали следующие выводы.

В 1860 г. сельское хозяйство Юга в целом было на 35% эффективнее (если рассматривать выпуск при одинаковом количестве ресурсов), чем сельское хозяйство Севера.

Использувавшие труд рабов южные фермы были на 28% более производительны, чем южные не-рабовладельческие фермы, и на 40% более производительны, чем северные не-рабовладельческие фермы.

Основанные на свободном труде фермы Старого Юга имели ту же производительность, что и свободно-трудовые фермы Севера. Сельское хозяйство с использованием рабов на Старом Юге было на 19% более производительным, чем свободно-трудовые фермы Севера, а сельское хозяйство с использованием рабов на Новом Юге⁴ — на 53% более производительным, чем северное свободно-трудовое сельское хозяйство.

Преимущества рабовладельческих хозяйств, по мнению авторов «Времени на кресте», отчасти связаны с эффектом экономии на масштабе, с преимуществами крупного производства над мелким, причем этот эффект наиболее сильно влиял на хозяйства средних размеров, использовавшие 15–50 рабов. Но южные плантаторы очень умело использовали также универсальные для рыночного хозяйства преимущества разделения труда, специализации и кооперации. Они сознательно стремились добиться дисциплинированного и скоординированного использования рабочей силы негров-рабов, организуя их труд наподобие сборочной линии в промышленности. Это достигалось высоким уровнем разделения труда внутри «черных бригад», работавших под надзором квалифицированных надсмотрщиков из числа самих рабов, которые, подобно бригадирам, следили за поддержанием высокого темпа производства.

Книга «Время на кресте» послужила катализатором для большого количества последующих клиометрических исследований по экономике рабства. В конечном счете большинство выводов Р. Фогеля и С. Энгермана оказались принятыми научным сообществом⁵. Сам Р. Фогель подвел итоги этого направления своих исследований в книге «Без согласия и контракта» (*Fogel R.W., 1989*), где сформулировал вывод, что причиной Гражданской войны была вовсе не экономическая неэффективность рабства, а моральное неприятие свободолюбивыми американцами института рабства как системы насилия и угнетения.

Результаты клиометрических исследований «защитников Юга» наглядно показывают не только творческий потенциал нового научного течения, но и его ограниченность.

Исследования Р. Фогеля и его сторонников прямо никогда не подчеркивают своей связи с институциональной традицией: ведь клиометрики «молятся» числам, а «старый» институционализм, наоборот, возник как протест против экономико-математического формализма. Однако объективно «защитники Юга» доказали как раз необычайно высокое значение институциональных, не-экономических факторов экономической истории. Ведь согласно их выводам влияние моральных норм перевесило чисто экономическую рациональность, поскольку-де американцы разрушили эффективный рабовладельческий уклад под влиянием преимущественно нравственных побуждений. Таким образом, подспудно клиометрические исследования экономики рабства дают очень весомый аргумент экономистам-институционалистам.

Другим интересным примером «игр с прошлым» является анализ транспортной революции в США. Этому посвящена контрфактическая модель Р. Фогеля. Традиционная точка зрения исходила из того, что строительство железных дорог в 1860–1890-е гг. было важнейшим стимулом экономического роста США. Р. Фогель предложил модель «США без железных дорог»⁶.

Основная идея заключалась в том, что вместо строительства железных дорог могли развиваться строительство речных каналов и развитие дилижансных дорог. Р. Фогель осуществляет вычисление «общественного сбережения» по следующей формуле:

$$A = p_2 T d_2 - p_1 T d_1,$$

где:

- p_1 — действительная цена перевозок;
- p_2 — цена перевозок в контрфактической ситуации;
- d_1 — действительное расстояние перевозок;
- d_2 — расстояние перевозок в контрфактической ситуации;
- T — тоннаж перевозок.

Какие выводы делает Р. Фогель из своей контрфактической модели? Довольно парадоксальные. Оказывается, что вклад железнодорожного строительства в экономический рост США крайне мал. В 1890 г. ВВП США без железных дорог был бы ниже достигнутого всего на 1,8%.

Однако далеко не все согласились с выводами контрфактической модели Р. Фогеля. Критика была двух видов — негативной и позитивной.

⁴ Новым Югом называли присоединенные уже в XIX в. штаты Луизиана, Техас, Миссури и Арканзас, отличая их от штатов Старого Юга (Северная и Южная Каролина, Алабама, Джорджия и др.).

⁵ Кстати, вывод клиометриков о преимущественно капиталистическом характере экономики американского рабства совпадает с мнением К. Маркса: «...Здесь перед нами капиталисты, строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а прививается ему» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 329*).

⁶ *Fogel, R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. John Hopkins University Press, 1964.*

Негативная критика заключалась в том, что историк-де не может достоверно предсказать альтернативный ход исторического развития (Ф. Редлих). Позитивная же критика исходила из того, что Р. Фогель не учел того, что железные дороги не просто повышают скорость транспортировки и вовлекают в товарооборот новые территории, но и делают возможным товарное производство скопропортирующихся грузов (М. Десай).

Технократический подход Р. Фогеля, однако, имеет и другие недостатки. Дело в том, что отказ от сознательного использования институционального подхода часто играет с клиометриками «фогелевского» направления злую шутку. Один из важнейших принципов институционализма, установка на комплексный подход, клиометриками не воспринимается, в результате чего их многочисленные яркие «находки» не всегда складываются в достоверную целостную картину.

В частности, среди причин Гражданской войны наиболее важную роль сыграл, видимо, геоэкономический фактор: различия между Севером и Югом угрожали целостности Соединенных Штатов как единого государства, а «парад суверенитетов» неминуемо понижает национальную экономическую эффективность. Поэтому признание эффективности экономики рабства совсем не обязательно связывать с «высокой моралью» американцев; отмена рабства, скорее, делает честь их умению соразмерять краткосрочные потери и долгосрочные выгоды. Однако такой интегральный, «политэкономический» подход в рамках собственно неоклассического «мэйнстрима» вряд ли возможен.

Самое главное, глубокое понимание института рабства в эпоху Нового времени возможно лишь путем взгляда на него «с высоты» — как на частный случай неотрадиционных экономических отношений. Клиометрики часто сравнивают американское рабство с рабством в других странах Америки, подчеркивая более гуманный характер американского рабовладения (только в Соединенных Штатах численность рабов устойчиво росла за счет естественного прироста). Однако комплексной теории временной регенерации в эпоху генезиса капитализма архаичных форм эксплуатации (включая «второе издание крепостничества» в Восточной Европе, «второе издание восточного деспотизма» в колониях) так пока и не создано.

Эта негативная особенность «фогелевской» новой экономической истории, использование экономико-математических методов *ad hoc* при отсутствии целостной теории, вполне сохранилась и даже усилилась в 1980–2000-е гг. Как указывает С.А. Ломова, «несмотря на то что клиометристы пересмотрели большое количество общепринятых концепций в экономической истории, они были не всегда удачливы в создании новых концептуальных и теоретических построений» (Ломова С.А., 1997, с. 129). Можно полностью согласиться с мнением, что «для новых историко-экономических теорий необходим сильный прорыв за пределы неоклассической теории» (Ломова С.А., 1997, с. 130), которая имманентно предназначена для изучения уже возникшего рыночного хозяйства, а не его генезиса и трансформации.

QWERTY-эффекты и path dependence

Открытие QWERTY-номики произошло довольно случайно. 22 года назад Пол Дэвид написал статью об истории клавиатуры печатных машинок⁷. В 1868 г. в США изобрели печатную машинку. Ее клавиши первоначально располагались в два ряда по порядку — от А до Z. Однако это вызвало ряд технических проблем. При печатании буквы «западали», задевая друг друга. Поэтому были предложены разные варианты. В середине 1870-х гг. Шоулз предложил в верхнем ряду такое расположение букв, которое служило рекламой его компании: QWERTY. Альтернативных вариантов было довольно много, и рядовому потребителю было безразлично, какое из расположений является наиболее эффективным. В 1888 г. было организовано соревнование различных пишущих машин в Цинциннати. Победил человек, который использовал раскладку QWERTY. Естественно, успех был отнесен за счет более рационального расположения клавиатуры. Однако на самом деле человек, который выступал за эту компанию, применил впервые в мире изобретенный метод «слепой печати». Естественно, что об этом не знали участники соревнований. В 1890 гг. происходит полная победа QWERTY-стандарта. Позднее Дворак предлагает иную клавиатуру, которую он запатентовал в 1936 г. Эксперименты, организованные им в 1944 г. показали, что клавиатура Дворака на 20–40% эффективнее QWERTY-стандарта. Однако это не привело к тому, что сотни миллионов людей, обучившихся QWERTY-клавиатуре, стали переучиваться. Пример с QWERTY отнюдь не одинок. До сих пор существует разная ширина колеи железных дорог: 1067 мм — «Капская колея», 1435 мм — «Европейская (Стефенсоновская) колея», 1520–1524 мм — «Русская колея». Любопытно отметить, что самой устойчивой является «Русская колея», однако не она доминирует в мире, а та, которая является менее устойчивой на поворотах. Другим примером являются левостороннее движение в Великобритании и ее сателлитах и правостороннее в других странах; различия в стандартах розеток; телевизионном оборотовании (550-линейный в США, 800-линейный в Европе) и др.

Поэтому под **QWERTY-эффектами** подразумевают все виды сравнительно неэффективных, но устойчиво сохраняющихся стандартов, которые демонстрируют, что «история имеет значение».

Существует два фактора, формирующие направление институциональных изменений:

- Возрастающая отдача (определяет значимость институтов).
- Несовершенство рынков, отличающихся значительными транзакционными издержками.

⁷ David, Paul A., 1985. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2.

Если обратная связь фрагментарна, а трансакционные издержки велики, то направление развития будет формироваться субъективными моделями игроков. Поскольку институциональная система любой экономики порождает как продуктивные, так и контрпродуктивные стимулы для организации, экономическая история страны представляет собой соединение разных тенденций развития.

Однако встречаются не только технические, но и институциональные QWERTY-эффекты: *civil law* в континентальных странах и *common law* в англосаксонских (Р. Ла Порте); «протестантский капитализм» в Северной Америке и «католический капитализм» в Южной Америке (Д. Норт).

Далеко не все однако согласились с доводами П. Дэвида⁸. Подробнее о ходе дискуссии можно прочесть в последнем выпуске «Истоков»⁹.

Если представители новой экономической истории занимаются «играми с прошлым», то *path dependence* (эффект колеи, или зависимость от траектории предшествующего развития), наоборот, показывает, как прошлое оказывает влияние на настоящее и будущее.

4.2. Старая и новая экономическая компаративистика: единство и различия

К началу XXI века в рамках экономической компаративистики сложилось 4 основных направления:

- ❖ ордолиберальное (ОЛ);
- ❖ сравнительный анализ экономических систем (САЭС);
- ❖ сравнительный институциональный анализ (СИА);
- ❖ теория регуляции (ТР).

Ордолиберальное направление было уже охарактеризовано в предыдущей главе, поэтому остановимся на трех новых направлениях, получивших широкое развитие с 70-х гг. XX века.

Основы *современного сравнительного анализа экономических систем* заложены в трудах двух научных коллективов: Т. Купманса — М. Монтаса¹⁰ и Э. Нойбергера — У. Даффи¹¹. Сторонники этого подхода обратили внимание на то, что разные экономические категории (цена, деньги, издержки) в разных экономических системах играют разную роль; что само понятие «экономическая система» довольно аморфно и что необходим поиск объективных критериев для их выделения. Однако любой критерий, по мнению этих авторов, неизбежно носит нормативный характер и имеет ценностную ориентацию.

Задача, которая была поставлена этими авторами, сводилась к разработке универсального языка для описания экономических систем, трактовке экономической системы в институциональном ключе (как правил, законов, обычаев и других процедур, регулирующих структуру системы), а также разработку специфических методов оценки системных качеств конкретных экономик. Такой подход (в отличие от подхода В. Ойкена) позволяет формировать типологию экономических систем на базе межсистемных сравнений.

Более молодым направлением является **сравнительный институциональный анализ**, который стал развиваться после работ Дугласа Норта (р. 1920). Сравнительный институциональный анализ во многом противоположен подходу, типичному для сравнительного анализа экономических систем. Он развивается в трудах А. Грейфа и М. Аоки¹². Если представители сравнительного анализа экономических систем пытаются идти от общего к частному, то Грейф и Аоки начинают с конкретной ситуации. Если первые пытаются сформировать типологию экономических систем, то вторые — акцентируют внимание на специфичности институтов, существовавших в данном конкретном обществе, подчеркивая, что, если их вырвать из конкретного исторического контекста, они могут дать иные результаты.

Стремление конкретизировать экономические системы, сделав их основой экономической политики, типично для *теории регуляции*. Представители этого направления пытаются сократить разрыв между абстрактной теорией общего равновесия и упрощенным марксизмом, с одной стороны, и конкретным экономическим анализом реальных проблем реальной экономики — с другой. В 1970–1990-е годы теория регуляции развивалась в трудах французских экономистов М. Аглиетты,

⁸ Liebowitz, S. J., Margolis, S. E. Path Dependence, Lock-In, and History // Journal of Law, Economics and Organization. Vol. 11. No. 1. April. 1995. P. 205–226.

⁹ Истоки: Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. С. 136–256.

¹⁰ Koopmans, T. and Montias, J. On the description and comparison of economic systems // Eckstein A. (Ed.) Comparison Economic Systems. Theoretical and Methodological Approaches. Berkeley, 1971; Montias, J.M. The Structure of Economic Systems. New Haven etc.: Yale University Press; Montias, J.M., Ben-Ner, A. and Neuberger, E. Comparative Economics. Chur: Harwood Academic 1994;

¹¹ Duffy, W. and Neuberger, E. Toward a decision-theoretic approach to the study of economic systems // Jahrbuch der Wirtschaft Osteuropas. 1972. Vol. 3. No. 1. P. 67–86; Neuberger, E. and Duffy, W. Comparative economic systems: A Decision-making approach. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1976; Neuberger, E. Comparing Economic Systems / in Comparative Economic Systems: models and cases (ed. by Bornstein M.) 7th ed.. Burr Ridge, Ill.: Irwin, 1994

¹² Greif, A. Microtheory and recent development in the study of economic institutions through economic history / in Advances in Economic Theory and Econometrics ed. by Kreps D.M. and Wallis K.F. Vol. 2 Cambridge University Press 1997, P. 79–113; Greif, A. Historical and comparative institutional analysis. American Economic Review. 1998, Vol. 88 No. 2, P 80–84; Aoki, M. Information, Corporate Governance and Institutional Diversity. Oxford: Oxford University Press. 2000; Aoki, M. Toward a Comparative and Institutional Analysis. Cambridge: MIT Press, 1991.

Р. Буайе, Ж. Д. де Берниса, Ж. Мистрала, А. Липеца, Ж. Сапира и др.¹³ Они исходят из того, что общую абстрактную неоклассическую теорию необходимо дополнить марксизмом и посткейнсианством. Это позволит дополнить неоклассический подход анализом специфических черт, которые учитывают время и место происходящего события, а также его институциональную форму. Они выступают за взаимное обогащение истории и теории экономики. С этой целью они стремятся создать иерархическую систему соподчиненных промежуточных понятий. Важную роль при этом занимает анализ законов-тенденций.

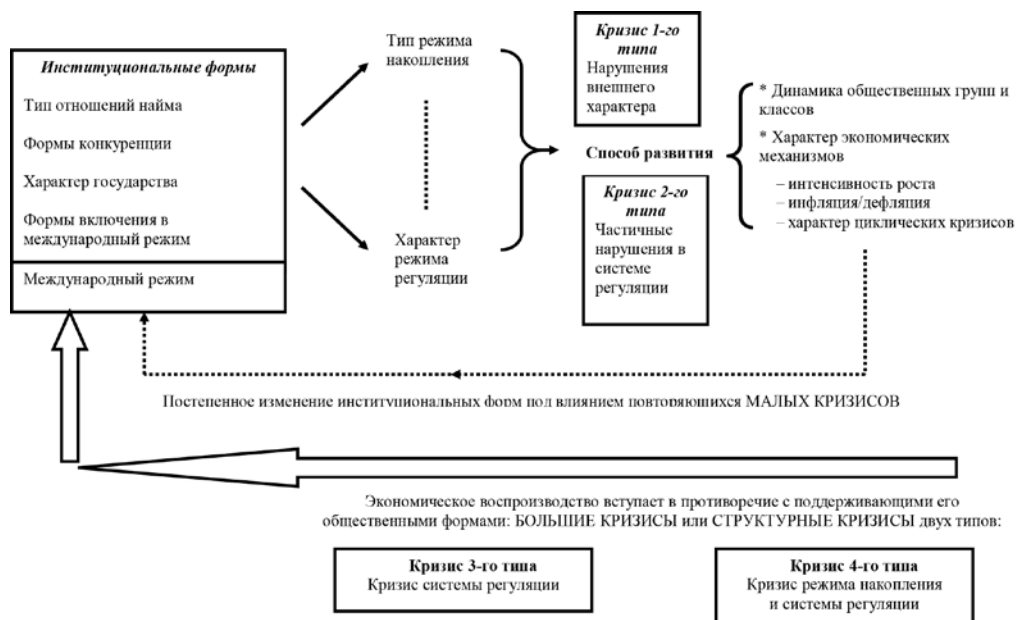

Рис. 4.2. Взаимосвязь различных категорий: институциональных форм, режима накопления, механизмов регуляции и кризисов
Источник: (Буайе Р., 1997, с. 192).

Исходным пунктом они берут заимствованные из марксизма различные способы производства и пытаются уточнить их с учетом времени и места. В этом соединении важнейшую роль играет понятие режима накопления, а также точной конфигурации институциональных форм (ограничения по деньгам, конфигурации отношений найма, формы конкуренции, способы присоединения к международному режиму и формы государства). Эти институциональные формы, по мысли сторонников теории регуляции, позволяют конкретизировать общую регуляцию и выявить определенные закономерности ее развития. Они считают, что бесполезно пытаться объяснить необходимость существования экономических институтов какой-либо одной причиной. Важно, считают они, четко различать происхождение и жизнеспособность экономического института. Последнее в значительной мере определяется тем, насколько институты взаимодополняют друг друга. Чтобы рынки были эффективными, полагают представители теории регуляции, им требуется весь набор институтов.

В центре внимания французских авторов оказался анализ различных кризисов (см. рис. 4-2). Постепенное изменение институциональных форм происходит, согласно Р. Буайе, под влиянием повторяющихся малых кризисов. Они бывают двух типов. Если кризис первого типа отражает нарушения внешнего характера, то кризис второго типа — частичное нарушение в системе регуляции. Малые кризисы рано или поздно приводят к большим (или структурным) кризисам, которые также бывают двух типов: кризис третьего типа является кризисом системы регуляции, а кризис четвертого типа приводит к кризису не только системы регуляции, но и всего режима накопления.

Анализ кризисов не означает полностью негативного отношения к существующей экономической системе. Сторонники теории регуляции считают, что существующая система еще не исчерпала своих возможностей, однако для ее успешного развития необходимо выявление и распространение новых организационных форм, а также более активное вмешательство государства в экономику.

¹³ Aglietta, M. Régulation et crises du capitalisme. Calmann-Lévy, Paris, 1e éd. 1976; 2e éd. 1982; Benassy, J.-P., Boyer, R., Gelpi, R.-M. Régulation des économies capitalistes et inflation // Revue économique. 1979. Vol. 30, No 3. Mai; Boyer, R. La crise actuelle: une mise en perspective historique. Quelques réflexions à partir d'une analyse du capitalisme français en longue période // Critiques de l'économie politique. 1979. No. 7/8. Avril-septembre.; Boyer, R. La théorie de la régulation. Une analyse critique. Éditions La Découverte, Paris. 1986; Boyer, R., Durand, J.P. L'Après-Fordisme. Syros, Paris. 1993; Boyer, R., Mistral, J. Accumulation, inflation, crises. PUF, Paris, 1e éd. 1978; 2e éd. 1983; Lipiets, A. Crise et inflation, pourquoi? Maspero, Paris. 1979; Sapir, J. Les fluctuations économiques en URSS, 1941–1985. Ed. de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris. 1989; Буайе Р. Теория регуляции: критический анализ. М.: РГГУ, 1997; Canup Ж. К экономической теории неоднородных систем: опыт исследования децентрализованной экономики. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2001.

В то же время теория регуляции не лишена и определенных недостатков. Отсутствие единого метода исследования приводит к тому, что до сих пор сохраняется различная трактовка даже такого базового понятия, каким является понятие регуляции. Под регуляцией понимается и «воспроизводство определенной структуры общества в целом», и «процесс взаимной адаптации производства и общественного спроса» (Aglietta M., 1976, 1982; Boyer R., 1979, p. 3–113), и «совокупность процессов, управляющих распределением факторов производства, их использованием и распределением доходов» (Benassy J.-P., Boyer R., Gelpi R.-M., 1979), и «процесс совмещения в соответствии с определенными правилами или нормами множества человеческих действий» (Lipietz A., 1979) и т.д. и т.п. Отсутствие единой методологии сказывается и на системе категорий. Отсюда описательность большинства экономических исследований и выборочность тем, которые подвергаются исследованию (фордизм, кризисы, инфляция). Создается впечатление, что, несмотря на прошедшие четверть века с появления первых работ по теории регуляции, процесс становления этой теории еще далеко не завершен.

Эти основные подходы к анализу экономических систем кратко суммированы в таблице 4.2. В данном учебнике экономической компаративистики за основу взят второй подход, дополненный третьим и четвертым.

Таблица 4.2

Логическая схема школ экономической компаративистики

Подходы \ Элементы	Происхождение элементарных (примитивных) терминов	Модель описания	Фаза интерпретации	Инструментально-аналитическая фаза
Ордолиберализм В. Ойкена (ОЛ)	Выделение путем изолирующей абстракции	Морфология экономических систем	Характеристика экономических порядков на базе морфологии	Конструирование и оценка экономических порядков
Сравнительный анализ экономических систем (САЭС)	Заимствование извне	Типология экономических систем	Фиксация типологической принадлежности национальных экономик	Оценка результатов функционирования
Сравнительный институциональный анализ (СИА)	Неявное неоклассическое	Интуитивное видение исторической ситуации	Теоретико-игровое моделирование исторической ситуации	Объяснение институционального разнообразия
Теория регуляции (ТР)	Неявное марксистское	Набор институциональных форм и режимов накопления	Характеристика национальных экономик в терминах институциональных форм	Диагностика национальных траекторий экономического развития

Составлено по: Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: Методологический анализ; Ин-т экономики. М.: 2005, с. 192.

Итак, как мы видим, предмет сравнительного анализа экономических систем сложился в процессе длительного исторического развития. Он является результатом более чем 300-летних поисков обществоведов различных стран и народов.

Основная цель курса экономической компаративистики — дать студентам глубокое и концептуальное понимание особенностей социально-экономических систем в их исторической динамике и географическом разнообразии. Этот курс уделяет особое внимание изучению доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных общественных систем, а также национальных моделей командной и смешанной экономики, их особенностей в различных странах.

4.3. Метод экономической компаративистики

Методы сбора данных

Развитие эмпирических методов исследования экономических процессов создало необходимые предпосылки для компаративистики. При изучении экономических процессов используются разнообразные методы сбора информации: национальная и международная статистика, анкетные опросы, интервью, контент-анализ, лабораторные эксперименты и т.д.

Анкетные опросы и интервью широко используются в качестве зондажа общественного мнения. Анкетный опрос не всегда обеспечивает надежность данных, поэтому часто используются различные виды интервью: стандартные выборочные, направленные (фокусированные) и специализированные. Особенностью направленного интервью является отсутствие заранее разработанного жесткого опросника. Объектом такого опросника являются представители особых групп — элит. Выявление их мнения позволяет построить правильные гипотезы о мотивах и значимости принятия тех или иных политических решений. В отличие от направленного интервью, которое дает инфор-

мацию об уникальных в своем роде респондентах, специализированное интервью адресовано прежде всего типичным представителям населения определенной социальной группы (пенсионерам, заключенным, рабочим-иммигрантам и т.д.). Характер аудитории определяет как специфический набор вопросов, так и форму их постановки¹⁴.

Метод контент-анализа основан на исследовании содержания документов и публичных выступлений, позволяющих сделать выводы о намерениях коммуникатора (политического деятеля, партии и т.д.) и эффектах его сообщений. Объектом анализа могут быть телевизионные каналы, периодические издания, публикации, протоколы комитетов собраний, выступления политических деятелей, письма и т.д. Как часто, например, упоминается то или иное понятие или явление (свобода, национализация, конфликт и т.д.) в передачах телеканала, публикациях газет, выступлениях конкретного политического лидера и т.д. В чем состоят качественные различия в освещении того или иного события в материалах центральных или региональных изданий и т.д.

В последние десятилетия все большее значение приобретают экспериментальные методы исследования. **Эксперимент** — это искусственное воспроизведение явления или процесса с целью изучения его в наиболее благоприятных условиях и дальнейшего практического изменения. Конечно, ученые, занимающиеся проблемой общественного выбора, не могут поставить лабораторные эксперименты. Однако возможно включение отдельных экспериментальных элементов в процесс исследования. Особенно это необходимо делать при подготовке новых реформ в сфере образования, социальной политики, пенсионного обеспечения.

Формально-логические методы и приемы познания

В экономической компаративистике широко применяются классические формально-логические методы и приемы познания. Анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение и аналогия. **Анализ** — это метод познания, состоящий в расчленении целого на составные части, **синтез** — метод, состоящий в соединении отдельных частей в единое целое. Будучи наипростейшим, метод анализа оказывается и наименее удовлетворительным. Это метод эмпиризма. Неправильно проведенный анализ может превратить конкретное в абстрактное, умертвить живое. Недостатки анализа в образовании понятий в какой-то мере снимаются синтезом. Однако ни анализ, ни синтез не раскрывают внутренние противоречия предмета и, следовательно, не отражают самодвижения, развития анализируемого объекта. Поэтому этот метафизический метод не в состоянии указать путь к нахождению начала исследования.

Аналогичными недостатками обладают и индукция с дедукцией. **Индукция** — это метод познания, основанный на умозаклключениях от частного (особенного) к общему; **дедукция** — метод, основанный на умозаклключениях от общего к частному (особенному). Слабость индукции в том, что она не может строго обосновать общее, так как исходит лишь из рассмотрения части совокупности. Недостаток дедукции в том, что она не может строго обосновать общую предпосылку.

Важную роль в формальной логике играет **сравнение** — метод, определяющий сходство или различие явлений и процессов. Он широко используется при систематизации и классификации понятий, так как позволяет соотнести неизвестное с известным, выразить новое через имеющиеся понятия и категории. При осуществлении сравнения возникают методологические проблемы: сопоставимости, эквивалентности, универсальности и интерпретации. Сравнение можно разделить на *case-study*, бинарное сравнение, региональное, межстрановое, глобальное. Все эти виды будут рассмотрены в курсе.

Однако роль сравнения в познании нельзя переоценивать. Оно, как правило, отражает лишь первые шаги исследования. В то же время сравнение готовит предпосылки для проведения аналогии.

Аналогия — это метод познания, основанный на переносе одного или ряда свойств с известного явления на неизвестное. В общей форме умозаклчение по аналогии записывается следующим образом. Если *A* и *B* имеют общие свойства и *A* имеет свойство *C*, то и *B* имеет свойство *C*. Аналогия — это частный случай индукции. Она играет важную роль в выдвижении предположений, получении нового знания. Многие открытия в политической экономии были сделаны по аналогии. Ф. Кенз, например, предложил плодотворную аналогию между кровообращением в человеческом организме и движением товарных и денежных потоков в организме социальном. Это позволило ему построить первую макроэкономическую модель воспроизводства. Изучение механического равновесия привело А. Курно к идее экономического равновесия. Аналогия, таким образом, играет важную роль в рождении новых идей и формулировке гипотез. Она существенно облегчает понимание сложных процессов, являясь основой научного моделирования. Нередко аналогия позволяет правильно поставить проблему, определив направление дальнейшего исследования.

Основные этапы моделирования

Распространение системных методов исследования сопровождалось бурным развитием экономико-математического моделирования и его применением в экономике и политологии. Экономико-математические модели получили широкое развитие и в теории общественного выбора.

¹⁴ Блестящее использование методов интервью см. Олейник А.Н. Тюремная субкультура России: От повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001.

Экономическая модель — это формализованное описание экономического процесса или явления, структура которого определяется как его объективными свойствами, так и субъективным целевым характером исследования.

Создание модели связано с потерей части информации (см. рис. 4.3). Это позволяет абстрагироваться от второстепенных явлений, сконцентрировать внимание на главных элементах системы и их взаимосвязи. Известные величины, вводимые в модель в готовом виде, называются *экзогенными*; величины, которые получаются в рамках модели при решении поставленной задачи, называются *эндогенными*. Связь модели с объективной экономической действительностью двояка: с одной стороны, модель отражает реальный мир, является его условным воспроизведением, а с другой — служит его преобразованию в соответствии с поставленными целями. Поэтому в процессе верификации модели происходит ее конкретизация и уточнение.

Рис. 4.3. Взаимосвязь модели и реального мира

Рассмотрим процесс моделирования более подробно. Процесс построения модели проходит ряд этапов (рис. 4.4). Анализ политического поведения, как правило, носит не сплошной, а выборочный характер. Поэтому на первом этапе происходит отбор наблюдений того процесса, который предстоит моделировать. Успех в поиске и постановке оригинальной проблемы зависит от многих факторов. В их числе не последнюю роль играют интуиция, личный опыт исследователя, а также удача.

Рис. 4.4. Процесс моделирования

Составлено по: Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М.: Весь Мир, 1997, с. 470.

Сформулированная гипотеза оформляется сначала в виде неформальной модели. **Неформальная модель** — это такая модель, в которой объясняющие и объясняемые переменные не определены еще достаточно строго. На этом этапе исследователь рассматривает разнообразные предпосылки и пытается понять, какие из них абсолютно необходимы, а какие носят относительно избыточный характер.

Начинающий исследователь обычно рассматривает уже имеющиеся в литературе модели и пытается выбрать из них ту, которая лучше всего отражает моделируемую ситуацию. Не следует, однако, забывать, что если сформулированная гипотеза несостоятельна, улучшить ее не смогут никакие математические модели. С годами исследователь набирается опыта и поэтому создает такую модель, которая более адекватно служит реализации поставленной цели.

Формальная модель — это такая модель, в которой все переменные определены математически строго. Она предполагает стандартный набор приемов, и ее возможные выводы поддаются прогнозу. Это не означает, что прогноз обязательно реализуется, однако цели, средства, инструменты исследования уже четко определены. Именно на этой стадии возможны многочисленные ошибки, так как перевод неформальной модели в формальную связан с потерей части информации и с неадекватным определением ее содержания в математическом аппарате. Сам математический аппарат предполагает определенные допущения, которые могут быть неадекватны неформальной модели (например, рациональность избирателя, постоянность его предпочтений и т.д.).

Этап математической обработки формальной модели включает в себя различный арсенал методов (логических, игровых, алгебраических, вероятностных и т.д.). Этот этап позволяет использовать одинаковые математические средства для решения различных политических и экономических ситуаций. Однако, с другой стороны, он часто позволяет сделать на основании стандартного математического аппарата нетривиальные выводы. Поэтому возникает проблема их адекватной интерпретации. Это заставляет сравнить их с теми наблюдениями, которые позволили сформулировать неформальную модель и уточнить или развить ее. Возможно, выборка была неадекватной, и наша неформальная модель оказалась «прыжком в заключение». Или, наоборот, мы можем расширить первоначальную гипотезу и сделать ее более общей теорией. Такого рода сравнения уточняют параметрическую оценку и подготавливают более строгую эмпирическую проверку, которая выступает завершающим шагом моделирования.

Эмпирическая проверка может завершиться созданием самостоятельной эконометрической модели. Однако эмпирическая проверка бывает нужна далеко не всегда. Исследование может завершиться созданием универсальной теоретической модели, которая сама по себе обладает определенной прогностической силой. В любом случае, модели, которые позволяют составить реальные прогнозы, пользуются большей популярностью среди политологов и экономистов. К сожалению, их число относительно невелико. Дело в том, что во многих политических процессах большую роль играет элемент случайности, который нередко сводит на нет хорошо составленные прогнозы.

Поэтому закономерно возникает вопрос о том, нужны ли модели вообще. Современная наука дает на него однозначно положительный ответ — нужны. Хотя, конечно, любое моделирование имеет свои достоинства и недостатки. Остановимся сначала на достоинствах.

Во-первых, модель, значительно упрощая действительность, помогает отделить главные черты от второстепенных, внутренние от внешних, постоянно повторяющиеся от случайных. *Во-вторых*, модель помогает формализовать происходящие в обществе события. Формализация приводит к значительному уточнению первоначальных эксплицитных представлений, типичных для обывденного сознания и неформальных моделей. *В-третьих*, модели позволяют более точно определить существующие закономерности, о которых мы могли догадываться и до создания модели, более строго определить структуру тех или иных явлений, временные лаги и т.д. Именно эта особенность математического моделирования позволяет составлять точные прогнозы. *В-четвертых*, моделирование позволяет установить существенные взаимосвязи более высокого уровня, увидеть черты общности у разнородных явлений. Это делает возможным использовать модели, созданные в компаративистике, в смежных областях, а модели, созданные в других областях знания, — в компаративистике. Это особенно заметно на примере эконометрических методов анализа.

Методы анализа экономических процессов

Все методы анализа экономических процессов можно разделить на две большие группы: количественные и качественные. К первой относятся статистический и эконометрический анализ, ко второй — различные гуманитарные методы. Первая группа основана, прежде всего, на позитивизме, вторая — на релятивизме.

В компаративистике доминируют методы анализа первой группы. В рамках нее выделяют различные виды моделей: одномерные, двумерные и многомерные. Простейшим видом модели является *модель с одной переменной*, которая позволяет ответить на простые вопросы типа: каков электорат данного кандидата, сколько избирателей проголосовало за ту или иную партию и т.д.

Более сложным видом является *двумерная (бинарная) модель*, которая позволяет связать несколько переменных. При этом возможны различные варианты. Чтобы их выяснить, обычно используется либо таблица взаимной сопряженности признаков, либо корреляционный анализ.

Корреляционный анализ показывает, как изменение значения одной переменной влияет на другую, каковы содержание и форма этой связи.

Множественный анализ позволяет построить регрессионные, интерактивные, путевые и многофакторные модели. *Регрессионные модели* помогают провести изолированный анализ влияния каждой независимой переменной и определить силу этого воздействия. *Интерактивная модель* позволяет исследовать цепочку взаимодействий. Как правило, эти цепочки бывают незавершенными, и тогда прибегают к *моделям путевого анализа (пат-анализа)*, который помогает построить цепь прямых и не прямых воздействий одной переменной на другую. *Многофакторный анализ* позволяет ответить на вопрос о зависимости нашей системы переменных от одного или ряда базовых факторов, скрытых от наблюдения.

Значительные успехи компаративистики связаны с применением эконометрических методов анализа. **Эконометрика** — это раздел экономики, занимающийся разработкой и применением статистических методов для измерения взаимосвязей между экономическими переменными. Наиболее широкое развитие в компаративистике получили такие эконометрические приемы, как модели структурных уравнений, анализ временного ряда и нелинейные оценки.

Модели структурных уравнений были заимствованы из статистики и получили развитие применительно к таким политическим ситуациям, которые предполагают, что все объясняющие переменные даны экзогенно, находятся за пределами самого эксперимента и имеют неслучайный характер.

Анализ временных рядов особенно важен при изучении процессов длительных во времени. **Временной ряд** — это набор показателей измерения переменных в различные моменты времени. Анализ изменения переменных во времени дополняется анализом переменных, изменяющихся в пространстве. **Пространственная выборка** — это набор показателей, измеряющих значение переменных для разных экономических единиц в данный момент времени.

В этих моделях широко используется эконометрический аппарат, поэтому кратко напомним некоторые базовые понятия.

Математическое ожидание дискретной случайной величины — это взвешенное среднее всех ее возможных значений (в качестве весового коэффициента берется вероятность соответствующего исхода):

$$E(x) = x_1 p_1 + x_2 p_2 + \dots + x_n p_n = \sum x_i p_i$$

Такой исход может быть как смещенным, так и несмещенным. **Несмещенность** — это когда математическое ожидание оценки равнолось соответствующей характеристике генеральной совокупности. **Смещенность** — это разница между математическим ожиданием и соответствующей теоретической характеристикой ген. совокупности.

Анализ эконометрических моделей предполагает доказательство их состоятельности (или не состоятельности). **Состоятельной** называется такая оценка, которая дает точное значение для большой выборки независимо от входящих в нее конкретных наблюдений.

Простейшим видом моделей является *модель парной линейной регрессии*:

$$y = \alpha + \beta x + u,$$

где:

x — объясняющая переменная;
 $\alpha + \beta x$ — неслучайная составляющая,
 u — случайный член.

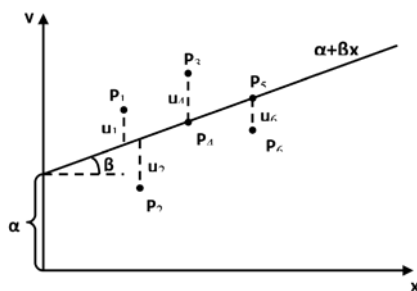

Рис. 4.5. Модель парной линейной регрессии

Ее графическое изображение показано на рис. 4.5. Построение такой линейной зависимости связано с использованием обычного метода наименьших квадратов — ОМНК (*ordinary least squares* — OLS).

Причинами существования случайного члена являются: неполный учет важнейших факторов (невключение в модель объясняющих переменных); чрезмерное агрегирование переменных; неправильное описание структуры модели; ошибочная функциональная спецификация; а также ошибки измерения. В 1980–90-е гг. быстро развивается класс моделей с нелинейными параметрами.

Взаимосвязь теории и практики

Любая научная деятельность включает в себя ряд основных аспектов. Эмпирическое исследование позволяет на базе конкретных данных построить рабочую гипотезу, которая благодаря ценностным установкам исследователя превращается в теорию. Теория позволяет не только понять данный эмпирический мир, но и предвидеть возможности его будущего развития. Таким образом, исследователь становится не просто наблюдателем, но и активным действующим лицом, способным в какой-то мере повлиять на развитие общества в определенном направлении. Эта взаимосвязь теории и практики удачно представлена в интегральной схеме социальных наук Дж. Гальтунга (см. рис. 4.6).

Рис. 4.6. Интегральная концепция социальных наук Гальтунга

Источник: Galtung, J. *Essays in Methodology*. Vol. I. *Methodology and Ideology*. Copenhagen, 1977, p. 41–71

Гальтунг рассматривает три аспекта научной деятельности: эмпиризм, критицизм и конструктивизм. Именно их взаимодействие и переход обеспечивают развитие науки. Они позволяют не только описать существующие явления и процессы, но и создать предпосылки для исправления и улучшения реальности. Как эти аспекты помогают понять экономические явления и процессы, мы покажем в следующих главах.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Занятие 4. Сравнение реального с виртуальным. Предмет и метод компаративистики.

«Экспериментальная» история: альтернативное и контрфактическое моделирование. Мысленные эксперименты А. Тойнби. «Игры с прошлым» в клиометрике. Р. Фогель об Америке без железных дорог.

Предмет и метод экономической компаративистики. Сравнительный анализ. Аналогия, индукция и дедукция. Системный метод. Модели и их виды.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 179–192, 233–245.
2. Fogel, R.W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. The Johns Hopkins Press, Baltimore, 1964. Ch. 1. P. 10–16.
3. Gregory, P., Stuart, R. Comparing Economic Systems in the Twenty-first Century. 2004. Houghton Mifflin. Ch. 1–2. P. 3–36.
4. Malita, M. A Model of Michael the Brave's Decision in 1595 // Mathematics in the Archaeological and Historical Science. Edinburg Univ. Press, 1971.

Дополнительная

1. Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. (Диалектика производительных сил и производственных отношений.) Душанбе, 1989. Гл. 3 (1), 4 (1), 5 (1). С. 63–77, 91–108, 133–152.
2. Савельева И.М. Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. Гл. 4, § 3. С. 434–465.
3. Crafts, N.F.R. Cliometrics, 1971–1986: A Survey // Journal of Applied Econometrics, 1987. No. 2, 171–192.
4. David, Paul A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2. (русс. пер. Дэвид Пол. Клио и экономическая теория QWERTY в кн.: Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса М.: ГУ-ВШЭ, 2006. С. 139–150)
5. Neal, L.A. Shocking View of Economic History // ЖЕН. 2000. № 2. Р. 317–334.

Web-ресурсы

5. Тойнби А. Постигание истории // <http://kulichki.rambler.ru/~gumilev/Toynbee/index.html>.
6. Goldin, C. Cliometrics and Nobel // NBER Working Paper. 1994 // <http://nberws.nber.org/papers/H0065>.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Какому направлению современных экономических теорий наиболее близки идеи экономической компаративистики? Почему?
2. Является ли экономический выбор осознанным или же он осуществляется случайным образом? Каково соотношение осознанных и случайных действий в осуществлении различных видов экономического выбора? Каковы границы выбора стратегии национального социально-экономического развития?
3. Являются ли потребности людей элементом производительных сил? Если нет, то почему? Если да, то к какому типу производительных сил они относятся?
4. Можно ли рассматривать современную экономику России как экономическую систему?
5. Приведите примеры использования аналогий, индукции и дедукции в исследованиях по экономической компаративистике на материалах социально-экономического развития общества XX в.
6. «Игра с нулевой суммой... представляет одну из древнейших форм мышления; ее можно обнаружить во всех примитивных обществах, и она целиком определяет крестьянское отношение к жизни» (Дуглас Д. Государство всеобщего благосостояния как игра с нулевой суммой // Цит. по: Новак М. Дух демократического капитализма. Минск, 1997. С. 137). Объясните смысл этого высказывания.
 - а) Что такое «игра с нулевой суммой»? Приведите примеры того, как ментальность «игры с нулевой суммой» проявлялась в хозяйственной жизни доиндустриальных обществ.
 - б) Насколько корректно такая ментальность отражала реалии доиндустриальных обществ?
 - в) Каковы ее положительные и отрицательные последствия?

ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНО?

МАМЕДОВ О.Ю.,

доктор экономических наук,

профессор,

Южный федеральный университет,

e-mail: terraeconomicus@mail.ru

В российской экономической науке особенно сильны сегодня позиции той группы исследователей, которая возлагает повышенные надежды на государственное регулирование экономики страны.

Эта гипертрофированная любовь к огосударствлению экономических процессов пронесена ими через все десятилетия советской и постсоветской хозяйственной практики. И никакие разъяснения пагубности тотальной этатизации экономической и общественной жизни, невозможности из-за этого создания гражданского общества, неизбежности из-за этого коррупции и всепущия чиновничества, технического и иного отставания не в состоянии поколебать кредо стойких приверженцев отжившего.

Для таких «гиперэтатистов» всякое лыко — в строку! Будучи по своему социальному статусу «госслужащими», эта группа исследователей обожествляет питающую их «государственную руку» (имя которой — бюджет), явно снисходительную к их многочисленным слабостям. И не собираются ее менять на невидимую руку рынка, еще неизвестную в своих щедротах, но известную своей требовательностью к тем исследователям, кого питает. Впрочем, не очень понятно, почему их именуют «исследователями», поскольку ими уже найдена абсолютная истина и все свои усилия они без остатка отдают не столько поиску новых истин, сколько шумной и напористой защите аргументов в пользу безграничности всепущия государства.

Не угасла эта неистовая любовь к государству и сегодня, в период кризиса мировой и отечественной экономики, скорее, напротив, — она только еще более окрепла. Между тем различные факты со всех сторон свидетельствуют — там, где доминирует государственное регулирование экономики, порой просто опасно жить.

Любопытные факты относительно последствий государственного регулирования заработной платы в сфере здравоохранения приводит британский «Journal of Political Economy», публикуя статью под названием — «Регулирование заработной платы может быть смертельным?»¹⁵

Результаты специального исследования, представленные в данном журнале, обнаружили, что правительственное регулирование платы медицинских сестер приводит к более высоким показателям смертности в британских больницах.

Ситуация объясняется следующим образом. В Англии существует «Национальная служба здравоохранения» (*UK NHS*), которая несет прямую ответственность за большую часть национального здравоохранения и, в том числе, устанавливает заработную плату для медсестер и других работников здравоохранения в национальном масштабе. Эта отрегулированная заработная плата является чрезвычайно плоской по всей стране, несмотря на то что заработная плата для медицинских рабочих мест в частном секторе здравоохранения довольно существенно варьируется от региона к региону.

Исследование показало, что на территориях, где заработная плата частного сектора здравоохранения опережала заработную плату в общественном секторе здравоохранения, показатели смертности жертв сердечного приступа в этом общественном секторе оказывались в чрезвычайных случаях выше. Другими словами, исследование зафиксировало: в тех местах, где плата частного сектора выше, чем в больницах *NHS*, там «трудно привлечь и сохранить квалифицированных медицинских работников (в общественном секторе), и это приводит к более низкому качественному обслуживанию», пишут авторы исследования — *Carol Propper* (Университет Бристоля) и *John Van Reenen* (Центр экономических исследований Лондонской Школы Экономики). **В среднем, 10-процентное увеличение заработной платы в частном секторе связано с 7-процентным увеличением показателей смертности от сердечного приступа в общественном секторе**, как это обнаружило исследование (исследователи использовали данные с 1997 до 2006 г. по контингенту больных 209 стационарных больниц по всей Англии).

¹⁵ *Propper, Carol and Van Reenen, John. Can wage regulation be deadly? // Journal of Political Economy. 2010. 12 мая // <http://www.physorg.com/news192900139.html>.*

Исследователи полагают, что самые квалифицированные медсестры в высокооплачиваемых областях покинули больницы *NHS*, чтобы работать в тех секторах здравоохранения, в которых заработная плата не отрегулирована (например, в многопрофильных учреждениях английского здравоохранения, которые именуются «частными санаториями»). В результате уровень эффективности в частном секторе здравоохранения значительно выше там, где выше и заработная плата.

Общие выводы авторов таковы: «Рынки здравоохранения, которыми публично управляют, были бы эффективнее, если бы удалось расслабить регулирующие системы и позволить местной заработной плате отражать местные условия, так, как это делается в частном секторе... Согласно нашему анализу, такая отмена государственного контроля привела бы к более высокому качественному коммунальному обслуживанию и меньшему числу смертельных случаев».

На языке экономической теории результаты данного исследования свидетельствуют только об одном — эффективность общественного сектора экономики также обеспечивается реализацией принципов рыночного регулирования. И в умении рыночно управлять нерыночным сектором и состоит искусство современного макроэкономического менеджмента.

ОБ ЭКОНОМИСТАХ, И НЕ ТОЛЬКО (из коллекции афоризмов Дж. Мэйнстринга)

Малоизвестный, но достаточно популярный ранний американский институционалист Дж. Мэйнстринг увлекался сбором афоризмов своих коллег и современников. Публикуемые (впервые на русском языке) ниже афоризмы были обнаружены в черновиках Дж. Мэйнстринга сотрудниками Института региональных, экономических и институциональных проблем Южной Аризоны. Поскольку Мэйнстринг обычно не указывал источник афоризмов, то читатели могут попытаться сами определить авторство. Во всяком случае, Митчелл Розенблум (последователь Дж. Мэйнстринга) часто на семинарах развлекал этим студентов.

Пер. с англ.

Анфима КАНДОПОЖСКОГО

Экономист похож на хирурга с острым скальпелем и тупым ланцетом: прекрасно препарирует минувшее, но мучает настоящее!

❖ ❖ ❖

Роль правительства в экономике может быть выражена всего в трех фразах:

- 1) если нечто движется, — обложить налогом,
- 2) если оно и после этого продолжает двигаться, — перейти к регулированию им,
- 3) и только если остановится, тогда — субсидировать!

❖ ❖ ❖

Экономист — это человек, утверждающий очевидное с позиций непонятного.

❖ ❖ ❖

Экономист похож на человека, который теоретически знает сто способов, как заниматься любовью, но на практике так и не познал ни одной женщины!

❖ ❖ ❖

Если бы Бог хотел, чтобы было больше, чем два фактора производства, то он сделал бы так, чтобы нам было легче рисовать трехмерные диаграммы.

❖ ❖ ❖

Инфляция — это когда вы платите пятнадцать долларов за десятидолларовую стрижку поревших волос, хотя раньше вам стригли шевелюру за пять долларов!

❖ ❖ ❖

Бюджет говорит нам, что мы не можем себе многое позволить, но это не мешает нам покупать желаемое.

❖ ❖ ❖

Экономист — это специалист, который завтра будет знать, почему то, что он предсказал вчера, не произошло сегодня.

❖ ❖ ❖

Патриот должен быть всегда готов защищать свою страну от ее правительства!

❖ ❖ ❖

Рост ради роста является идеологией «раковой клетки»!

❖ ❖ ❖

В чем разница между шлюхой и конгрессменом? — Конгрессмен зарабатывает больше!

❖ ❖ ❖

Пустой человек всегда полон самим собой.

❖ ❖ ❖

Когда лучшим другом человека является его собака, то и проблемы у него собачьи!

❖ ❖ ❖

Жители Нью-Йорка любят похвастаться, что если вы выживете в Нью-Йорке, то сможете выжить в любом другом месте, — но если вы можете выжить в любом месте, то зачем тогда жить в Нью-Йорке?

❖ ❖ ❖

Женщины лучше мужчин, в противном случае они были бы невыносимыми.

❖ ❖ ❖

Анархизм основан на наблюдении, что слишком мало людей, способных управлять собою, но еще меньше тех, кто мог бы управлять другими.

❖ ❖ ❖

Власть всегда опасна: сила привлекает худших и развращает лучших.

❖ ❖ ❖

Вера в сверхъестественное отражает недостаток воображения.

❖ ❖ ❖

Достижение высшей степени безобразия может быть результатом лишь особых усилий.

❖ ❖ ❖

Жизнь уходит... на жизнь.

❖ ❖ ❖

Ничто не путешествует быстрее, чем скорость света — за исключением плохих новостей.

❖ ❖ ❖

Если вы хотите рассмешить Бога, расскажите ему о своих планах на будущее.

❖ ❖ ❖

Не все химические вещества плохи — без таких, как водород и кислород, нельзя было бы сделать воду — жизненно важный компонент пива.

❖ ❖ ❖

Когда возникает проблема и все выглядит плохо, всегда есть один человек, который принимает решение и берет на себя командование. Обычно это — сумасшедший.

❖ ❖ ❖

Ученые утверждают, что самое быстрое животное на земле, летящее с максимально возможной скоростью (120 метров в секунду), — это корова, выпавшая из вертолета.

❖ ❖ ❖

Он был настолько стар, что, когда заказывал крутое яйцо, его просили оплатить вперед.

❖ ❖ ❖

Они, наконец, придумали идеальный офисный компьютер — когда он делает ошибку, то обвиняет в этом другой компьютер.

❖ ❖ ❖

Мой врач недавно сказал, что бег может добавить годы к моей жизни. Я думаю, что он был прав — я уже чувствую себя на десять лет старше.

❖ ❖ ❖

Вы можете привести человека в Конгресс, но вы не можете заставить его думать.

❖ ❖ ❖

Ваш брак в беде, если ваша жена говорит: «Вы заинтересованы только в одном, но вы не можете вспомнить, что это такое».

❖ ❖ ❖

Если эволюция действительно работает, то почему у матери только две руки?

❖ ❖ ❖

Всегда приходите на похороны других людей, иначе никто не придет на ваши.

❖ ❖ ❖

Половина лжи, которую говорят обо мне, не соответствует действительности.

❖ ❖ ❖

Совет — это наименьшая из находящихся в обращении монет.

❖ ❖ ❖

Для чтения этой книги ее обложки слишком далеко отстоят друг от друга.

❖ ❖ ❖

Что такое «знакомство»? Это человек, которого мы знаем достаточно хорошо для того, чтобы у него одолжить, но еще не достаточно хорошо, чтобы ему одолжить.

❖ ❖ ❖

Восхищение — это наше вежливое признание того, что чужой похож на нас.

❖ ❖ ❖

Бедствия бывают двух видов: наши несчастья и счастье других.

❖ ❖ ❖

Корпорация: гениальное устройство для получения прибыли без личной ответственности.

❖ ❖ ❖

Консерватор — государственный деятель, который влюблен в существующее зло, в отличие от либерала, который хотел бы заменить его другим.

❖ ❖ ❖

Вера — согласие без доказательств с тем, что сказал тот, кто говорит без знаний.

«EDITORIAL»

Mamedov O.Yu. Corruption, commercialization and bureaucratization in American universities 5

«CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY»

Kirdina S.G., Rubinshtein A.Ya., Tolmacheva I.V. Certain quantitative assessments
of institutional changes: examining Russian legislation. 8

Malkina M.Yu. State corporations as an institutional phenomenon of Russian economy. 23

Naimushin V.G. Advancement of science as the key factor of conversion to innovation economy . . 32

Arkhipov A.V. Russian roads quality as illustration of bureaucracy effectiveness 36

«PROBLEMS OF MODERN EDUCATION»

Osipian A.L. Corruption in Russia's Doctoral Education 48

Latova N.V., Latov Yu.V. Methodology of institutional analysis of social inequality
in access to andragogical education 64

Leontieva E.O. Gift or corruption? Investigation of why it's hard to be a grateful person
in Russian HEI 82

Rimskiy V.L. Is system of higher education contributes to spreading of corruption in Russia? 91

Galitzkiy E.B., Levin M.I. White and black: how much does it cost to be a student? 103

Groshev I.L., Grosheva I.A. Key factors of corruption in Russian education system 113

Milyaeva L.G., Borisova O.V. Parallel market for services in higher professional education
(tests for sale) 122

«REVIVING WHOLENESS OF SOCIAL SCIENCES»

Davydenko V.A., Romashkin G.S. Factor structure of personal and institutional trust
characteristics in modern Russia (empirical analysis practices) 134

«THE OPEN AUDIENCE»

Nureev R.M. The old economic comparativistics and the new one. Subject and method
of comparativistics 143

«NOTA BENE»

Mamedov O.Yu. Does transferring of health care into state ownership imply mortal danger? 155

«HE IS THE ONE»

Meinstring J. About economists and someone else 157

Научно-аналитическое издание

TERRA ECONOMICUS

**Экономический вестник
Ростовского государственного университета**

2010

Том 8

Номер 3

Сдано в набор 27.08.2010. Подписано в печать 15.09.2010.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура AficinaSerif.
Печать офсетная. Усл. п. л. 18.60. Уч.-изд. л. 12,74.
Тираж 558 экз. Заказ № С. 160.

Издательство «Наука-Спектр».
344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, 90, к. 8.
Т. 8(863)269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии